

ОРК

М608_и

I-XX

2400843

Миронов

История

второй

русской революции
т. I.

Выпуск I.

Противоположная революция

3X 9/97/ ЯХ60 9/01 19608

П. Н. МИЛЮКОВЪ

3038/1 1941.1

ИСТОРИЯ

ВТОРОЙ

РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

03529

АРХИВ

томъ первый

выпускъ первый

lib 54

ПРОТИВОРѢЧІЯ РЕВОЛЮЦИИ

012033

КНИГОХРАНИЛИЩЕ

ОБЛ. БИБЛИОТЕКИ

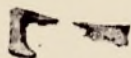
г. СЪЕРДЛОВСК

РОССІЙСКО-БОЛГАРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

СОФІЯ — 1921

3038/1

9 : 323.2 (47) "1917"

ФОНД
РЕДКИХ КНИГ

200843

ПРИДВОРНАЯ ТИПОГРАФИЯ, АКЦИОНЕРН. О-ВО
СОФИЯ — 1921

Свердловская
обл. универсальная
научная библиотека
им. В. Г. Белинского

Предисловіе.

Первый томъ „Исторіи второй русской революціи“ написанъ очень скоро послѣ описываемыхъ въ немъ событій. Авторъ началъ работать надъ нимъ вскорѣ послѣ октябрьской революціи, заставившей его покинуть Петроградъ, въ концѣ ноября 1917 г., въ Ростовѣ на Дону. Первые три выпуска первого тома были закончены въ августѣ 1918 г., передъ переѣздомъ автора въ Кіевъ. Въ Кіевѣ пересмотрѣна и дополнена глава о Корниловскомъ движеніи, на основаніи данныхъ, сообщенныхъ А. Ф. Керенскимъ, въ его показаніи о „Дѣлѣ Корнилова“. Изъ двухъ главъ четвертаго выпуска одна (международная борьба за миръ) была первоначально написана для невышедшаго въ свѣтъ очереднаго „Ежегодника“ газеты „Рѣчь“; она пересмотрѣна и дополнена для изданія уже во время пребыванія автора въ Лондонѣ. Другая глава — о распадѣ власти — написана въ Кіевѣ лѣтомъ 1918 года. Предполагалось, что всѣ четыре выпуска тогда же появятся въ свѣтъ въ Кіевѣ, въ издательствѣ „Лѣтопись“. Но, издательство успѣло отпечатать лишь первый выпускъ безъ конца, когда (декабрь 1918 г.) Кіевъ былъ занятъ Петлюровскими войсками и типографія подверглась разгрому. Конецъ набора перваго выпуска и остальная рукопись были уничтожены Петлюровцами, и изданіе остановилось. Только уже осенью 1920 г. авторъ получилъ отъ издателя, переѣхавшаго въ Софію, сохраненную имъ копію рукописи, съ пробѣлами, пополненіе которыхъ въ Лондонѣ оказалось невозможнымъ. Лишь въ декабрѣ 1920 г. авторъ получилъ доступъ къ обширной коллекціи русскихъ періодическихъ изданій, хранящейся въ Musée de la guerre въ Парижѣ. При помощи этого матеріала пропуски возстановлены и полный текстъ „Исторіи“ приготовленъ къ печати.

Авторъ назвалъ свой трудъ „Исторіей“, хотя онъ хорошо сознаетъ, что для исторіи революціи въ строгомъ смыслѣ время не скоро настанетъ.

Выбирая это заглавіе, онъ хотѣлъ лишь сказать, что его цѣль въ этой книгѣ идетъ дальше личныхъ „Воспоминаній“.

Для воспоминаній, предназначенныхъ для немедленнаго опубликованія, время также не наступило. Дѣйствующія лица описываемой эпохи еще не сошли со сцены, вызванные ихъ дѣятельностью чувства еще далеко не улеглись, ихъ интимные мотивы не сдѣлались достояніемъ гласности. При этихъ условіяхъ, вводить читателя въ интимную атмосферу событій, доступную только для ихъ непосредственнаго участника, показалось бы и нескромно, и чрезмерно субъективно.

„Исторія“ ставитъ себѣ иную задачу, чѣмъ „Мемуары“. Она принципиально отказывается отъ субъективнаго освѣщенія и заставляетъ говорить факты. Факты подлежатъ объективной проверкѣ, и поскольку они вѣрны, по столько же бесспорны и вытекающіе изъ нихъ выводы. Историкъ по профессіи, авторъ не хотѣлъ и не могъ подгонять факты къ выводамъ; наоборотъ, онъ принималъ выводы изъ фактовъ, какъ нѣчто бесспорное, хотя бы эти выводы и противорѣчили настроенію того момента, когда переживались событія и писалась „Исторія“.

Другой вопросъ, насколько самые факты извѣстны и насколько они собраны съ надлежащей полнотой, чтобы позволить опредѣленные выводы. Не можетъ быть сомнѣнія, конечно, что дальнѣйшее накопленіе и изученіе фактовъ оставить далеко позади предлагаемый первый опытъ ихъ предварительной установки. Но авторъ льститъ себя надеждой, что при этомъ не очень измѣнятся намѣчаемые имъ выводы. Сравнительно съ своими преемниками онъ находится въ выгодномъ положеніи непосредственнаго наблюдателя и свидѣтеля событій. Онъ знаетъ о нихъ часто больше, чѣмъ говорятъ извѣстные до сихъ поръ факты, и въ самой группировкѣ фактовъ уже даетъ извѣстный комментарий къ событіямъ.

Вообще, фактическое изложеніе не составляетъ главной задачи автора. Читатель не найдетъ въ этой „Исторіи“ описанія памятныхъ ему, быть можетъ, „великихъ дней“ революціи. . . Онъ найдетъ здѣсь не столько картины и краски, сколько руководящія линіи, основные штрихи рисунка. Анализъ событій съ точки зрѣнія опредѣленнаго пониманія ихъ былъ той основной цѣлью, которая собственно и побудила автора взяться за составленіе „Исторіи“. Изъ разсказа, несомнѣнно, вытекалъ опредѣленный политическій выводъ.

Такъ же ли безспоренъ этотъ выводъ, какъ положенное въ его основу фактическое описаніе? Три года, истекшіе со времени описанныхъ событій уже даютъ возможность нѣкоторой провѣрки. На первый взглядъ можетъ казаться, что „Исторія“ этой провѣрки не выдержала. Тотъ же уголь зрѣнія, подъ которымъ произведенъ въ ней анализъ событій 1917 года, перенесенный на событія 1918 — 1920 годовъ, оказался бы, несомнѣнно, невѣрнымъ и одностороннимъ. „Исторія“ прослѣдила послѣдствія коренныхъ ошибокъ тактики, сдѣланныхъ господствовавшими за этотъ промежутокъ умѣренными социалистическими партіями. Болѣе правыя теченія, смѣнившія ихъ въ періодъ гражданской войны, несомнѣнно, руководились уроками неудачъ 1917 года. И, тѣмъ не менѣе, ихъ тактика, выведенная изъ этихъ уроковъ, кончилась, въ свою очередь, катастрофой конца 1920 года. Самъ собой возникаетъ вопросъ: не являются ли выводы изъ ошибокъ 1917 года невѣрными и односторонними, если даже и противники этихъ ошибокъ, принявшіе ихъ во вниманіе, не спаслись отъ провала?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ довольно простъ. Въ 1918 — 1920 г. г. не только были избѣгнуты ошибки 1917 года, ошибки нашего лѣваго „интеллигентскаго“ максимализма. Были сдѣланы новыя ошибки, противоположныя прежнимъ, — ошибки *праваго* максимализма. Указать на первыя — вовсе не значитъ рекомендовать вторыя. Такимъ образомъ, событія 1918 — 1920, приведшія къ неудачѣ антибольшевистской военной борьбы, не могутъ служить доказательствомъ намъ. Анализъ событій 1917 г., сводящихся къ неудачѣ социалистической революціонной тактики, былъ невѣренъ.

Это — просто два разные круга явленій, къ объясненію которыхъ должны быть приложены и двѣ разныя мѣрки. Во второмъ томѣ „Исторіи“, когда онъ будетъ написанъ, читатель встрѣтится съ анализомъ ошибокъ праваго максимализма, который, однако, вовсе не будетъ исходить изъ предположенія, что ошибки лѣваго максимализма были указаны неправильно.

Одинъ выводъ, однако, несомнѣнно вытекаетъ изъ сопоставленія однихъ ошибокъ съ другими. Если ясное представленіе о старыхъ ошибкахъ не помѣшало людямъ, которые ихъ прекрасно видѣли, впасть въ новыя ошибки противоположнаго характера, то это, очевидно, должно побудить ихъ относиться вообще нѣсколько скромнѣе къ чужимъ ошибкамъ. Приходится, вообще, внести нѣкоторую поправку въ наше представленіе о предѣлахъ возмож-

ности для индивидуальной человеческой воли управлять такими массовыми явлениями, как народная революция. Мы указали в концѣ первой главы (стр. 34), что будущій историкъ отнесется къ волевому элементу революціи иначе, чѣмъ современный историческій дѣятель. На правахъ послѣдняго мы отмѣчали ошибки буржуазныхъ вождей „революціонной демократіи“ въ первомъ томѣ „Исторіи“. Мы отмѣтимъ съ такимъ же правомъ ошибки нашихъ военныхъ вождей и ихъ правительствъ во второмъ томѣ. Но уже вступаетъ въ силу, съ завершеніемъ того и другого цикла событій, право „будущаго историка“ искать объективныхъ причинъ тѣхъ и другихъ „ошибокъ“ и показать, почему, при данныхъ обстоятельствахъ, тѣ и другія оказались неизбежны.

Еще другая поправка вытекаетъ изъ вывода, что революціонный процессъ вышелъ болѣе стихійнымъ и менѣе сознательнымъ, чѣмъ хотѣлось бы непосредственнымъ дѣятелямъ революціонной эпохи. Если роль вождей въ событіяхъ оказывается менѣе активной, то за то должно быть сильно исправлено и ходячее представление о пассивной роли инертной массы. Масса русскаго населенія, казалось, дѣйствительно только *терпѣла*. Въ первой главѣ мы указали на причины этой пассивности, заложенныя въ нашемъ прошломъ. Но, обозрѣвая теперь весь процессъ въ его разныхъ фазисахъ, мы начинаемъ приходить къ выводу, что терпѣніе массъ, все-же, не было вполне пассивнымъ. Массы принимали отъ революціи то, что соотвѣтствовало ихъ желаніямъ, но тотчасъ же противопоставляли желѣзную стѣну пассивнаго сопротивленія, какъ только начинали подозрѣвать, что событія клонятся не въ сторону ихъ интересовъ. Отойдя на извѣстное разстояніе отъ событій, мы только теперь начинаемъ разбирать, пока еще въ неясныхъ очертаніяхъ, что въ этомъ поведеніи массъ, инертныхъ, невѣжественныхъ, забитыхъ, сказала коллективная народная мудрость. Пусть Россія разорена, отброшена изъ двадцатаго столѣтія въ семнадцатое, пусть разрушена промышленность, торговля, городская жизнь, высшая и средняя культура. Когда мы будемъ подводить активъ и пассивъ громаднаго переворота, черезъ который мы проходимъ, мы, весьма вѣроятно, увидимъ то же, что показало изученіе великой французской революціи. Разрушились цѣлые классы, оборвалась традиція культурнаго слоя,—но народъ перешелъ въ новую жизнь, обогащенный запасомъ новаго опыта и рѣшившій для себя безповоротно свой главный жизненный вопросъ :

вопросъ о землѣ. Если изъ мрака небытія, въ которомъ мы погребены подъ обломками великихъ руинъ, намъ удастся зафиксировать эту свѣтлую точку вдали, то это соображеніе поможетъ излечить самый упорный пессимизмъ, и, быть можетъ, внушить отчаявшимся и тонущимъ, какихъ теперь такъ много, — желаніе жить дальше, чтобы работать для родного народа на новомъ пути, избранномъ имъ самимъ.

Лондонъ. 27 декабря 1920.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

**ЧЕТВЕРТАЯ ГОС. ДУМА НИЗЛАГАЕТЪ
МОНАРХІЮ. (27 ФЕВРАЛЯ — 2 МАРТА).**

I. Корни второй революціи.

Корни въ историческомъ прошломъ.—Слабость государственности.—Слабость
соціальныхъ прослоекъ. — Максимализмъ интеллигенціи. — Незаконченность
культурнаго типа.— Неподготовленность массъ. — Упорство стараго режима.
— Неискренность его уступокъ.

Съ чего начинать исторію второй революціи? Тотъ, кто будетъ писать философію русской революціи, долженъ будетъ, конечно, искать ея корней глубоко въ прошломъ, въ исторіи русской культуры. Ибо, при всемъ ультра-модерномъ содержаніи выставленныхъ въ этой революціи программъ, этикетокъ и лозунговъ дѣйствительность русской революціи вскрыла ея тѣсную и неразрывную связь со всѣмъ русскимъ прошлымъ. Какъ могучій геологическій переворотъ шутя сбрасываетъ тонкій покровъ позднѣйшихъ культурныхъ наслоеній и выноситъ на поверхность давно покрытые ими пласты, напоминающіе о сѣдой старинѣ, о давно минувшихъ эпохахъ исторіи земли, такъ русская революція обнажила передъ нами всю нашу историческую структуру, лишь слабо прикрытую поверхностнымъ слоемъ недавнихъ культурныхъ пріобрѣтеній. Изученіе русской исторіи пріобрѣтаетъ въ наши дни новый своеобразный интересъ, ибо по соціальнымъ и культурнымъ пластамъ, оказавшимся на поверхности русскаго переворота, внимательный наблюдатель можетъ наглядно прослѣдить исторію нашего прошлаго. То, что поражаетъ въ современныхъ событіяхъ посторонняго зрителя, что впервые является для него разгадкой вѣкового молчанія „сфинкса“, русскаго народа, то давно было извѣстно соціологу и изслѣдователю русской исторической эволюціи. Ленинъ и Троцкій для него возглавляютъ движеніе, гораздо болѣе близкое къ Пугачеву, къ Разину, къ Болотникову. — къ 18-му и 17-му вѣкамъ нашей исторіи, — чѣмъ къ послѣднимъ словамъ европейскаго анархо-синдикализма.

Въ самомъ дѣлѣ, основная черта, проявленная нашимъ рево-

люціоннымъ процессомъ, составляющая и основную причину его печальнаго исхода, есть слабость русской государственности и преобладаніе въ странѣ безгосударственныхъ и анархическихъ элементовъ. Но развѣ не является эта черта неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого хода историческаго процесса, въ которомъ пришедшая извнѣ государственность постоянно, при Рюрикѣ, какъ и при Петрѣ Великомъ, какъ и въ нашемъ „имперіализмѣ“ XIX и XX вѣка, — опережала внутренній органическій ростъ государственности? А другая характерная черта, — слабость верхнихъ социальныхъ слоевъ, такъ легко уступившихъ мѣсто, а потомъ и отброшенныхъ въ сторону народнымъ потокомъ? Развѣ не вытекаетъ эта слабость изъ всей исторіи нашего „первенствующаго сословія“, созданнаго властью для государственныхъ нуждъ, какъ это практиковалось въ деспотіяхъ востока, и сохранившаго до самаго послѣдняго момента черты стараго „служилаго“ класса? Развѣ не связанъ съ этимъ прошлымъ, перешедшимъ въ настоящее, и традиціонный взглядъ русскаго крестьянства на землю, сохранившую въ самомъ названіи „помѣщичьей“ память о своемъ историческомъ предназначеніи? А полное почти отсутствіе „буржуазіи“ въ истинномъ смыслѣ этого слова, ея политическое безсиліе, при всемъ широкомъ примѣненіи революціонной клички „буржуй“ ко всякому, кто носитъ крахмальный воротничекъ и ходитъ въ котелкѣ? Не напоминаетъ ли оно намъ о глубокой разницѣ въ исторіи всей борьбы за политическую свободу между нами и европейскимъ западомъ, о громадномъ хронологическомъ разстояніи между началомъ этой борьбы тамъ и у насъ, о неизбѣжномъ послѣдствіи этой разницы, — о сліяніи у насъ политическаго переворота съ социальнымъ, а въ социальномъ переворотѣ — о смѣшеніи борьбы противъ непрочно сложившагося и быстро разрушившагося крѣпостничества съ борьбой противъ совсѣмъ не успѣвшаго сложиться „капитализма“? Читайте исторію французской революціи Тэнэ, — и вы увидите, какъ до мелочей повторяется съ употребленіемъ лозунга „буржуазіи“ въ нашей революціи все то, что въ гражданской войнѣ великой революціи примѣнялось къ „дворянству“. Переименнъ у насъ, конечно, только лозунгъ; содержаніе гражданской войны осталось то же. Да и какъ могло быть иначе, когда и развитіе русской промышленности, и развитіе городовъ явилось, въ сколько-нибудь серьезныхъ размѣрахъ, плодомъ послѣднихъ десятилѣтій, и когда еще 30 лѣтъ назадъ серьезные писатели глу-

бокомысленно обсуждали вопросъ о томъ, не можетъ-ли Россія вообще миновать „стадію капитализма“? Тѣсно связана съ двумя отмѣченными чертами, слабостью русской государственности и съ примитивностью русской соціальной структуры, и третья характерная черта нашего революціоннаго процесса, идейная безпомощность и утопичность стремленій, „максимализмъ“ русской интеллигенціи. Когда-то я взялъ эту интеллигенцію подъ защиту противъ П. Б. Струве и его „Вѣхъ“; но я защищалъ ее только въ одномъ смыслѣ: я защищалъ ея право не искать корней въ нашемъ прошломъ, гдѣ, какъ уже сказано, заложены лишь корни нашей слабости и нашего безсилія. Неорганичность нашего культурнаго развитія есть неизбѣжное послѣдствіе его запоздалости. Какъ можетъ быть иначе, когда вся наша новая культурная традиція (съ Петра) создана всего лишь *восемью поколѣніями* нашихъ предшественниковъ, и когда эта работа рѣзко и безвозвратно отдѣлена отъ *бытовой* культуры длиннаго періода національной безсознательности: того періода, который у другихъ культурныхъ народовъ составляетъ его *доисторическую* эпоху? Стоя на плечахъ всего лишь восьми поколѣній, мы могли усвоить культурныя приобрѣтенія запада—и усвоили ихъ съ гибкостью и тонкостью воспримчивости, которая поражаетъ иностранцевъ. Мы обогатили эти заимствованія и нашими собственными національными чертами, тоже поражающими иностранцевъ, какъ странная прививка утонченности къ примитиву. Но мы не могли сдѣлать одного: мы не могли еще выработать что-либо подобное устойчивому западному культурному типу. Эту западную культурную устойчивость мы еще склонны называть „ограниченностью“, и мы продолжаемъ предпочитать ту безграничную свободу славянской натуры, „самой свободной въ мірѣ“, о которой не то съ умиленіемъ, не то съ сокрушеніемъ говорилъ гениальный наблюдатель Герценъ. Въ другихъ своихъ произведеніяхъ я прослѣдилъ, какъ на почвѣ этой незаконченности культурнаго типа у насъ легко прививался западный идеализмъ въ его наиболѣе крайнихъ и индивидуальныхъ проявленіяхъ и какъ туго и медленно выростала серьезная государственная мысль. Я пытался прослѣдить также и то, какіе успѣхи сдѣлали, въ направленіи взаимнаго сближенія и постепеннаго освобожденія, съ одной стороны, отъ утопическихъ, съ другой, отъ классовыхъ элементовъ, два главныя теченія нашей общественной мысли: теченіе социалистическое и теченіе либеральное при первыхъ столкновеніяхъ съ

жизнью*). Мнѣ казалось (въ 1904), что дальнѣйшій ходъ политической борьбы долженъ привести къ устраненію цѣлаго ряда разногласій, называвшихся принципиальными, и установить возможность совмѣстныхъ дѣйствій обоихъ теченій въ борьбѣ съ общимъ врагомъ, со старымъ режимомъ. Полтора десятка лѣтъ, прошедшіе съ тѣхъ поръ, показали мнѣ, что я оцѣнивалъ возможность этого сближенія слишкомъ оптимистически. Съ тѣхъ поръ сформировались дѣйствующія нынѣ политическія партіи и, вмѣсто сотрудничества, началась непримиримая взаимная борьба. Въ процессѣ этой борьбы воскресли многія изъ утопій, которыя я считалъ похороненными; и политическіе круги, которые, по моимъ предположеніямъ, должны были бы бороться съ этими утопіями, оказались нечуждыми имъ идейно и неспособными къ стойкому сопротивленію. За это неполное приспособленіе русскихъ политическихъ партій къ условіямъ и требованіямъ русской дѣйствительности Россія поплатилась неудачей двухъ своихъ революцій и безплодной растратой національныхъ цѣнностей, особенно дорогихъ въ небогатой такими цѣнностями странѣ.

Конечно, несовершенство и незрѣлость политической мысли, на почвѣ безгосударственности и слабости социальныхъ прослоекъ, не могутъ явиться единственнымъ объясненіемъ неудачъ, постигавшихъ до сихъ поръ наше политическое движеніе. Другимъ факторомъ является безсознательность и темнота русской народной массы, которая, собственно, и сдѣлала утопичнымъ примѣненіе къ нашей дѣйствительности даже такихъ идей, которыя являются вполнѣ своевременными, а частью даже и осуществленными среди народовъ, болѣе подготовленныхъ къ непосредственному участию въ государственной дѣятельности. Народныя массы, — „народная душа“ — сами являлись объектомъ интеллигентскихъ утопій въ прошломъ — и едва-ли перестали имъ быть въ настоящемъ. Я лично былъ всегда далекъ отъ тѣхъ, которые готовы

*) Изложенныя въ текстѣ идеи о связи нашего прошлаго съ настоящимъ развиты мной подробно какъ въ моихъ „Очеркахъ по исторіи русской культуры“, такъ и въ изданной въ Чикаго и въ Парижѣ книгѣ моей *The Russian Crisis (La crise Russe)*, написанной въ 1903—1904 г. г. и представляющей первую часть трилогіи, вторая часть которой не написана и сливается съ моей публицистической и парламентской дѣятельностью (1905—1916), а третья представляется зтѣсь вниманію читателя. Моя полемика съ „Вѣхами“ напечатана въ сборникѣ о „Русской интеллигенціи“, а идея о восьми поколѣніяхъ подробно развита въ двухъ лекціяхъ, прочитанныхъ осенью 1916 года въ университетѣ въ Христіаніи и напечатана въ норвежскомъ журналѣ „*Samtiden*“.

были возвеличивать русскій народъ, какъ народъ избранный, „народъ богоносецъ“, и, преклоняясь передъ нимъ, всячески принижать русскую интеллигенцію и новую русскую культурную традицію. На борьбу съ этими тенденціями, въ разныхъ ихъ проявленіяхъ, я употребилъ немало усилій въ теченіе первой половины моей общественной дѣятельности, когда эти тенденціи выступали сильнѣй и казались болѣе опасными, чѣмъ теперь. Но я такъ же далекъ и отъ тѣхъ, кто теперь, подъ вліяніемъ пережитого ужаснаго опыта и тяжелыхъ переживаній послѣднихъ мѣсяцевъ, склоненъ говорить о „народѣ-звѣрѣ“. Да, конечно, этотъ народъ, сохранившій міровоззрѣніе иныхъ столѣтій, чѣмъ наше, а въ послѣднее время стараго режима умышленно удерживавшійся въ темнотѣ и невѣжествѣ сторонниками этого режима, — этотъ народъ, дѣйствительно, предсталъ передъ наблюдателями его психоза, почти какъ какая-то другая нисшая раса. Интернаціоналистическому социализму было легко, на почвѣ культурной розни, провести глубокую, социальную грань и раздуть въ яркое пламя социальную вражду народа къ „Варягамъ“, „земщины“ къ „дружинѣ“, выражаясь славянофильскими терминами. Но элементы истиннаго здороваго интернаціонализма при этомъ оказались не внизу, а наверху, — въ культурныхъ слояхъ, идеяхъ и учрежденіяхъ. И ростъ интернаціональной культуры съ разрушеніемъ этихъ верховъ оказался задержаннымъ — не будемъ утверждать, что надолго. Какъ бы то ни было, исправленіе послѣдствій нашей исторіи и ошибокъ переворота идетъ въ томъ же направленіи, какъ раньше: въ направленіи возстановленія нашего культурнаго слоя, такъ безжалостно уничтожавшагося революціей. Въ этомъ смыслѣ должны быть пересмотрѣны всѣ демократическія программы, которыя, ничего еще не давши народу, хотѣли „все“ создавать „черезъ народъ“. Неосновательное разочарованіе въ народѣ послѣ столь-же неосновательнаго преклоненія передъ нимъ, не должно, конечно, возвращать насъ къ той системѣ „недовѣрія къ народу, ограниченнаго страхомъ“, которое, по мѣткому опредѣленію Гладстона, лежитъ въ основѣ реакціонной политики. Суть правильной политики, приспособленной къ дѣйствительному уровню массы, должна, пользуясь выраженіемъ того же Гладстона, заключаться въ „довѣріи къ народу, ограниченномъ благоразуміемъ“. Эта формула, разумѣется, не мирится съ формулой полного и неограниченнаго народовластія. Это надо ясно усвоить, опредѣленно сказать себѣ

и сдѣлать отсюда надлежащіе политическіе выводы. Въ политикѣ не существуетъ абсолютныхъ рецептовъ, годныхъ для всѣхъ временъ и при всѣхъ обстоятельствахъ. Пора понять, что и *демократическая* политика не составляетъ исключенія изъ этого правила. Пора усвоить себѣ мысль, что и въ ея лозунгахъ не заключается панацей и лекарствъ отъ всѣхъ болѣзней.

Еще одна оговорка въ предѣлахъ того-же вопроса о народныхъ массахъ, какъ политическомъ факторѣ. Есть люди, которые готовы были бы искать въ фізіономіи этихъ массъ не только тѣхъ измѣняющихся чертъ, въ которыхъ отпечатлѣлся ходъ нашей исторической эволюціи, но и того неизмѣннаго мистическаго ядра, которое германскіе метафизики, такъ же, какъ и новѣйшіе социологи типа „Gustave Lebon“, называли „душой народа“, l'âme ancestrale. Наблюдая французскую психику времени войны, Lebon искалъ въ этой „душѣ предковъ“ объясненія, почему недавняя „упадочная“ Франція вдругъ превратилась передъ лицомъ врага во Францію героическую. Увы, ходъ и исходъ русской революціи до сихъ поръ не уполномочиваетъ насъ искать подобныхъ параллелей. Традиціонное сравненіе 1613 и 1813 г. г. напоминаетъ, правда, о моментахъ просвѣтленія національнаго сознанія и о чрезвычайныхъ народныхъ усиліяхъ, на которыя способенъ былъ русскій народъ, когда въ его сознаніи отпечатлѣвалось представленіе объ опасности, грозившей самому его существованію. Быть можетъ, можно надѣяться, что въ 1919 году такое просвѣтленіе передъ лицомъ великой національной катастрофы приметъ болѣе культурную форму — чего либо вродѣ германскаго возрожденія начала XIX-го вѣка. Можетъ быть, эта катастрофа послужитъ толчкомъ, которымъ закончится доисторическое, подсознательное, такъ сказать, этнографическое существованіе народа, и начнется историческій періодъ связнаго самосознанія и непрерывной соціальной памяти. Съ очень большимъ опозданіемъ, мы и въ этомъ случаѣ пойдемъ по пути, давно уже пройденному культурными народами. Но, въ ожиданіи, пока всѣ эти надежды осуществятся, мы должны признать, что самыя надежды этого рода служатъ, такъ сказать, хронологической вѣхой. Наша русская âme ancestrale продолжаетъ, очевидно, представлять ту плазму, на которой лишь слабо и отрывочно запечатлѣлись отмѣтки исторіи. Основнымъ свойствомъ ея еще остается та всеобщая приспособляемость и пластичность, въ которой Достоевскій призналъ основное свойство

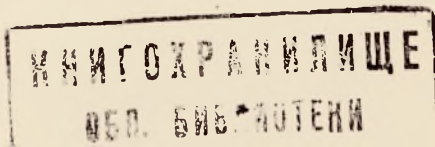
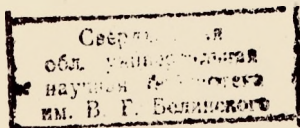

русской души,—идеализировавъ его, какъ „всечеловѣчность“. Въ политическомъ же примѣненіи, безформенность этой души проявляется какъ тотъ натуральный, догосударственный „анархизмъ“, то „естественное состояніе человѣка“, по выраженію старой политической доктрины, которое такъ ярко и сильно выразилъ „великій писатель земли русской“, отразившій, какъ въ зеркалѣ, на удивленіе цивилизованному міру, это состояніе народной души.

Повторяемъ, философъ исторіи русской революціи не сможетъ обойти всѣхъ этихъ глубокихъ корней и нитей, связывающихъ вторую русскую революцію со всѣмъ ходомъ и результатомъ русскаго историческаго процесса. Но наша задача гораздо проще. Мы ставимъ себѣ цѣлью — возможно точное и подробное фактическое описаніе совершившагося на нашихъ глазахъ. Тѣ недостатки описанія, которые усмотритъ въ немъ послѣдующій историкъ, отчасти вознаграждаются чертами, для будущаго историка этой революціи уже недоступными: элементомъ личнаго свидѣтельства очевидца-наблюдателя и отчасти близкаго участника совершившихся событій. Эта болѣе близкая къ наблюдаемымъ явленіямъ позиція обусловливаетъ, конечно, и иной характеръ объясненій причинъ и мотивовъ. Въ этомъ порядкѣ мыслей, прежде всего, мы должны опустить тѣхъ болѣе детальныя объясненія второй русской революціи, которыя, какъ они ни важны, сами по себѣ тоже останутся за предѣлами настоящаго изложенія.

Мы разумѣемъ громадное вліяніе фактора, до сихъ поръ не упомянутаго, но имѣвшаго первостепенное *отрицательное* значеніе. Если общая фізіономія русской революціи опредѣлилась, въ значительной степени, нашимъ прошлымъ, то ея характеръ именно, какъ *революціи*, какъ насильственнаго переворота, опредѣлился наличностью фактора, *противодѣйствовавшего* мирному разрѣшенію конфликтовъ и внутреннихъ противорѣчій между старыми формами политической жизни и не вмѣщавшимся болѣе въ эти формы *содержаніемъ*. *Инстинктъ самосохраненія стараго режима и его защитниковъ*: таковъ этотъ отрицательный факторъ.

Въ упомянутой выше работѣ 1903—1904 года я объяснилъ подробно, какъ этотъ инстинктъ самосохраненія съ неизбежностью привелъ къ политикѣ все усиливавшихся репрессій и къ раздѣленію Россіи на два лагеря: Россію официальную и всю остальную Россію, въ которой культурные и народные элементы были одинаково непримиримо настроены по отношенію къ дореформенной государ-

ственности. Не только въ эти годы, но уже гораздо раньше, съ шестидесятихъ, съ сороковыхъ годовъ, съ конца XVIII столѣтія, было очевидно, что конфликтъ старой государственности съ новыми требованіями есть лишь вопросъ времени. Подъ угломъ этого грядущаго конфликта складывалось все міровоззрѣніе русской интеллигенціи, по крайней мѣрѣ, шести послѣднихъ поколѣній. Немудрено, что это міровоззрѣніе и вышло такимъ одностороннимъ. Описывать всю эту исторію борьбы — значило бы, въ сущности, пересказывать всю исторію русской культуры двухъ послѣднихъ столѣтій. Естественно, что эта задача не можетъ быть цѣлью настоящаго изложенія. Мнѣ достаточно сослаться на приведенныя уже мои прежнія сочиненія, которыя, въ предвидѣніи грядущаго конфликта, посильно готовили къ его пониманію русское и иностранное общественное мнѣніе.

Можетъ быть, слѣдовало бы здѣсь остановиться лишь на послѣдней стадіи этого конфликта между старой государственностью и новой общественностью, на томъ послѣднемъ десятилѣтіи, когда хроническій конфликтъ перешелъ въ стадію *неискреннихъ уступокъ* власти общественнымъ теченіямъ. Это десятилѣтіе знаменуется открытымъ началомъ политической жизни въ Россіи, подъ знаменемъ перваго политическаго народнаго представительства. Германскіе публицисты придумали уже для этого періода мѣткое названіе: эпоха „мнимаго конституціонализма“ (Scheinkonstitutionalismus). Если можно въ одномъ словѣ формулировать причину того, почему съ первыми уступками власти конфликтъ не прекратился, а принялъ затяжной характеръ и, въ концѣ концовъ, привелъ къ настоящей катастрофѣ, — то это объясненіе дано въ этомъ словѣ: Scheinkonstitutionalismus. Уступки власти не только потому не могли удовлетворить общества и народа, что онѣ были недостаточны и неполны. Онѣ были неискренни и лживы, и давшая ихъ власть сама н минуты не смотрѣла на нихъ, какъ на уступленныя навсегда и окончательно. Я помню моментъ, когда графъ Витте, въ ноябрѣ 1905 года, послѣ октябрьскаго манифеста, пригласилъ меня для политической бесѣды. Я сказалъ ему, что никакое общественное сотрудничество съ правительствомъ невозможно до тѣхъ поръ, пока власть не произнесетъ открыто слова: конституція. Пусть, говорилъ я, это будетъ конституція октроированная, но нужно, чтобы она была дана окончательно. Гр. Витте не скрылъ отъ меня, что онъ не можетъ исполнить этого условія, ибо этого „не хочетъ царь“. Довольно из-

вѣстно, что даже манифестъ 17 октября императоръ Николай II-й считалъ даннымъ „въ лихорадкѣ“ и никогда не мирился даже съ этими болѣе чѣмъ скромными уступками. Не хотѣлъ, конечно, конституціи и гр. Витте, исходя изъ своихъ старыхъ славянофильскихъ взглядовъ; не хотѣли конституціи даже такіе общественные дѣятели, какъ Дм. Ник. Шиповъ. Для защиты создавшейся такимъ образомъ двусмысленности была создана специальная партія, „союзъ 17 октября“, и все послѣдующее десятилѣтіе прошло подъ знакомъ политическаго лицемерія. Такъ какъ страна не могла этимъ удовлетвориться, то и самое существованіе представительныхъ учреждений послужило лишь къ расширенію базиса для дальнѣйшей борьбы общественности съ защитниками стараго порядка. Если опорой для общественности служила при этомъ оппозиція Государственной Думы, не смолкавшая даже въ самыя трудныя минуты существованія этого учрежденія, то опорой для власти служилъ Государственный Совѣтъ, принявшій въ себя всѣ силы и сосредоточившій все усердіе сановниковъ стараго режима. Въ результатъ борьбы этихъ двухъ центровъ въ Россіи за десять лѣтъ, въ сущности, не было вовсе законодательства. Всѣ проекты реформъ, даже самыхъ умѣренныхъ, застрѣвали подъ „пробкой“ Государственнаго Совѣта, превратившагося съ годами въ настоящее кладбище благихъ начинаній Государственной Думы. Проходили черезъ законодательныя учрежденія лишь тѣ мѣры, которыхъ хотѣла власть въ союзѣ съ правящимъ сословіемъ. Такъ прошла аграрная реформа Столыпина, такъ прошли постыдные для русскаго имени законы о Финляндіи. Гибкость и услужливость октябристовъ казались власти уже недостаточными. Курсъ политики поворачивался все болѣе вправо. „Конституціонализмъ“ становился все болѣе призрачнымъ, и на очередь дня становился самый беззащитный „націонализмъ“. Старая формула Уварова „православіе, самодержавіе и народность“ была выкопана изъ архивовъ, слегка подновлена и серьезно пущена въ ходъ, какъ платформа для выборовъ и какъ программа очереднаго политическаго курса. Желаніе императора Николая II-го — сохранить самодержавіе такимъ, какимъ оно было „встарь“, было принято не только „союзомъ русскаго народа“, вызвавшимъ это заявленіе царя; оно было принято къ исполненію и политическими дѣятелями, выдававшими себя за государственныхъ мужей и, чѣмъ дальше, тѣмъ откровеннѣе, предлагавшими себя на перебой въ организаторы государственнаго пе-

реворота. Здѣсь нѣтъ надобности упоминать именъ. Имена всѣмъ памятливы; многія изъ лицъ, ихъ носившія, заплатили трагической кончиной за свою вину передъ родиной и передъ русскимъ народомъ. Это — ихъ работа, въ связи со все усиливавшимся вліяніемъ при дворѣ случайныхъ людей и проходимцевъ, создала въ странѣ то состояніе полнѣйшей неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, которое, собственно, и подготовило психологію переворота, изолировавъ дворъ и власть отъ всѣхъ слоевъ населенія и отъ всѣхъ народностей російскаго государства.

Для самыхъ умныхъ изъ этихъ прислужниковъ стараго режима было ясно, что¹ при подобной напряженности общаго настроенія, при такомъ состояніи неустойчиваго равновѣсія, съ трудомъ поддерживаемаго политикой репрессій и опирающагося на искусственно организованное ничтожное меньшинство, Россія не выдержитъ никакого серьезнаго внѣшняго толчка или внутренняго потрясенія. Опытъ 1905 года, казалось, долженъ былъ служить урокомъ. Тогда съ большимъ трудомъ удалось ликвидировать послѣдствія неудачной войны и спасти власть отъ неизбежнаго ея результата: внутренней революціи. Гр. Витте былъ призванъ спеціально для выполненія этой миссіи. Ошибки первой русской революціи, поддержка Европы дали ему возможность выполнить ее блистательно. Но близорукая власть относилась съ подозрѣніемъ къ самымъ лучшимъ и вѣрнымъ своимъ защитникамъ. Гр. Витте едва выхлопоталъ себѣ право спасти эту власть, оставшись на своемъ посту до заключенія займа во Франціи и до возвращенія русскихъ войскъ изъ Манчжуріи. Далѣе его услуги были не нужны. Его соперникамъ поручили ликвидацію уступокъ, сдѣланныхъ „въ лихорадкѣ“, — уступокъ, которыхъ никогда не могли простить графу Витте. И началась борьба съ молодымъ народнымъ представительствомъ, приведшая къ первому нарушенію „мнимой конституціи“, къ изданію избирательнаго закона 3-го іюня 1906 года, окончательно изолировавшему власть отъ населенія и передавшему народное представительство въ руки случайныхъ людей и случайныхъ партій. Кое-какъ сколоченный государственный возъ скрипѣлъ — до перваго толчка.

Можно-ли было его предупредить? Сторонники стараго режима считали, что можно и нужно — въ союзѣ съ Германіей. А жизнь повела русскую политику по иному направленію, въ сторону державъ „согласія“, и новорожденное русское представитель-

ство сыграло тутъ извѣстную роль. Такъ или иначе, при раздѣленіи Европы на два лагеря, Россія не могла не быть втянута въ международные конфликты. Она могла лишь избѣжать созданія конфликтовъ по собственной винѣ; но для этого ея балканская политика была недостаточно умна и проницательна. Общая безтолковость управленія привела къ тому, что, идя болѣе или менѣе сознательно на возможный конфликтъ, Россія оказалась къ нему неподготовленной въ военномъ смыслѣ. Какъ во внѣшней политикѣ, такъ и въ вопросѣ объ усиленіи военной мощи, Государственная Дума имѣла извѣстное вліяніе — и тѣмъ связала себя съ политическими кругами, патріотически настроенными. Этимъ она впервые пріобрѣла извѣстную независимость отъ вѣяній въ „сферахъ“ и, на случай внѣшняго конфликта, приготовила себя къ роли серьезнаго политическаго фактора, — серьезнаго тѣмъ болѣе, чѣмъ слабѣе, растеряннѣе и неподготовленнѣе оказалось бы самое правительство. Къ Государственной Думѣ въ этомъ случаѣ неизбежно должна была перейти роль идейнаго руководства націей.

И вотъ она наступила, эта война: наступила въ формѣ громаднаго мірового конфликта. Въ ряду факторовъ, опредѣлившихъ собой *особую фizioномію* второй революціи, войнѣ 1914—1918 г. г. принадлежитъ, конечно, первое мѣсто. Многія и многія изъ явленій, которыя принято считать специфически-революционными, фактически предшествовали революціи и созданы именно обстоятельствами военнаго времени. Въ виду этого, на вліяніи войны на революцію надо остановиться нѣсколько подробнѣе.

II. Война и революція.

Общее дѣйствіе войны на внутренній порядокъ. — 1915 годъ. — Конфликтъ между законодательными учрежденіями и правительствомъ на почвѣ военной неподготовленности. — Уступки въ частностяхъ и расхождение въ главномъ. — „Мнимый конституціонализмъ“ распадается на свои противорѣчія: большинство Думы идетъ къ парламентаризму, власть идетъ къ возстановленію самодержавія. — 1916 годъ. — Разрывъ и позиціонная война. — Накопленіе противорѣчій и взрывъ 1 ноября. — Начало открытой революціи. — Убіиство Распутина и планы дворцоваго переворота. — Тайные источники рабочаго движенія. — Уличное движеніе переходитъ въ революцію.

Прежде всего, конечно, при этомъ напрашивается параллель между 1905 и 1917 годами. Тогда, какъ и теперь, война произвела всѣ тѣ разрушенія во внутренней жизни страны, въ строѣ чувствъ и мысли, которыя она всегда производитъ. Измѣненія народной психологіи въ моменты войны станутъ понятны, если принять во вниманіе, что война поощряетъ какъ разъ тѣ качества и создаетъ тѣ привычки, которыя во всемъ противоположны привычкамъ и качествамъ, одобряемымъ въ нормальной жизни. Всѣ обычныя понятія при этомъ оказываются перевернутыми. Нечего и говорить уже о сохраненіи политическихъ правъ и свободъ, которыя даже въ странахъ глубоко-демократическихъ, какъ Англія, въ значительной степени были принесены въ жертву сильной, почти диктаторской власти правительства военного времени. Но и элементарныя понятія — о собственности, даже о человѣческой жизни, оказываются затемненными. Военное законодательство воюющихъ странъ само идетъ навстрѣчу этимъ измѣненіямъ и помогаетъ создавать ихъ, вовлекая въ государственный оборотъ и подчиняя государственному руководству такія стороны жизни, которыя обычно остаются предоставленными свободной частной инициативѣ. Въ условіяхъ русской жизни этотъ „военный социализмъ“ сверху встрѣтилъ не менѣе препятствій и сопротивленія, чѣмъ на западѣ, — тѣмъ болѣе, что, на ряду съ стѣсненіями для однѣхъ общественныхъ группъ, онъ сопровождался значительными матеріальными преимуществами для другихъ. Свободный торговый оборотъ былъ

почти разрушенъ расширеніемъ сферы государственной монополіи, зато расцвѣла спекуляція и создались хищническія цѣны на предметы военного производства. Нормальное функціонированіе капиталовъ прекратилось, но рабочая плата росла безпредѣльно. При огромныхъ чрезвычайныхъ государственныхъ расходахъ на войну, обычный бюджетъ настолько отсталъ, что на него вообще перестали обращать вниманіе. Какъ неоплатный должникъ, который, все равно, не можетъ свести концовъ съ концами, государство стало расточительно на чужой счетъ. Неограниченный внѣшній кредитъ и печатный станокъ, выпускавшій каждый день бумажекъ на десятки милліоновъ, изъ которыхъ складывались милліарды, совершенно устранили всякое понятіе о необходимости быть бережливымъ. Одинъ за другимъ, широкіе общественные слои переходили на содержаніе государства. Деревня не платила налоговъ и получала пайки. Рабочіе не работали и получали быстро возрастающіе оклады заработной платы. Фабрикантамъ эта плата возмѣщалась въ столь же быстро возрастающей цѣнѣ казенныхъ заказовъ. Громадная армія тыла, содержавшаяся на казенный счетъ, приучала народъ къ праздности и къ извлеченію чрезвычайныхъ доходовъ изъ народныхъ бѣдствій, разстройства торговли и транспорта.

Среди этого показного благополучія страдали какъ разъ тѣ элементы, противъ которыхъ направлялась вся ненависть „революціонной демократіи“: служащая „буржуазная“ интеллигенція и чиновничество. Но и въ средѣ послѣдняго могущественные союзы, какъ желѣзнодорожный, почтово-телеграфный и т. д., умѣли извлекать изъ казначейства многія сотни милліоновъ добавочнаго вознагражденія.

Чтобы справиться со всѣми этими явленіями ненормального времени, нужна была дѣйствительно военная диктатура, въ какую и превратилось мало-по-малу управленіе такихъ демократическихъ странъ, какъ Англія и Франція. У насъ, наоборотъ, эти же самыя явленія создали для власти и закона — обстановку полного безсилія. Это безсиліе власти чувствовалось уже при монархіи. Оно и было причиной того, что умѣренные элементы, понимавшіе значеніе усиленія власти для благополучнаго исхода войны, пошли на революціонный переворотъ. Переворотъ этотъ, въ сущности, былъ поставленъ на очередь тогда, когда, весной 1915 года, стало общезвѣстно то, что уже съ первыхъ мѣсяцевъ войны русскія войска

терпятъ неудачи — и обречены на нихъ впредь — вслѣдствіе полнѣйшей нашей неподготовленности, вслѣдствіе отсутствія въ арміи достаточнаго количества ружей, патроновъ, снарядовъ. Не одна Россія очутилась въ этомъ положеніи. Но въ другихъ странахъ, какъ ея союзниковъ, такъ и ея противниковъ, недостатки были скоро замѣчены, и, въ согласіи съ народнымъ представительствомъ, приняты были энергичныя мѣры къ усиленію военной производительности и къ поднятію военной техники. Въ то время, какъ тамъ, на западѣ, получались поистинѣ чудодѣйственные результаты этого дружнаго сотрудничества всей страны съ властью, у насъ весь пылъ и энтузіазмъ народного представительства, проявленный съ самаго начала войны, пропадалъ даромъ. Послѣ однодневной сессіи 26-го іюля 1914 года, обнаружившей общее патріотическое единодушіе партій въ дѣлѣ обороны страны, правительство рѣшило было не собирать Государственной Думы до ноября слѣдующаго года. И только настойчивыя заявленія депутатовъ привели къ тому, что правительство согласилось созвать Государственную Думу „не позже 1-го февраля“. Въ промежуткѣ разнеслись слухи о запискѣ правыхъ, которая настаивала на скорѣйшемъ заключеніи міра съ Германіей, для избѣжанія внутреннихъ осложненій. Правительство явно не хотѣло соблюдать условій молчаливаго „перемирія“, на которое шли партіи въ своемъ стремленіи къ единенію. При такомъ, уже испортившемся настроеніи состоялось закрытое совѣщаніе членовъ Государственной Думы съ правительствомъ (25-го января 1915 года), въ которомъ впервые народные представители отдали себѣ ясный отчетъ въ томъ, что правительство или скрываетъ дѣйствительное положеніе дѣлъ въ странѣ и арміи — и, слѣдовательно, „обманываетъ Государственную Думу“, или само не понимаетъ серьезности этого положенія — и, слѣдовательно, органически неспособно его улучшить.

Съ этого дня начался конфликтъ между законодательными учрежденіями и правительствомъ. Въ засѣданіи 27 января Государственная Дума возобновила обѣтъ „свято хранить духовное единство, залогъ побѣды“. Но, во-первыхъ, правительство само себя исключило изъ этого единства, а во-вторыхъ, въ рѣчахъ крайнихъ правыхъ и крайнихъ лѣвыхъ, профессора Левашова и Керенскаго, уже появились ноты, существенно нарушавшія это духовное единство. Ораторъ лѣвыхъ уже сталъ на точку зрѣнія социалистовъ-интернаціоналистовъ и требовалъ скорого мира.

Отступление русскихъ войскъ изъ Галиціи во второй половинѣ апрѣля 1915 года подтвердило худшія опасенія Государственной Думы и заставило правительство пойти на нѣкоторыя уступки. Члены Государственной Думы были введены въ особый правительственный комитетъ, которому были поручены дѣла по распредѣленію и выполненію военныхъ заказовъ. Общественные круги добивались большаго. Они требовали привлеченія общественныхъ силъ къ обслуживанію нуждъ войны и сосредоточенія этихъ дѣлъ въ особомъ министерствѣ „снабжения“, съ извѣстнымъ и пользующимся довѣріемъ арміи дѣятелемъ во главѣ, по примѣру Англіи и Франціи. Они требовали далѣе созыва Государственной Думы не на короткую однодневную, а на длительную сессію и, наконецъ, созданія правительства, которое могло бы пользоваться общественнымъ довѣріемъ. 5-го іюня 1915 года эти пожеланія были высказаны княземъ Г. Е. Львовымъ въ совѣщаніи уполномоченныхъ отъ губернскихъ земствъ и Н. И. Астровымъ въ совѣщаніи городскихъ головъ, болѣе радикально настроенныхъ. Земскій и городской союзы выдѣлили изъ себя отдѣлы, преобразованные въ іюль въ „главный комитетъ по снабженію армій“.

Послѣ упорныхъ настояній общественныхъ круговъ и столь же упорнаго сопротивленія правительства, Государственная Дума, наконецъ, была созвана 19 іюля на длительную сессію. Правительство понимало, что, послѣ всего случившагося, оно не можетъ встрѣтиться съ Государственной Думой въ прежнемъ составѣ. Правительство „почистилось“. Ушелъ военный министръ, котораго вся страна обвиняла въ военныхъ неудачахъ; ушелъ министръ внутреннихъ дѣлъ, котораго обвиняли въ возбужденіи внутренней розни. Мѣсто Сухомлинова и Маклакова заняли выдвинутые думскими кругами А. А. Поливановъ и доброжелательный, но слабый князь Щербатовъ. Ушли передъ самымъ открытіемъ сессіи Щегловитовъ и Саблеръ, замѣненные кандидатами правыхъ, А. А. Хвостовымъ и А. Д. Самаринимъ. Но Горемыкинъ остался въ качествѣ довѣреннаго лица государя,— а съ нимъ осталось и недоувѣріе общества къ власти.

При открытіи Государственной Думы въ рѣчахъ ораторовъ послышались новые тона. Даже націоналистъ гр. В. А. Бобринскій требовалъ проявленія „патріотическаго скептицизма ко всему, что предъявить правительство“. Внесенная имъ формула перехода требовала „единенія со всей страной правительства, пользующагося полнымъ ея довѣріемъ“. То же требованіе варьировалось въ рѣ-

чахъ В. Н. Львова и Н. В. Савича. А И. Н. Ефремовъ отъ имени прогрессистовъ уже выставилъ лозунгъ „отвѣтственного передъ народнымъ представительствомъ“ министерства. Пишущій эти строки настоялъ на сохраненіи болѣе скромной, но зато объединявшей болѣе широкій фронтъ формулы: „министерства, пользующагося довѣріемъ страны“, и перечислилъ тѣ реформы, которыя необходимо было ввести немедленно, вопреки заявленію И. Л. Горемыкина, желавшаго ограничить дѣятельность Государственной Думы „только законопроектами, вызванными потребностями войны“, въ узкомъ смыслѣ.

Въ первой половинѣ августа всѣ эти стремленія, одновременно въ Москвѣ и въ Петроградѣ, приняли опредѣленную форму. Въ Петроградѣ высказанныя думскими ораторами мнѣнія легли въ основу платформы „прогрессивнаго блока“. Четвертая Дума,—Дума безъ опредѣленнаго большинства, была игрищемъ власти. Война дала Государственной Думѣ большинство, — и тѣмъ самымъ поставленъ былъ на твердую почву вопросъ объ „отвѣтственности“ правительства передъ этимъ большинствомъ. Вотъ почему, когда программа „прогрессивнаго блока“, послѣ долгихъ обсужденій и споровъ, была, наконецъ, опубликована 21 августа, болѣе прогрессивные члены правительства сразу поняли, что самое меньшее, что нужно, — это стать съ вновь образовавшимся большинствомъ въ опредѣленные отношенія.

Моментъ былъ рѣшительный. Если бы власть сумѣла воспользоваться предоставленнымъ ей шансомъ, то дальнѣйшаго разъединенія между правительствомъ и обществомъ можно было бы надолго избѣгнуть. Понялъ это даже и И. Л. Горемыкинъ и поспѣшилъ забѣжать впередъ, пригласивъ къ себѣ 15 августа лидеровъ правой части блока, чтобы съ ихъ помощью перехватить идею созданія большинства и использовать эту идею для поддержки *сущаго* правительства.

Неловкій экспериментъ не удался. Послѣ этого въ засѣданіи совѣта министровъ мнѣнія раздѣлились. Правое меньшинство подерживало Горемыкина въ мнѣніи, что Государственную Думу надо поскорѣе распустить. Большинство опасалось осложнений въ случаѣ роспуска и рѣшило войти въ сношенія съ представителями блока. Обсудивъ съ ними 27 августа программу прогрессивнаго блока, эти министры, во главѣ съ Харитоновымъ, пришли къ заключенію, что „программа не встрѣчаетъ возраженій, но совѣтъ

министровъ въ нынѣшнемъ составѣ не можетъ ее проводить. Намекъ былъ достаточно ясенъ. Черезъ день, 29 августа, И. Л. Горемыкинъ выѣхалъ въ ставку къ государю. Еще черезъ день (31 августа) онъ вернулся и. . . сообщилъ коллегамъ, что Государственная Дума 3-го сентября должна быть распущена. . .

Протянутую руку оттолкнули. Конфликтъ власти съ народнымъ представительствомъ и съ обществомъ превращался отнынѣ въ открытый разрывъ. Испытавъ безрезультатно всѣ мирные пути, общественная мысль получила толчекъ въ иномъ направленіи. Вначалѣ тайно, а потомъ все болѣе открыто начала обсуждаться мысль о необходимости и неизбежности революціоннаго исхода.

Съ своей стороны не молчали и противники „мнимаго конституціонализма“ съ правой стороны. Съ роспускомъ Думы они подняли голову и начали тоже дѣйствовать открыто. На засѣданіи совѣта министровъ въ ставкѣ, 17 сентября, подъ предсѣдательствомъ государя были приняты рѣшенія въ духѣ праваго курса. Министра Щербатова смѣнилъ А. Н. Хвостовъ, кандидатъ крайнихъ правыхъ организаций. Въ тотъ же день былъ уволенъ въ очень рѣзкой формѣ оберъ-прокуроръ А. Д. Самаринъ, не поладившій съ придворными фаворитами изъ духовныхъ и не соглашавшійся, въ угоду имъ, нарушить церковные каноны. Черезъ мѣсяцъ ушелъ А. В. Кривошеинъ, противникъ спѣшнаго роспуска Государственной Думы. Намѣчены были къ отставкѣ и другіе сторонники сближенія съ прогрессивнымъ блокомъ. Напротивъ, снова выдвинулся Щегловитовъ, открыто заявившій на сѣздѣ крайнихъ правыхъ (21 ноября) о своихъ симпатіяхъ къ самодержавію и объявившій манифестъ 17 октября „потерянной грамотой“. Обломки провинціальныхъ отдѣловъ „союза русскаго народа“ были возстановлены и принялись за ту же работу, которой занимались въ 1905—1907 г.г.: они рѣзко нападали на прогрессивный блокъ, на городской и земскій союзы, видя въ оживившейся дѣятельности общественныхъ организаций — подготовку революціоннаго выступленія. Подъ ихъ вліяніемъ назначенная „не позднѣе 15 ноября“ сессія Государственной Думы была отсрочена безъ точнаго указанія срока созыва: первый случай за время существованія законодательныхъ учреждений. Сѣзды городского и земскаго союзовъ, назначенные на 5-е декабря, были запрещены. Депутація этихъ союзовъ, съ жалобами на роспускъ Государственной Думы и съ требованіями „министерства довѣрія“, не была принята государемъ.

Настроение Николая Второго характеризуется тѣмъ, что еще 23-го августа онъ принялъ на себя командование всѣми сухопутными и морскими силами. Всѣ попытки (въ томъ числѣ письмо, подписанное восемью министрами) отговорить царя указаніемъ на опасность и рискъ занятія этой должности не помогли. Распутинъ убѣдилъ императрицу и императора, что принятіе командованія въ моментъ, „когда врагъ углубился въ предѣлы имперіи“, есть религиозный долгъ самодержца. Мистическій взглядъ на свое призваніе, поддерживаемый сплотившимся придворнымъ кружкомъ, окончательно парализовалъ всѣ другія вліянія. Отнынѣ всѣ попытки извнѣ указать царю на возрастающую опасность народнаго недовольства наталкивались на пассивное сопротивление человѣка, подчинившагося чужой волѣ и потерявшаго способность и желаніе прислушиваться къ новымъ доводамъ. Ходили слухи, что это состояние умственной и моральной апатіи поддерживается въ царѣ усиленнымъ употребленіемъ алкоголя. Отъѣздъ царя на жительство въ ставку выдвинулъ оставшуюся въ Петроградѣ императрицу, посредницу и средоточіе всѣхъ „безотвѣтственныхъ“ вліяній. Министры, желавшіе укрѣпить свое положеніе, начали ѣздить къ императрицѣ съ докладами. Шайка крупныхъ и мелкихъ мошенниковъ и аферистовъ окружила царицу и пользовалась своимъ вліяніемъ, чтобы за денежную изду обходить законъ и доставлять частныя изъятія и льготы: назначеніе на должности, освобожденіе отъ суда, отъ воинской повинности и т. д. Слухи объ этихъ сдѣлкахъ распространились въ обществѣ и совершенно уронили уваженіе ко двору. Постоянно слышалось историческое сравненіе съ „ожерельемъ королевы Маріи Антуанеты“.

1916-й годъ, послѣдній передъ революціей, не представляетъ того драматизма политической борьбы, какъ 1915-й годъ. Но это только потому, что парламентская борьба уже использовала всѣ свои возможности и остановилась передъ тупикомъ, изъ котораго не было выхода. Позиціи были заняты окончательно, и для обѣихъ сторонъ стало ясно, что примиреніе невозможно. Общественные круги, которые сдерживались въ 1915 году, въ ожиданіи возможнаго компромисса, теперь окончательно потеряли надежду на мирный исходъ. вмѣстѣ съ тѣмъ и основное требованіе „министерства довѣрія“ уступило мѣсто болѣе рѣшительному требованію „отвѣтственнаго министерства“, т. е. требованію парламентаризма. Мы видѣли, что въ это же время придворнымъ кругамъ даже „мнимый

конституціонализмъ“ начиналъ казаться опаснымъ опытомъ, отъ котораго надо отказаться и вернуться къ самодержавію.

Кое у кого при дворѣ, однако, сохранились проблески пониманія, что съ Государственной Думой нельзя просто разстаться во время войны, безъ опасенія взрыва и ослабленія боеспособности арміи. Настроеніе высшаго командованія, несомнѣнно, склонялось въ пользу умѣренныхъ уступокъ, которыхъ требовало большинство Государственной Думы въ программѣ прогрессивнаго блока. И, подъ вліяніемъ этихъ фактовъ, въ теченіе года было слѣдано нѣсколько попытокъ какъ нибудь наладить хотя бы внѣшне-приличныя отношенія съ Государственной Думой. И. Л. Горемыкинъ, послѣ своего разрыва съ министрами, поддерживавшими блокъ, и послѣ небывалаго и противуконституціоннаго акта отсрочки сессіи Государственной Думы сталъ невозможенъ. Поэтому, когда вопросъ о созывѣ Государственной Думы былъ вновь поднять послѣ Рождественскихъ каникулъ — и когда Горемыкинъ вновь повелъ борьбу противъ ея созыва, на этомъ сыграли новые любимцы двора. Преемникомъ Горемыкина оказался... Б. В. Штюрмеръ. Одного этого назначенія было достаточно, чтобы охарактеризовать пропасть, существовавшую между дворомъ и общественными кругами. Для двора Штюрмеръ былъ пріемлемъ, потому что его лично знали и ему лично вѣрили; кромѣ того, онъ получилъ необходимую санкцію: поддержку Распутина и императрицы. Для общественныхъ круговъ Штюрмеръ былъ типомъ стараго губернатора, усмирителемъ Тверского земства. Его личной особенностью была его любовь къ деньгамъ, и изъ провинціи слѣдомъ за нимъ тащился длинный хвостъ пикантныхъ анекдотовъ о его темныхъ и скандальныхъ способахъ стяжанія. Но... Штюрмеръ явился въ неожиданной роли защитника законодательныхъ учреждений. Черезъ А. Н. Хвостова, новаго министра внутреннихъ дѣлъ, онъ вошелъ въ переговоры съ отдѣльными членами Государственной Думы (въ томъ числѣ и съ пишущимъ эти строки). Въ переговорахъ этихъ для созыва Думы ставилось одно условіе: не говорить о Распутинѣ! Конечно, Штюрмеръ получилъ отвѣтъ, что Государственная Дума интересуется не придворными сплетнями, а политическимъ курсомъ правительства, что въ Государственной Думѣ есть хозяинъ—ея большинство, что у этого хозяина есть опредѣленное мнѣніе о томъ, что нужно дѣлать для пользы Россіи, и что, вмѣсто тайныхъ переговоровъ, которые ничего гарантировать

не могутъ, нужно прежде всего опредѣлить свое отношеніе къ „прогрессивному блоку“ и къ его программѣ.

Но это какъ разъ и было то, чего правительство не хотѣло. Сессія Думы открылась безъ всякаго соглашенія между большинствомъ и правительствомъ. Первое выступленіе Штюмерера съ невнятной, никому неслышной и никого неинтересовавшей рѣчью было и его окончательнымъ политическимъ проваломъ. Единственный планъ примиренія съ Думой, выдвинутый бывшимъ церемоніймейстеромъ,—устройство раута у премьера—провалился еще раньше этого выступления: Штюмеру дали знать, что къ нему не пойдутъ. А другихъ политическихъ средствъ въ распоряженіи этихъ людей не имѣлось. Единственное, что могло подѣйствовать—ихъ уходъ—конечно, не входило въ ихъ виды. Штюмеръ не ушелъ; онъ остался. Но онъ сократилъ до минимума свои отношенія съ Государственной Думой. Обѣ стороны засѣли въ своихъ окопахъ и перешли къ позиціонной войнѣ.

Въ роли политическаго протагониста фигурировалъ нѣкоторое время ставленникъ союза русскаго народа, А. Н. Хвостовъ, рѣчистый и шумный депутатъ, не лишенный житейской ловкости и проявившій вкусъ къ демагогіи. Но и эта политическая карьера скоро померкла; Хвостовъ сдѣлался жертвой не своего политическаго курса—за это не отставляли, — а той неловкости, съ которой онъ исполнялъ придворныя порученія. Посылка имъ извѣстнаго проходимца, Манасевича-Мануилова, въ Христіанію къ Іліодору для покупки рукописи его книги, содержащей скандальныя разоблаченія объ отношеніи Распутина къ царской семьѣ, кончилась неудачей. Зато стала извѣстна посылка имъ туда же другого проходимца, нѣкоего газетнаго сотрудника Ржевскаго, предлагавшаго Іліодору устроить убійство Распутина. Іліодоръ испугался появленія темныхъ людей въ своей близости и бѣжалъ отъ русскихъ агентовъ въ Америку, гдѣ и издалъ свою книгу. А о продѣлкѣ со Ржевскимъ стало извѣстно, когда министръ поссорился со своимъ товарищемъ, опытнымъ полицейскимъ Бѣлецкимъ, и когда оба стали наперерывъ обличать другъ друга печатно въ прикосновенности къ миссіи Ржевскаго. Вотъ та „политика“, которая теперь велась въ Россіи ея руководящими кругами, возбуждая негодованіе во всѣхъ остальныхъ.

Съ уходомъ Горемыкина и Хвостова министерскія назначенія все болѣе теряли политическое значеніе въ широкомъ смыслѣ.

Началась, по мѣткому выраженію Пуришкевича, „политическая чехарда“. Одинъ за другимъ появлялись, пройдя черезъ переднюю Распутина, или „бывшіе“, или никому невѣдомые политически люди, проходили, какъ тѣни, на своихъ постахъ . . . и уступали мѣсто такимъ же, какъ они, очереднымъ фаворитамъ придворной шайки. При этихъ смѣнахъ, прежде всего, конечно, были удалены послѣдніе министры, подписавшіе коллективное письмо государю о непринятіи имъ должности главнокомандующаго. Ушелъ (17 марта) А. А. Поливановъ, замѣненный честнымъ, но необразованнымъ и совершенно непригоднымъ для этого поста рамоликомъ Д. С. Шуваевымъ. А. Н. Хвостова замѣнилъ самъ Штюмеръ; но 10 іюля, къ общему изумленію, Штюмеръ замѣнилъ министра иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазонова, къ великому ущербу для вліянія Россіи въ союзныхъ странахъ. Должность „церемоніймейстера“, которую онъ занималъ когда-то, при полномъ невѣжествѣ не только въ дипломатіи, но даже и въ географіи воюющихъ странъ, была его единственнымъ правомъ на занятіе этой должности. Не владѣя ни предметомъ, ни дипломатическимъ языкомъ, онъ ограничилъ свою дипломатическую роль молчаливымъ присутствіемъ при бесѣдахъ своего товарища Нератова съ иностранными послами. Послѣ такого назначенія—не оставалось ничего невозможнаго. Въ публикѣ вспоминали про назначеніе Калигулой своего любимаго коня — сенаторомъ.

Хуже было то, что, кромѣ смѣшной стороны, тутъ была и трагическая. Пишущему эти строки пришлось услышать осенью того же 1916 года отъ покойнаго гр. Бенкендорфа, нашего посла въ Лондонѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ Штюмеръ сталъ во главѣ вѣдомства, англичане стали съ нами гораздо сдержаннѣе и перестали дѣлать его участникомъ своихъ секретовъ. Ходили слухи о германо-фильскихъ связяхъ Штюмера и какихъ-то тайныхъ сношеніяхъ его агентовъ, помимимо пословъ, за границей. Все это, при общеизвѣстной склонности правыхъ круговъ къ сближенію съ Германіей и къ возможно скорому выходу изъ войны, изъ страха передъ грядущей революціей, сообщало правдоподобіе слухамъ и вызывало усиленное вниманіе къ нимъ въ кругахъ общества, все болѣе широкихъ. Слово „измѣна“ стало передаваться изъ устъ въ уста, — и объ этомъ было громко заявлено съ кафедры Г. Думы. Новую пищу эти слухи получили, когда возвращавшійся въ Россію предсѣдатель русской парламентской делегаціи, посѣтившей лѣтомъ

этого года союзныя страны, октябристь Протопоповъ, свидѣлся въ Стокгольмѣ съ представителемъ банкирскаго дома „Варбургъ и К-о“, обслуживавшаго германскіе интересы, велъ съ нимъ разговоры о мирѣ и завелъ потомъ черезъ Стокгольмъ шифрованную переписку. Какъ-то такъ случилось, что именно послѣ этого обстоятельства на Протопопова было обращено вниманіе двора. Черезъ тибетскаго знахаря Бадмаева онъ нашель путь къ Распутину и къ императрицѣ; въ то же время онъ основывалъ большую либерально-буржуазную газету „Русская Воля“. Вотъ былъ самый желательный кандидатъ въ министры, апробованный общественными кругами и Думой и въ то же время дававшій двору всяческія гарантіи вѣрности и благонадежности, „полюбившій государя“, по его словамъ, съ перваго же свиданія. *Онъ-то* зналъ кулисы Гос. Думы и импонировалъ двору своими личными связями съ ея вліятельными членами. Дума была, такъ сказать, у него въ карманѣ. А что касается народнаго недовольства, его увѣрилъ Бѣлецкій, что оно не такъ страшно, какъ кажется, и что даже, въ случаѣ возстанія въ столицѣ, нетрудно будетъ съ нимъ справиться, раздѣливъ Петроградъ на кварталы, обучивъ полицію пулеметной стрѣльбѣ и разставивъ пулеметы на крышахъ зданій, расположенныхъ въ стратегически-важныхъ мѣстахъ.

Думскіе круги были поражены состоявшимся въ сентябрѣ назначеніемъ Протопопова на постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Это былъ обходъ съ тыла и измѣна въ собственной средѣ. Конечно, вліянія въ этихъ кругахъ Протопоповъ никогда не имѣлъ и личнымъ довѣріемъ и уваженіемъ не пользовался. По-дворянски ласковый и обходительный, по-дворянски задолженный, потомъ получившій на руки большое промышленное дѣло, онъ привыкъ вести мелкую политику личныхъ услугъ и постоянно становился въ положенія, при которыхъ правдивость была бы серьезнымъ недостаткомъ и помѣхой. На вторыхъ роляхъ и при хорошемъ руководствѣ онъ могъ прилично играть роль внѣшняго представительства: такъ это и было въ заграничной парламентской делегации.

Предоставленный же самому себѣ и брошенный друзьями, которые отъ него отшатнулись, онъ скоро обнаружилъ всѣ свои отрицательныя стороны: свой карьеризмъ, свое легкомысліе, лживость и умственную ограниченность.

Назначеніе Протопопова имѣло, очевидно, цѣлью перебросить мостикъ между дворомъ и Г. Думой. На дѣлѣ оно лишь

рѣзче подчеркнуло существовавшую между властью и обществом пропасть и еще болѣе обострило и отравило взаимныя отношенія. На мѣсто ничтожествъ и открытыхъ враговъ, говорившихъ на разныхъ языкахъ и совершенно чуждыхъ общественнымъ кругамъ по всему своему міровоззрѣнію, тутъ явился ренегатъ, понимавшій языкъ общественности, но готовый воспользоваться этимъ пониманіемъ во вредъ ей. Естественно, что пренебреженіе и презрѣніе къ бывшему товарищу быстро перешло въ ненависть, и то, къ чему уже привыкли отъ другихъ, возбуждало особое негодованіе, когда исходило отъ своего.

Всѣ элементы взрыва были теперь готовы. Общественное напряженіе и нервность достигли крайней степени, когда 1-го ноября собралась Госуд. Дума. Лѣтняя сессія Госуд. Думы носила дѣловой характеръ: Дума обсуждала въ комиссіяхъ и въ пленумѣ самые невинные изъ законопроектовъ, введенныхъ въ программу блока. Обществу эта „органическая работа“ не безъ основанія казалась толченіемъ воды въ ступѣ. И было совершенно ясно, что зимняя сессія Г. Думы будетъ носить совершенно иной, интенсивно-политическій характеръ. Но Дума и правительство уже настолько разошлись, что на этотъ разъ не было сдѣлано никакихъ приготовленій, чтобы Дума и правительство могли встрѣтиться сколько-нибудь миролюбиво. Штюмера не убрали до Думы, какъ въ январѣ убрали Горемыкина. Такимъ образомъ, Дума получила мишень, въ которую могла направлять свои удары.

Но теперь бить только по Штюмеру представлялось уже совершенно недостаточнымъ. Штюмеръ былъ лишь жалкій фигурантъ, приспособившійся, какъ и остальные субъекты „министерской чехарды“, къ тому, что дѣлалось и диктовалось за кулисами. Туда, за эти кулисы, и долженъ былъ быть направленъ очередной ударъ. Это было то, чего, не понимали ни императоръ, ни Протопоповъ.

Имена членовъ придворнаго кружка, съ именемъ императрицы во главѣ, были произнесены 1 ноября съ думской трибуны пишущимъ эти строки. Перечисляя, одинъ за другимъ, всѣ главнѣйшіе шаги правительства, возбуждавшіе общественное недовольство, ораторъ при каждомъ случаѣ спрашивалъ аудиторію: „глупость это или измѣна?“ И хотя ораторъ скорѣе склонялся къ первой альтернативѣ, аудиторія своими одобреніями поддерживала вторую. В. В. Шульгинъ, въ яркой и ядовитой, по обычаю, рѣчи, поддер-

живаль П. Н. Милюкова и сдѣлалъ практическій выводъ изъ его обличеній. Рѣчи ораторовъ этого дня были запрещены для печати, и это устроило имъ самую широкую рекламу. Не было министерства и штаба въ тылу и на фронтѣ, въ которомъ не переписывались бы эти рѣчи, разлетѣвшіяся по странѣ въ миллионѣхъ экземпляровъ. Этотъ громадный отзвукъ самъ по себѣ превращалъ парламентское слово въ штурмовой сигналъ и являлся краснорѣчивымъ показателемъ настроенія, охватившаго всю страну. Теперь у этого настроенія былъ лозунгъ, и общественное мнѣніе единодушно признало 1-е ноября 1916 г. началомъ русской революціи.

Какъ будто правительство начало, наконецъ, кое-что понимать. Шгюрмеръ послѣ второго засѣданія Думы, въ которомъ окончились выступленія фракціонныхъ ораторовъ, былъ уволенъ послѣ назначенія ему преемника. Засѣданія Думы были пріостановлены на недѣлю для того, чтобы новое правительство могло осмотрѣться и сдѣлать выводы изъ сложившагося положенія. Наученное опытомъ общество уже ничего не ожидало, — и было право. Преемникомъ Шгюрмера явился А. Ф. Треповъ, и этотъ выборъ подтверждалъ, что власть не хочетъ искать своихъ представителей внѣ тѣсной среды старыхъ сановниковъ, надежныхъ для нея, но неспособныхъ вызвать къ себѣ никакого общественнаго довѣрія. Вслѣдъ за другими, Треповъ дѣлалъ попытки найти себѣ поддержку въ Думѣ и въ печати. Но, не располагая, подобно другимъ, ничѣмъ, что могло бы гарантировать серьезную переимѣну курса, онъ скоро увидалъ, что не можетъ рассчитывать на хорошій пріемъ. Его даже предостерегали вообще противъ появленія въ Думѣ при этихъ условіяхъ. Треповъ, все-таки, пришелъ. Онъ наткнулся со стороны социалистическихъ депутатовъ на пріемъ, который вся Дума готовила Протопопову, въ случаѣ его появленія. Три раза онъ пытался начать свою рѣчь, и трижды она была заглушена криками со скамей социалистовъ и трудовиковъ (19 ноября). Не помогъ Трепову даже и такой козырь, какъ оглашеніе факта, что союзники по договору обязались уступить Россіи Константинополь и проливы.

Правительство давно перестало внушать къ себѣ уваженіе. Но встрѣча Трепова показала всей странѣ, что оно перестало внушать и страхъ. Не могли внушить страха и новыя репрессіи Протопопова. Общество притаилось и чего то ждало. Въ день окончанія сессіи, 17 декабря, предостерегая въ послѣдній разъ

правительство, пишущій эти строки говорилъ, что „атмосфера насыщена электричествомъ, всѣ чувствуютъ приближеніе грозы и никто не знаетъ, куда упадетъ ударъ“.

Въ тотъ же день, 17 декабря, ударъ разразился. Онъ упалъ на лицо, которое всѣ считали однимъ изъ главныхъ виновниковъ маразма, разъядавшаго дворъ. Станнымъ образомъ, когда это лицо было устранено, всѣ сразу почувствовали, что совсѣмъ не въ этомъ дѣло, что устраненъ лишь яркій показатель положенія, тогда какъ зло вовсе не въ немъ, — и вообще не въ отдѣльных лицахъ. Былъ убитъ Григорій Распутинъ. Это убійство, несомнѣнно, скорѣе смутило, чѣмъ удовлетворило общество. Публика не знала тогда во всѣхъ подробностяхъ кошмарной сцены въ особнякѣ кн. Юсупова, рассказанной потомъ Пуришкевичемъ, однимъ изъ непосредственныхъ участниковъ убійства. Но она какъ бы предчувствовала, что здѣсь случилось нѣчто принижающее, а не возвышающее, — нѣчто такое, что стояло внѣ всякой пропорціи съ величіемъ задачъ текущаго момента. И убійцы не принадлежали къ числу представителей русской общественности. Напрогивъ, они вышли изъ среды, создавшей ту самую атмосферу, въ какой расцвѣтали Распутины. Это былъ скорѣй протестъ лучшей части этой среды противъ самихъ себя, выраженіе охватившаго эту среду страха, что вмѣстѣ съ собой Распутины погубятъ и ихъ. Вся царская семья давно уже порывалась объединиться и объяснить царю, что онъ ведетъ Россію и всѣхъ своихъ къ гибели. Увы, отдѣльныя объясненія и тутъ не привели ни къ чему, кромѣ личнаго разрыва. Тѣми же пустыми, ничего не говорящими глазами царь встрѣчалъ августѣйшихъ, какъ и простыхъ созѣтчиковъ.

По крайней мѣрѣ, *этотъ ударъ* разбудигъ ли спящихъ? Поймутъ ли они, что это, послѣ 1-го ноября, уже второе предостереженіе и что третьяго, быть можетъ, не будетъ? Общество задавало себѣ эти вопросы и, съ возрастающимъ нетерпѣніемъ, ждало. Оно ничего не дождалось, Рождественскіе праздники прошли, начался 1917 годъ, и всѣ съ недоумѣніемъ спрашивали себя: что же дальше? Неужели все этимъ и ограничится? И что же нужно *болѣе сильное*, чѣмъ то, что уже было? Впечатлѣніе, что страна живетъ на вулканѣ, было у всѣхъ. Но кто же возьметъ на себя починъ, кто поднесетъ фитиль и взорветъ опасную мину?

Въ обществѣ широко распространилось убѣжденіе, что слѣдующимъ шагомъ, который предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ,

будетъ дворцовый переворотъ при содѣйствіи офицеровъ и войска. Мало-по-малу сложилось представленіе и о томъ, въ чью пользу будетъ произведенъ этотъ переворотъ. Наслѣдникомъ Николая II называли его сына Алексѣя, а регентомъ на время его малолѣтства — в. к. Михаила Александровича. Изъ сообщенія М. И. Терещенко послѣ самоубійства ген. Крымова стало извѣстно, что этотъ „сподвижникъ Корнилова“ былъ самоотверженнымъ патріотомъ, который въ началѣ 1917 г. обсуждалъ въ тѣсномъ кружкѣ подробности предстоящаго переворота. Въ февралѣ уже намѣчалось его осуществленіе. Въ то же время другой кружокъ, ядро котораго составили нѣкоторые члены бюро прогрессивнаго блока съ участіемъ нѣкоторыхъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, въ виду очевидной возможности переворота, хотя и не будучи точно освѣдомленъ о приготовленіяхъ къ нему, обсуждалъ вопросъ о томъ, какую роль должна сыграть послѣ переворота Гос. Дума. Обсудивъ различныя возможности, этотъ кружокъ также остановился на регентствѣ в. к. Михаила Александровича, какъ на лучшемъ способѣ осуществить въ Россіи конституціонную монархію. Значительная часть членовъ перваго состава временнаго правительства участвовала въ совѣщаніяхъ этого втораго кружка; нѣкоторые, какъ сказано выше, знали и о существованіи перваго. . .

Однако, перевороту не суждено было совершиться такъ, какъ онъ ожидался довольно широкими кругами. Раньше, чѣмъ осуществился планъ кружка, въ которомъ участвовалъ ген. Крымовъ, переворотъ произошелъ не сверху, а снизу, не планомѣрно, а стихійно. . . Нѣкоторымъ предвѣстіемъ переворота было глухое броженіе въ рабочихъ массахъ, источникъ котораго остается неясенъ, хотя этимъ источникомъ, навѣрное, не были вожди социалистическихъ партій, представленныхъ въ Г. Думѣ. Здѣсь мы касаемся самаго темнаго момента въ исторіи русской революціи. Будущій историкъ, навѣрное, прольетъ свѣтъ и на эту сторону дѣла; но современнику, далекому отъ этого фокуса общественнаго движенія, остаются только догадки.

Мы видѣли, какими побужденіями руководились парламентскіе круги, дѣлавшіе оппозицію правительству. Ихъ главнымъ мотивомъ было желаніе довести войну до успѣшнаго конца въ согласіи съ союзниками, а причиной ихъ оппозиціи — все возрастающая увѣренность, что съ *даннымъ* правительствомъ и при *данномъ* режимѣ эта цѣль достигнута быть не могла. Эти круги на-

чали съ утвержденія, что „во время переправы не перепрягаютъ лошадей“. Мало-по-малу, упираясь и сдерживая болѣе нетерпѣливыхъ, они пришли къ сознанію необходимости требовать введенія общественныхъ элементовъ въ правительство „общественнаго довѣрія“. Неуступчивость власти дала перевѣсъ надъ ними тѣмъ теченіямъ въ обществѣ, которыя требовали формальной „отвѣтственности“ правительства передъ народнымъ представительствомъ. Противъ идеи достигнуть этой цѣли революціоннымъ путемъ — парламентское большинство боролось до самаго конца. Но видя, что насильственный путь будетъ, все равно, избранъ и помимо Государственной Думы, оно стало готовиться къ тому, чтобы ввести въ спокойное русло переворотъ, который оно предпочитало получить не снизу, а сверху.

Но рядомъ съ парламентскимъ теченіемъ общественной мысли было и другое, социалистическое. На социалистическіе круги, уже съ самаго начала войны, воздѣйствовали извнѣ представители социалистическаго интернаціонализма за границей. Уже съ ноября 1914 года жертвой этихъ воздѣйствій сдѣлалась социаль-демократическая фракція Гос. Думы, въ лицѣ своихъ членовъ — „большевиковъ“, Петровскаго, Бадаева, Муранова, Самойлова и Шагова. Въ серединѣ февраля 1915 г. происходилъ открытый судъ надъ ними: въ числѣ матеріаловъ для обвиненія фигурировалъ присланный изъ за границы проектъ резолюціи, въ которомъ была формулирована „пораженческая“ точка зрѣнія Ленина. Правда, Петровскій замѣнилъ рѣзкую фразу Ленинскаго проекта („съ точки зрѣнія рабочаго класса и трудовыхъ массъ всѣхъ народовъ Россіи, *наименьшимъ зломъ было бы пораженіе царской монархіи и ея войскъ*“) болѣе мягкими выраженіями („съ точки зрѣнія“ и т. д. „особенно опасно усиленіе побѣдоносной царской монархіи“). Затѣмъ Петровскій исключилъ изъ резолюціи центральную мысль всей большевистской тактики (о пропагандѣ въ войскахъ „социалистической революціи“ и о направленіи оружія „не противъ своихъ братьевъ, наемныхъ рабовъ другихъ странъ, а противъ реакціи буржуазныхъ правительствъ“). Для перваго года войны эти идеи были еще слишкомъ преждевременны. Они привились только значительно позже. Но, тѣмъ не менѣе, прививались среди русскихъ рабочихъ именно эти идеи. „Социаль-патріотическое“ направленіе большинства европейскаго социализма пользовалось симпатіей среди старшаго поколѣнія русскихъ эмигрантовъ, — такихъ, какъ Плехановъ, Дейчъ, Бурцевъ и дру-

гіе. Но среди рабочихъ массъ, а затѣмъ и среди войскъ несравненно больше успѣха имѣли сторонники Ленина.

Какъ проникали пораженческія вліянія на русскую фабрику и въ русскую армію? Для отвѣта на этотъ вопросъ весьма поучителенъ одинъ документъ отъ 23 февраля 1915 г., напечатанный въ началѣ 1918 г. въ русскихъ газетахъ и представляющій изъ себя циркулярное обращеніе отдѣла печати при германскомъ министерствѣ иностр. дѣлъ всѣмъ посламъ, посланникамъ и консульскимъ чинамъ въ нейтральныхъ государствахъ. Вотъ текстъ этого документа: „Доводится до вашего свѣдѣнія, что на территоріи страны, въ которой вы акредитованы, основаны спеціальныя конторы для организациі пропаганды въ государствахъ, воюющихъ съ германской коалиціей. Пропаганда коснется возбужденія соціального движенія и связанныхъ съ послѣднимъ забастовокъ, революціонныхъ вспышекъ, сепаратизма составныхъ частей государства и гражданской войны, а также агитациі въ пользу разоруженія и прекращенія кровавой войны. Предлагаемъ вамъ оказывать всемѣрное покровительство и содѣйствіе руководителямъ означенныхъ пропагандистскихъ конторъ“. Этотъ документъ — одинъ въ ряду многихъ подобныхъ — лишь подтверждаетъ тотъ германскій планъ воздѣйствія на общественныя движенія враждебныхъ странъ, который былъ составленъ еще до войны и опубликованъ во французской „Желтой Книгѣ“.

Нужно, впрочемъ, сказать, что въ общественномъ мнѣніи болѣе распространено было другое объясненіе таинственнаго источника, изъ котораго шло руководство рабочимъ движеніемъ. Этимъ источникомъ считалась полиція — и, притомъ, спеціально полиція А. Д. Протопопова. Общество было убѣждено, что вмѣсто того, чтобы *ожидать* революціи, правительство предпочтетъ, какъ это сдѣлалъ министръ внутр. дѣлъ Дурново въ декабрѣ 1905 года въ Москвѣ, *вызвать* ее искусственно и разстрѣлять ее на улицѣ. Рука департамента полиціи несомнѣнно замѣчалась въ забастовкахъ не прекращавшихся на петроградскихъ фабрикахъ, и даже въ студенческихъ волненіяхъ.

Какъ бы то ни было, откуда бы ни шли директивы, извнѣ или извнутри, — изъ объективныхъ фактовъ съ безспорностью вытекаетъ, что подготовка къ революціонной вспышкѣ весьма дѣятельно велась — особенно съ начала 1917 года, — въ рабочей средѣ и въ казармахъ петроградскаго гарнизона. Застрѣльщиками

должны были выступить рабочіе. Внѣшнимъ поводомъ для выступления рабочихъ на улицу былъ намѣченъ день предполагавшагося открытія Гос. Думы, 14 февраля. Подойдя процессіей къ Государственной Думѣ, рабочіе должны были выставить опредѣленные требованія, въ томъ числѣ и требованіе отвѣтственнаго министерства. Въ одномъ частномъ совѣщаніи общественныхъ дѣятелей этотъ проектъ обсуждался подробно, причемъ самымъ горячимъ его сторонникомъ оказался рабочій Абросимовъ, оказавшійся провокаторомъ на службѣ охраны. На провокацію указывалось и въ предостерегающемъ письмѣ къ рабочимъ П. Н. Милюкова.

Предостереженіе рабочихъ относительно возможной провокаціи на первый разъ достигло своей цѣли. Въ назначенный первоначально день (14 февраля) выступленіе рабочихъ не состоялось. Однако, оно оказалось отложеннымъ не надолго. Уже 23 февраля появились первые признаки народныхъ волненій. 24-го мирные митинги уступили мѣсто первымъ вооруженнымъ столкновеньямъ съ полиціей, сопровождавшимся и первыми жертвами. 25-го работа фабрикъ и занятія въ учебныхъ заведеніяхъ прекратились: весь Петроградъ вышелъ на улицу. У городской думы произошло крупное столкновеніе народа съ полиціей, а на Знаменской площади, при такомъ же столкновеніи, казаки приняли сторону народа, бросились на конную полицію и обратили ее въ бѣгство. Толпа привѣтствовала казаковъ; происходили трогательныя сцены братанья. 26 февраля, въ воскресенье, правительство приготовилось къ рѣшительному бою. Центръ столицы былъ оцѣпленъ патрулями, установлены были пулеметы, проведены провода военныхъ телефоновъ. Это, однако, не устратило толпу. Въ громадномъ количествѣ, со знаменами, она ходила по улицамъ, собиралась на митинги, вызывала столкновенья, при которыхъ правительствомъ были пущены въ ходъ пулеметы. Чтобы усилить полицію, часть солдатъ была переодѣта въ полицейскія шинели, что вызвало въ полкахъ гарнизона чрезвычайное негодованіе и дало толчокъ къ переходу ихъ на сторону народа. Но движеніе продолжало быть безформеннымъ и безпредметнымъ. Вмѣшательство Гос. Думы дало уличному и военному движенію центръ, дало ему знамя и лозунгъ, и тѣмъ превратило возстаніе въ революцію, которая кончилась сверженіемъ стараго режима и династіи.

III. Пять дней революціи (27 февраля—3 марта).

Распускъ Г. Думы. — Возстаніе солдатъ и образованіе временнаго комитета членовъ Г. Думы. — Комитетъ беретъ въ руки власть. — Совѣтъ рабочихъ депутатовъ и его лозунги. — Врем. комитетъ назначаетъ министерство. — Переговоры совѣта раб. депутатовъ съ врем. комитетомъ объ условіяхъ поддержки кабинета. — Деклараціи Врем. Правительства и совѣта. — Поѣздка Гучкова и Шульгина къ царю и его отреченіе отъ престола. — Рѣчь П. Н. Милюкова и агитація противъ монархіи. — Вліяніе назначенія Михаила вмѣсто Алексѣя. — Врем. Правительство и комитетъ Думы за отреченіе Михаила. — Посѣщеніе в. к. Михаила Александровича. — Позиція П. Н. Милюкова. — Текстъ отреченія. — Первая капитуляція и дальнѣйшій ходъ революціи.

Сигналь къ началу революціи дало, опять таки, само правительство. Вечеромъ, 26-февраля, предсѣдатель Г. Думы получилъ указъ объ отсрочкѣ сессіи, которая должна была открыться 27-го. Члены Гос. Думы, собравшись утромъ этого дня на засѣданіе, узнали, что они распущены. Въ непосредственной близости отъ Таврическаго дворца въ то же время уже начиналось форменное возстаніе въ казармахъ Волынскаго и Литовскаго полковъ. Движеніе началось среди солдатъ и застало офицеровъ совершенно неподготовленными: одиночныя попытки ихъ воспротивиться движенію привели къ кровавымъ жертвамъ. Солдаты въ безпорядкѣ пошли къ Таврическому дворцу. Одновременно съ этимъ, смѣшанныя толпы отправились къ арсеналу, заняли его и захватили оружіе, бросились къ тюрьмамъ освобождать арестованныхъ — не только политическихъ, но и уголовныхъ, подожгли Литовскій замокъ, окружный судъ, охранное отдѣленіе на Тверской улицѣ и т. д.

„Кто вызвалъ солдатъ на улицу“ спрашиваетъ В. Б. Станкевичъ, наблюдавшій *снизу* начало революціоннаго движенія. Мы видѣли, что предварительная агитація на фабрикахъ и въ казармахъ могла бы дать указанія для отвѣта на этотъ вопросъ. Но, во всякомъ случаѣ, закулисная работа по подготовкѣ революціи такъ и осталась за кулисами. Можно согласиться, поэтому, съ наблюденіемъ Станкевича: „Масса двинулась сама, повинуюсь какому-то

безотчетному внутреннему позыву... Ни одна партія, при всемъ желаніи присвоить себѣ эту честь, не могла дать на это отвѣта. Кто могъ предвидѣть выступленіе? Какъ разъ наканунѣ его было собраніе представителей лѣвыхъ партій, и большинству казалось, что движеніе идетъ на убыль и что правительство побѣдило. Съ какимъ лозунгомъ вышли солдаты? Они шли, повинувшись какому-то тайному голосу, и съ видимымъ равнодушіемъ и холодною позволили потомъ навѣшивать на себя всевозможные лозунги. Кто велъ ихъ, когда они завоевывали Петроградъ, когда жгли Окружный Судъ? Не политическая мысль, не революціонный лозунгъ, не заговоръ и не бунтъ. А стихійное движеніе, сразу испепелившее всю старую власть безъ остатка“.

Это и вѣрно, и невѣрно. Вѣрно, какъ общая характеристика движенія 27 февраля. Невѣрно, какъ отрицаніе всякой руководящей руки въ переворотѣ. Руководящая рука, несомнѣнно была, только она исходила, очевидно, не отъ организованныхъ лѣвыхъ политическихъ партій!

Правительство пыталось направить на возставшихъ войска, оставшіяся вѣрными ему, и на улицахъ столицы дѣло грозило дойти до настоящихъ сраженій. Таково было положеніе, когда, около полудня, сдѣлана была двоякая попытка ввести движеніе въ опредѣленное русло. Съ одной стороны, социалистическія партіи, подготовлявшія революціонные кружки среди солдатъ, попытались взять на себя руководство движеніемъ. Съ другой стороны, рѣшились стать во главѣ движенія члены Гос. Думы. Гос. Дума, какъ таковая, какъ законодательное учрежденіе стараго порядка, координированная „основными законами“ съ остатками самодержавной власти, явно обреченной теперь на сломъ, была этой старой властью распущена. Она и не пыталась, не смотря на требованіе М. А. Караулова, открыть формальное засѣданіе. вмѣсто зала засѣданій Таврическаго дворца, члены Гос. Думы перешли въ сосѣднюю полуциркульную залу (за предсѣдательской трибуной) и тамъ обсудили создавшееся положеніе. Тамъ было вынесено, послѣ ряда горячихъ рѣчей, постановленіе не разѣзжаться изъ Петрограда (я не постановленіе „не расходиться“ Г. Думѣ, какъ учрежденію, какъ о томъ сложилась легенда). Частное совѣщаніе членовъ Думы поручило вмѣстѣ съ тѣмъ своему совѣту старѣйшинъ выбрать временный комитетъ членовъ Думы и опредѣлить дальнѣйшую роль Гос. Думы въ начавшихся событіяхъ.

Въ третьемъ часу дня совѣтъ старѣйшинъ выполнилъ это порученіе, выбравъ въ составъ Временнаго Комитета М. В. Родзянко, В. В. Шульгина (націоналиста), В. Н. Львова („центръ“), И. И. Дмитрюкова (октябристъ), С. И. Шидловскаго (Союзъ 17 октября), М. А. Караулова, А. И. Коновалова (труд. гр.), В. А. Ржевскаго (прогр.), П. Н. Милюкова (к. д.), Н. В. Некрасова (к. д.), А. Ф. Керенскаго (труд.) и Н. С. Чхеидзе (с. д.). Въ основу этого выбора, предопредѣлившаго отчасти и составъ будущаго министерства, положено было представительство партій, объединенныхъ въ прогрессивномъ блокѣ. Къ нему были прибавлены представители лѣвыхъ партій, частью вышедшихъ изъ блока (прогрессисты), частью вовсе въ немъ не участвовавшихъ (трудовики и с. д.), а также президіумъ Гос. Думы. Ближайшей задачей комитета было поставлено „возстановленіе порядка и сношеніе съ учрежденіями и лицами“, имѣвшими отношеніе къ движенію. Рѣшеніе совѣта старѣйшинъ было затѣмъ обсуждено по фракціямъ и утверждено новымъ совѣщаніемъ членовъ Думы въ полуциркульномъ залѣ. Предложенія, шедшія дальше этого, — какъ-то: немедленно взять всю власть въ свои руки и организовать министерство изъ членовъ Думы, или даже объявить Думу Учредительнымъ Собраніемъ, — были отвергнуты отчасти какъ несвоевременныя, отчасти какъ принципиально неправильныя. Изъ намѣченнаго состава Временнаго Комитета отказался участвовать въ немъ Н. С. Чхеидзе и съ оговорками согласился А. Ф. Керенскій. Дѣло въ томъ, что параллельно съ рѣшеніями совѣта старѣйшинъ было рѣшено социалистическими партіями немедленно возродить къ дѣятельности совѣтъ рабочихъ депутатовъ, памятный по событіямъ 1905 года. Первое засѣданіе совѣта было назначено въ тотъ же вечеръ, въ 7 часовъ, 27 февраля, при чемъ помѣщеніемъ выбрана, безъ предварительныхъ сношеній съ президіумомъ Г. Думы, зала засѣданій Таврическаго дворца. Помѣщеніе Таврическаго дворца вообще послѣ полудня было уже занято солдатами, рабочими и случайной публикой, и въ воззваніи 27 февраля, приглашавшемъ на первое засѣданіе, „временный исполнительный комитетъ совѣта рабочихъ депутатовъ“ (анонимный) говорилъ отъ имени „засѣдающихъ въ Думѣ представителей рабочихъ, солдатъ и населенія Петрограда“. Чтобы урегулировать свой составъ, то-же воззваніе предлагало „всѣмъ перешедшимъ на сторону народа войскамъ немедленно избрать своихъ представителей, по одному на каждую роту;

заводамъ избрать своихъ депутатовъ по одному на каждую тысячу“.

Къ вечеру 27 февраля, когда выяснился весь размѣръ революціоннаго движенія, Временный Комитетъ Г. Думы рѣшилъ сдѣлать дальнѣйшій шагъ и взять въ свои руки власть, выпадавшую изъ рукъ правительства. Рѣшеніе это было принято послѣ продолжительнаго обсужденія, въ полномъ сознаніи отвѣтственности, которую оно налагало на принявшихъ его. Всѣ ясно сознавали, что отъ участія или неучастія Думы въ руководствѣ движеніемъ зависитъ его успѣхъ или неудача. До успѣха было еще далеко: позиція войскъ не только внѣ Петрограда и на фронтѣ, но даже и внутри Петрограда и въ ближайшихъ его окрестностяхъ далеко еще не выяснилась. Но была уже ясна вся глубина и серьезность переворота, неизбежность котораго сознавалась, какъ мы видѣли, и ранѣе; и сознавалось, что для успѣха этого движенія Г. Дума много уже сдѣлала своей дѣятельностью въ время войны — и специально со времени образованія прогрессивнаго блока. Никто изъ руководителей Думы не думалъ отрицать большой доли ея участія въ подготовкѣ переворота. Выводъ отсюда былъ тѣмъ болѣе ясенъ, что, какъ упомянуто выше, кружокъ руководителей уже ранѣе обсудилъ мѣры, которыя должны были быть приняты на случай переворота. Намѣченъ былъ даже и составъ будущаго правительства. Изъ этого намѣченнаго состава кн. Г. Е. Львовъ не находился въ Петроградѣ, и за нимъ было немедленно послано. Именно эта необходимость ввести въ составъ перваго революціоннаго правительства руководителя общественнаго движенія, происшедшаго внѣ Думы, сдѣлала невозможнымъ образованіе министерства въ первый же день переворота. Въ ожиданіи, когда наступитъ моментъ образованія правительства, Временный Комитетъ ограничился лишь немедленнымъ назначеніемъ комиссаровъ изъ членовъ Г. Думы во всѣ высшія правительственныя учрежденія для того, чтобы немедленно возстановить правильный ходъ административнаго аппарата. Необходимыя мѣры по обезпеченію столицы продовольствіемъ были приняты особой комиссіей, организованной исполнительнымъ комитетомъ совѣта рабочихъ депутатовъ, но подъ предсѣдательствомъ приглашеннаго Врем. Комитетомъ Гос. Думы А. И. Шингарева. Руководство военнымъ отдѣломъ также взялъ на себя членъ Гос. Думы, введенный въ составъ Врем. Комитета ночью 27 февраля, при окончательномъ выясненіи его функцій, полк. Б. Эн-

гельгардтъ. Личный составъ министровъ стараго порядка былъ ликвидированъ арестомъ ихъ, по мѣрѣ обнаруженія ихъ мѣстоахожденія. Собранные въ министерскомъ павильонѣ Гос. Думы, они были въ слѣдующіе дни перевезены въ Петропавловскую крѣпость.

Формальный переходъ власти къ Временному Комитету Г. Думы, съ ея предсѣдателемъ во главѣ, и ликвидація стараго правительства чрезвычайно ускорили и упростили дальнѣйшій ходъ переворота. Одна за другой, воинскія части, расположенныя въ Петроградѣ и въ его ближайшихъ окрестностяхъ, уже въ полномъ составѣ, съ офицерами, и въ полномъ порядкѣ переходили на сторону Гос. Думы. Члены Гос. Думы разъѣзжали по казармамъ, освѣдомляя гарнизонъ о совершившемся, и части войскъ въ теченіе слѣдующихъ дней непрерывно подходили къ Гос. Думѣ, привѣтствуемая предсѣдателемъ и членами Временнаго Комитета. Гос. Дума сдѣлалась центромъ паломничества. Она сохранила эту роль и послѣ того, какъ правительство, черезъ нѣсколько дней, перенесло свои засѣданія въ Маріинскій дворецъ, предоставивъ Таврическій дворецъ въ распоряженіе совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Первые четыре-пять дней работа вновь созданной власти велась день и ночь среди суматохи и толкотни Таврическаго дворца. Ближайшей задачей Временнаго Комитета и образуемаго имъ правительства было — выяснить свои отношенія къ образовавшемуся рядомъ съ нимъ представительству социалистическихъ партій, заявившихъ съ самаго начала претензію представлять демократическіе классы населенія, рабочихъ, солдатъ, а затѣмъ и крестьянство. Съ самого же начала „совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ“ поставилъ и свои особыя задачи совершившемуся перевороту. Уже въ воззваніи 28 февраля онъ заявилъ, что „борьба еще продолжается; она должна бытъ доведена до конца; старая власть должна бытъ окончательно низвергнута и уступить мѣсто *народному правленію*“; „для успѣшнаго завершенія борьбы въ интересахъ демократіи народъ долженъ создать *свою собственную властную организацію*“. Въ то время, какъ Временный Комитетъ Гос. Думы овладѣвалъ аппаратомъ высшаго управленія государствомъ, „совѣтъ раб. и солд. депутатовъ“ болѣе интересовался тѣмъ, чтобы взять въ свои руки управленіе столицей. Тѣмъ же воззваніемъ начались „районные комиссары для установленія народной власти въ районахъ Петрограда“, и населеніе приглашалось „немедленно

сплотиться вокруг совѣта, организовать мѣстные комитеты въ районахъ и взять въ свои руки управленіе всѣми мѣстными дѣлами“. Такъ было положено начало осуществленію „основной задачи“ совѣта: организациі народныхъ силъ для борьбы „за окончательное упроченіе политической свободы и народнаго правленія въ Россіи“. Воззваніе упоминало также о „созывѣ Учредительнаго Собранія, избраннаго на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права“.

Брошенные такимъ образомъ, независимо отъ Г. Думы, лозунги были быстро усвоены рабочими и солдатскими массами столицы. Только лѣвая часть Временнаго комитета, начиная отъ к.-д., могла примкнуть къ нимъ, оставаясь вѣрной своимъ партійнымъ взглядамъ. Однако же, и со стороны представителей болѣе правыхъ партій возраженія не послѣдовало. Скоро оказалось, что они даже готовы были быстрѣе и дальше идти на уступки, требовавшіяся моментомъ, чѣмъ нѣкоторые представители к.-д. Какъ бы то ни было, нельзя было медлить съ выясненіемъ отношеній Временнаго Комитета къ демократическимъ лозунгамъ. Необходимо было ускорить и окончательное формированіе власти. Въ виду этого, уже 1 марта Временный Комитетъ намѣтилъ составъ министерства, которому долженъ былъ передать свою власть. Во главѣ перваго революціоннаго правительства, согласно состоявшемуся еще до переворота уговору, было поставлено лицо, выдвинутое на этотъ постъ своимъ положеніемъ въ російскомъ земствѣ: кн. Г. Е. Львовъ, мало извѣстный лично большинству членовъ Временнаго Комитета. П. Н. Милюковъ и А. И. Гучковъ, въ соотвѣтствіи съ ихъ прежней дѣятельностью въ Г. Думѣ, были выдвинуты на посты министровъ иностранныхъ дѣлъ и военнаго (а также морского, для котораго въ эту минуту не нашлось подходящаго кандидата). Два портфеля, министерства юстиціи и труда, были намѣчены для представителей социалистическихъ партій. Но изъ нихъ лишь А. Ф. Керенскій далъ 2 марта свое согласіе на первый постъ. Н. С. Чхеидзе, предполагавшійся для министерства труда, предпочелъ остаться предсѣдателемъ совѣта раб. депутатовъ (онъ фактически не принималъ съ самаго начала участія и во Временномъ Комитетѣ). Н. В. Некрасовъ и М. И. Терещенко, два министра, которымъ суждено было потомъ играть особую роль въ революціонныхъ кабинетахъ, какъ по ихъ непосредственной личной близости съ А. Ф. Керенскимъ, такъ и по ихъ особой близости къ конспиративнымъ

кружкамъ, готовившимъ революцію, получили министерства путей сообщенія и финансовъ. Выборъ этотъ остался непонятнымъ для широкихъ круговъ. А. И. Шингаревъ, только что облеченный тяжелой обязанностью обезпеченія столицы продовольствіемъ, получилъ министерство земледѣлія, а въ немъ не менѣе тяжелую задачу — столкнуться съ лѣвыми теченіями въ аграрномъ вопросѣ. А. И. Коноваловъ и А. А. Мануйловъ получили посты, соотвѣтствующіе соціальному положенію перваго и профессиональнымъ занятіямъ втораго — министерство торговли и министерство народнаго просвѣщенія. Наконецъ, участіе правыхъ фракцій прогрессивнаго блока въ правительствѣ было обезпечено введеніемъ И. В. Годнева и В. Н. Львова, думскія выступленія которыхъ сдѣлали ихъ безспорными кандидатами на посты государственнаго контролера и оберъ-прокурора синода. Самый правый изъ блока, В. В. Шульгинъ, могъ бы войти въ правительство, если бы захотѣлъ; но онъ отказался и предпочелъ остаться въ трудную для родины минуту при своей профессіи публициста.

Вечеромъ 1 марта въ соединенное засѣданіе Временнаго Комитета Думы и Временнаго Правительства явились представители исполнительнаго комитета совѣта раб. депутатовъ: Н. С. Чхеидзе, Ю. М. Стекловъ (Нахамкесь), Н. Сухановъ (Гиммеръ), Н. Д. Соколовъ, Филипповскій и др., съ предложеніемъ обсудить тѣ условія, принятіе которыхъ могло бы обезпечить вновь образовавшемуся правительству поддержку демократическихъ организацій. Временное Правительство охотно приняло это предложеніе и вошло въ обсужденіе прочтенныхъ делегатами пунктовъ. Пренія затянулись далеко за полночь. По настоянію П. Н. Милюкова, делегаты совѣта согласились отказаться отъ пункта, согласно которому „вопросъ о формѣ правленія оставался открытымъ“ (въ ту минуту въ этой скромной формѣ обезпечивалась возможность разрѣшенія этого вопроса въ смыслѣ *республики*, тогда какъ временное правительство принимало мѣры къ обезпеченію регентства Михаила). По его же требованію, послѣ продолжительныхъ споровъ, они согласились вычеркнуть требованіе о выборности офицеровъ, т. е. отказались отъ введенія въ число условій своей поддержки того самаго принципа, который уже утромъ 2 марта они положили въ основу знаменитаго „приказа № 1“. Послѣ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ измѣненій и дополненій, предложенный делегатами текстъ принялъ слѣдующую форму: „Въ своей дѣятельности кабинетъ будетъ ру-

ководиться слѣдующими основаніями: 1) Полная и немедленная амністія по всѣмъ дѣламъ политическимъ и религіознымъ, въ томъ числѣ террористическимъ покушеніямъ, военнымъ возстаніямъ, аграрнымъ преступленіямъ и т. д. 2) Свобода слова, печати, союзовъ, собраній и стачекъ, съ распространеніемъ политическихъ свободъ на военнослужащихъ *въ предѣлахъ, допускаемыхъ военно-техническими условіями*. 3) Отмѣна всѣхъ сословныхъ, вѣроисповѣдныхъ и національныхъ ограниченій. 4) Немедленная подготовка къ созыву на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія Учредительнаго Собранія, которое установитъ форму правленія и конституцію страны. 5) Замята полиціи народной милиціей съ выборнымъ начальствомъ, подчиненнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія. 6) Выборы въ органы мѣстнаго самоуправления на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. 7) Неразоруженіе и невызодъ изъ Петрограда воинскихъ частей, принимавшихъ участіе въ революціонномъ движеніи. 8) *При сохраненіи строгой воинской дисциплины въ строю и при несеніи военной службы* — устраненіе для солдатъ всѣхъ ограниченій въ пользованіи общественными правами, предоставленными всѣмъ остальнымъ гражданамъ. За исключеніемъ п. 7, имѣваго, очевидно, временный характеръ, и примѣненія начала выбора къ начальству милиціи въ п. 5, все остальное въ этомъ проектѣ заявленія не только было вполне приемо или допускало приемлемое толкованіе, но и прямо вытекало изъ собственныхъ взглядовъ вновь сформированнаго правительства на его задачи. Съ другой стороны, необходимо отмѣтить, что здѣсь не заключалось ничего такого, что впослѣдствіи было внесено социалистическими партіями въ пониманіе задачи революціонной власти — и что послужило предметомъ долгихъ преній и неоднократныхъ разрывовъ между социалистической и не-социалистической частью „коалиціонныхъ“ кабинетовъ слѣдующихъ составовъ.

Съ своей стороны, П. Н. Милюковъ настоялъ, чтобы и делегаты совѣта приняли на себя извѣстные обязательства, а именно, чтобы они осудили уже обнаружившееся тогда враждебное отношеніе солдатъ къ офицерству и всѣ виды саботажа революціи, вродѣ незаконныхъ обысковъ въ частныхъ квартирахъ, грабежа имущества и т. д., и чтобы это осужденіе было изложено въ деклараціи совѣта вмѣстѣ съ обѣщаніемъ поддержки правительству въ возстановленіи порядка и въ проведеніи началъ новаго строя. Оба

заявленія, правительства и совѣта, должны были быть напечатаны рядомъ, второе послѣ перваго, чтобы тѣмъ рельефнѣе подчеркнуть ихъ взаимную связь. Исполняя это желаніе Временнаго Комитета, Н. Д. Соколовъ написалъ проектъ заявленія. Этотъ проектъ, однако, могъ быть истолкованъ въ смыслѣ обратномъ условленному, и поэтому не удовлетворилъ комитета. П. Н. Милюковъ написалъ тогда другой проектъ, который, съ нѣкоторыми измѣненіями, и былъ принятъ въ слѣдующихъ словахъ окончательной деклараціи совѣта: „... Нельзя допускать разьединенія и анархіи. Нужно немедленно пресѣкать всѣ безчинства, грабежи, врываніе въ частныя квартиры, расхищеніе и порчу всякаго рода имущества, безцѣльные захваты общественныхъ учрежденій. Упадокъ дисциплины и анархія губятъ революцію и народную свободу. Не устранена еще опасность военнаго движенія противъ революціи. Чтобы предупредить ее, весьма важно обезпечить дружную согласованную работу солдатъ съ офицерами. Офицеры, которымъ дороги интересы свободы и прогрессивнаго развитія родины, должны употребить всѣ усилія, чтобы наладить совмѣстную дѣятельность съ солдатами. Они будутъ уважать въ солдатѣ его личное и гражданское достоинство, будутъ бережно обращаться съ чувствомъ чести солдата. Съ своей стороны, солдаты будутъ помнить, что армія сильна лишь союзомъ солдатъ и офицеровъ, что нельзя за дурное поведеніе отдѣльныхъ офицеровъ клеймить всю офицерскую корпорацію“.

Когда всѣ эти переговоры были уже закончены, поздно ночью на 2-е марта въ Комитетъ приѣхалъ А. И. Гучковъ, проведеншій весь день въ сношеніяхъ съ военными частями и въ подготовкѣ обороны столицы, на случай ожидавшагося еще прихода войскъ, посланныхъ въ Петроградъ по приказанію Николая II. Возраженія Гучкова по поводу уже состоявшагося соглашенія побудили оставить весь вопросъ открытымъ. Только утромъ слѣдующаго дня, по настоянію М. В. Родзянко, П. Н. Милюковъ возобновилъ переговоры. Въ теченіе дня соглашеніе было обсуждено и принято въ совѣтѣ, и вечеромъ 2-го марта делегація совѣта вновь явилась къ П. Н. Милюкову съ предложеніемъ выработать окончательный текстъ. Кромѣ уже принятыхъ пунктовъ, делегаты настояли на включеніи фразы: „Временное Правительство считаетъ своимъ долгомъ присовокупить, что оно отнюдь не намѣрено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедленія по осуществленію вышеизложенныхъ реформъ и мѣропріятій“. Подозрительность,

проявленная въ этихъ словахъ, сказалась также и въ тѣхъ болѣе чѣмъ сдержанныхъ выраженіяхъ, въ которыхъ декларація совѣта давала правительству обѣщанную поддержку. Къ приведенной выше части деклараціи была съ этой цѣлью присоединена слѣдующая вступительная часть: „Товарищи и граждане, новая власть, создавшаяся изъ общественно-умѣренныхъ слоевъ общества, объявила сегодня о всѣхъ тѣхъ реформахъ, которыя она обязуется осуществить частью еще въ процессѣ борьбы со старымъ режимомъ, частью по окончаніи этой борьбы. Среди этихъ реформъ *нѣкоторыя* должны привѣтствоваться широкими демократическими кругами: политическая амністія, обязательство принять на себя подготовку Учредительнаго Собранія, осуществленіе гражданскихъ свободъ и устраненіе національныхъ ограниченій. И мы полагаемъ, что *въ той мѣрѣ*, въ какой нарождающаяся власть будетъ дѣйствовать въ направленіи осуществленія этихъ обязательствъ и рѣшительной борьбы со старой властью,—демократія должна оказать ей свою поддержку“. Здѣсь, какъ видимъ, не только не отразился тотъ фактъ, что текстъ правительственныхъ „обязательствъ“ въ основѣ своей составленъ самими делегатами совѣта, а текстъ ихъ деклараціи—Временнымъ Комитетомъ Гос. Думы, но и принята впервые та знаменитая формула „постольку—поскольку“, которая заранѣе ослабляла авторитетъ первой революціонной власти среди населенія. Хотя совѣтъ и санкціонировалъ, *post factum*, вступленіе А. Ф. Керенскаго въ правительство, но онъ и тутъ продолжалъ подчеркивать что правительство принадлежитъ къ „общественно-умѣреннымъ“ слоямъ, т. е. заранѣе набрасывалъ на него подозрѣніе въ классовой односторонности. Зародыши будущихъ затрудненій и осложненій уже сказались въ этой исходной формулировкѣ взаимныхъ отношеній правительства и первой изъ организацій „революціонной демократіи“.

Еще не покончивъ съ этими переговорами, Временный Комитетъ принялся за свою главнѣйшую очередную задачу, ликвидацію старой власти. Ни у кого не было сомнѣній, что Николай II болѣе царствовать не можетъ. Еще 26 февраля, въ своей телеграммѣ къ царю, М. В. Родзянко требовалъ только „немедленнаго порученія лицу, пользующемуся довѣріемъ страны, составить новое правительство“, т. е. употреблялъ прежнюю формулу прогрессивнаго блока. Онъ прибавлялъ при этомъ, что „медлить нельзя“ и что „всякое промедленіе смерти подобно“, и „молилъ Бога, чтобы въ

этотъ часть отвѣтственность не пала на вѣнценосца“. Но уже 27-го утромъ тонъ второй телеграммы былъ иной: „Положеніе ухудшается. Надо принять немедленно мѣры. *ибо завтра будетъ уже поздно. Насталъ послѣдній часъ, когда рѣшаются судьба родины и династіи*“. На просьбы, обращенныя къ главнокомандующимъ фронтами — поддержать передъ царемъ обращеніе предсѣдателя Думы, — Родзянко получилъ отъ генераловъ Брусилова и Рузскаго отвѣтныя телеграммы, что его просьба исполнена. Генер. Алексѣевъ также настаивалъ, вмѣстѣ съ в. к. Николаемъ Николаевичемъ, на „принятіи рѣшенія, признаваемого нами единственнымъ выходомъ при создавшихся роковыхъ условіяхъ“, т. е. на составленіи отвѣтственного министерства. Въ томъ же смыслѣ составлено было заявленіе, подписанное великими князьями и доставленное во Временный Комитетъ Гос. Думы. Но, дѣйствительно, было уже поздно думать *только* объ отвѣтственномъ министерствѣ. Нужно было полное и немедленное отреченіе царя. Съ цѣлью настоять на немъ, Временный Комитетъ въ ту же ночь, съ 1 на 2-е марта, рѣшилъ отправить къ Николаю II делегацію изъ А. И. Гучкова и В. В. Шульгина. Царь, правда, вызывалъ М. В. Родзянко, но отъѣздъ изъ Петрограда предсѣдателя Думы въ то время, когда только что формировалась новая революціонная власть, признанъ былъ небезопаснымъ. По мысли Комитета, отказъ Николая II долженъ былъ послѣдовать въ пользу наслѣдника, при регентствѣ Михаила.

Выѣхавъ въ 3 часа дня 2 марта, А. И. Гучковъ и В. В. Шульгинъ въ 10 час. вечера были въ Псковѣ и немедленно были приглашены въ салонъ-вагонъ Николая II. Здѣсь, послѣ рѣчи А. И. Гучкова о необходимости отреченія въ пользу сына (сидѣвшій рядомъ съ Шульгинымъ ген. Рузскій сказалъ ему при этомъ: „это уже дѣло рѣшенное“), бывший государь отвѣтилъ спокойно и не волнуясь, со своимъ обычнымъ видомъ вѣжливой непроницаемости: „Я вчера и сегодня цѣлый день обдумывалъ и принялъ рѣшеніе отречься отъ престола. *До 3 час. дня я былъ готовъ пойти на отреченіе въ пользу моего сына.* Но затѣмъ я понялъ, что разстаться съ моимъ сыномъ я неспособенъ. Вы это, я надѣюсь, поймете. Поэтому я рѣшилъ отречься въ пользу моего брата“. Ссылка на отцовскія чувства закрыла уста делегатовъ, хотя позволено думать, что въ рѣшеніи царя была и извѣстная политическая задняя мысль. Николай II не хотѣлъ рисковать сыномъ, предпочитая рисковать братомъ и Россіей, въ ожиданіи неизвѣстнаго будущаго.

Думая, какъ всегда, прежде всего о себѣ и о своихъ, даже и въ эту критическую минуту, и отказываясь отъ рѣшенія, хотя и труднаго, но до извѣстной степени подготовленнаго, онъ вновь открывалъ весь вопросъ о монархіи въ такую минуту, когда этотъ вопросъ только и могъ быть рѣшенъ отрицательно. Такова была послѣдняя услуга Николая II родинѣ.

Спросивъ делегатовъ, думаютъ ли они, что актъ отреченія дѣйствительно успокоитъ страну и не вызоветъ осложнений, — и не получивъ утвердительнаго отвѣта, Николай II удалился и въ 11¼ вечера возвратился въ вагонъ съ готовымъ документомъ. В. В. Шульгинъ попросилъ царя внести въ текстъ фразу о „принесеніи всенародной присяги“ Михаиломъ Александровичемъ въ томъ, что онъ будетъ править въ „ненарушимомъ единеніи съ представителями народа“, какъ это было уже сказано въ документѣ. Царь тотчасъ же согласился, замѣнивъ лишь слово „всенародная“ словомъ „ненарушимая.“ Безъ 10-ти минутъ въ полночь на 3-е марта отреченіе было подписано.

За этотъ день 2 марта, однако же, политическое положеніе въ Петроградѣ еще разъ успѣло измѣниться. Измѣненіе это впервые сказалось, когда около 3-хъ часовъ дня П. Н. Милюковъ произносилъ свою рѣчь о вновь образовавшемся правительствѣ въ Екатерининской залѣ Таврическаго дворца. Рѣчь эта была встрѣчена многочисленными слушателями, переполнившими залъ, съ энтузіазмомъ, и ораторъ вынесенъ на рукахъ по ея окончаніи. Но среди шумныхъ криковъ одобренія слышались и ноты недовольства и даже протеста. „Кто васъ выбралъ?“ — спрашивали оратора. Отвѣтъ былъ: „Насъ выбрала русская революція“; но „мы не сохранимъ этой власти ни минуты послѣ того, какъ свободно избранные народомъ представители скажутъ намъ, что они хотятъ на нашихъ мѣстахъ видѣть людей, болѣе заслуживающихъ ихъ довѣрія“. Такъ устанавливалась идея преемственности власти, созданной революціей, до Учредительнаго Собранія. При словахъ оратора: „во главѣ мы поставили человѣка, имя котораго означаетъ *организованную русскую общественность*, такъ непримиримо преслѣдовавшую старымъ правительствомъ“, тѣ же голоса дважды прерывали рѣчь криками: „*цензовую*“. П. Н. Милюковъ отвѣтилъ имъ: „да, но единственно-организованную, которая дастъ потомъ возможность организовать и другимъ слоямъ русской общественности“. Наконецъ, на самый существенный вопросъ — о судьбѣ ди-

насти — ораторъ отвѣтилъ: „я знаю напередъ, что мой отвѣтъ не всѣхъ васъ удовлетворить. Но я скажу его. Старый деспотъ, доведшій Россію до полной разрухи, добровольно откажется отъ престола или будетъ низложенъ. Власть перейдетъ къ регенту, в. к. Михаилу Александровичу. Наслѣдникомъ будетъ Алексѣй (шумъ и крики: „это старая династія“). Да, г. г., это старая династія, которую, можетъ быть, не любите вы, и, можетъ быть, не люблю и я. Но дѣло сейчасъ не въ томъ, кто что любить. Мы не можемъ оставить безъ отвѣта и безъ разрѣшенія вопросъ о формѣ государственнаго строя. Мы предоставляемъ его себѣ, какъ парламентарную и конституціонную монархію. Быть можетъ, другіе представляютъ иначе. Но если мы будемъ спорить объ этомъ сейчасъ, вмѣсто того, чтобы сразу рѣшить вопросъ, то Россія очутится въ состояніи гражданской войны и возродится только что разрушенный режимъ. Этого сдѣлать мы не имѣемъ права. . . Но, какъ только пройдетъ опасность и установится прочный миръ, мы приступимъ къ подготовкѣ созыва Учредительнаго Собранія, на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Свободно избранное народное представительство рѣшить, кто вѣрнѣе выразилъ общее мнѣніе Россіи, мы или наши противники“.

Къ концу дня волненіе, вызванное сообщеніемъ П. Н. Милюкова о регентствѣ в. к. Михаила Александровича, значительно усилилось. Поздно вечеромъ въ зданіе Таврическаго дворца проникла большая толпа чрезвычайно возбужденныхъ офицеровъ, которые заявляли, что не могутъ вернуться къ своимъ частямъ, если П. Н. Милюковъ не откажется отъ своихъ словъ. Не желая связывать другихъ членовъ правительства, П. Н. Милюковъ далъ требуемое заявленіе въ той формѣ, что „его слова о временномъ регентствѣ в. к. Михаила Александровича и о наслѣдованіи Алексѣя являются его личнымъ мнѣніемъ“. Это было, конечно, невѣрно, ибо во всѣхъ предшествовавшихъ обсужденіяхъ вопросъ этотъ считался рѣшеннымъ сообща въ томъ именно смыслѣ, какъ это излагалъ П. Н. Милюковъ. Но напуганный нарастающей волной возбужденія Временный Комитетъ молчаливо отрекся отъ прежняго мнѣнія.

Какъ разъ въ то время, когда происходилъ этотъ сдвигъ въ Петроградѣ, въ Псковѣ Николай II измѣнилъ свое первоначальное рѣшеніе отречься въ пользу сына и „рѣшилъ отречься въ пользу брата“. Такая перемѣна дѣлала защиту конституціонной монархіи

еще болѣе трудной, ибо отпадалъ расчетъ на малолѣтство новаго государя, составлявшее естественный переходъ къ укрѣпленію строго-конституціоннаго строя. Тѣ, кто уже согласился на Алексѣя, вовсе не были обязаны соглашаться на Михаила. И когда, около 3 часовъ ночи на 3-е марта, до членовъ правительства, остававшихся въ Таврическомъ дворцѣ, дошли первые слухи объ отреченіи Николая II въ пользу Михаила, всѣ почувствовали, что этимъ снова открытъ вопросъ о династіи. Немедленно были освѣдомлены М. В. Родзянко и кн. Г. Е. Львовъ. Оба они отправились къ прямому проводу въ военное министерство, чтобы узнать тотчасъ по расшифрованіи точный текстъ акта объ отреченіи и выяснить возможность его измѣненія. Въ то-же время были приняты мѣры, чтобы до окончательнаго рѣшенія вопроса актъ объ отреченіи Николая II не былъ опубликованъ. На разсвѣтѣ министры увѣдомили в. к. Михаила Александровича, ничего не подозревавшаго и крайне удивленнаго случившейся перемѣной, что черезъ нѣсколько часовъ они его посѣтятъ. Отсутствіе Родзянко и Львова, съ одной стороны, и ожиданіе возвращенія Гучкова и Шульгина, съ другой, задержали эту встрѣчу. Возвратившагося Шульгина пишущій эти строки успѣлъ на станціи увѣдомить по телефону о совершившейся въ Петроградѣ перемѣнѣ настроенія. Но А. И. Гучковъ уже сообщилъ желѣзнодорожнымъ рабочимъ о назначеніи Михаила и лично сдѣлался свидѣтелемъ возбужденія, вызваннаго этимъ извѣстіемъ.

Подъ этими предразсвѣтными впечатлѣніями состоялось предварительное совѣщаніе членовъ правительства и Временнаго Комитета о томъ, что и какъ говорить великому князю. А. Ф. Керенскій еще наканунѣ вечеромъ въ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ объявилъ себя республиканцемъ и сообщилъ о своемъ особомъ положеніи въ министерствѣ, какъ представителя демократіи, и объ особенномъ вѣсѣ своихъ мнѣній. Правда, принятая на конференціи петроградскихъ социалистовъ-революціонеровъ 2 марта резолюція говорила еще только о „подготовкѣ Учредительнаго Собранія *пропагандой* республиканскаго образа правленія“ и санкціонировала вступленіе Керенскаго, какъ способъ „необходимаго *контроля* надъ дѣятельностью временнаго правительства со стороны трудящихся массъ“. Но въ утреннемъ совѣщаніи 3 марта его мнѣніе о необходимости убѣдить в. к. отречься возымѣло рѣшающее вліяніе. Н. В. Некрасовъ уже успѣлъ набросать и проектъ отреченія. На сторонѣ обратнаго

мнѣнія, что надо сохранить конституціонную монархію до Учредительнаго Собранія, оказался одинъ П. Н. Милюковъ. Послѣ страстныхъ споровъ было рѣшено, что обѣ стороны мотивируютъ передъ в. к. свои противоположныя мнѣнія и, не входя въ дальнѣйшія пренія, предоставятъ рѣшеніе самому в. князю. Около полудня у в. к. на Милліонной собрались члены правительства: кн. Г. Е. Львовъ, П. Н. Милюковъ, А. Ф. Керенскій, Н. В. Некрасовъ, М. И. Терещенко, И. В. Годневъ, В. Н. Львовъ и нѣсколько позже пріѣхавшій А. И. Гучковъ, а также члены Временнаго Комитета М. В. Родзянко, В. В. Шульгинъ, И. Н. Ефремовъ и М. А. Карауловъ. Необходимость отказа пространно мотивировалъ М. В. Родзянко и, послѣ него, А. Ф. Керенскій. Послѣ нихъ П. Н. Милюковъ развилъ свое мнѣніе, что сильная власть, необходимая для укрѣпленія новаго порядка, нуждается въ опорѣ привычнаго для массъ символа власти. Временное Правительство одно, безъ монарха, говорилъ онъ, является „утлой ладьей“, которая можетъ потонуть въ океанѣ народныхъ волненій, странѣ при этихъ условіяхъ можетъ грозить потеря всякаго сознанія государственности и полная анархія, раньше чѣмъ соберется Учредительное Собраніе; Временное Правительство одно до него не доживетъ, и т. д. За этой рѣчью, вопреки соглашенію, послѣдовалъ рядъ другихъ рѣчей въ полемическомъ тонѣ. Тогда П. Н. Милюковъ просилъ и получилъ, вопреки страстному противодѣйствию Керенскаго, слово для второй рѣчи. Въ ней онъ указывалъ, что хотя и правы утверждающіе, что принятіе власти грозитъ рискомъ для личной безопасности великаго князя и самихъ министровъ, но на рискъ этотъ надо идти въ интересахъ родины, ибо только такимъ образомъ можетъ быть снята съ даннаго состава лицъ отвѣтственность за будущее. Къ тому же внѣ Петрограда есть полная возможность собрать военную силу, необходимую для защиты в. князя. Поддержалъ П. Н. Милюкова одинъ А. И. Гучковъ. Обѣ стороны заявили, что въ случаѣ рѣшенія, несогласнаго съ ихъ мнѣніемъ, они не будутъ оказывать препятствія и поддержать правительство, хотя участвовать въ немъ не будутъ.

По окончаніи рѣчей великій князь, все время молчавшій, попросилъ себѣ нѣкоторое время на размышленіе. Выйдя въ другую комнату, онъ пригласилъ къ себѣ М. В. Родзянко, чтобы побесѣдовать съ нимъ наединѣ. Выйдя послѣ этой бесѣды къ ожидавшимъ его депутатамъ, онъ сообщилъ имъ довольно твердо, что

его окончательный выборъ склонился на сторону мнѣнія, защищавшагося председателемъ Гос. Думы. Тогда А. Ф. Керенскій патетически заявилъ: „Ваше Высочество, Вы — благородный человѣкъ!“ Онъ прибавилъ, что отнынѣ будетъ всюду заявлять это. Павлосъ Керенскаго плохо гармонировалъ съ прозой принятого рѣшенія. За нимъ не чувствовалось любви и боли за Россію, а только страхъ за себя. . .

Проектъ отреченія, набросанный Н. В. Некрасовымъ, былъ очень слабъ и неудаченъ. Рѣшено было пригласить юристовъ-государственниковъ, В. Д. Набокова и Б. Э. Нольде, которые и внесли въ текстъ отреченія измѣненія, возможныя въ рамкахъ состоявшагося рѣшенія. Главное мѣсто отреченія гласило: „принялъ я твердое рѣшеніе въ томъ лишь случаѣ воспринять верховную власть, *если такова будетъ воля великаго народа* нашего, которому и надлежитъ всенароднымъ голосованіемъ своимъ черезъ представителей своихъ въ Учредительномъ Собраніи установить образъ правленія и новые основные законы государства руссійскаго. Призывая благословеніе Божіе, *прошу* всѣхъ гражданъ державы руссійской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному *всей полнотою власти*, впредь до того, какъ созданное въ возможно кратчайшій срокъ на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія Учредительное Собраніе своимъ рѣшеніемъ объ образѣ правленія выразитъ волю народа“. Чтобы легче понять, что новаго внесено этимъ актомъ, приведемъ главное мѣсто отреченія имп. Николая. „Заповѣдуемъ брату нашему править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ согласіи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу во имя горячо любимой родины. Призываю всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества къ исполненію своего *святого долга* передъ нимъ *повиновеніемъ царю* въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній, и помочь ему вмѣстѣ съ представителями народа вести государство руссійское на путь побѣды, благоденствія и славы“.

Такъ совершилась первая капитуляція русской революціи. Представители Г. Думы, „Думы третьяго іюня“, въ сущности, рѣшили вопросъ о судьбѣ монархіи. Они создали положеніе, дефективное въ самомъ источникѣ, — положеніе, изъ котораго должны были развиться всѣ послѣдующія ошибки революціи. Въ общемъ

сознаніи современниковъ этого перваго момента новая власть, созданная революціей, вела свое преемство не отъ актовъ 2 и 3 марта, а отъ событій 27 февраля. Въ этомъ была ея сила, чувствовавшаяся тогда, — и ея слабость, обнаружившаяся впоследствии.

Были ли тяжелыя послѣдствія революціи 27 февраля, развернувшіяся въ дальнѣйшемъ, неизбежны? Или, напротивъ, ихъ можно было бы избѣжать, если бы тактика новаго правительства оказалась иная? Будущему историку предстоитъ выяснитъ неизбежный характеръ послѣдовавшихъ событій, выведя его изъ трудностей войны и хозяйственной разрухи, изъ неподготовленности населенія къ практикѣ народовластія, изъ запоздалости социальныхъ и національныхъ реформъ, изъ малокультурности и неорганизованности населенія и т. п. Ближайшій участникъ событій, развертывавшихся въ центрѣ, естественно будетъ смотрѣть на событія и оцѣнивать ихъ съ точки зрѣнія менѣе фаталистической. Въ рядъ факторовъ неизмѣнныхъ, дѣйствовавшихъ съ неизбежными послѣдствіями, онъ введетъ факторъ, измѣняющійся въ зависимости отъ степени сознательности и волевой силы непосредственныхъ руководителей. Ему трудно будетъ отказаться отъ убѣжденія, что все могло бы пойти иначе, если бы степень самосознательности и степень волевого напряженія у руководителей были иныя. Русская революція была „мирная и безкровная“ въ своемъ началѣ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе двухъ причинъ: безспорнаго для всѣхъ словъ и всѣхъ политическихъ теченій *отрицательнаго* отношенія къ старой самодержавной власти, не нашедшей въ рѣшительную минуту ни одного защитника, — и столь же безспорнаго въ тѣ первыя минуты *положительнаго* отношенія къ Гос. Думѣ и къ ея дѣятелямъ, взявшимъ въ свои руки руководство переворотомъ. Но безсиліе старой власти передъ недисциплинированностью и отсталостью страны перешло по наслѣдству и къ новой власти. Данная этой властью свобода была использована крайними элементами для систематической организаціи острой классовой борьбы, перешедшей мало-по-малу въ открытую гражданскую войну подъ лозунгомъ немедленнаго мира и немедленнаго введенія социализма. Въ результатѣ, разрушительнымъ началамъ революціи легко было получить перевѣсъ надъ созидательными, стихіи — получить перевѣсъ надъ сознательностью, распаду — надъ единствомъ. Среди постепенно прогрессирувавшаго хаоса и анархіи, два элемента сохранили и усилили свой характеръ планомѣрныхъ волевыхъ фак-

торовъ: во-первыхъ, утопія всемірной соціалистической революціи, долженствовавшей изъ Петрограда перекинуться на Берлинъ, Парижъ, Лондонъ и т. д., — утопія, уже погубившая нашу первую революцію 1905 г. и отчасти при посредствѣ тѣхъ же самыхъ идеологовъ фанатиковъ; во-вторыхъ, искусство германскаго генеральнаго штаба, сумѣвшаго организовать измѣну внутри непріятельской страны и заставить русскихъ сражаться за Германію въ Петроградѣ, Москвѣ и многочисленныхъ другихъ городахъ Россіи.

Стихийный ходъ русской революціи велъ ее отъ переворота къ перевороту, причемъ каждый новый переворотъ ослаблялъ революціонную власть и все шире открывалъ путь явленіямъ распада. Можно даже подмѣтить извѣстную ритмичность въ этомъ повтореніи новыхъ и новыхъ крушеній власти. Два мѣсяца — вотъ почти точно тотъ срокъ, на который каждому вновь организовавшемуся правительству удавалось удержать надъ страной власть, становившуюся все болѣе и болѣе номинальной и фиктивной. Самый переходъ отъ власти низвергаемой къ власти, ее замѣнявшей, становился съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе длительнымъ и болѣзненнымъ.

Сообразно этому общему ритму событій русской революціи, ихъ можно раздѣлить на слѣдующіе четыре періода: 1) Первое революціонное правительство (2 марта — 2 мая). 2) Первое правительство коалиціоннаго состава (2 мая — 2 іюля). 3) Первый кризисъ власти и вторая коалиція (3 іюля — 28 августа). 4) Второй кризисъ власти и третья коалиція (28 августа — 25 октября). Таково дѣленіе по внѣшнему признаку — послѣдовательно мѣняющихся кабинетовъ. Но есть въ немъ и внутренній признакъ — постоянно прогрессирующаго распада власти. За первымъ внутреннимъ противорѣчіемъ революціи, которое мы уже отмѣтили, слѣдуетъ при первомъ революціонномъ правительствѣ второе. Г. Дума сдала революціи идею монархіи. Кабинетъ князя Г. Е. Львова сдалъ позицію буржуазной революціи, подчинившись требованіямъ и формуламъ соціалистическихъ партій. Третье противорѣчіе развернулось при слѣдующемъ кабинетѣ, *первомъ* коалиціонномъ. Выпущенный „буржуазіей“ изъ рукъ принципъ буржуазной революціи приняли подъ свою защиту умѣренные соціалисты. Какъ и можно было ожидать, эта двусмысленная позиція погубила ихъ во мнѣніи рабочаго класса и чрезвычайно усилила лѣвый флангъ русскаго соціализма, „большевизмъ“. *Второму*

коалиціонному кабінету уже пришлось стать передъ фактомъ безсилія соціалистическаго центра лицомъ къ лицу съ двумя боровшимися флангами: буржуазной диктатурой, стремившейся спасти что можно, для достиженія внѣшней побѣды и для сохраненія внутренняго мира, — и соціалистической утопией, увлекавшей массы чисто-демагогическими лозунгами. Двусмысленное положеніе, занятое Керенскимъ въ борьбѣ между этими двумя флангами, — между Корниловымъ и Ленинымъ, — лишило его союзниковъ и выдало его противникамъ. Въ выясненіи этого послѣдняго обстоятельства — одиночества власти — и заключается политическій смыслъ періода *третьей* коалиціи: того, который мы назвали „агоніей буржуазной республики“. Исходомъ агоніи явилась побѣда большевиковъ, составляющая хронологическую грань, на которой останавливается первый томъ исторіи второй революціи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

**БУРЖУАЗНАЯ ВЛАСТЬ ПОДЧИНЯЕТСЯ
ЦѢЛЯМЪ СОЦІАЛИЗМА.**

(2 МАРТА — 6 МАЯ).

I. Мѣропріятія Врем. Правительства и намѣренія совѣта р. и с. д.

Первое Временное Правительство. — Его программа. — Первая мѣропріятія. — Гражданское равноправіе. — Манифестъ о Финляндіи. — Воззваніе къ полякамъ. — Желанія другихъ національностей. — Взглядъ кн. Г. Е. Львова на управленіе Россіей. — Законопроекты по управленію. — Подготовка Учредительнаго Собранія. — „Демократическія“ организациі. — Совѣтъ р. и с. д. — „Контактная комиссія“. — „Контроль“ надъ правительствомъ — или участіе социалистовъ во власти?

6 марта Временное Правительство опубликовало воззваніе къ гражданамъ, въ которомъ излагалась программа его дѣятельности. Необходимость государственнаго переворота объяснялась въ этомъ воззваніи не одними только обстоятельствами военнаго времени, но и всей той десятилѣтней борьбой противъ народныхъ правъ, которая систематически велась верховной властью со времени роспуска первыхъ Гос. Думъ и нарушенія конституціи положеніемъ о выборахъ 3 іюня 1907 г. Въ отличіе отъ послѣдующихъ декларацій, воззваніе 6 марта первой своей задачей ставило „доведеніе войны до *побѣднаго конца*“ и заявляло при этомъ, что оно „будетъ свято хранить связывающіе насъ съ другими державами союзы и неуклонно исполнить заключенныя съ союзниками соглашенія“. Союзникамъ и эта фраза показалась тогда слишкомъ сухой. Далѣе, правительство обязывалось: 1) „созвать въ возможно кратчайшій срокъ Учредительное Собраніе... , обезпечивъ участіе въ выборахъ и доблестнымъ защитникамъ родины“; 2) „немедленно обезпечить страну твердыми нормами, ограждающими гражданскую свободу и гражданское равенство“; 3) „озаботиться установленіемъ нормъ, обезпечивающихъ всѣмъ гражданамъ равное, на основѣ всеобщаго избирательнаго права, участіе въ выборахъ органовъ мѣстнаго самоуправления“; 4) „вернуть съ почетомъ изъ мѣстъ ссылки и заточенія всѣхъ страдальцевъ за благо родины“.

Заявленіе Временнаго Правительства объ отношеніи его къ войнѣ и къ союзникамъ все же закрѣпило за-границей то благо-

пріятное впечатлѣніе, которое было создано руководящей ролью Гос. Думы въ переворотѣ. Послы и посланники союзныхъ державъ, въ ожиданіи офіціального признанія переворота ихъ правительствами, немедленно вошли въ сношенія съ образовавшимся Временнымъ Правительствомъ. Первымъ государствомъ, поспѣвшимъ и офіціально признать новую власть, была Америка, посолъ которой Френсисъ уже 9 марта былъ принятъ Временнымъ Правительствомъ въ торжественной аудіенціи. За нимъ послѣдовали, 11 марта, офіціальныя заявленія передъ Временнымъ Правительствомъ Франціи, Англіи и Италіи; потомъ, 22 марта, Бельгіи, Сербіи, Румыніи, Японіи и Португаліи.

Въ ближайшіе же дни послѣ принятія власти правительство энергично принялось за осуществленіе объявленной имъ программы. Шестымъ марта датированъ указъ о самой полной амнистіи, исключавшей лишь должностныя преступленія стараго порядка, и немедленно же сдѣланы распоряженія о возвращеніи на государственный счетъ всѣхъ политическихъ ссыльныхъ и эмигрантовъ. 12-мъ марта датировано постановленіе (опубликовано 18 марта) объ отмѣнѣ смертной казни. Труднѣе оказалось формулировать отмѣну вѣроисповѣдныхъ и національныхъ ограниченій, — необходимый шагъ къ установленію гражданскаго равенства и свободы. Можно было опубликовать общее постановленіе, но оно имѣло бы только декларативный характеръ. Можно было опубликовать перечень отмѣненныхъ статей дѣйствующаго законодательства, но это потребовало бы долгой и кропотливой работы. Временное Правительство избрало средній путь, перечисливъ главныя категоріи отмѣняемыхъ ограниченій и указавъ важнѣйшія отмѣняемыя статьи. Такимъ образомъ, закономъ, подписаннымъ 20 марта (изданъ 22 марта), отмѣнялись національныя и вѣроисповѣдныя ограниченія связанныя съ 1) свободой передвиженія и жительства, 2) приобрѣтеніемъ правъ собственности, 3) занятіемъ ремесломъ, торговлей и промышленностью, 4) участіемъ въ торгово-промышленныхъ обществахъ, 5) наймомъ прислуги, 6) поступленіемъ на государственную и общественную службы и участіемъ въ выборахъ, 7) поступленіемъ въ учебныя заведенія, 8) исполненіемъ обязанностей опекуновъ, попечителей, присяжныхъ повѣренныхъ и 9) употребленіемъ языковъ въ частныхъ обществахъ и учебныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ, было снято темное пятно, лежавшее на русской общественности по отношенію къ евреямъ, которые получили по

этому закону полное гражданское равноправіе. Еще раньше Временное Правительство поспѣшило исправить грѣхъ старой власти по отношенію къ двумъ народностямъ, особенно страдавшимъ отъ капризовъ самодержавной политики: финляндцамъ и полякамъ. Манифестъ о Финляндіи былъ подписанъ уже 6 марта: имъ отмѣнялись всѣ нарушенія финляндской конституціи, совершенныя съ самаго начала руссификаторской политики Бобрикова (т. е. съ 1892 г.), даровалась полная амнистія лицамъ, боровшимся съ русскимъ правительствомъ за права Финляндіи, и давалось обѣщаніе въ возможно краткій срокъ созвать сеймъ, которому „будутъ переданы проекты новой формы правленія для В. К. Финляндскаго и, если того потребуютъ обстоятельства, предварительно будутъ переданы проекты отдѣльныхъ основныхъ законоположеній въ развитіе конституціи Финляндіи“, а именно: въ въ нихъ „будутъ выяснены и расширены права сейма въ отношеніи права обложенія и опредѣленія доходовъ и расходовъ казны, а также и въ томъ смыслѣ, чтобы исконное право самообложенія финляндскаго народа было распространено и на таможенное обложеніе и чтобы обезпечено было своевременное движеніе подлежащихъ утвержденію законовъ, принятыхъ сеймомъ“. Далѣе, будутъ внесены проекты „о предоставленіи сейму права повѣрять служебныя распоряженія членовъ финляндскаго правительства“, „о независимомъ высшемъ судѣ, о свободѣ печати и о союзахъ“. Финляндскому народу торжественно подтверждалось, „на основѣ его конституціи, сохраненіе его внутренней самостоятельности, правъ его національныхъ — культуры и языковъ“, и высказывалась „твердая увѣренность, что Россія и Финляндія будутъ отнынѣ связаны уваженіемъ къ закону, ради взаимной дружбы и благоденствія обоихъ свободныхъ народовъ“. Увѣренность эта основывалась какъ на самомъ существѣ манифеста, которымъ вполнѣ осуществлялись стремленія финляндскихъ конституціоналистовъ-патріотовъ, составлявшія предметъ борьбы въ теченіе многихъ десятилѣтій, такъ и то обстоятельство, что актъ былъ изданъ по предварительному соглашенію съ представителями финляндскихъ политическихъ партій. Архаическій, полный пробѣловъ и умолчаній, государственный строй Финляндіи превращался манифестомъ въ конституціонное государство новѣйшаго типа, связанное съ Россіей единствомъ высшей власти и важнѣйшими общимъ терскими дѣлами. Къ сожалѣнію, уже во время перваго временнаго правительства, желанія финляндцевъ пошли дальше. Даже съ нарушеніемъ строго-

конституціонныхъ отношеній между сеймомъ и сенатомъ, они стали добиваться расширенія власти послѣдняго учрежденія, хозяйственное отдѣленіе котораго замѣняло въ Финляндіи министерство. При этомъ они очень тонко подмѣчали всѣ моменты колебаній или слабости революціонной власти, чтобы то выдвигать впередъ свои требованія, то вновь переходить къ тактикѣ выжиданія. Созывъ сейма былъ назначенъ на 22 марта, и появленіе его, какъ увидимъ, еще болѣе осложнило ходъ разрѣшенія финляндскаго вопроса.

Въ польскомъ вопросѣ, по почину П. Н. Милюкова, Временное Правительство сразу стало на опредѣленную точку зрѣнія полной независимости объединенной изъ трехъ частей этнографической Польши. Въ виду германско-австрійской оккупации русской Польши, революціонная власть не могла, конечно, осуществить свое намѣреніе непосредственно. Въмѣсто манифеста о независимости Польши пришлось издать воззваніе къ полякамъ, которое говорило не точнымъ юридическимъ языкомъ финляндскаго документа, а словами одушевленнаго и горячаго призыва — бороться за общее дѣло, „плечомъ къ плечу и рука съ рукою, за нашу и вашу свободу“, какъ гласили старыя польскія знамена 30-хъ годовъ. Временное Правительство оговаривало лишь право російскаго Учредительнаго Собранія. Основное мѣсто воззванія гласило такъ: „Сбросившій иго русскій народъ признаетъ и за братскимъ польскимъ народомъ всю полноту права собственною волею опредѣлить судьбу свою. Вѣрное соглашеніямъ съ союзниками, вѣрное общему съ ними плану борьбы съ воинствующимъ германизмомъ, Временное Правительство считаетъ созданіе *независимаго* польскаго государства, образованнаго *изъ всѣхъ земель, населенныхъ въ большинствѣ польскимъ народомъ*, надежнымъ залогомъ прочнаго мира въ будущей—обновленной—Европѣ. *Соединенное съ Россіей свободнымъ военнымъ союзомъ*, польское государство будетъ твердымъ оплотомъ противъ напора срединныхъ державъ на славянство. Освобожденный и объединенный, польскій народъ самъ опредѣлитъ государственный строй свой, высказавъ волю свою черезъ *Учредительное Собраніе*, созданное *въ столицѣ Польши и избранное всеобщимъ голосованіемъ*. Россія вѣритъ, что *связанные съ Польшей вѣками* совместной жизни народы получаютъ при этомъ прочное обезпеченіе своего гражданскаго и національнаго существованія. *Россійскому Учредительному Собранію предстоитъ скрѣпить окончательно новый братскій союзъ и дать свое согласіе на тѣ измѣненія госу-*

дарственной территоріи Россіи, которыя необходимы для образованія свободной Польши изъ *всѣхъ* трехъ, нынѣ разрозненныхъ, частей ея“.

Энтузіазмъ, вызванный опубликованіемъ финляндскаго и польскаго актовъ Временнаго Правительства, отозвался повышеніемъ ожиданій среди другихъ національностей Россіи, въ особенности народностей, пограничныхъ съ театромъ военныхъ дѣйствій. Издавая оба документа до Учредительнаго Собранія, Временное Правительство руководилось какъ идейнымъ ихъ значеніемъ и безспорностью притязаній обѣихъ народностей въ тѣхъ рамкахъ, въ которыя ввело ихъ правительство, такъ и совершенно особымъ положеніемъ Финляндіи и Польши, — и вообще, и въ особенности въ связи съ военными операціями. Въ частности, въ оккупированной Польшѣ воззваніе революціоннаго правительства укрѣпляло надежды поляковъ и помогло имъ оказать противодѣйствіе германо-австрійцамъ въ попыткахъ послѣднихъ создать полумилліонную польскую армію и закрѣпить за собой Польшу узами новой государственности, полученной изъ рукъ срединныхъ имперій. Распространеніе тѣхъ же правъ на другія народности Россіи не вызвалось такими же настоятельными причинами, предрѣшало бы будущее устройство Россіи и уже поэтому должно было быть отложено до Учредительнаго Собранія. Однако уже въ то время и эти народности предъявили Временному Правительству свои притязанія. 18 марта князя Г. Е. Львова посѣтила литовская депутація въ составѣ М. М. Ичасы, П. С. Янушкевича и В. М. Бѣльскаго и вручила ему постановленіе вновь образованнаго изъ представителей политическихъ партій „литовскаго національнаго совѣта“, что „въ этнографическомъ, культурномъ и экономическомъ отношеніяхъ Литва представляетъ *единое политическое цѣлое*“, что „при устроеніи жизни Литвы всѣ населяющія ея народности должны пользоваться равными правами, и всѣмъ имъ должно быть гарантировано свободное развитіе и участіе въ управленіи Литвой“ и что „Литва должна быть выдѣлена въ *самостоятельную административную* единицу, причѣмъ управленіе Литвой должно быть поручено органамъ и лицамъ изъ среды самаго населенія Литвы“. Смыслъ этихъ заявленій, очевидно, шелъ дальше тѣхъ осторожныхъ выраженій, въ которыя они были на первый разъ облечены. Тогда же князь Г. Е. Львовъ принялъ и украинскую депутацію въ лицѣ петроградскихъ представителей: А. И. Лотоцкаго, М. А.

Корчинскаго, М. А. Славинскаго, Гогеля, Т. Гайдара и Лободы. Требования депутаціи были еще сравнительно умеренныя и ограничивались мѣропріятіями, необходимыми до созыва Учредительнаго Собранія. Такими мѣрами депутація считала: назначеніе въ украинскія губерніи лицъ, знакомыхъ съ краемъ и съ его языкомъ, назначеніе губернскихъ украинскихъ комиссаровъ и учрежденіе при Временномъ Правительствѣ комиссара по украинскимъ дѣламъ, немедленное введеніе украинскаго языка въ практику и дѣлопроизводство судебныхъ установленій, въ начальную и среднюю школу, украинизація и открытіе новыхъ учительскихъ семинарій со особой мѣстной программой и т. д. Въ результатъ приѣма, въ Петроградѣ образовался 19 марта „Украинскій національный совѣтъ“. Временное Правительство приняло мѣры для удовлетворенія украинскихъ стремленій по вѣдомству народнаго просвѣщенія. Кромѣ того, Временное Правительство рѣшительно порвало съ политикой старой власти въ Галиціи, постепенно освободило и вернуло т. наз. „заложниковъ“ и арестованныхъ за украинскую національную пропаганду и, въ концѣ существованія перваго министерства, назначило особаго комиссара, Д. И. Дорошенко, для управленія оккупированными мѣстностями Галиціи въ строгомъ согласіи съ предписаніями Гаагской конвенціи, при помощи имѣющаго быть восстановленнымъ на расширенныхъ началахъ мѣстнаго самоуправленія. Въ томъ же духѣ и въ то же время были приняты мѣры для организаціи управленія оккупированными областями Малой Азіи (Арменіи).

Гораздо болѣе сложнымъ и труднымъ вопросомъ, отъ рѣшенія котораго зависѣлъ весь дальнѣйшій ходъ революціи, былъ вопросъ о переустройствѣ всего управленія Россіей. Мирный и быстрый успѣхъ революціи въ Петроградѣ отразился на такомъ же мирномъ и быстромъ усвоеніи ея результатовъ всей страной. Вездѣ въ провинціи представители старой власти устранились сами или были устранены безъ всякаго сопротивленія. На смѣну администраціи стараго порядка явились повсюду въ первые же дни революціи мѣстные „комитеты“, „совѣты“ и другія организаціи изъ представителей общественныхъ элементовъ. Никакого единообразія и никакой іерархической связи между этими мѣстными организаціями и центромъ не существовало. Въ первые же дни существованія Временнаго Правительства функціи губернаторовъ и уѣздныхъ представителей власти переданы были пред-

сѣдателямъ губернскихъ и уѣздныхъ управъ. Такъ какъ-по своему составу эти предсѣдатели часто не соотвѣтствовали настроенію момента, то эта суммарная мѣра на мѣстахъ вызвала тренія и недовольство. Когда изъ провинціи пріѣзжали въ Петроградъ старые и новые представители администраціи и требовали однообразныхъ директивъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, они неизмѣнно получали отъ кн. Г. Е. Львова тотъ же отказъ, который онъ далъ представителямъ печати, въ своемъ интервью 7 марта: „Это — вопросъ старой психологіи. Временное Правительство смѣстило старыхъ губернаторовъ, а назначать никого не будетъ. Въ мѣстахъ выбрать. Такіе вопросы должны разрѣшаться не изъ центра, а самимъ населеніемъ. . . Мы всѣ безконечно счастливы, что намъ удалось дожить до этого великаго момента, что мы можемъ творить новую жизнь народа — не для народа, а вмѣстѣ съ народомъ. . . Будущее принадлежитъ народу, выявившему въ эти историческіе дни свой геній. Какое великое счастье жить въ эти великіе дни“. Въ интервью 19 марта кн. Львовъ говорилъ: „Въ области мѣстнаго самоуправленія программа Временнаго Правительства составлена властными указаніями самой жизни. Въ лицѣ мѣстныхъ общественныхъ комитетовъ и другихъ подобныхъ организацій она создала уже зародышъ мѣстнаго демократическаго самоуправленія, подготавливающаго населеніе къ будущимъ реформамъ. Въ этихъ комитетахъ я вижу фундаментъ, на которомъ должно держаться мѣстное самоуправленіе до созданія новыхъ его органовъ. Комиссары временнаго правительства, посылаемые на мѣста, имѣютъ своей задачей *не становиться поверхъ* создавшихся органовъ въ качествѣ высшей инстанціи, но лишь служить посредствующимъ звеномъ между ними и центральной властью и облегчить процессъ ихъ организаціи и оформленія“. Кн. Львовъ пронесъ сказавшійся здѣсь оптимизмъ на идеалистической подкладкѣ неприкосновеннымъ черезъ всѣ испытанія первыхъ мѣсяцевъ революціи, какъ видно изъ его рѣчи 27 апрѣля въ торжественномъ юбилейномъ засѣданіи четырехъ Думъ. „Мы можемъ почитать себя счастливейшими людьми; поколѣніе наше попало въ наисчастливейшій періодъ русской исторіи“; такъ начиналась эта рѣчь, а кончилась она стихами американскаго поэта: „свобода, пусть отчаятся другіе, я никогда въ тебѣ не усомнюсь“.

Такое міровоззрѣніе руководителя нашей внутренней политики практически привело къ систематическому бездѣйствію его вѣдом-

ства и къ самоограниченію центральной власти одной задачей — санкціонированія плодовъ того, что на языкѣ „революціонной демократіи“ называлось „революціоннымъ правотворчествомъ“. Предоставленное самому себѣ и совершенно лишенное защиты со стороны представителей центральной власти, населеніе, по необходимости, должно было подчиниться управленію партійныхъ организацій, которыя приобрѣли въ новыхъ мѣстныхъ комитетахъ могучее средство вліянія и пропаганды опредѣленныхъ идей, льстившихъ интересамъ и инстинктамъ массъ, а потому и наиболѣе для нихъ пріемлемыхъ.

Однако же, мысль о необходимости ввести мѣстное „правотворчество“ въ какія нибудь однообразныя рамки закона не вовсе исчезла. Подобранные кн. Львовымъ сотрудники, во главѣ съ Н. Н. Авиновымъ, занялись разработкой соотвѣствующихъ законопроектвъ. Вліяніе ихъ на жизнь не могло сказаться уже потому, что разработка эта требовала довольно сложнаго труда и значительнаго времени. Однако же, къ концу своего существованія, подводя итогъ своей дѣятельности въ воззваніи 26 апрѣля, Временное Правительство уже имѣло возможность сообщить о ходѣ этой работы слѣдующія свѣдѣнія: „Начата коренная реорганизація мѣстнаго управленія и самоуправленія на самыхъ широкихъ демократическихъ началахъ. Изъ необходимыхъ для этихъ цѣлей законоположеній изданы уже постановленія о выборахъ въ городскія думы и о милиціи. Выработаны и будутъ изданы въ самомъ непродолжительномъ времени постановленія о волостномъ земствѣ, о реформѣ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, о мѣстныхъ продовольственныхъ органахъ, мѣстномъ судѣ и объ административной юстиціи“. Такимъ образомъ, все, что вообще было сдѣлано въ этой области до созыва Учредительнаго Собранія, было уже подготовлено при первомъ составѣ Временнаго Правительства.

Созывъ Учредительнаго Собранія, при всемъ желаніи Временнаго Правительства сдѣлать это въ кратчайшій срокъ, какъ требовало этого принятое на себя правительствомъ обязательство, закрѣпленное присягой, не могъ состояться до введенія на мѣстахъ новыхъ демократическихъ органовъ самоуправления, способныхъ провести выборы. Съ другой стороны, хотя правительство обязалось также привлечь къ выборамъ и армію, но у перваго состава Вр. Правительства сложилось убѣжденіе, что сдѣлать это можно лишь въ моментъ затишья военныхъ операцій, т. е. не рань-

ше поздней осени. Въ этихъ предѣлахъ правительство вполне добросовѣстно не хотѣло никакихъ промедленій и при первой возможности, предоставленной ему неотложными текущими дѣлами, занялось этимъ вопросомъ. Уже 25 марта Врем. Правительство постановило образовать для выработки проекта избирательнаго закона въ Учр. Собраніе „Особое совѣщаніе“ подъ предсѣдательствомъ назначеннаго правительствомъ лица (Ф. Ф. Кокошкина), съ участіемъ приглашенныхъ имъ-же специалистовъ по госуд. праву, статистикъ и другихъ свѣдущихъ лицъ, а также „политическихъ и общественныхъ дѣятелей, представляющихъ главныя политическія и національно-политическія теченія Россіи“. Однако же, созывъ этой комиссіи затормозился въ виду того, что предсѣдатель совѣта раб. и солд. депутатовъ Н. С. Чхеидзе нѣкоторое время вообще не отвѣчалъ на сдѣланное ему предложеніе объ опредѣленіи численности представителей въ совѣщаніи отъ демократическихъ организацій, а затѣмъ предложенное юридической комиссіей при Врем. Правительствѣ число ихъ вызвало разногласія. Къ срединѣ апрѣля юридическая комиссія разработала примѣрный перечень вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію при составленіи избирательнаго закона, и разослала его всѣмъ организаціямъ, имѣющимъ быть представленными въ совѣщаніи. Комиссія рассчитывала, что въ ближайшемъ будущемъ представители организацій (всего 41 членъ) будутъ делегированы, и 25 — 30 апрѣля можно будетъ начать работу. Но новыя проволочки съ посылкой делегатовъ, въ особенности національныхъ группъ, привели къ тому, что при первомъ правительствѣ работа особаго совѣщанія такъ и не началась. Во всякомъ случаѣ, основныя положенія избирательнаго закона были уже выработаны юридической комиссіей: это — тѣ самыя положенія, которыя были доложены Ф. Ф. Кокошкинымъ на апрѣльскомъ съѣздѣ партіи народной свободы и приняты партіей.

Намѣченная Временнымъ Правительствомъ программа дѣятельности, такимъ образомъ, была или осуществлена, или подготовлена къ осуществленію. Но не въ этой области законодательныхъ работъ, осуществлявшихъ великіе принципы революціи, лежали тѣ трудности, которыя, быстро возрастая, парализовали уже къ концу втораго мѣсяца работу перваго состава Временнаго Правительства. Одну изъ этихъ трудностей мы уже отмѣтили: это — исчезновеніе власти въ провинціи и вытекавшая отсюда полная невозможность приводить въ исполненіе рѣшенія цен-

трального правительства. Другая трудность заключалась въ томъ, что власть, выпущенная изъ рукъ Временнаго Правительства, была захвачена социалистическими партіями, поставившими своей прямой задачей организовать „демократію“ какъ въ центрѣ, такъ и въ провинціи, для осуществленія своихъ партійныхъ лозунговъ.

Въ центрѣ органами „революціонной демократіи“ явились какъ мѣстные петроградскія социалистическія организаціи, такъ въ особенности объединявшій ихъ совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и его „Исполнительный Комитетъ“.

Пишущій эти строки стоялъ слишкомъ далеко отъ этого вліятельнаго учрежденія, чтобы имѣть возможность описать его по личному наблюденію. Но вотъ описанія очевидца и участника, наблюдавшаго „Исполнительный Комитетъ“ Совѣта въ теченіе марта и апрѣля, т. е. какъ разъ въ описываемое время. „Комитетъ“, говоритъ Станкевичъ въ своихъ воспомнаніяхъ, „былъ учрежденіемъ, созданнымъ наспѣхъ, и уже въ формахъ своей дѣятельности имѣвшимъ множество чрезвычайныхъ недостатковъ. Засѣданія происходили каждый день съ часу дня, а иногда и раньше, и продолжались до поздней ночи, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда происходили засѣданія Совѣта, и Комитетъ, обычно въ полномъ составѣ, отправлялся туда; порядокъ дня устанавливался, обычно, „міромъ“, но очень рѣдки были случаи, чтобы удалось разрѣшить не только всѣ, но хотя бы одинъ, изъ поставленныхъ вопросовъ, такъ какъ постоянно во время засѣданій возникали экстренные вопросы, которые приходилось разрѣшать не въ очередь... Вопросы приходилось разрѣшать подъ напоромъ чрезвычайной массы делегатовъ и ходоковъ, какъ изъ Петроградскаго гарнизона, такъ и съ фронтовъ, и изъ глубины Россіи, причемъ всѣ делегаты добивались во что бы то ни стало быть выслушанными въ пленарномъ засѣданіи Комитета... Пробовали было провести раздѣленіе труда устройствомъ разныхъ комиссій, но это мало помогло дѣлу, такъ какъ центръ тяжести по-прежнему лежалъ на пленумѣ, — хотя бы потому, что комиссіямъ некогда было засѣдать, въ виду перманентности засѣданій Комитета. Важнѣйшія рѣшенія принимались часто совершенно случайнымъ большинствомъ голосовъ. Обдумывать было некогда, ибо все дѣлалось второпяхъ, послѣ ряда безсонныхъ ночей, въ суматохѣ. Усталость физическая была всеобщей. Недоспанные ночи. Бесконечныя засѣданія. Отсутствіе правильной ѣды — питались хлѣбомъ и чаемъ, и лишь

иногда получали солдатскій обѣдъ въ мискахъ безъ вилокъ и ножей.“

„Главенствующее положеніе въ Комитетѣ все время занимали социаль-демократы различныхъ толковъ. Н. С. Чхеидзе, ... только предсѣдатель, а не руководитель, ... лишь оформливалъ случайный матеріалъ, не давалъ содержанія. Его товарища, Скобелева, ... рѣдко можно было видѣть въ Комитетѣ, такъ какъ ему приходилось очень часто разѣзжаться для тушенія слишкомъ разгорѣвшейся революціи въ Кронштадтѣ, Свеаборгѣ, Выборгѣ и Ревелѣ... Н. Н. Сухановъ, старавшійся руководить идейной стороной работъ Комитета, но не умѣвшій проводить свои стремленія черезъ суетливую и неряшливую технику засѣданій; Б. О. Богдановъ, полная противоположность Суханову, сравнительно легкомысленно относившійся къ большимъ принципіальнымъ вопросамъ, но зато бодро барахтавшійся въ грудѣ дѣловой работы и организационныхъ вопросовъ, и терпѣливѣ всѣхъ высиживавшій на всѣхъ засѣданіяхъ солдатской секціи и Совѣта; Ю. М. Стекловъ, изумлявшій работоспособностью, умѣніемъ пересидывать всѣхъ на засѣданіяхъ и, кромѣ того, редактировать совѣтскія „Извѣстія“ и упорно гнувшій крайне-лѣвую, непримиримую или, вѣрнѣе сказать, трусливо революціонную линію; К. А. Гвоздевъ (потомъ, министръ труда), выдѣлявшійся разсудительной практичностью...; М. Н. Гольдманъ (Либеръ), яркій, неотразимый аргументаторъ, направлявшій остріе своей рѣчи неизмѣнно налѣво; Н. Д. Соколовъ, какъ то странно не попадавшій въ тактъ и тонъ событій...; Данъ, воплощенная догма меньшевизма, ... всегда съ запасомъ безконечнаго количества гладкихъ законченныхъ фразъ..., въ которыхъ есть все, что угодно, кромѣ дѣйствій и воли... Народники не дали для Комитета ничего похожего, даже когда появились ихъ первоклассные силы: А. Р. Гоцъ, В. М. Черновъ, И. И. Бунаковъ, В. М. Зензиновъ. Они все время предпочитали держаться въ сторонѣ... Народные социалисты, В. А. Мякотинъ и А. В. Пѣшихоновъ, старательно подчеркивали свою чужеродность въ Комитетѣ. Изъ трудовиковъ только Л. М. Брамсонъ... оставилъ очень значительный слѣдъ въ дѣловой работѣ Комитета... Большевики въ Комитетѣ были вначалѣ представлены, главнымъ образомъ, М. Н. Козловскимъ и П. И. Стучкой..., оба желчные, злые и, какъ намъ казалось, тупые. Противоположностью имъ явился потомъ Каменевъ...: въ Комитетѣ онъ былъ не врагомъ, а только оппозиціей... Военные были вначалѣ

представлены В. Н. Филипповскимъ и нѣсколькими солдатами... Изъ солдатъ... естественно попали наиболѣе истерическія, крикливыя и неуравновѣшенныя натуры... Потомъ вошли Завадье и Бинасикъ..., бывшіе, кажется, мирными писарями въ запасныхъ баталіонахъ, никогда не интересовавшимися ни войной, ни арміей, ни политическимъ переворотомъ:... наиболѣе яркое доказательство, насколько условно можно воспринимать утвержденіе, что Исполнительный Комитетъ руководилъ революціей...“

„Въ общемъ, исторію Комитета въ организаціонномъ и личномъ отношеніи слѣдуетъ раздѣлить на два періода: до и послѣ приѣзда Церетели. Первый періодъ былъ періодомъ, полнымъ случайности, колебаній и неопредѣленности, когда всякій, кто хотѣлъ, пользовался именемъ и организаціей Комитета, но болѣе всего это удавалось Стеклову... Однажды было задержано письмо на бланкѣ Комитета съ печатью къ крестьянамъ какого то села, которымъ давалась полномочіе „соціализировать“ сосѣднее помѣщичье имѣніе. Несмотря на весь радикализмъ въ соціальныхъ вопросахъ, весь Комитетъ былъ до глубины души возмущенъ... Оказалось, что такія письма выдавалъ членъ аграрной комиссіи, с. р. Александровскій... Сами совѣтскія „Извѣстія“ были, въ сущности, такимъ письмомъ Александровскаго... Вездѣ чувствовалась рука редактора, проводящаго отнюдь не взгляды Комитета... Некому было объ этомъ подумать... Когда я составилъ протестъ противъ этого направленія „Извѣстій“, Стекловъ былъ безъ сожалѣнія смѣщенъ. Такое положеніе приводило къ тому, что, хотя официально Комитетъ поддерживалъ правительство и большинство постоянно настаивало на незыблемости этой позиціи, — тѣмъ не менѣе Комитетъ самъ расшатывалъ авторитетъ правительства своими случайными мѣрами, необдуманнми шагами... Въ то время, какъ особая делегація (см. ниже) бесѣдовала и приходила къ полному единодушію съ министрами, десятки Александровскихъ разсылали письма, печатали статьи въ „Извѣстіяхъ“, разѣзжали отъ имени Комитета делегатами по провинціи и въ арміи, принимали ходокъ въ Таврическомъ Дворцѣ, каждый выступалъ по своему, не считаясь ни съ какими разговорами, инструкціями или постановленіями и рѣшеніями. Въ конечномъ счетѣ, отъ Комитета всегда всего можно было добиться, если только упорно настаивать... Рѣзко измѣнился характеръ Комитета съ появленіемъ Церетели... Онъ спокойно, увѣренно и смѣло велъ Комитетъ.., въ принципѣ

сохранялъ интернаціоналистическія тенденціи, на практикѣ рѣзко проводя оборонческую линію органическаго сотрудничества и поддержки правительства... Но, поразительно, какъ разъ въ моментъ, когда Комитетъ организовался, ... научился управлять собой, онъ выпустилъ изъ рукъ руководство массой, которая ушла въ сторону отъ него.“

Нельзя лучше и ярче сказать, что Комитетъ имѣлъ силу лишь постольку, поскольку онъ являлся невольнымъ и слѣпымъ орудіемъ проведенія чужихъ тенденцій. Когда онъ пересталъ быть такимъ орудіемъ, сторонники этихъ тенденцій нашли себѣ другіе органы и другіе методы дѣйствія. Для наблюдателя со стороны все было случайно и хаотично. А въ результатъ получилась весьма опредѣленная линія поведенія. Такъ какъ главной мишенью Комитета, въ эту первую эпоху его существованія, было Временное Правительство, то, естественно, эта единая линія поведенія, проводившаяся преимущественно Стекловымъ, и можетъ быть наблюдаема лучше всего въ области отношеній Комитета и его делегацій къ правительству.

Первые шаги Комитета въ этомъ направленіи были довольно неувѣренны и робки. Общепринятымъ догматомъ марксизма былъ тотъ, что въ настоящее время возможна только „буржуазная“, а не социалистическая революція, что социалистическія партіи должны не столько бороться за власть непосредственно, сколько создать условія для организаціи массъ съ цѣлью такой борьбы въ будущемъ, а въ ожиданіи — „контролировать“ буржуазное правительство въ его дѣятельности и не позволять ему препятствовать организаціоннымъ задачамъ „демократіи“. Въ лицѣ Временнаго Правительства самое требовательное воображеніе не могло усмотрѣть такой организаціи, которая защищала бы классовые интересы „буржуазіи“ и противилась бы демократическимъ реформамъ. Задачи, которыя преслѣдовало правительство, были надпартійныя, общія всѣмъ партіямъ: иначе и быть не могло, такъ какъ всѣ его очередныя мѣры были чисто формальныя и подготовительныя. Оно просто готовило условія для свободнаго выраженія народной воли въ Учредительномъ Собраніи, не предрѣшая по существу, какъ выразится эта воля относительно всѣхъ очередныхъ вопросовъ государственнаго строительства, — политическихъ, социальныхъ, національныхъ и экономическихъ. Вотъ почему только въ очень условномъ смыслѣ это правительство могло быть названо „буржуазнымъ“. Конференція петроградскихъ с.-р. такъ

и смотрѣла на дѣло, когда уже 2 марта признала „настоятельно-необходимой поддержку Временнаго Правительства, поскольку оно будетъ выполнять объявленную имъ политическую программу“. „Постольку—поскольку“ сдѣлалось знаменитой формулой совѣта р. и с. депутатовъ. Это было бы, по существу, неопасно, ибо Временное Правительство вовсе не думало измѣнять своей программѣ, а, напротивъ, убѣжденно и добросовѣстно ее осуществляло. Но „революціонная демократія“ не довольствовалась простымъ „контролемъ“. Въ ближайшіе же дни г. Стекловъ-Нахамкесъ заявилъ въ совѣтѣ, что совѣтъ „желаетъ путемъ постоянного *организованнаго давленія* заставлять правительство осуществлять тѣ или иныя *требованія*“. Для этой цѣли — „воздѣйствія на правительство и непрерывнаго контроля“—10 марта была избрана особая „контактная комисія“ изъ Скобелева, Стеклова, Суханова (Гиммера), Филипповскаго и Чхеидзе. Впослѣдствіи, послѣ реорганизации совѣта, ея мѣсто заняло бюро исполнительнаго комитета. „Контактная комиссія“ дѣйствовала вначалѣ очень сдержанно и робко при встрѣчахъ съ правительствомъ, для чего отъ времени до времени въ одной изъ залъ Маріинскаго дворца—не въ залѣ засѣданій совѣта министровъ—назначались особые совѣщанія. Значительная часть пожеланій „контактной комиссіи“ удовлетворялась, о чемъ демонстративно и хвастливо заявлялось въ совѣтѣ. Нѣкоторыя „требованія“ встрѣтили, однако, категорическій отказъ (напр., требованіе объ ассигновкѣ 10 милліоновъ на нужды демократическихъ организацій). На съѣздѣ совѣтовъ И. Г. Церетели призналъ (30 марта), что въ „контактной комиссіи“ „не было случая, чтобы въ важныхъ вопросахъ Временное Правительство не шло на соглашенія“. Соотвѣтственнымъ образомъ была сформулирована и декларация, предложенная исполнительнымъ комитетомъ совѣта этому съѣзду. „Признавая, что выдвинутое низверженіемъ самодержавія Временное Правительство представляющее интересы либеральной и демократической Россіи, проявляетъ стремленіе идти по пути, намѣченному деклараціей, опубликованной имъ по соглашенію съ совѣтомъ р. и с. депутатовъ, всероссійское совѣщаніе совѣтовъ р. и с. д., настаивая на необходимости постоянного воздѣйствія на Временное Правительство въ смыслѣ побужденія его къ самой энергичной борьбѣ съ контръ-революціонными силами и къ рѣшительнымъ шагамъ въ сторону демократизаціи всей русской жизни, признаетъ политически-цѣлесообразной поддержку совѣтомъ р. и с. д. Врем. Пра-

вительства, поскольку оно, въ согласіи съ совѣтомъ, будетъ неуклонно идти въ направленіи къ упроченію завоеваній революціи и *разширенію* этихъ завоеваній“. Однако же, рѣчь докладчика Стеклова и послѣдовавшія пренія вскрыли гораздо болѣе острое отношеніе къ правительству, чѣмъ это видно изъ примирительнаго текста резолюціи. Стекловъ счелъ нужнымъ поднять заднимъ числомъ вопросъ, который не игралъ никакой роли въ началѣ революціи: почему исполнительный комитетъ совѣта не захватилъ съ перваго дня власти въ свои руки? Онъ далъ на это слѣдующій характерный отвѣтъ. „По двумъ причинамъ: психологической и политической. Во первыхъ, въ первые дни революціи намъ не было еще на кого опереться. Мы имѣли передъ собой лишь неорганизованную массу... Со всѣхъ сторонъ сообщалось о томъ, что въ Петроградъ идутъ войска съ цѣлью усмиренія революціи. Мы, подобно древнимъ римлянамъ, сидѣли, увѣряя себя, что „засѣданіе продолжается“. Вторая причина—политическая. Революціонная демократія беретъ власть въ свои руки лишь тогда, когда власть въ осуществленіи своей программы становится на путь контръ-революціонный. Такого положенія у насъ не было, нѣтъ его и сейчасъ. Буржуазія прекрасно сознавала и сознаетъ, что ей надо идти на широкія уступки демократіи... Мы ни одну минуту не сомнѣвались, что *та же самая программа, которую нынѣ осуществляетъ Временное Правительство подъ аплодисменты всей російской буржуазіи, встрѣтила бы со стороны командующихъ классовъ самое энергичное сопротивленіе, если бы ее проводили мы подъ фирмой совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатов*“. Изъ наивнаго и откровеннаго признанія Стеклова его оппоненты сдѣлали дальнѣйшіе выводы. „Онн не чувствовали въ первые дни революціи почвы подъ ногами для захвата власти“, говорилъ военный врачъ Есиповскій. „Но теперь положеніе измѣнилось. За спиною совѣта р. и с. д.—армія и народъ. Представители революціоннаго пролетаріата и революціонной арміи должны поэтому войти въ составъ Временнаго Правительства. Вр. Правительство должно быть коалиціоннымъ. Пока этого не произойдетъ, двоевластіе неизбежно. Въ составѣ Вр. Правительства долженъ быть не одинъ нашъ „закладчикъ“, какимъ является А. Ф. Керенскій, а представители всѣхъ соціалистическихъ партій“. Большевикъ Каменевъ сдѣлалъ другой выводъ. „Изъ доклада Стеклова, замѣтилъ онъ совершенно правильно,—видно, что исполнительный комитетъ не только осу-

ществляетъ функціи контроля надъ Врем. Правительствомъ, но и ведетъ съ нимъ упорную борьбу. Это и надо сказать въ резолюціи. Наше отношеніе къ Вр. Правительству должно выразиться не въ поддержкѣ его, а въ томъ, чтобы, въ предвидѣніи неизбежнаго столкновенія этого правительства или, вѣрнѣе, тѣхъ классовъ, которые оно представляетъ, съ органами революционной власти—совѣтами р. и с. д.—сплотиться вокругъ этихъ послѣднихъ“.

Однако, перевѣсъ на съѣздѣ принадлежалъ не сторонникамъ коалиціи и не сторонникамъ открытой борьбы, а сторонникамъ „общенароднаго единенія буржуазіи и пролетаріата на общей платформѣ демократической республики“. Эту среднюю линію защищалъ И. Г. Церетели, не договаривая до конца аргументовъ Стеклова и подчеркивая лояльность Врем. Правительства, „не отвѣтственнаго“ за тѣ круги, которые „натравливаютъ на совѣты р. и с. д.“, и не идущаго по пути „контръ-революціи“, на который эти круги его „толкаютъ“. Существо дѣла осталось, во всякомъ случаѣ, то же. „Революціонная демократія“ за одинъ мѣсяцъ еще не успѣла почувствовать „почву подъ ногами“, и худой миръ для нея былъ предпочтительнѣе доброй ссоры. Худой миръ устраивалъ и поддерживалъ И. Г. Церетели, но и единомышленники Каменева не могли на него жаловаться, ибо „за спиной“ правительства и совѣта они совершенно свободно дѣлали то самое дѣло, которое принципиально признавали нужнымъ, хотя и отшатывались еще отъ его практическихъ послѣдствій.

II. „Револуціонная демократія“ переходить въ наступленіе.

Агитація большевиковъ противъ войны. — Мѣры большевиковъ и агентовъ къ разложенію арміи. — Воздѣйствіе большевиковъ черезъ совѣтъ и „контактную комиссію“ на правительство. — Большевики организуютъ кампанію противъ „имперіалистовъ“ за Циммервальдъ. — Обращеніе совѣта „къ народамъ всего міра“ и заявленіе правительства (28 марта) о цѣляхъ войны. — Вліяніе русскихъ эмигрантовъ и союзныхъ соціалистовъ на „демократизацію“ внѣшней политики. — Новыя требованія отъ министра иностр. дѣлъ. — Заявленіе Керенскаго. — Агитація среди рабочихъ. — Нота 18 апрѣля и уличное движеніе 20 — 21 апрѣля противъ П. Н. Милюкова. — Побѣда правительства. — Власть совѣта надъ гарнизономъ и отставка ген. Корнилова.

Въ чемъ состояла закулисная револуціонная работа „за спиной“ правительства и совѣта? [Русская революція еще не начиналась, а главный лозунгъ закулисныхъ силъ, ее двигавшихъ, уже былъ провозглашенъ. Та демонстрація рабочихъ, которая готовилась на 14 февраля, — день возобновленія сессіи Гос. Думы — должна была выразить *протестъ противъ войны*. Именно для этой цѣли какіе-то люди, именовавшіе себя членами Гос. Думы (и, конечно, не имѣвшія ничего общаго съ членами думскихъ соціалистическихъ партій), раздавали оружіе рабочимъ. Не только П. Н. Милюковъ протестовалъ тогда противъ „дурныхъ и опасныхъ совѣтовъ, исходящихъ изъ самаго темнаго источннка“, но и члены рабочей группы при всенно-промышленномъ комитетѣ, уцѣлѣвшіе отъ ареста ихъ Протопоповымъ, заявляли: „интересы рабочаго класса зовутъ васъ къ станкамъ (т. е. къ помощи войнѣ)“. Роль „темныхъ источниковъ“ въ переворотѣ 27 февраля, какъ мы уже говорили, совершенно неясна, но, судя по всему послѣдующему, отрицать ее трудно. И уже въ это первое время она совпадаетъ съ ролью „большевиковъ“. Среди нихъ дѣйствовалъ тогда провокаторъ Черномазовъ, не разоблаченный еще редакторъ прежней „Правды“. Лозунгъ большевиковъ былъ провозглашенъ въ манифестѣ, напечатанномъ уже на другой день послѣ начала революціи, въ № 1 „Извѣстій Петроградскаго Совѣта рабочихъ депута-

товъ“. „Немедленная и неотложная задача временнаго революціоннаго правительства“, говорилось тутъ, — *„войти въ сношенія съ пролетаріатомъ воюющихъ странъ для революціонной борьбы народовъ всѣхъ странъ противъ своихъ угнетателей и поработителей, противъ царскихъ правительствъ и капиталистическихъ кликъ и немедленнаго прекращенія кровавой человѣческой бойни, которая навязана поработеннымъ народамъ“*. Это—точная формула Циммервальда, не имѣющая, очевидно, ничего общаго съ той платформой „демократической республики“, при помощи которой И. Г. Церетели хотѣлъ объединить „буржуазію“ съ „пролетаріатомъ“. Но источникъ этой идеологіи и всѣ ея послѣдствія, развернувшіеся въ дальнѣйшемъ, очевидно, были неясны для официальнаго лидера „революціонной демократіи“. И онъ добросовѣстно сдѣлалъ себя и руководимое имъ большинство совѣта той ступенькой, по которой большевики пробрались къ вліянію и къ власти, совершивъ предварительно все то дѣло разрушенія, которое, по ихъ теоріи, должно было предшествовать ихъ полному торжеству.

Уже на второй день революціи, подъ вліяніемъ большевиковъ, въ заголовкѣ совѣтскаго органа, „Извѣстій“, было прибавлено къ слову „рабочихъ“ также и слово „солдатскихъ“ депутатовъ. Въ то же время появилась прокламація къ солдатамъ, подписанная, между прочимъ, и партіей с.-р., хотя черезъ день конференція с.-р. рѣзко осудила эту прокламацію, какъ „крайне неудачно составленную, вселяющую въ народныя массы взаимное недовѣріе и рознь, къ тому же изданную *безъ вѣдома* правомочныхъ партійныхъ учреждений“. Прокламація была „проникнута озлобленіемъ противъ офицеровъ, огульно безъ исключенія“. Вслѣдъ за с.-р. эту прокламацію осудилъ и Чхеидзе, какъ „провокаціонный листокъ. натравливающий солдатъ на офицеровъ и подписанный именемъ с.-д. организаціи.“ Наконецъ, какъ-то со стороны и врасплохъ былъ подсунутъ Временному Комитету Гос. Думы поздно вечеромъ 1 марта и текстъ знаменитаго приказа № 1. „Неизвѣстный“ полковнику Энгельгардту членъ сов. р. и с. д. въ военной формѣ „предложилъ ему написать приказъ объ отношеніи солдатъ и офицеровъ“. На отказъ Энгельгардта онъ отвѣтилъ: „тѣмъ лучше, напишемъ сами“. Дѣйствительно, содержаніе приказа № 1 было предложено тогда же, 1 марта, совѣту р. д. „товарищемъ Максимомъ“ (извѣстный сотрудникъ „Дня“ С. А. Кливанскій) въ слѣдующихъ четырехъ пунктахъ: „1) предложить солдатамъ не выдавать оружія никому, 2) немед-

ленно избрать представителей въ Совѣтъ, 3) предложить тов. солдатамъ подчиняться при своихъ политическихъ выступленіяхъ только Совѣту р. и с. д. и 4) подчиняясь на фронтѣ офицерамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ считать ихъ внѣ фронта равноправными гражданами*. Приказъ № 1 прибавилъ лишь къ этому приглашенію немедленно выбрать вездѣ „комитеты“ и доводить до ихъ свѣдѣнія о „всѣхъ недоразумѣніяхъ между офицерами и солдатами“, отмѣнить отдаче чести и титулованіе; фактически это привело, вопреки разъясненію исп. комитета совѣта отъ 5 марта, къ повсемѣстному выбору офицеровъ совѣтами. Нужно прибавить, что 4 марта было рѣшено расклеить по улицамъ заявленіе Керенскаго и Чхеидзе, что приказъ № 1 „не исходитъ отъ Совѣта р. д.“, а 7 марта центральный комитетъ партіи народной свободы постановилъ „довести до свѣдѣнія Совѣта, что, обсудивъ полученныя имъ свѣдѣнія о чрезвычайной смутѣ и рядѣ бѣдственныхъ происшествій въ арміи и во флотѣ, произведенныхъ приказомъ № 1, изданнымъ совѣтомъ р. и с. д., комитетъ призналъ своимъ гражданскимъ долгомъ обратиться къ совѣту съ заявленіемъ о необходимости полной и ясной отмѣны этого приказа *во имя сохраненія нашей боевой силы безъ чего немыслимо успѣшное доведеніе войны до конца*“. Однако, ни заявленіе Керенскаго и Чхеидзе не появилось въ „Извѣстіяхъ“, ни полной и ясной отмѣны приказа не состоялось, несмотря на воззваніе Скобелева и Гучкова о пагубности розни между офицерами и солдатами и о томъ, что приказы № 1 и 2 относятся только къ войскамъ петроградскаго гарнизона*). Вопреки общимъ усиліямъ всѣхъ сознательныхъ и отвѣтственныхъ руководителей, мутная струя проникла, такимъ образомъ, въ русскую революцію съ самаго начала: она внесена была, очевидно, изъ опредѣленнаго источника, о которомъ свидѣлствуетъ самое содержаніе требованій большевиковъ относительно немедленной „демократизаціи“ арміи и немедленнаго же „демократическаго“ мира. Извѣстный швейцарскій соціалъ-демократъ, Робертъ Гриммъ, уличенный позднѣе въ сношеніяхъ съ германскимъ правительствомъ, совершенно точно формулировалъ большевистскій лозунгъ въ своемъ приглашеніи на третью циммервальдскую конференцію въ Стокгольмѣ, созывав-

---

*) Н. С. Чхеидзе, по свидѣтельству Станкевича, отказался подписать это воззваніе, хотя оно и было одобрено совѣтомъ. „Мы все время говорили противъ войны,“ упрощенно аргументировалъ онъ; „какъ же теперь могу призывать солдатъ къ продолженію войны, къ стоянію на фронтѣ?“ („Воспоминанія“, 98)

шуюся имъ на 2 мая. Туда приглашались прїѣхать всѣ партіи и организации, примыкающія къ лозунгу: *„борьба противъ примиренія партій, возобновленіе классовой борьбы, требованіе немедленнаго перемирія и заключенія мира безъ аннексій и контрибуцій на основѣ самоопредѣленія народовъ“*.

Какую роль играло въ этомъ планѣ разложеніе армій, видно изъ сообщенія Верховнаго Главнокомандующаго ген. Алексѣева (1 апрѣля): „рядъ перебѣжчиковъ показываетъ, что германцы и австрійцы надѣются, что различныя организации внутри Россіи, мѣшающія въ настоящее время работѣ Временнаго Правительства, *внесутъ анархію въ страну и деморализуютъ русскую армію*“. Изъ напечатанныхъ въ началѣ 1918 г. документовъ извѣстно, что уже съ самаго начала войны воздѣйствіе на русскую армію было прямо организовано нашими противниками при содѣйствіи русскихъ эмигрантовъ — „пораженцевъ“.

Органомъ пропаганды большевиковъ явилась „Правда“, разсылавшаяся такъ же, какъ „Окопная Правда“, сразу въ громадномъ количествѣ экземпляровъ. О характерѣ пропаганды „Правды“ дадутъ понятіе слѣдующія цитаты изъ первыхъ же ея номеровъ*). „Буржуазныя партіи уже теперь стремятся ввести революцію въ умѣренное русло — организуютъ офицеровъ, призываютъ солдатъ къ подчиненію“. (№ 1) „Петербургскій комитетъ“ постановилъ предложить совѣту р. и с. д. принять мѣры „къ свободному доступу на фронтъ и въ ближайшій его тылъ для преобразованія фронта“ „нашихъ партійныхъ агитаторовъ“, которые должны были обращаться „съ призывомъ къ братанію на фронтъ“. (№ 3) Бюро Ц. К. предписывало тогда же, въ началѣ марта, „широкое и систематическое братанье солдатъ воюющихъ народовъ въ траншеяхъ“. (№ 5.) Первыми опорными точками и базами для всей дальнѣйшей дѣятельности большевиковъ явились болѣе доступныя къ воздѣйствію изъ-за границы мѣста: Гельсингфорсъ и Кронштадъ. Тамъ произошли и первыя открытыя выступленія вооруженной силы противъ Временнаго Правительства.

Однако, большевистская пропаганда далеко не сразу проникла на фронтъ. Первый мѣсяцъ или полтора послѣ революціи армія оставалась здоровой. Не пропускавъ явныхъ агитаторовъ, командный

---

*) См. подробнѣе въ брошюрѣ А. С. Изгоева: „Соціалисты во второй русской революціи“. Изд. партіи нар. свободы. Петр., 1917.

составъ добросовѣстно старался пойти навстрѣчу требованіямъ новаго строя и установить нормальныя отношенія между офицерами и солдатами. 13-го марта въ Петроградѣ состоялось первое соединенное засѣданіе членовъ комитета объединенныхъ офицерскихъ депутатовъ съ исполнительнымъ комитетомъ совѣта р. и с. д., принявшее, при общемъ энтузіазмѣ, поцѣлуяхъ и слезахъ, слѣдующую резолюцію: „Выслушавъ объясненіе исполнительнаго комитета совѣта офицерскихъ депутатовъ гарнизона Петрограда и окрестностей и балтійскаго флота, объединяющаго около 20.000 офицеровъ, собраніе заявляетъ объ установленіи прочнаго братскаго единенія между офицерами и солдатами, къ чему призываетъ всю русскую армію. Въ основу этого единенія собраніе призываетъ положить взаимное уваженіе въ каждомъ солдатѣ и каждомъ офицерѣ чувства чести и человѣческаго достоинства и общее стремленіе стоять на стражѣ свободы“. На фронтѣ съ энтузіазмомъ встрѣчались члены Гос. Думы, посланные туда для объясненія войскамъ началъ совершившагося переворота. Депутаціи, въ безчисленномъ количествѣ приходившія съ фронта и направлявшіяся сперва въ Таврической дворецъ, а потомъ, послѣ перехода Врем. Правительства, въ Маріинскій, неизмѣнно выражали довѣріе Врем. Правительству и готовность поддержать его противъ всякихъ попытокъ возстановленія стараго строя. Скоро къ этимъ темамъ присоединилась новая: опасеніе „двоевластія“ и борьбы между правительствомъ и совѣтомъ рабочихъ депутатовъ. Депутаціи зачастую убѣждали совѣтъ не мѣшать правительству въ его работѣ по подготовкѣ Учредительнаго Собранія и предлагали правительству свою поддержку противъ всѣхъ попытокъ вліять на него извнѣ. Выказывалась и готовность вести войну до побѣднаго конца. Но очень скоро къ этому стали присоединяться заявленія объ усталости арміи. Энтузіазмъ, вызванный въ войскахъ введеніемъ новаго строя, выражался многочисленными пожертвованіями георгіевскихъ крестовъ и другихъ цѣнныхъ вещей.

Не получивъ сразу непосредственнаго доступа въ армію, большевики пытались вліять на армію черезъ совѣтъ р. и с. д., который въ свою очередь, пытался воздѣйствовать на правительство черезъ свою „контактную комиссію“. Уже 12 марта солдатская секція совѣта по поводу опубликованія текста присяги постановила: „къ опубликованной присягѣ не приводить, а гдѣ это произошло, считать присягу недействительной“. Контактная комиссія

требовала внесенія въ текстъ присяги словъ о противодѣйствіяхъ контрѣ-революціоннымъ попыткамъ, но въ виду неопредѣленности этого термина и неизбежности самочинныхъ дѣйствій солдатъ при самостоятельномъ его толкованіи, правительство не согласилось измѣнить текстъ присяги. Въ засѣданіи совѣта 14 марта Нахамкесь сдѣлалъ безцеремонное заявленіе, совершенно несоотвѣтствовавшее дѣйствительности. „Бывшая царская ставка въ Могилевѣ сейчасъ сдѣлана контрѣ-революціоннымъ центромъ, Мятежники-генералы, нежелающіе подчиниться волѣ русскаго народа, реакціонные генералы . . . ведутъ открытую контрѣ-агитацію среди солдатъ. . . Мы потребовали отъ врем. правительства, чтобы оно заранѣе объявило внѣ закона тѣхъ мятежныхъ генераловъ, которые дерзають святотатственно поднять свою жалкую руку. . . Не только всякій офицеръ, всякій солдатъ не должны ему повиноваться, но всякій офицеръ, всякій солдатъ, всякій гражданинъ имѣють право и обязанность его убить раньше, чѣмъ онъ подниметъ свою руку“ и т. д.

Конечно, подобныхъ требованій правительство не удовлетворяло, — да они и не представлялись въ такой формѣ; но тотъ же Нахамкесь въ каждомъ засѣданіи контактной комиссіи систематически выкладывалъ цѣлый рядъ жалобъ изъ арміи на неподготовленность команднаго состава къ усвоенію началъ новаго строя и къ установленію основанныхъ на немъ отношеній къ солдатамъ. Отсутствіе А. И. Гучкова на большей части этихъ засѣданій приводило делегатовъ совѣта въ большое раздраженіе. Намѣченные военнымъ министромъ — и вскорѣ осуществленные — перемѣны въ командномъ составѣ, конечно, основывались не на этихъ соображеніяхъ, а главнымъ образомъ, на необходимости омолодить этотъ составъ и улучшить его въ военномъ отношеніи. Но созданная А. И. Гучковымъ комиссія подъ предсѣдательствомъ бывшаго военнаго министра А. А. Поливанова, должна была войти въ обсужденіе цѣлаго ряда другихъ предложеній, вносившихся совѣтомъ и его солдатской секціей съ цѣлью „демократизаціи арміи“. Въ этомъ числѣ была и знаменитая „декларація правъ солдата“, явившаяся въ печати уже 14 марта, какъ „постановленіе совѣта солдатскихъ депутатовъ“. 22 марта явился въ печати другой проектъ о „комитетахъ“, также понятый солдатской массой, какъ окончательный законъ. Комиссія Поливанова санкціонировала эти проекты уже тѣмъ, что приняла ихъ къ разсмотрѣнію. Въ концѣ апрѣля „де-

кларация правъ солдата“ прошла почти въ неизмѣненномъ видѣ. Но содержаніе ея было введено въ жизнь еще ранѣе, фактически. Высшее командованіе считало, что опубликованіе „декларации правъ“ будетъ сигналомъ къ полному разложенію арміи. Но разложеніе это въ теченіе апрѣля пошло и безъ того далеко впередъ. Въ концѣ апрѣля (27), въ торжественномъ засѣданіи четырехъ Думъ, это долженъ былъ признать самъ военный министръ Гучковъ. „Казалось, что наша военная мощь возродится, ... что вспыхнетъ священный энтузіазмъ, что закалится, какъ стальная пружина, воля къ побѣдѣ“, говорилъ онъ. „Казалось, эта новая, свободная армія затмитъ своими подвигами старую, подневольную“... „Мы должны честно признать, что этого нѣтъ. Она переживаетъ тотъ же недугъ, какъ страна: двоевластіе, многовластіе, безвластіе... Не опоздали ли мы, съ нашими врачебными совѣтами и методами леченія? Я думаю, нѣтъ. Не опоздаемъ ли, если хотя нѣсколько промедлимъ? Я думаю, да. Тотъ гибельный лозунгъ, который внесли къ намъ какіе-то люди, зная, что творять, — а можетъ быть, и не зная, что творять, — этотъ лозунгъ „миръ на фронтѣ и война въ странѣ“, эта проповѣдь международнаго мира во что бы то ни стало и гражданской войны во что бы то ни стало, этотъ лозунгъ долженъ быть заглушенъ властнымъ окрикомъ великаго русскаго народа: „война на фронтѣ и миръ внутри“. Г. г., вся страна когда-то признала: отечество въ опасности. Мы сдѣлали еще шагъ впередъ: отечество на краю гибели“.

Если одной своей стороною циммервальдская формула обращала свое требованіе къ военному министру, то другой — и наиболѣе существенной — она обращалась къ министру иностранныхъ дѣлъ. Открывая 3 марта засѣданіе совѣта р. и с. д., Н. С. Чхеидзе рѣзко подчеркнулъ международный характеръ русской революціи. „Да здравствуетъ всемірный пролетаріатъ. Уже поднято знамя международнаго пролетаріата“. 14 марта эта мысль была развита въ воззваніи „къ народамъ всего міра“, принятомъ совѣтомъ р. и с. д. Содержаніе воззванія довольно робко намѣчаетъ очертанія будущей циммервальдской тактики. „Россійская демократія“ возвѣщаетъ „народамъ всего міра“ о своемъ „вступленіи въ ихъ семью полноправнымъ членомъ“ и „заявляетъ, что наступила пора начать рѣшительную борьбу съ захватными стремленіями правительствъ всѣхъ странъ, наступила пора народамъ взять въ свои руки рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ“. Но тотчасъ затѣмъ воззваніе спе-

ціально обращается къ австро-германцамъ, убѣждая германскую соціалъ-демократію, что теперь ей уже не приходится „защищать культуру Европы отъ азіатскаго деспотизма“ и что „русская демократія будетъ стойко защищать нашу собственную свободу отъ всякихъ реакціонныхъ посягательствъ какъ изнутри, такъ и извнѣ; русская революція не отступитъ передъ штыками завоевателей и не позволитъ раздавить себя внѣшней военной силой“. Воззваніе призываетъ уже спеціально демократію срединныхъ имперій, отдѣляя ее отъ союзной: „сбросьте съ себя иго вашего самодержавнаго порядка, подобно тому, какъ русскій народъ стряхнулъ съ себя царское самовластіе; откажитесь служить орудіемъ захвата и насилія въ рукахъ королей, помѣщиковъ и банкировъ — и дружными усилями мы прекратимъ страшную бойню, позорящую человечество и омрачающую великіе дни рожденія русской свободы“. Предсѣдатель Чхеидзе еще болѣе подчеркнул эти оговорки воззванія. „Обращаясь къ нѣмцамъ, мы не выпускаемъ изъ рукъ винтовки. И прежде, чѣмъ говорить о мирѣ, мы предлагаемъ нѣмцамъ свергнуть Вильгельма, ввергшаго народъ въ войну, точно такъ же, какъ мы свергли свое самодержавіе. Если нѣмцы не обратятъ на нашъ призывъ вниманія, то мы будемъ бороться за нашу свободу до послѣдней капли крови. Предложеніе мы дѣлаемъ съ оружіемъ въ рукахъ, и центръ воззванія вовсе не въ томъ, что мы устали и просимъ мира. Лозунгъ воззванія: долой Вильгельма“. Все это, конечно, очень далеко отъ темъ агитаціи, внесенныхъ извнѣ.

Тотчасъ послѣ изданія обращенія „къ народамъ всего міра“ руководители совѣта р. и с. д. обратили особое вниманіе на внѣшнюю политику. Министръ иностранныхъ дѣлъ велъ эту политику въ духѣ традиціонной связи съ союзниками, не допуская мысли о томъ что революція можетъ ослабить международное значеніе Россіи рѣзкой перемѣной оріентаціи и измѣненіемъ взгляда на заключенныя соглашенія и принятые обязательства. Во всѣхъ своихъ выступленіяхъ онъ рѣшительно подчеркивалъ пацифистскія цѣли освободительной войны, но всегда приводилъ ихъ въ тѣсную связь съ національными задачами и интересами Россіи. Руководители соціалистическихъ партій совѣта справедливо считали эту политику полнымъ противорѣчіемъ основной идеѣ Циммервальда объ общей виновности всѣхъ правительствъ въ войнѣ, о борьбѣ рабочихъ классовъ всѣхъ странъ противъ всѣхъ „буржуазныхъ“ правительствъ и

о всемірній революції, которая, по почину Россіи, введеть повсемѣстно соціалистическій строй. Черезъ „контактную комиссію“ эти руководители, въ особенности Церетели, требовали отъ правительства немедленнаго публичнаго заявленія о цѣляхъ войны въ соотвѣтствіи съ формулой: „миръ безъ аннексій и контрибуцій“. Тщетно П. Н. Милюковъ убѣждалъ ихъ, что самая основа ихъ расчета — возможность сговориться съ соціалистами всѣхъ странъ на почвѣ циммервальдской формулы, — не существуетъ, ибо подавляющее большинство соціалистовъ обѣихъ воюющихъ сторонъ стали на точку зрѣнія національную и съ нея не сойдутъ. Отчасти незнакомство съ европейскими отношеніями, отчасти вѣра въ творческую силу русской революції, отчасти, наконецъ, и прямая зависимость отъ большевистской идеологіи не позволяли соціалистамъ согласиться съ П. Н. Милюковымъ въ этомъ коренномъ вопросѣ интернаціональнаго міросозерцанія. Но не поддержали его и его товарищи не-соціалисты. Въ частности, у кн. Г. Е. Львова интернаціоналистическая концепція совпадала съ идеалистическими славянофильскими чаяніями. Въ своей рѣчи 27 апрѣля онъ говорилъ: „Великая русская революція поистинѣ чудесна въ своемъ величавомъ, спокойномъ шествіи. . . Чудесна въ ней. . . самая сущность ея руководящей идеи. Свобода русской революції проникнута элементами мірового, вселенскаго характера. Идея, взрожденная изъ мелкихъ сѣмянъ свободы и равноправія, брошенныхъ на черноземную почву полвѣка тому назадъ, охватила не только интересы русскаго народа, а интересы всѣхъ народовъ всего міра. Душа русскаго народа оказалась міровой демократической душой по самой своей природѣ. Она готова не только слиться съ демократіей всего міра, но стать впереди ея и вести ее по пути развитія чело-вѣчества на великихъ началахъ свободы, равенства и братства“. Естественно, что Церетели въ своей отвѣтной рѣчи на томъ-же торжествѣ четырехъ Думъ отмѣтилъ свое согласіе съ кн. Львовымъ, истолковавъ его слова по своему и противопоставивъ ихъ „старымъ формуламъ“ царскаго и союзническаго „имперіализма“. „Я съ величайшимъ удовольствіемъ“, говорилъ онъ, „слушалъ рѣчь предсѣдателя Врем. Правительства кн. Львова, который иначе формулируетъ задачи русской революції и задачи внѣшней политики. Кн. Г. Е. Львовъ сказалъ, что онъ смотритъ на русскую революцію не только какъ на національную революцію, что въ отблескѣ этой революції уже во всѣмъ мірѣ *можно ожидать такого же встрѣ-*

наго революціоннаго движенія. Я привѣтствую эти слова предсѣдателя Врем. Правительства и въ нихъ вижу настроеніе той части буржуазіи, которая пошла на общую демократическую платформу и я глубоко убѣжденъ, что *пока* правительство стоитъ на этомъ пути, пока оно формулируетъ цѣли войны въ соотвѣтствіи съ чаяніями всего русскаго народа, *до тѣхъ поръ* положеніе Врем. Правительства прочно“. Этими самими аргументами И. Г. Церетели убѣждалъ, мѣсяцемъ раньше, Врем. Правительство стать на его точку зрѣнія. П. Н. Милюковъ, уступая большинству, согласился на опубликованіе заявленія о цѣляхъ войны, — но не въ видѣ дипломатической ноты, а въ видѣ воззванія къ гражданамъ, и притомъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя не исключали возможности его прежняго пониманія задачъ внѣшней политики и не требовали отъ него никакихъ перемѣнъ въ курсъ этой политики. „Заявленіе Врем. Правительства о цѣляхъ войны“ было, дѣйствительно, опубликовано 28 марта и вставлено въ обращеніе къ гражданамъ, съ указаніемъ, что „государство въ опасности“ и что „нужно наперечъ всѣ силы для его спасенія“. Такая форма была придана документу А. Ф. Керенскимъ. Основное мѣсто выражено слѣдующимъ образомъ: „предоставляя волѣ народа (т. е. Учредительному Собранію) въ тѣсномъ единеніи съ союзниками окончательно разрѣшить всѣ вопросы, связанные съ міровой войной и ея окончаніемъ, Временное Правительство считаетъ своимъ правомъ и долгомъ нынѣ же заявить, что цѣль свободной Россіи — не господство надъ другими народами, не отнятіе у нихъ ихъ національнаго достоянія, не насильственный захватъ чужихъ территорій, но утвержденіе прочнаго мира на основѣ самоопредѣленія народовъ. Русскій народъ не добивается усиленія внѣшней мощи своей за счетъ другихъ народовъ, какъ не ставитъ своей цѣлью ничьего порабоженія и униженія. Во имя вышихъ началъ справедливости имъ сняты оковы, лежавшія на польскомъ народѣ, и *русскій народъ не допуститъ, чтобы родина его вышла изъ великой борьбы униженной, подорванной въ жизненныхъ своихъ силахъ*. Эти начала будутъ положены въ основаніе внѣшней политики Врем. Правительства, неизмѣнно проводящаго волю народную и ограждающаго права нашей родины, при полномъ соблюденіи обязательствъ, принятыхъ въ отношеніи нашихъ союзниковъ“. Естественно, что представители совѣта въ „контактной комиссіи“ нашли выраженія акта, передавшія описательно формулу „безъ аннексій и контрибуцій“ двусмысленными и уклон-

чивыми, а подчеркнутыя выраженія, говорившія о „правахъ родины“, которыя должны быть „ограждены“, и о жизненныхъ силахъ ея, которыя при окончаніи борьбы не должны быть „подорваны“ (эти выраженія были вставлены Ф. Ф. Кокошкинымъ), — неприемлемыми, и грозили завтра же начать кампанію противъ Врем. Правительства въ газетахъ. Тогда Н. В. Некрасовъ указаль имъ, что для нихъ же выгоднѣе истолковать уклончивыя выраженія акта въ своемъ смыслѣ, какъ уступку правительства, и на этомъ основаніи поддержать „Заявленіе“. Эта тактика и была принята соціалистической печатью. П. Н. Милюковъ заранѣе выговорилъ себѣ право, въ случаѣ, если заключенный компромиссъ будетъ толковаться односторонне, толковать его въ своемъ смыслѣ и раскрывать неопредѣленные выраженія въ направленіи прежней своей политики, согласной съ политикой союзниковъ и съ національными интересами Россіи.

Такимъ образомъ, первая побѣда надъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ оказалась неполной и мнимой. Естественно, что защитники интернаціональной точки зрѣнія на этомъ не успокоились и продолжали борьбу. Въ апрѣлѣ они получили для этой борьбы новыхъ союзниковъ: русскихъ эмигрантовъ-циммервальдцевъ, возвращавшихся изъ-за границы въ сопровожденіи ихъ швейцарскихъ и скандинавскихъ единомышленниковъ, и представителей союзнаго соціализма, англійскаго и французскаго, сперва неофициальныхъ, а затѣмъ и официальныхъ, пошедшихъ на уступки совѣту дальше, чѣмъ допускали общесоюзные и ихъ собственные національные интересы.

31 марта пріѣхали въ Стокгольмъ 30 русскихъ эмигрантовъ пропущенныхъ черезъ Германію въ запломбированномъ вагонѣ, въ сопровожденіи трехъ германскихъ офицеровъ и швейцарскаго соціалиста-циммервальдца Платтена. Въ своемъ заявленіи, напечатанномъ въ „Politiken“, эти эмигранты сами сообщили слѣдующее: „Англійское правительство не пропускаетъ въ Россію русскихъ революціонеровъ, поскольку они противъ войны. Когда это вполнѣ выяснилось, то часть русскихъ товарищей въ Швейцаріи (надо прибавить, при рѣшительномъ протестѣ другихъ) рѣшились пріѣхать въ Россію черезъ Германію на Швецію. Фрицъ Платтенъ, секретарь швейцарской соціаль-демократіи и вождь ея лѣваго крыла, извѣстный интернаціоналистъ-антимилитаристъ, вступилъ въ переговоры съ германскимъ правительствомъ. Русскіе товарищи требовали предоставленія имъ при

проїздъ права екстерриторіальности, именно, никакого контроля паспортовъ и багажа, а также, чтобы ни одинъ человекъ не имѣлъ права входить въ вагонъ; ѣхать же могъ бы всякій, не взирая на политическіе взгляды, кого только русскіе возьмутъ. Со своей стороны, русскіе товарищи заявили, что будутъ требовать освобожденія германскихъ и австро-венгерскихъ гражданскихъ лицъ, задержанныхъ въ Россіи. Германское правительство приняло эти условія, и 9 апрѣля (н. с.) 30 русскихъ эмигрантовъ выѣхали черезъ Германдингенъ изъ Швейцаріи; между ними находились Ленинъ и Зиновьевъ, редакторы „Соціалъ-демократа“, центрального органа русской соціалъ-демократіи“. Въ Стокгольмѣ Ленинъ совѣщался съ представителями крайнихъ теченій шведской соціалъ-демократіи. Въ то же время въ Копенгагенъ выѣхали вожди австрійскихъ социалистовъ, Адлеръ, Реннеръ и Зейцъ, совѣщавшіеся раньше съ гр. Чернинымъ, въ сопровожденіи Шейдемана, примкнувшаго къ нимъ въ Берлинѣ. Передъ отъѣздомъ, группа Ленина приняла резолюцію, въ которой рекомендовала сейчасъ же войти въ переговоры о мирѣ, не взирая на общее положеніе Ленинъ произнесъ въ Цюрихѣ рѣчь, въ которой Керенскій изображался опаснымъ предателемъ революціи, а Чхеидзе, какъ тоже вступившій на путь предательства. Въ „Deutsche Tageszeitung“ графъ Ревентловъ привѣтствовалъ это движеніе, какъ „новую русскую революцію“. Послѣдствія показали, что германскій націоналистъ былъ правъ и что расчетъ нашихъ враговъ, пославшихъ Ленина въ Россію, былъ совершенно правиленъ. Но даже и они не могли рассчитывать, насколько благопріятно сложатся въ Россіи обстоятельства для успѣха пропаганды, которую въ самой Германіи, для себя, германцы считали чрезвычайно опасной.

Первая встрѣча Ленина съ его единомышленниками въ Россіи показала, однако, какъ значительна разница между тенденціями чистаго Циммервальда и сложившимися взглядами русскихъ социалъ-демократовъ. 4 апрѣля состоялась конференція разныхъ теченій с.-д. съ цѣлью объединенія. Ленинъ обратился къ собравшимся съ двухчасовой рѣчью, въ которой развилъ всѣ свои лозунги, закончивъ призывомъ сбросить „старое бѣлье“, названіе „соціалъ-демократовъ“ и „вмѣсто прогнившей соціалъ-демократіи создать новую соціалистическую организацію коммунистовъ“. Предложеніе было встрѣчено общимъ недоумѣніемъ, и начавшаяся среди аплодисментовъ одной стороны и свистковъ другой стороны рѣчь кон-

чилась при гробовомъ молчаніи. Даже большевики заявили, что выдвинутый Ленинымъ лозунгъ гражданской войны они считаютъ преступнымъ. Стекловъ объяснилъ рѣчь Ленина незнакомствомъ съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи. Только А. М. Коллонтай, защищая Ленина, при бурныхъ протестахъ предложила отказаться отъ объединенія с.-д. и объединить лишь тѣхъ, кто способенъ въ настоящую минуту совершить социальную революцію. Остальные ораторы стояли за объединеніе, а одинъ изъ нихъ даже утверждалъ, что рѣчь Ленина объединила большевиковъ съ меньшевиками*). Соціалистическая печать отнеслась къ выступленію Ленина отрицательно. „Рабочая Газета“ прямо говорила, что „всякій значительный успѣхъ Ленина будетъ успѣхомъ реакціи“, что Ленинъ несетъ съ собой серьезную опасность для революціи, ибо „среди несознательныхъ элементовъ революціонной стихіи онъ сможетъ еще вербовать себѣ новыхъ сторонниковъ“. Даже „Правда“ была въ первые дни сконфужена заявленіями Ленина. Печатавъ фельетоны Ленина и принимая въ передовой статьѣ его требованіе о переходѣ власти къ совѣтамъ р. и с. д., „Правда“ (8 апрѣля) заявляла: общая схема г. Ленина „представляется намъ непріемлемой, поскольку она исходитъ отъ признанія буржуазно-демократической революціи законченной и рассчитана на немедленное перерожденіе этой революціи въ революцію социалистическую“.

Однако, по главному вопросу — о войнѣ и мирѣ — принципиальнаго разногласія не было не только между Ленинымъ и „Правдой“, но и между большевиками и болѣе умѣренными теченіями социализма. Пріѣздъ Ленина лишь замѣтно усилилъ тонъ и настойчивость ихъ требованій отъ русской внѣшней политики. Еще 25 марта была напечатана резолюція „Организаціоннаго комитета“ с.-д. партіи, въ которой открыто провозглашенъ лозунгъ, сформулированный Робертомъ Гриммомъ: „самая важная и совершенно неотложная задача русской революціи въ настоящій моментъ — борьба за миръ безъ аннексій и контрибуцій на основѣ самоопредѣленія народовъ, борьба за миръ въ международномъ масштабѣ“. Для этой цѣли признано необходимымъ побудить Временное Правительство не только „официально и безусловно отказаться отъ всякихъ за-

---

*) Противники Ленина послѣ перваго его выступленія въ Совѣтѣ говорили: „Человѣкъ, говорящій такіа глупости, неопасенъ. Хорошо, что онъ пріѣхалъ; теперь онъ весь на виду... Теперь онъ самъ себя опровергаетъ...“ („Воспоминанія“ Станкевича, 110.)

воевательныхъ плановъ“, что было сдѣлано правительственнымъ заявленіемъ 28 марта, но и „взять на себя инициативу выработки и обнародованія такого же коллективнаго заявленія со стороны всѣхъ правительствъ странъ согласія“, — отъ чего П. Н. Миллюковъ категорически отказался, какъ и вообще отъ передачи заявленія 28 марта союзникамъ въ качествѣ дипломатическаго документа. Между тѣмъ, резолюція шла еще дальше и требовала отъ правительства предпринять необходимые шаги для вступленія, совместно съ союзными правительствами, на путь мирныхъ переговоровъ. Отъ себя уже, т. е. отъ с.-д. партіи, комитетъ считалъ необходимымъ „обратиться къ пролетаріату всѣхъ воюющихъ странъ съ призывомъ оказать согласованное давленіе на свои правительства“ для тѣхъ же цѣлей, — невозможность чего доказывалъ П. Н. Миллюковъ „въ контактной комиссіи“. Далѣе резолюція объявляла „рѣшительную борьбу со всѣми попытками правительства явно или замаскированно продолжать завоевательную политику“ и „вполнѣ сознавая опасность“ для русской революціи и для международной демократіи „военныхъ поражений Россіи“, „рѣшительно высказывалась противъ всѣхъ дѣйствій, ведущихъ къ дезорганизаціи дѣла обороны“. Нечего и говорить, что сюда они не относила мѣръ, принимающихся для „демократизаціи“ армій.

29 марта вопросъ о войнѣ обсуждался на сѣздѣ р. и с. д. Предложенная сѣзду резолюція, ссылаясь на воззваніе къ народамъ 14 марта и на многочисленныя собранія рабочихъ, солдатъ и гражданъ по всей Россіи, „выразившихъ волю народа“, а также на заявленіе правительства 28 марта, какъ на „важный шагъ на встрѣчу осуществленію демократическихъ принциповъ въ области внѣшней политики“, призывала „всѣ народы. . . оказать давленіе на свои правительства для отказа отъ завоевательныхъ программъ“ и „подтверждала необходимость переговоровъ Временнаго Правительства съ союзниками для выработки общаго соглашенія въ указанномъ смыслѣ“. Конецъ резолюціи обстоятельно развивалъ мысль объ опасности „крушенія фронта“ и о необходимости „мобилизовать всѣ живыя силы страны во всѣхъ отрасляхъ народной жизни“ — въ частности рабочихъ фабрикъ, рудниковъ, почты, телеграфа и т. д. „для укрѣпленія фронта и тыла“. Церетели, мотивируя резолюцію, сообщилъ: „мы настаивали, чтобы Вр. Правительство добилось отъ всѣхъ державъ согласія отказа отъ аннексій и контрибуцій. Это пока не достигнуто, но все-таки и то, что достигнуто,

есть факель, брошенный въ Европу, гдѣ онъ разгорится, мы увѣрены, яркимъ огнемъ". „Вмѣстѣ съ нами въ этомъ направленіи дѣйствуетъ и социаль-демократія западныхъ странъ, которая теперь находится тамъ еще въ меньшинствѣ, но мы увѣрены, что идеи с.-д. восторжествуютъ и тамъ". Большевикъ Каменевъ только развивалъ эти мысли, когда требовалъ, „чтобы отъ имени всего русскаго народа было сказано слово „миръ“, чтобы русская революція стала *прологомъ міроваго возстанія*". Другой ораторъ-большевикъ, въ соотвѣтствіи съ этимъ, предложилъ измѣнить резолюцію и прямо указать на необходимость скорѣйшаго окончанія войны, созыва международнаго съѣзда, возстанія противъ угнетателей и принужденія правительствъ всѣхъ воюющихъ странъ къ ликвидаціи войны. Присутствовавшіе на съѣздѣ солдаты еще говорили о необходимости принести все въ жертву для защиты родины, и еще могла быть предложена „кадетская" резолюція о необходимости двоевластія и о необходимости вести войну до конца. Но и рѣчи большевиковъ уже покрывались шумными аплодисментами."

Усиленіе агитаціи въ пользу циммервальдской точки зрѣнія скоро сказалося и на отдѣльныхъ членахъ правительства. Уже 6 апрѣля А. Ф. Керенскій, пользуясь пріемомъ въ Маріинскомъ дворцѣ прибывшихъ въ Россію французскихъ социалистовъ Муте, Кашена и Лафона и англійскихъ О'Греди, Вилль Торна и фабіанца Сандерса, рѣзко отдѣлилъ свою точку зрѣнія отъ курса министра иностранныхъ дѣлъ. П. Н. Милюковъ говорилъ о томъ, что „несмотря на переворотъ, мы сохранили главную цѣль и смыслъ этой войны. Правительство съ еще большей силой будетъ добиваться уничтоженія нѣмецкаго милитаризма, ибо нашъ идеаль—въ томъ, чтобы уничтожить въ будущемъ возможность какихъ бы то ни было войнъ". Этому пацифистскому взгляду Керенскій противопоставилъ свой циммервальдскій. „Я одинъ въ кабинетѣ,—говорилъ онъ, подчеркивая принятую на себя роль „заложника“,—и мое мнѣніе не всегда совпадаетъ съ мнѣніемъ большинства". „Русская демократія въ настоящее время—хозяинъ русской земли. Мы рѣшили разъ навсегда прекратить въ нашей странѣ всѣ попытки къ имперіализму и къ захвату... Энтузіазмъ, которымъ охвачена русская демократія, происходитъ не изъ какихъ либо идей частичныхъ, даже не изъ идеи отечества, какъ понимала эту идею старая Европа, а изъ тѣхъ идей, которыя заставляютъ насъ думать что мечта о братствѣ народовъ всего міра претворится

скоро въ дѣйствительность, что близокъ уже мигъ, когда всѣ демократіи всего міра поймутъ, что между ними нѣтъ и не можетъ быть вражды... Мы ждемъ отъ васъ, чтобы вы оказали на остальные классы населенія въ своихъ государствахъ такое же рѣшающее значеніе которое мы здѣсь, внутри Россіи, оказали на наши буржуазные классы, заявившіе нынѣ о своемъ отказѣ отъ имперіалистическихъ стремленій“.

Пользуясь и даже злоупотребляя своимъ особымъ положеніемъ въ правительствѣ, А. Ф. Керенскій уже въ первомъ составѣ правительства проявлялъ зачастую диктаторскія замашки. Но въ данномъ вопросѣ онъ былъ не „одинъ“. Его поддерживали Некрасовъ и Терещенко. Вѣчно колебавшійся кн. Львовъ также начиналъ склоняться на сторону его и Церетели. Чтобы форсировать положеніе, Керенскимъ пущено было въ печать сообщеніе, что „Временное Правительство готовится ноту, съ которой оно обратится въ ближайшіе дни къ союзнымъ державамъ. Въ этой нотѣ Вр. Пр. болѣе подробно разовѣсть свой взглядъ на задачи и цѣли нынѣшней войны, въ соотвѣтствіи съ обнародованной уже Врем. Правит. деклараціей по этому вопросу (13 апрѣля)“. Такъ какъ никакой ноты не готовилось, то П. Н. Милюковъ потребовалъ опроверженія этого извѣстія, которое и появилось на слѣдующій день, 14 апрѣля, отъ имени Врем. Правительства. Тогда вопросъ объ обращеніи къ союзникамъ былъ поднять въ самомъ правительствѣ, какъ въ сущности предрѣшенный и весьма спѣшный. П. Н. Милюковъ заявилъ, что онъ готовъ послать посланіе 28 марта союзникамъ, но сопроводить его нотой, текстъ которой онъ предложилъ. Послѣ небольшихъ исправленій текстъ этотъ былъ принятъ всѣми министрами, не исключая и Керенскаго, переставшаго возражать послѣ того, какъ на сторону ноты склонился Некрасовъ. Въ нотѣ поводомъ къ сообщенію документа 28 марта было выбрано опроверженіе слуховъ, будто Россія собирается заключить сепаратный миръ. Министръ иностранныхъ дѣлъ указывалъ, что „высказанныя Временнымъ Правительствомъ общія положенія вполне соотвѣтствуютъ тѣмъ высокимъ идеямъ, которыя постоянно высказывались многими выдающимися государственными дѣятелями союзныхъ странъ“, особенно же Америки. Нота указывала, что „эти мысли—объ освободительномъ характерѣ войны, о созданіи прочныхъ основъ для мирнаго сожителства народовъ, о самоопредѣленіи угнетенныхъ національностей“ могла высказать

только *освобожденная* Россія, способная „говорить языкомъ, понятнымъ для передовыхъ демократій современнаго человѣчества“. Эти заявленія не только не могутъ дать повода думать объ „ослабленіи роли Россіи въ общей союзной борьбѣ“, но, напротивъ, усиливаютъ „всенародное стремленіе довести міровую войну до рѣшительнаго конца“, сосредоточивая общее вниманіе „на близкой для всѣхъ и очередной задачѣ—отразить врага, вторгшагося въ самые предѣлы нашей родины“. Нота подтверждала далѣе, что „какъ то и сказано въ сообщенномъ документѣ, Временное Правительство, ограждая права нашей родины, будетъ вполнѣ соблюдать обязательства, принятыя въ отношеніи нашихъ союзниковъ“. Въ заключеніе высказывалась увѣренность какъ въ „побѣдоносномъ окончаніи настоящей войны, въ полномъ согласіи съ союзниками“, такъ и въ томъ, что „поднятые этой войной вопросы будутъ разрѣшены въ духѣ созданія прочной основы для длительного мира и что проникнутыя одинаковыми стремленіями передовыя демократіи найдутъ способъ добиться тѣхъ гарантій и санкцій (эти два слова были вставлены по совѣту Альбера Тома), которыя необходимы для предупрежденія новыхъ кровавыхъ столкновеній въ будущемъ“.

Нота была датирована 18 апрѣля, т. е. днемъ перваго открытаго празднованія международнаго рабочаго праздника перваго мая (н. ст.) въ Россіи. Общественныя зданія, въ томъ числѣ Маріинскій и Зимній дворцы, въ этотъ день украсились гигантскими надписями: „да здравствуетъ интернаціоналъ“. Ленинцы энергично готовили къ этому празднику свои плакаты и лозунги. „Рабочая Газета“ призывала солдатъ заключить „первое революціонное перемиріе“ на фронтѣ. Какія директивы были даны петроградскимъ рабочимъ въ эти дни „Организаціоннымъ комитетомъ“, видно изъ сопоставленія двухъ резолюцій, принятыхъ 12 апрѣля рабочими завода „Треугольникъ“ и 13 апрѣля рабочими завода „Старый Парвѣйненъ“. Первая гласила: „предлагаемъ сов. р. и с. д. категорически потребовать отъ Вр. Прав. *немедленнаго опубликованія во всеуслышаніе всѣхъ договоровъ*, заключенныхъ имъ съ Англіей, Франціей и прочими союзниками... Рабочій классъ Россіи, добившись отъ своего собственнаго правительства отказа отъ завоевательныхъ цѣлей войны, не желаетъ оказаться въ положеніи *ведущаго войну во имя захватническихъ стремленій англійскихъ и французскихъ капиталистовъ*. Мы требуемъ также

отъ Врем. Прав., чтобы оно тотчасъ же послѣ опубликованія договоровъ обратилось ко всѣмъ союзнымъ правительствамъ съ предложеніемъ въ свою очередь отказаться отъ аннексій и контрибуцій. Мы требуемъ отъ Врем. Правит., чтобы оно взяло на себя *иниціативу созыва международной конференціи для обсуждения условий мира и для начала мирныхъ переговоровъ*“. Рабочіе „Парвіайнена“ шли еще далѣе и прибавляли къ требованію опубликованія тайныхъ договоровъ еще слѣдующія требованія: „1) смѣщеніе Врем. Правительства, служащаго только тормазомъ революціоннаго дѣла, и передача власти въ руки совѣта р. и с. д.; 4) организація красной гвардіи и вооруженіе всего народа; 5) протестъ противъ „Займа Свободы“, который на дѣлѣ служитъ закабаленіемъ этой свободы; 6) реквизиція типографій всѣхъ буржуазныхъ газетъ и передача ихъ въ пользованіе рабочихъ газетъ; 9) реквизиція всѣхъ продуктовъ продовольствія для нуждъ широкихъ массъ; 10) немедленный захватъ земель крестьянскими комитетами и передача орудій производства въ руки рабочихъ; 11) протестъ противъ вывода революціонныхъ войскъ изъ Петрограда“. Правда, на другой день послѣ напечатанія этой резолюціи (крупнымъ шрифтомъ, на мѣстѣ передовыхъ статей) „Извѣстія“ заявили, что она, „выражающая мнѣніе одной группы рабочихъ, не отвѣчаетъ взглядамъ совѣта“. Въ дальнѣйшемъ, какъ увидимъ, эта большевистская программа сдѣлалась предметомъ борьбы въ совѣтѣ. Но здѣсь она впервые была высказана открыто.

День перваго мая прошелъ сравнительно спокойно, и ленинская пропаганда встрѣтила рѣшительный отпоръ со стороны большинства уличныхъ ораторовъ и публики. Но опубликованіе черезъ день (20 апрѣля) ноты 18 апрѣля дало новый благодарный поводъ большевикамъ для первой уличной манифестаціи вооруженныхъ силъ противъ Врем. Правительства. Къ 3 — 4 часамъ дня къ Маріинскому дворцу пришелъ запасный батальонъ Финляндскаго полка съ плакатами: „долой Милюкова“, „Милюковъ въ отставку“. За нимъ прибыли роты 180 запаснаго батальона, нѣсколько ротъ Кексгольмскаго полка и около роты 2-го флотскаго Балтійскаго экипажа. Большинство солдатъ не знало, зачѣмъ они пришли. Закулисная сторона ихъ вызова обнаружилась отчасти изъ письма Федора Линде („Нов. Жизнь“, 23 апр.), который призналъ, что именно онъ вывелъ Финляндскій полкъ и что „состоя членомъ совѣта р. и с. д.“, онъ „себя въ разбираемомъ событіи лицомъ неотвѣт-

ственнымъ признать не можетъ“. Кромѣ войскъ, въ демонстраціи участвовали рабочіе—подростки, громко заявлявшіе, что имъ за это заплачено по 10 — 15 рублей. Позднѣе былъ арестованъ извѣстный своими германскими связями литераторъ Колышко, въ письмахъ котораго въ Стокгольмѣ найдены выраженія удовольствія по поводу того, что послѣ долгихъ усилій, наконецъ, удалось свалить Милюкова и Гучкова. Вернувшіяся въ Россію изъ Берлина сестры милосердія Фелькерзамъ рассказывали, что задача устраненія обоихъ министровъ прямо была поставлена въ Германіи. Все это показываетъ, что движеніе 20 и 21 апрѣля было инсценировано изъ тѣхъ же темныхъ источниковъ, какъ и другія ранѣе упоминавшіяся уличныя движенія. Руководителей совѣта р. и с. д. винить въ этомъ движеніи нельзя уже потому, что для нихъ лозунгъ сверженія Врем. Правительства былъ непріемлемъ, и занимать мѣсто правительства они не собирались, предпочитая оказывать на него „давленіе“. Исполнительный комитетъ совѣта, узнавъ ночью съ 19 на 20 содержаніе ноты, очутился въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи между большевиками и нотой 18 апрѣля. Ни въ ночномъ, ни въ утреннемъ засѣданіи онъ не принялъ никакого рѣшенія, кромѣ предложенія Временному Правительству сообщать обсудить положеніе. Врем. Правительство пошло навстрѣчу этому предложенію, и вечеромъ состоялось, впервые за все время революціи, совѣщаніе съ правительствомъ всего состава исполнительнаго комитета (около 70 человекъ). Министры рѣшили воспользоваться этой первой встрѣчей, чтобы дать понять руководителямъ совѣта всю трудность и сложность положенія въ государствѣ. Одинъ за другимъ выступили съ докладами министры военный, земледѣлія, финансовъ, путей сообщенія наконецъ, иностранныхъ дѣлъ и освѣтили передъ очень разнороднымъ собраніемъ положеніе всѣхъ сторонъ государственной жизни. Доклады произвели сильное впечатлѣніе и готовность пойти на соглашеніе еще усилилась въ результатъ засѣданія. Послѣ отказа министра иностранныхъ дѣлъ отъ изданія новой ноты, И. Г. Церетели согласился на опубликованіе официальнаго разъясненія только двухъ мѣстъ, вызывавшихъ особенно ожесточенныя нападки. На другой день къ 5 часамъ дня текстъ разъясненій былъ обсужденъ въ правительствѣ, предварительно показанъ Церетели и имъ одобренъ. 22 апрѣля Врем. Правительство разъяснило, что „нота министра иностранныхъ дѣлъ была предметомъ тщательнаго обсужденія Врем. Правит., причемъ текстъ ея

принять единогласно“ (впослѣдствіи А. Ф. Керенскій пытался отрицать это). Выраженіе о „рѣшительной побѣдѣ надъ врагами имѣеть въ виду достиженіе тѣхъ задачъ, которыя поставлены декларацией 27 марта“, а „подъ упоминавшимися въ нотѣ „санкціями и гарантіями“ прочнаго мира Врем. Правительство подразумѣвало ограниченіе вооруженій, международные трибуналы и проч.“ Это разъясненіе министр иностранныхъ дѣлъ общалъ передать послаамъ союзныхъ державъ. Очевидное несоотвѣтствіе этихъ скромныхъ разъясненій съ тѣмъ раздраженіемъ, которое было вызвано дѣйствительнымъ противорѣчіемъ между нотой 18 апрѣля и циммервальдской точкой зрѣнія совѣта, лучше всего характеризуетъ шаткость позиціи вождей совѣта. Эта шаткость вполнѣ сказалась уже въ засѣданіи совѣта 20 апрѣля, въ которомъ рядъ ораторовъ заявилъ, что „брать власть въ свои руки преждевременно и опасно“, что захватъ власти можетъ привести къ гражданской войнѣ, въ которой, по словамъ В. М. Чернова, „темныя силы покажутъ свою живучесть“. „Кто замѣнитъ правительство?“ спрашивалъ одинъ ораторъ. „Мы? Но у насъ руки дрожатъ. Нѣтъ, товарищи, не надо намъ строить карточныхъ домиковъ, которые еще легче будетъ сдунуть, чѣмъ сдунулъ народъ Николая II. Не надо намъ азартной игры въ карты“.

То же самое настроеніе обнаружилось и среди толпы, наполнявшей улицы и проводшей эти два дня въ непрерывныхъ митингахъ днемъ и ночью. Прикосновеніе къ Врем. Правительство еще казалось святотатствомъ и преступленіемъ противъ революціи. Твердо держалось представленіе, что *это самое* правительство должно довести страну до Учредительнаго Собранія, и что ни одинъ изъ его членовъ не можетъ его покинуть, не разрушивъ цѣлаго. Возгласы ленинцевъ о низверженіи правительства и о немедленномъ захватѣ власти вызывали лишь негодованіе и тонули въ массѣ. На смѣну демонстрантамъ съ плакатами: „долой Врем. Правительство“ появились многолюдныя процессіи съ плакатами: „довѣріе Милюкову“, „да здравствуетъ Временное Правительство“. Мѣстамъ доходило до столкновенія тѣхъ и другихъ демонстрантовъ, но въ общемъ уже къ вечеру 20-го, а въ особенности въ теченіе 21-го апрѣля настроеніе, благопріятное правительству, возобладало на улицахъ. Въ ночь на 21-го, многотысячная толпа, заполнившая площадь передъ Маріинскимъ дворцомъ, горячо привѣтствовала министра иностранныхъ дѣлъ, предупреждавшаго ее объ опасно-

стяхъ ссоры съ союзниками. „Видя эти плакаты съ надписями: „долой Милюкова“, говорилъ министръ съ балкона толпѣ, собравшейся на площади, „я не боялся за Милюкова. Я боялся за Россію“. И онъ указалъ на опасность для родины и для самой революціи демагогическихъ лозунговъ, дискредитирующихъ власть, но не могущихъ замѣнить ее никакой другой, болѣе сильной и болѣе способной довести страну, безъ потрясеній, до мира и до созданія новаго демократическаго строя.

Въ рабочихъ кварталахъ столицы преобладало иное настроеніе, чѣмъ въ центрѣ. Большевики сдѣлали 21-го апрѣля первую попытку воспользоваться этимъ настроеніемъ, ими же созданнымъ, для того чтобы начать организованную и вооруженную борьбу на улицахъ. Толпы рабочихъ стройными колоннами двинулись съ Выборгской стороны къ Марсову полю. Впереди каждой колонны шелъ отрядъ красногвардейцевъ, вооруженныхъ винтовками и револьверами. Надъ колоннами развивались знамена съ надписями: „долой войну“, „долой Временное Правительство“, „вся власть Совѣтамъ“ и т. п. Комитетъ послалъ навстрѣчу рабочимъ делегацію въ составѣ Чхеидзе, Войтинскаго и Станкевича. Чхеидзе пробовалъ убѣдить толпу, что правительство уже согласилось разъяснить ноту 18 апрѣля въ желательномъ смыслѣ и что поэтому дальнѣйшія демонстраціи безцѣльны. Большевистское движеніе имѣло, однако, другую цѣль, указанную на знаменахъ. Вожди толпы выступили впередъ, заявили Чхеидзе, что рабочіе сами знаютъ, что имъ дѣлать, и повели толпу дальше.

Настроеніе Комитета было чрезвычайно тревожное. На вечеръ было назначено засѣданіе пленума Совѣта, но члены Комитета боялись, что это засѣданіе будетъ сорвано большевиками. Когда оно, все-таки, собралось, среди шума многотысячной толпы, наполнившей залъ кадетскаго корпуса, возбужденіе еще усилилось послѣ сообщенія Дана, что на улицахъ началась стрѣльба, и уже имѣются жертвы. Въ такой обстановкѣ и при такомъ настроеніи Комитету приходилось проводить свои рѣшенія.

Исполнительный комитетъ совѣта, рѣшилъ 34 голосами противъ 19 признать разъясненія правительства удовлетворительными и считать инцидентъ исчерпаннымъ. Предложенная комитетомъ резолюція заявляла, что разъясненіе „кладетъ конецъ возможности истолкованія ноты 18 апрѣля въ духѣ, противномъ интересамъ и требованіямъ революціонной демократіи“ и тотъ фактъ, что сдѣ-

ланъ первый шагъ для постановки на международное обсужденіе вопроса объ отказѣ отъ насильственныхъ захватовъ, долженъ быть признанъ крупнымъ завоеваніемъ демократіи“. Въ заключеніе резолюція приглашала „всю революціонную Россію тѣснѣе и тѣснѣе спланиваться вокругъ своихъ совѣтовъ“ и выражала „твердую увѣренность, что народы всѣхъ воюющихъ странъ сломятъ сопротивление своихъ правительствъ и заставятъ ихъ вступить въ переговоры о мирѣ на почвѣ отказа отъ аннексій и контрибуцій“. Несмотря на возраженіе большевиковъ, совѣтъ принялъ резолюцію подавляющимъ большинствомъ голосовъ противъ 13. Настроеніе собранія противъ ленинцевъ ярко обнаружилось, когда одинъ членъ комитета, только что прибывшій, разсказалъ о трагическомъ зрѣлищѣ первой крови, пролитой въ гражданской войнѣ на Невскомъ. „На толпу мирныхъ, безоружныхъ солдатъ, рабочихъ и другихъ гражданъ“, говорилъ очевидецъ, „бросилась другая толпа демонстрантовъ вооруженныхъ, и эти вооруженные люди открыли беспорядочную стрѣльбу, продолжавшуюся около 5 минутъ. *Я знаю, кто они, изъ какихъ мѣстъ пришли*, но пока считаю преждевременнымъ объ этомъ сообщать. . . Эта стрѣльба посѣяла чувство непріязни къ рабочимъ, и это чувство раздѣляютъ съ гражданами и солдаты, такъ какъ два солдата убиты“. Другой очевидецъ предложилъ запретить *всякія* уличныя шествія, „особенно, вооруженныхъ людей“, и это предложеніе было принято. Невооруженными выходили члены „буржуазныхъ“ партій, — и этимъ запрещеніемъ достигалась, кстати, и другая цѣль: прекратить демонстраціи сочувствія Врем. Правительству, совершенно заглущившія въ теченіе 21 апрѣля враждебныя манифестаціи.

Конфликтъ 20-21 апрѣля окончился несомнѣнной моральной побѣдой Врем. Правительства. Но въ немъ обнаружилась одна чрезвычайно тревожная сторона. Части петроградскаго гарнизона выступали и оставались въ казармахъ по распоряженію совѣта, и совѣтъ заявилъ претензію распоряжаться войсками помимо правительства. Точнѣе, онъ запретилъ гарнизону исполнять приказанія военной власти безъ своего согласія. Когда, 21 апрѣля, узнавъ о движеніи съ окраинъ вооруженныхъ рабочихъ (слѣдствіемъ чего и была упомянутая стрѣльба), главнокомандующій петроградскаго округа ген. Корниловъ распорядился вызвать на Дворцовую площадь нѣсколько частей гарнизона, онъ наткнулся на сопротивленіе исполнительнаго комитета, который по телефону сообщилъ въ

штабъ, что вызовъ войскъ можетъ осложнить создавшееся положеніе. Послѣ переговоровъ съ делегатами комитета, принявшими на себя прекращеніе беспорядковъ, главнокомандующій отмѣнилъ свое приказаніе и продиктовалъ, въ присутствіи членовъ комитета, телефонограмму во всѣ части войскъ гарнизона съ приказаніемъ оставаться въ казармахъ. Послѣ этого появилось расклеенное на улицахъ воззваніе исполнительнаго комитета, заявлявшее: „Товарищи-солдаты, безъ зова исполнительнаго комитета въ эти тревожные дни не выходите съ оружіемъ въ рукахъ. *Только исп. комитету принадлежитъ право располагать вами.* Каждое распоряженіе о выходѣ воинской части на улицу (кромѣ обычныхъ нарядовъ) должно быть отдано на бланкѣ исполнит. комитета, закрѣплено его печатью и подписано не меньше, чѣмъ двумя изъ слѣдующихъ лицъ: Чхеизе, Скобелевъ, Бинасикъ, Соколовъ, Гольдманъ, Филипповскій, Богдановъ. Каждое распоряженіе провѣряется по телефону 104.06“. Это воззваніе вызвало просьбу ген. Корнилова объ отставкѣ и не могло быть оставлено правительствомъ безъ отвѣта. Но отвѣтомъ было только новое „разъясненіе“ Врем. Правительства (26 апрѣля): „власть главнокомандующаго войсками петроградскаго военнаго округа остается въ полной силѣ, и право распоряженія войсками можетъ быть осуществляемо только имъ“. Чтобы не входить въ открытый конфликтъ съ совѣтомъ, правительство предположило, что приведенное распоряженіе „имѣло, повидимому, цѣлью предупредить и обезвредить попытки вызова войскъ отдѣльными группами и лицами“. Черезъ нѣсколько дней ген. Корниловъ получилъ просимую отставку и отправился въ дѣйствующую армію.

III. Буржуазное правительство капитулируетъ передъ социалистами.

„Двоевластіе“ или „единеніе“? — Официальный оптимизмъ и фактическая зависимость правительства отъ совѣта. — Вопросъ объ участіи совѣта въ правительствѣ. — Воззваніе къ населенію 26 апрѣля. — Керенскій форсируетъ положеніе. — Отвѣтственность передъ партіями. Отставка А. И. Гучкова. — Согласіе исп. комитета на вступленіе социалистовъ и его программа. Отставка П. Н. Милюкова. — Выработка правительственной деклараціи. — Тезисы партіи народной свободы. — Отношеніе совѣта къ министрамъ-социалистамъ.

До сихъ поръ совѣтъ р. и. с. д., хотя бы номинально, признавалъ *надъ собой* власть временнаго правительства. Его „контроль“ и „давленіе“ на правительство были фактическими, но не обоснованными на правѣ; на „отвѣтственность“ министровъ передъ собой совѣтъ не претендовалъ. Со своей стороны и правительство официально смотрѣло на отношенія совѣта къ себѣ, какъ на „поддержку“ вліятельной, но все же частной отганизации. Когда въ провинцію и въ армію стали доходить изъ Петрограда вѣсти о „двоевластіи“ правительства и совѣта, и когда къ правительству стали поступать тревожные вопросы и предложенія помочь ему въ борьбѣ противъ претензій совѣта, министры, обыкновенно, успокаивали встревоженныхъ увѣреніями, что отношенія между правительствомъ и совѣтомъ — вполне дружественныя. Особенно настойчиво заявлялъ это Некрасовъ, подчеркивавшій въ своихъ выступленияхъ свою особую близость къ Керенскому. Такъ въ Москвѣ, въ комитетѣ общественныхъ организацій, 24 марта, онъ выступилъ съ „протестомъ противъ тѣхъ легендъ, которыя распространяются также и въ Москвѣ. Говорятъ о какомъ-то плѣненіи Вр. Правительства, о томъ, что оно идетъ у кого-то въ поводу, что въ странѣ существуетъ нѣсколько правительствъ, и т. д. Я долженъ сказать, что правительство ни минуты не задумывается, когда какіе либо вопросы сталкиваются съ *волей народа*. Въ тѣхъ случаяхъ, когда бывали иногда нѣкоторыя разногласія, у насъ со-

глашеніе достигалось довольно быстро, путемъ взаимнаго убѣжденія... И Временное Правительство, и совѣтъ рабочихъ депутатовъ свято блюдутъ свою связь и единеніе, закрѣпленныя уже въ двухъ деклараціяхъ.“ „Не вѣрьте зловѣщимъ слухамъ, что отъ совѣта рабочихъ депутатовъ идетъ какая-то опасность“, — говорилъ онъ тогда же сослуживцамъ по мин. путей сообщенія. „Такой опасности нѣтъ. Я бы сказалъ, что она *еще* не наступала; но ея, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ бояться. Волна, смывшая старую власть, еще не вошла въ свои берега. Народъ еще неорганизованъ. Но по мѣрѣ того, какъ наступаютъ организованность и сплоченность, опасность ослабѣваетъ. Народъ уже проявилъ огромный государственный инстинктъ, — я думаю, что то же будетъ и въ области социальный“. И А. Ф. Керенскій еще 12 апрѣля заявлялъ делегатамъ 7 арміи: „Между Врем. Правительствомъ и совѣтомъ р. и с. д. полное единеніе въ задачахъ и цѣляхъ... Врем. правительство обладаетъ всей полнотой власти... Можетъ быть, васъ смущаетъ шумная агитація, извѣстныя слова... Насъ, Врем. Правительство, они не смущаютъ. Мы вѣримъ въ разумъ, въ твердую волю народа — идти къ спасенію, а не къ гибели, ибо никто не можетъ желать своей гибели. Мы вѣримъ, что восторжествуютъ созидательныя начала, а не отдѣльные партійныя лозунги“ и т. д. И съ другой стороны, г. Данъ говорилъ 8-го апрѣля: „мы хотимъ, чтобы было сказано ясно и опредѣленно, что въ обычномъ нормальномъ теченіи своемъ это клевета, будто совѣтъ р. и с. д. хочетъ принять участіе въ осуществленіи государственной власти. Мы хотѣли, чтобы было сказано, что власть, это — Врем. Правительство, а революціонная демократія въ лицѣ совѣта осуществляетъ свое вліяніе на ходъ политической жизни путемъ непрерывнаго организованнаго давленія на него и контроля надъ нимъ“. Говорилось одно, но дѣлалось совсѣмъ другое. Истинное отношеніе совѣта къ правительству гораздо искреннѣе охарактеризовано нѣсколько позднѣе (2 іюня) соредакторомъ Дана, Войтинскимъ. „Мы поддерживали, — говоритъ онъ, — правительство перваго состава условно — постольку, поскольку. У насъ не было полного довѣрія, и фактически получалось такъ, что единой власти не было“ . . . Послѣ 20—21 апрѣля это стало уже очевиднымъ для всѣхъ и безспорнымъ. И, открывая вечеромъ 21 апрѣля совѣщаніе правительства съ исполн. комитетомъ, кн. Львовъ поставилъ точки надъ „і“: „Острое положеніе, создавшееся на почвѣ ноты

18 апрѣля, говорилъ онъ (цитируемъ по „Рабочей Газетѣ“), есть только частный случай. За послѣднее время правительство вообще взято подъ подозрѣніе. Оно не только не находитъ въ демократіи поддержки, но встрѣчаетъ тамъ попытки подрыва его авторитета. При такомъ положеніи правительство не считаетъ себя въ правѣ нести отвѣтственность. Мы рѣшили позвать васъ и объяснить. Мы должны знать, годимся-ли мы для нашего отвѣтственного поста въ данное время. Если нѣтъ, то мы для блага родины готовы сложить свои полномочія, уступивъ мѣсто другимъ“. Не помню такъ-ли опредѣленны были слова кн. Львова, но мысль части членовъ правительства были именно такова. Здѣсь *ставился кабинетный вопросъ. Поставить его—значило* уже стать на точку зрѣнія совѣта и *признать министерство отвѣтственнымъ передъ органомъ „революціонной демократіи“*. Это совершенно не соотвѣтствовало первоначальной точкѣ зрѣнія Временнаго Правительства, считавшаго себя отвѣтственнымъ только передъ Учредительнымъ Собраніемъ и присягнувшаго довести Россію до него и ему передать свою власть. Признавать „волей народа“ мнѣніе явно-партійныхъ организацій, не объединявшихъ даже всей демократіи, не говоря о другихъ общественныхъ классахъ, значило идти дальше, чѣмъ рѣшался идти до тѣхъ поръ совѣтъ. Органъ совѣта говорилъ теперь, правда, что „каждый шагъ и во внутренней, и во внѣшней политикѣ, если онъ затрагиваетъ существенные интересы страны долженъ быть дѣломъ *двухъ органовъ*, Врем. Правительство и исп. комитета совѣта р. и с. д.“ („Извѣстія“, № 50). Но даже и эта формула не ставила на очередь вопроса объ измѣненіи состава правительства. Когда вопросъ объ этомъ былъ поставленъ самими членами правительства въ одномъ изъ засѣданій съ контактной комиссіей, Церетели прямо заявилъ: „какая вамъ польза отъ того, что мы войдемъ въ вашъ составъ? Вѣдь мы изъ каждаго спорнаго вопроса будемъ дѣлать ультиматумъ и въ случаѣ вашей неуступчивости, вынуждены будемъ съ шумомъ выйти изъ министерства. Это — гораздо хуже, чѣмъ вовсе въ него не входить“. Церетели, по своему обыкновенію, старался здѣсь представить нежелательное для самого себя — нежелательнымъ для своихъ собесѣдниковъ.

Однако, мысль руководящей группы въ правительствѣ (къ этому времени уже совершенно выяснилось, что таковой являются Керенскій, Некрасовъ, Терещенко, къ которымъ склоняются, съ

одной стороны, кн. Львовъ, съ другой, — правые члены правительства В. Н. Львовъ и большею частью И. В. Годневъ) окончательно остановилась на идеѣ *коалиціи* съ членами партій, входившихъ въ совѣтъ, какъ на лучшемъ выходѣ изъ создавшагося положенія. Чтобы поставить совѣтъ передъ необходимостью высказаться по вопросу, желаетъ ли онъ нести формальную отвѣтственность передъ страной за то „давленіе“, которое парализуетъ работу правительства, намѣченъ былъ проэктъ обращенія къ странѣ съ отчетомъ въ двухмѣсячной дѣятельности правительства и съ указаніемъ на встрѣтившіяся трудности. На идеѣ такого обращенія сошлись со сторонниками коалиціи и ея противники (какъ А. И. Гучковъ, видѣвшій въ этомъ документѣ своего рода завѣщаніе перваго правительства), а также и члены правительства, рассчитывавшіе, что совѣтъ вынужденъ будетъ, отказавшись отъ участія во власти, тѣмъ самымъ возобновить обязательство довѣрія и поддержки прежняго состава. П. Н. Милюковъ, высказывавшійся рѣшительно противъ замѣны перваго правительства коалиціоннымъ, какъ менѣе авторитетнымъ и менѣе способнымъ удержать страну отъ распада, высказывался и противъ опубликованія документа, который неизбѣжно долженъ былъ повести къ кризису власти. Но въ руководящемъ кружкѣ уже сталъ на очередь вопросъ объ удаленіи самого П. Н. Милюкова, откровенно поставленный въ совѣщаніи 21 апрѣля В. М. Черновымъ, который предлагалъ П. Н. Милюкову перемѣнить портфель министра иностранныхъ дѣлъ, напримѣръ, на портфель министра народнаго просвѣщенія. Возбужденіе общаго кабинетнаго вопроса давало возможность легче рѣшить вопросъ объ этой перемѣнѣ и о перемѣнѣ А. И. Гучкова, чѣмъ устранялись самыя существенныя причины для треній между Врем. Правительствомъ и „революціонной демократіей“ и пріобрѣталась какъ казалось тогда, уже не „постольку—поскольку“, а безусловно, поддержка совѣтскихъ партій.

Воззваніе къ населенію было написано Ф. Ф. Кокошкинымъ и опубликовано 26 апрѣля. Въ своемъ первоначальномъ текстѣ оно было суровымъ обвинительнымъ актомъ противъ совѣта рабочихъ депутатовъ. Но послѣ троекратной передѣлки эта часть воззванія была очень сильно затушевана. Центральная мысль воззванія, послѣ этихъ передѣлокъ, была сформулирована слѣдующимъ образомъ. „Говоря объ осуществленныхъ и осуществляемыхъ имъ задачахъ, Врем. Правительство не можетъ скрыть отъ населенія

тѣхъ затрудненій и препятствій, которыя оно встрѣчаетъ въ своей дѣятельности. Оно не считаетъ также возможнымъ умалчивать о томъ, что въ послѣднее время эти затрудненія растутъ и вызываютъ тревожныя опасенія за будущее. Призванное къ жизни великимъ народнымъ движеніемъ, Врем. Правительство признаетъ себя исполнителемъ и охранителемъ народной воли. Въ основу государственнаго управленія оно полагаетъ не насиліе и принужденіе, а добровольное повиновеніе свободныхъ гражданъ созданной ими самими власти. Оно ищетъ опоры не въ физической, а въ моральной силѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ Врем. Правительство стоитъ у власти, оно ни разу не отступило отъ этихъ началъ. Ни одной капли народной крови не пролито по его винѣ, ни для одного теченія общественной мысли имъ не создано насильственной преграды. Къ сожалѣнію и къ великой опасности для свободы, *ростъ новыхъ соціальныхъ связей, скрѣпляющихъ страну, отстаетъ отъ процесса распада, вызваннаго крушеніемъ стараго государственнаго строя* (подчеркнутыя фразы вставлены с.-р-ами, товарищами Керенскаго, *вмѣсто открытаго обвиненія совѣта въ парализованіи правительства и въ содѣйствіи распаду страны*). Въ этихъ условіяхъ, при отказѣ отъ старыхъ насильственныхъ пріемовъ управленія и отъ внѣшнихъ искусственныхъ средствъ употребляющихся для поднятія престижа власти, трудности задачи, выпавшей на долю Врем. Правительства, грозятъ сдѣлаться неодолимыми. Стихійное стремленіе осуществлять желанія и домогательства отдѣльныхъ группъ и слоевъ населенія явочнымъ и захватнымъ путемъ по мѣрѣ перехода къ менѣ сознательнымъ и менѣ организованнымъ слоямъ населенія грозитъ разрушить внутреннюю гражданскую спайку и дисциплину и создать благоприятную почву, съ одной стороны, для насильственныхъ актовъ, сѣющихъ среди пострадавшихъ озлобленіе и вражду къ новому строю, съ другой стороны, для развитія частныхъ стремленій и интересовъ въ ущербъ общимъ и къ уклоненію отъ исполненія гражданскаго долга. Вр. Правительство считаетъ своимъ долгомъ прямо и опредѣленно заявить, что такое положеніе вещей дѣлаетъ управленіе государствомъ крайне затруднительнымъ и въ своемъ послѣдовательномъ развитіи угрожаетъ привести страну къ распаду внутри и къ пораженію на фронтѣ. Передъ Россіей встаетъ страшный призракъ междоусобной войны и анархіи, несущей гибель свободѣ. Есть мрачный и скорбный путь народовъ, хорошо извѣстный исторіи, — путь, ведущій

отъ свободы черезъ междоусобіе и анархію къ реакціи и возврату деспотизма. Этотъ путь не долженъ быть путемъ русскаго народа“. Послѣ этой объективной характеристики положенія, очень мало гармонизировавшей съ искреннимъ или оффиціальнымъ оптимизмомъ руководящей группы правительства, въ воззваніи давалось обѣщаніе „съ особенной настойчивостью возобновить (этимъ подчеркивалось, что усилія эти дѣлались и раньше) усилія, направленныя къ расширенію его состава путемъ привлеченія къ отвѣтственной государственной работѣ представителей тѣхъ активныхъ творческихъ силъ, которые доселѣ не принимали прямого и непосредственнаго участія въ управленіи государством“. Политическій смыслъ, который руководители правительства придавали этому обѣщанію, былъ разъясненъ и подчеркнутъ личнымъ шагомъ А. Ф. Керенскаго, поспѣшившаго формально открыть мнистерскій кризисъ и тѣмъ закрѣпить позицію сторонниковъ коалиціи. Въ тотъ же день, 29 апрѣля, появилось въ газетахъ его письмо въ ц. к. партіи с.-р., въ совѣтъ р. и с. д. и во Врем. Комитетъ Гос. Думы, въ которомъ Керенскій заявлялъ, что отнынѣ „представители трудовой демократіи могутъ брать на себя бремя власти лишь по непосредственному избранію и формальному уполномочію тѣхъ организацій, къ которымъ они принадлежатъ“, и что въ ожиданіи рѣшенія органовъ демократіи, къ которымъ онъ обращался, онъ „будетъ нести до конца тяжесть фактическаго исполненія обязанностей“. Этимъ весь вопросъ о способѣ созданія новаго правительства ставился на новую почву. Члены Врем. Правительства, назначенные Комитетомъ Гос. Думы 1 марта, не были формально делегированы партійными организаціями, и не считали себя отвѣтственными передъ ними. Мы видали, въ какое отношеніе сталъ къ нимъ совѣтъ р. и с. д. Когда возникъ вопросъ, какъ уравновѣсить „давленіе“ и „контроль“ совѣта надъ правительствомъ, мысль министровъ — въ томъ числѣ и А. Ф. Керенскаго — обращалась обыкновенно къ Временному Комитету Гос. Думы, какъ къ законному источнику власти. Члены Комитета участвовали и во всѣхъ важнѣйшихъ совѣщаніяхъ правительства съ делегатами совѣта. Но идея — дать такимъ образомъ долю справедливаго вліянія Гос. Думѣ — не осуществилась. Составъ 4-ой Гос. Думы былъ фактически ослабленъ тѣмъ, что лучшіе элементы ея заняли мѣста въ правительствѣ, получили отвѣтственныя порученія внѣ Петрограда и т. п. Съ другой стороны, Гос. Дума, *какъ учрежденіе*, съ самаго начала рево-

люціи добровольно устранила себя отъ офіціальной дѣятельности, понимая, что съ фактической отмѣной старыхъ „основныхъ законовъ“ революціоннымъ переворотомъ роль ея, какъ государственнаго учрежденія въ системѣ другихъ такихъ же, существенно измѣняется. Свое право вліять на ходъ событій Гос. Дума, по необходимости, выводила не столько изъ своего права избранія на основѣ избирательнаго положенія 3 іюня 1907 г., сколько изъ той важной роли, которую она сыграла въ успѣхѣ революціи 27 февраля 1917 г. Но въ роли этого фактора являлась не вся Гос. Дума, а ея Временный Комитетъ, отъ времени до времени дѣлавшій свои доклады частному совѣщанію членовъ Гос. Думы. Даже и такая скромная роль Гос. Думы начинала вызывать раздраженіе въ рядахъ „революціонной демократіи“. Преслѣдуемая съ самаго начала маніей контръ-революціи, потомъ сознательно злоупотреблявшая этимъ призракомъ и раздувавшая съ демагогическими цѣлями страхъ передъ несуществовавшей тогда „контръ-революціонной опасностью“, „революціонная демократія“ социалистическихъ партій принялась систематически дискредитировать Гос. Думу и ея предсѣдателя М. В. Родзянко, пользовавшагося въ первое время революціи громадной популярностью въ странѣ и арміи. По тѣмъ или другимъ причинамъ, но Гос. Дума оказалась не подходящимъ средствомъ для того, чтобы раздѣлить контроль надъ правительствомъ, да она и принципиально не захотѣла бы требовать отвѣтственности правительства передъ собой, въ особенности, требовать его въ равной мѣрѣ съ совѣтомъ р. и с. д. И естественно, разъ уже зашла рѣчь объ отвѣтственности министровъ передъ кѣмъ либо, выдвинулась идея использовать ихъ отвѣтственность передъ политическими партіями, къ которымъ большинство изъ нихъ принадлежало. Если министры перваго состава не были делегированы партіями и принципиально передъ ними не отвѣчали, то теперь, при созданіи коалиціи, и при наличности отвѣтственности нѣкоторыхъ изъ будущихъ министровъ передъ партійными органами, казалось правильнымъ распространить эту отвѣтственность и на отношенія другихъ министровъ (главнымъ образомъ, членовъ партіи народной свободы, единственной сохранившейся и организованной изъ несоціалистическихъ партій) къ ихъ органамъ. Письмо Керенскаго сдѣлало такую постановку вопроса неизбежной. Мотивируя разницу между своимъ вступленіемъ въ первый составъ правительствъ и въ составъ, подготовлявшійся теперь, Керенскій указалъ, что тогда

„рѣшающія событія революціи застали демократію неорганизованной“ и онъ „на свой личный страхъ и рискъ долженъ былъ принять представительство этой демократіи“, „когда цензовая Россія одна взяла на себя организацію власти“. Теперь же онъ „считалъ положеніе кореннымъ образомъ измѣнившимся“. „Съ одной стороны положеніе дѣлъ въ странѣ все осложняется. Но, съ другой стороны, возрасли и силы организованной трудовой демократіи, которой, быть можетъ, нельзя болѣе устраняться отъ отвѣтственного участія въ управленіи государствомъ“. Керенскій обѣщалъ себѣ, что это участіе „придастъ рожденной революціей власти новыя силы и весь необходимый авторитетъ для сплоченія вокругъ нея всѣхъ живыхъ силъ страны и для преодоленія всѣхъ преградъ, препятствующихъ выходу Россіи на широкую дорогу историческаго развитія“. Чтобы оцѣнить настроеніе, продиктовавшее этотъ шагъ и эти слова, нужно вспомнить, что три дня спустя, 29 апрѣля, А. Ф. Керенскій произнесъ передъ фронтовымъ съѣздомъ сильныя слова отчаянія. „Неужели русское свободное государство есть государство взбунтовавшихся рабовъ? . . . Я жалѣю, что не умеръ два мѣсяца назадъ: я бы умеръ съ великой мечтой, что разъ навсегда для Россіи загорѣлась новая жизнь, что мы умѣемъ безъ хлыста и палки уважать другъ друга и управлять своимъ государствомъ не такъ, какъ управляли прежніе деспоты“. Конечно, въ соціалистическихъ газетахъ рѣчь эта не была напечатана. — Итакъ, А. Ф. Керенскій своимъ демонстративнымъ шагомъ открылъ министерскій кризисъ и опять форсировалъ положеніе. Съ одной стороны, шагъ его обязывалъ правительство немедленно сдѣлать выводъ изъ своего обѣщанія 26 апрѣля. Съ другой стороны, онъ ставилъ и передъ совѣтами въ рѣшительной формѣ вопросъ объ участіи соціалистовъ въ правительствѣ. Надо прибавить, что въ болѣе общей формѣ намѣреніе правительства призвать всѣ живыя силы было доведено до свѣдѣнія Н. С. Чхеидзе и М. В. Родзянко письмомъ князя Львова, воспроизводившимъ выраженія деклараціи 26 апрѣля.

Наиболѣе вліятельные руководители совѣта, вмѣстѣ съ И. Г. Церетели, вовсе не были склонны нести отвѣтственность за пользование [правительственной властью въ такую отвѣтственную и трудную минуту. Они совершенно правильно учили свои силы, понимали, что необходимый для нихъ процессъ организаціи едва лишь начался въ странѣ, сознавали отлично, что въ этомъ процессѣ гораздо выгоднѣе быть на сторонѣ критикующихъ, чѣмъ

критикуемыхъ, отдавали себѣ отчетъ и въ томъ, что уходя наиболѣе вліятельныхъ изъ нихъ изъ совѣта въ правительство чрезвычайно ослабить ихъ вліяніе въ совѣтѣ и откроетъ путь къ усиленію вліянія ихъ противниковъ слѣва, — большевиковъ. Въ засѣданіи исполнительнаго комитета 29 апрѣля, послѣ продолжительныхъ преній, комитетъ высказался *противъ* участія въ правительствѣ большинствомъ одного голоса, 23 противъ 22, при 8 воздержавшихся.

Было, однако, несомнѣнно, что разъ начатое дѣло, уже въ виду неизбежности личныхъ перемѣнъ, должно быть доведено до конца. Въ тотъ же день кн. Г. Е. Львовъ посѣтилъ П. Н. Милюкова и просилъ его помочь ему выйти изъ затруднительнаго положенія. П. Н. Милюковъ въ отвѣтъ указалъ альтернативу: или послѣдовательно проводить программу твердой власти и, въ такомъ случаѣ, отказаться отъ идеи коалиціоннаго правительства, пожертвовать А. Ф. Керенскимъ, который уже заявилъ о своей отставкѣ, и быть готовымъ на активное противодѣйствіе захватамъ власти со стороны совѣта, — или же пойти на коалицію, подчиниться ея программѣ и рисковать дальнѣйшимъ ослабленіемъ власти и дальнѣйшимъ распадомъ государства.

Въ сущности, выборъ кн. Львова былъ уже сдѣланъ, и П. Н. Милюковъ могъ облегчить его положеніе лишь однимъ способомъ: онъ предложилъ рѣшить свой личный вопросъ въ своѣ отсутствіе (онъ и А. И. Шингаревъ въ этотъ день выѣзжали въставку), предупредивъ только, что при созданіи коалиціоннаго правительства, онъ не приметъ предполагавшейся перемѣны портфеля, такъ какъ онъ принципиально противъ коалиціи. Уѣзжая, П. Н. Милюковъ просилъ также и А. И. Гучкова, готовившагося подать въ отставку, отложить свой личный вопросъ до рѣшенія принципиальнаго вопроса о коалиціи и о ея программѣ.

Однако, уже вечеромъ 29 апрѣля А. И. Гучковъ заявилъ Временному Правительству о своемъ уходѣ, и днемъ 30-го апрѣля кн. Г. Е. Львовъ получилъ отъ него письмо, въ которомъ, „въ виду тѣхъ условій, въ которыя поставлена правительственная власть въ странѣ, а въ частности, власть военнаго и морского министра, условій, которыя измѣнить онъ не въ силахъ, и которыя грозятъ роковыми послѣдствіями арміи и флоту, и свободѣ, и самому бытію Россіи“, онъ „по совѣсти не можетъ долѣе нести обязанности военнаго и морскаго министра и раздѣлять отвѣтственность за

тотъ тяжкій грѣхъ, который творится въ отношеніи родины“. Въ то же время А. И. Гучковъ выступилъ на сѣздѣ делегатовъ съ фронта съ длинной рѣчью, въ которой перечислялъ всѣ свои заслуги передъ арміей и флотомъ и заявлялъ, что „въ томъ угарѣ, который насъ охватилъ, мы зашли за ту роковую черту, за которой начинается не созиданіе, не сплоченіе, не укрѣпленіе военной мощи, а постепенное разрушеніе.“ Справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ процессѣ разрушенія А. И. Гучковъ не захотѣлъ перешагнуть послѣдней грани: онъ остановился передъ опубликованіемъ „декларации правъ солдата“, которая была затѣмъ опубликована черезъ двѣ недѣли его преемникомъ, — и которая, по компетентному заявленію высшаго командованія, должна была нанести военной дисциплинѣ послѣдній и непоправимый ударъ.

Извѣстіе объ отставкѣ Гучкова заставило исполнительный комитетъ, послѣ разъясненій А. Ф. Керенскаго, пересмотрѣть свое рѣшеніе о невступленіи въ правительство. Въ вечернемъ засѣданіи перваго мая большинствомъ 41 противъ 18, при 3 воздержавшихся, было рѣшено принять участіе въ коалиціонномъ правительствѣ.

Противъ этого рѣшенія голосовали на этотъ разъ только большевики и меньшевики-интернаціоналисты. Въ эту же ночь была выработана и программа пунктовъ, на которой социалисты соглашались войти въ правительство. На первое мѣсто здѣсь былъ поставленъ спорный пунктъ о внѣшней политикѣ, вводившій на этотъ разъ цѣликомъ популярную формулу: „дѣятельная внѣшняя политика, открыто ставящая своею цѣлью скорѣйшее достиженіе всеобщаго мира безъ аннексій и контрибуцій, на началахъ самоопредѣленія народовъ, въ частности подготовка къ переговорамъ съ союзниками въ цѣляхъ пересмотра соглашеній, на основаніи декларации Временнаго Правительства отъ 27-го марта“. Этотъ пунктъ предрѣшалъ уходить П. Н. Милюкова, заранѣе условленный между Церетели и руководящей группой правительства, причемъ сторонники этой перемѣны обезпечили себѣ и поддержку союзниковъ, въ лицѣ Альбера Тома. Вторымъ пунктомъ шелъ второй циммервальдскій тезисъ: „демократизація арміи“, но съ прибавкой, характеризовавшей уже извѣстное намъ настроеніе руководителей совѣта (только что опубликовавшаго свое обращеніе къ фронту): „организация и укрѣпленіе боевой силы фронта и дѣйствительная защита добытой свободы“. Далѣе слѣдовали пункты, безспорные

по заглавіямъ, но грозившіе сдѣлаться очень спорными по содержанию, которое вкладывалось въ нихъ „революціонной демократіей“.

„Борьба съ хозяйственной разрухой путемъ установленія контроля надъ производствомъ, транспортомъ, обмѣномъ и распределеніемъ продуктовъ и организація производства въ необходимыхъ случаяхъ“. Этотъ основной тезисъ „военнаго социализма“ могъ быть проведенъ такъ, какъ онъ проводился во всѣхъ воюющихъ странахъ, — послѣдовательнѣе всего въ Германіи. Но онъ могъ быть понятъ и въ смыслѣ осуществленія путемъ декретовъ власти чисто социалистическихъ задачъ. Въ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ онъ разумѣлся именно въ смыслѣ социалистическихъ экспериментовъ надъ промышленностью. Относительно деревни совѣтская программа требовала „аграрной политики, регулирующей землепользованіе въ интересахъ народнаго хозяйства, подготовляющей переходъ земли въ руки трудящихся.“ Подъ этой, тоже довольно растяжимой, формулой разумѣлась „подготовка перехода земли“ путемъ передачи фактическаго пользованія ею земельнымъ комитетамъ. Финансовый пунктъ программы устанавливалъ „переустройство финансовой системы на демократическихъ началахъ, въ цѣляхъ переложенія финансовыхъ тяготъ на имущіе классы (обложеніе военной сверхъ-прибыли, поимущественный налогъ и т. д.)“. О тенденціи этого параграфа можно судить по тому, что впоследствии даже финансовыя реформы А. И. Шингарева показались совѣтскимъ финансистамъ недостаточными. Всѣ эти приведенныя пункты выходили за предѣлы первоначальныхъ задачъ Временнаго Правительства и потому, что вводили въ ихъ число немедленное, не дожидаясь Учредительнаго Собранія, социальное „правотворчество“ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, чтобы этимъ вызвать самые острые классовые конфликты. Наконецъ. три остающіеся пункта не могли вызывать никакихъ возраженій: „Всесторонняя защита труда“, „укрѣпленіе демократическаго самоуправленія“ и „скорѣйшій созывъ Учредительнаго Собранія“.

Съ утра 2-го мая, при участіи возвратившихся спѣшно изъ ставки министровъ П. Н. Милюкова и А. И. Шингарева, изъ Москвы А. А. Мануилова, началось обсужденіе этой программы въ правительствѣ. Продолжая возражать противъ самаго принципа коалиціи, П. Н. Милюковъ находилъ предъявленную программу отчасти слишкомъ неопредѣленной и скрывающей зародыши конфликтовъ въ будущемъ, отчасти, поскольку она была опредѣленна

(въ области внѣшней политики), неприемлемой и, наконецъ, попрежнему не заключающей въ себѣ тѣхъ элементовъ, отсутствіе которыхъ, собственно, и вызвало слабость и паденіе правительства перваго состава: не заключающей указаній на единство власти и на обезпеченіе этого единства полнымъ довѣріемъ „революціонной демократіи“. На почвѣ этихъ возраженій было приступлено къ составленію окончательнаго текста деклараціи новаго правительства. Во время этого составленія подоспѣли однородныя замѣчанія комитета Гос. Думы и Ц. К. партіи народной свободы. Но раньше, чѣмъ обсужденіе деклараціи окончилось, въ вечернемъ засѣданіи А. Ф. Керенскій сообщилъ П. Н. Милюкову о состоявшемся въ отсутствіи послѣдняго рѣшеніи семи членовъ Временнаго Правительства — оставить за П. Н. Милюковымъ, при перераспредѣленіи портфелей, министерство народнаго просвѣщенія, вмѣсто министерства иностранныхъ дѣлъ. Самъ А. Ф. Керенскій долженъ былъ получить портфель военнаго и морского министра. Не считая возможнымъ, при такомъ перераспредѣленіи, и при намѣчавшейся побѣдѣ циммервальдскихъ тенденцій въ области веденія войны и внѣшней политики, нести свою долю коллективной отвѣтственности за дальнѣйшія дѣйствія солидарнаго кабинета, П. Н. Милюковъ категорически отказался принять предложеніе товарищей и покинулъ засѣданіе.

Дальнѣйшее обсужденіе проэкта деклараціи привело представителей совѣта къ нѣкоторымъ уступкамъ, впрочемъ, очень незначительнымъ. Требования партіи народной свободы были приняты въ очень урѣзанномъ и смягченномъ видѣ. Партія, какъ и Государственная Дума и часть министровъ, требовала признанія Временнаго Правительства *единственнымъ органомъ власти*. Декларация въ заключительной части лишь односторонне заявляетъ, что его плодотворная работа возможна лишь при условіи: „ . . . 2) возможности осуществлять на дѣлѣ всю полноту власти“. Эта „возможность“ была поставлена въ зависимость отъ „ . . . 1) полного и безусловнаго довѣрія къ правительству всего революціоннаго народа“. То и другое только постулировалось, но вовсе не давалось формально правительству. Далѣе Ц. К. партіи народной свободы требовалъ, чтобы за правительствомъ была признана основная и элементарная принадлежность *всякой власти: право примѣненія силы и распоряженія арміей*. Этотъ капитальный вопросъ опять таки не былъ включенъ въ пункты программы, и лишь затронуть

осторожно въ той же заключительной части, въ такой формѣ, которая заранѣе ослабляла все практическое значеніе этого признація: правительство „заявляло, что для спасенія родины оно приметъ самыя энергичныя мѣры противъ всякихъ *контръ-революціонныхъ попытокъ*, какъ и противъ анархическихъ, неправомочныхъ и насильственныхъ дѣйствій, дезорганизующихъ страну и *создающихъ почву для контръ-революціи*“. Опасность грозила слѣва и тотъ самый Некрасовъ, которому принадлежалъ проэктъ деклараціи, въ своихъ публичныхъ выступленіяхъ справедливо признавалъ опасность контръ-революціи и „бонапартизма“ — мнимой опасностью.

Но, чтобы получить право хотя бы намекнуть въ правительственной деклараціи на реальную опасность слѣва, новому правительству приходилось направлять всю силу фразеологіи на несуществующую тогда опасность справа, упомянувъ о настоящей *большевистской* опасности, лишь какъ о готовящей почву для той же „контръ-революціи“. Ясно было, что, связанное въ словахъ, новое правительство будетъ еще болѣе связано въ дѣйствіяхъ.

Первоначальной задачей деклараціи было — договориться, наконецъ, до конца и все сказать такъ ясно, чтобы не было мѣста дальнѣйшимъ недоразумѣніямъ и скрытымъ конфликтамъ. Но на первомъ же шагу оказывалось, что ясная и опредѣленная постановка задачъ для коалиціоннаго правительства невозможна и что коалиція есть дѣйствительно компромиссъ, заранѣе парализующій власть извнутри, какъ до сихъ поръ ее парализовало давленіе извнѣ. Даже по тому основному вопросу, который далъ поводъ для ухода П. Н. Милюкова, по вопросу о внѣшней политикѣ, программа представила только компромиссное рѣшеніе, сославшись для объясненія „демократической“ формулы мира (безъ аннексій и контрибуцій) на прежнее заявленіе правительства отъ 28-го марта. Это было сдѣлано послѣ того, какъ не удалось ограничить смыслъ совѣтской формулы оговорками: „безъ *захватной* политики и безъ *карательныхъ* контрибуцій“. вмѣсто опредѣленнаго совѣтскаго заявленія о „подготовкѣ переговоровъ съ союзниками въ цѣляхъ пересмотра соглашеній“, декларація обѣщала лишь „предпринять подготовительные шаги къ соглашенію съ союзниками“ — на основахъ деклараціи 28-го марта. Эта уклончивость въ главномъ вопросѣ соотвѣтствовала интересамъ Россіи. Такимъ образомъ, выдавалась совѣтамъ лишь личность П. Н. Милюкова, а не его политика. Этимъ удовлетворялось и требованіе Государственной Ду-

мы и партіи народной свободы о сохраненіи „единства фронта“ съ союзниками и о рѣшеніи вопросовъ войны и мира „въ полномъ единеніи съ ними“. Но главная цѣль — созданіе новаго правительства,—сильнаго ясностью и единодушіемъ своихъ стремленій, не только не была достигнута, но, наоборотъ, была молчаливо признана недостижимой. Если нельзя того же сказать о соціальныхъ пунктахъ деклараціи, то только потому, что тутъ конфликты были еще впереди. Декларация избѣжала ихъ преждевременнаго раскрытія тѣмъ, что сдѣлала эластичныя совѣтскія формулы еще болѣе неопредѣленными, введя въ нихъ необходимыя оговорки. Въ области контроля надъ промышленностью и производствомъ, декларация обѣщала лишь „дальнѣйшее планомѣрное проведеніе“ мѣръ, уже примѣнявшихся раньше, и тѣмъ самымъ лишила свое заявленіе характера принципиальной перемѣны. Въ области финансовыхъ вопросовъ правительство лишь обѣщало „обратить особое вниманіе на усиленіе прямого обложенія имущихъ классовъ“. А въ аграрномъ вопросѣ декларация и по существу разошлась съ требованіями совѣта, обѣщавъ лишь „принять всѣ необходимыя мѣры“ для одной, вполне конкретной задачи — „обеспеченія наибольшей производительности хлѣба для нуждающейся въ немъ страны“. Что касается „вопроса о переходѣ земли въ руки трудящихся“, новое правительство, въ согласіи съ тѣмъ, чѣмъ ограничивалось и старое, хотѣло лишь „выполнить для этого подготовительныя работы“, предоставляя Учредительному Собранію рѣшеніе самаго вопроса. Во всѣхъ другихъ пунктахъ декларация подчеркнула, что требованія совѣта для правительства не новы и что въ области „всесторонней защиты труда“, „введенія демократическихъ органовъ самоуправленія“, „созыва Учредительнаго Собранія въ *Петроградъ*“ оно лишь будетъ, „со всей возможной настойчивостью и спѣшностью“, „прилагать свои усилія“. Заключительная часть, какъ мы видѣли, указывала при какихъ условіяхъ поддержки усилія эти могутъ увѣнчаться успѣхомъ.

То, что здѣсь не договаривала правительственная декларация, договорило опубликованное въ одинъ день съ нимъ, 6-го мая, заявленіе Ц. К. партіи Народной свободы. Здѣсь впервые весь критическій матеріалъ, созданный дѣятельностью—или, точнѣе, вынужденной бездѣятельностью — перваго правительства, былъ собранъ и формулированъ въ видѣ тезисовъ положительной политической программы. Отказавшись отъ давленія на своего предсѣдателя, выну-

жденнаго покинуть ряды правительства, партія, однако, сочла нужнымъ настоять на сохраненіи постовъ въ кабинетъ другими своими сочленами. Оставляя ихъ въ составъ новаго правительства, участники котораго объявлялись *отвѣтственными передъ своими партіями*, партія народной свободы дала имъ совершенно опредѣленный мандатъ. Въ области внѣшней политики, „всецѣло одобряя стойкую защиту П. Н. Милюкова въ международныхъ интересахъ Россіи“, партія, „теперь, какъ и прежде, не мыслила и не могла бы поддерживать своимъ довѣріемъ внѣшнюю политику, которая не была бы основана на тѣсномъ и неразрывномъ *единеніи съ союзниками, направленномъ къ соблюденію обязательствъ и къ огражденію правъ, достоинства и жизненныхъ интересовъ Россіи.*“ Въ области внутренней политики партія считала первой задачей обновленнаго правительства „упроченіе его авторитета и укрѣпленіе его власти“. а для этого, для „полноты и дѣйственности этой власти“ „первымъ условіемъ долженъ быть“ по ея мнѣнію „*рѣшительный отказъ всѣхъ безъ исключенія группъ и организацій отъ присвоенія себѣ права распоряженій, отмѣняющихъ либо измѣняющихъ акты Временнаго Правительства и вторгающихся въ область законодательства или управленія.*“

Третье существенное требованіе партіи к.-д. вытекаетъ изъ второго: единство власти правительства должно быть обезпечено его *силой*. Въ противоположность деклараціямъ членовъ перваго правительства и его заявленіямъ 26-го апрѣля, партія полагала, что никакая власть не можетъ опираться на одинъ только моральный авторитетъ, на силу убѣжденія и на добровольное повиновеніе гражданъ. Съ элементами, „ставящими себѣ прямою цѣлью разрушеніе всякаго порядка и посягательство на чужія права“, нельзя ограничиваться одними увѣщаніями. Съ ними „*необходима настойчивая борьба, не останавливающаяся передъ примѣненіемъ всѣхъ, находящихся въ распоряженіи государства мѣръ принужденія.*“ Всякая нерѣшительность въ этомъ направленіи, по глубокому убѣжденію партіи народной свободы, будетъ имѣть неминуемымъ послѣдствіемъ развитіе анархій и ростъ преступности. Поддерживая и питая настроеніе, враждебное революціи, такое усиленіе смуты несетъ въ себѣ величайшую опасность и способно погубить дѣло свободы“.

Частнымъ примѣненіемъ этого же принципа являлось четвертое требованіе партіи — о поддержаніи дисциплины въ арміи.

„Необходимы опредѣленные и рѣшительныя мѣры противодѣйствія попыткамъ внести дезорганизацію въ ряды арміи, подорвать въ ней дисциплину и боевую мощь, посѣять пагубную рознь между защитниками родины“. Общимъ замѣчаніемъ по отношенію ко всѣмъ предъидущимъ было то, что „партія не считаетъ возможнымъ мириться съ полумѣрами въ предстоящей борьбѣ, отъ успѣха которой зависитъ прочность и непоколебимость новаго строя“. Пятымъ требованіемъ партіи было то, чтобы ни въ социальныхъ, ни въ національныхъ, ни въ конституціонныхъ вопросахъ Временное Правительство не предвосхищало Учредительнаго Собранія. „Впередъ до созыва“ Учредительнаго Собранія партія считала возможнымъ лишь „содѣйствовать проведенію въ жизнь всѣхъ неотложныхъ мѣропріятій“, съ цѣлью „установленія разумной и цѣлесообразной экономической и финансовой политики, подготовки къ земельной реформѣ, направленной къ передачѣ земли трудовому земледѣльческому населенію, охраны интересовъ трудящихся массъ, развитія мѣстнаго самоуправления, правильнаго устройства и надлежащаго функціонированія суда и удовлетворенія другихъ разнообразныхъ потребностей государственнаго управленія“. Но что касается такихъ вопросовъ, какъ „установленіе основныхъ началъ государственнаго строя Россіи“ (республика или парламентарная монархія), „созданіе новыхъ формъ ея политическаго устройства“ (унитарный или федеративный типъ), „разрѣшеніе коренныхъ проблемъ ея экономическаго бытія“ (земельная собственность, отношеніе капитала и труда), „удовлетвореніе справедливыхъ требованій отдѣльныхъ національностей“ (автономія или федерація), — всѣ такіе вопросы не могутъ быть разрѣшаемы властью Временнаго Правительства и должны быть предоставлены на усмотрѣніе Учредительнаго Собранія, какъ высшаго выразителя народной воли“. Отсюда ясно и то, какое громадное значеніе партія придавала Учредительному Собранію и какъ бережно она считала необходимымъ обращаться и съ идеей этого проявленія народовластія, и съ ея наилучшимъ осуществленіемъ. Своимъ сочленамъ въ составѣ правительства партія поручала „всемѣрно содѣйствовать осуществленію такой программы и въ такихъ предѣлахъ“, какъ указанные выше. Въ противномъ случаѣ, соотвѣтственно новому приему конструкціи коалиціоннаго кабинета изъ представителей, официально делегированныхъ политическими партіями и передъ ними отвѣтственныхъ, партія пре-

доставляла себѣ отозвать своихъ членовъ изъ состава правительства.

Въ совѣтъ р. и с. д. появленіе новыхъ министровъ-соціалистовъ, членовъ перваго коалиціоннаго кабинета, было встрѣчено бурной оваціей. „Не въ плѣнъ къ буржуазіи идутъ они“, говорилъ представитель с.-р. Гоцъ, „а занимать новую позицію выдвинутыхъ впередъ окоповъ революціи“. „При создавшемся положеніи“, подтверждалъ В. М. Черновъ, *„совѣтъ р. и с. д. будетъ, въ сущности, рѣшать государственныя дѣла, а министры только исполнять“*. Ту же мысль подтвердилъ и болгарско-румынскій соціалистъ Раковскій, только что выпущенный русскими войсками изъ румынской тюрьмы (румынское правительство обвиняло его въ подкупѣ германскими деньгами). Въ немъ „пробудился старый циммервальдецъ“ и онъ радостно привѣтствовалъ расцвѣтъ циммервальдизма въ Россіи. „Тамъ насъ была горсточка, а тутъ—вся страна. И онъ тутъ же продиктовалъ молодымъ циммервальдцамъ тему ихъ будущей деклараціи. „Не бойтесь вхожденія въ министерство. Всюду въ другихъ странахъ соціалистическіе министры являются какъ бы хвостомъ своего правительства, а здѣсь я вижу другое: правительство — это хвостъ революціи. Русскій министериализмъ отличается отъ западнаго“.

Однако, герои дня съ грустью принимали свою побѣду. Церетели и Скобелевъ одинаково говорили о своихъ колебаніяхъ, о безысходности положенія, которое заставило сдѣлать ихъ неизбежный выборъ между вступленіемъ въ правительство и гибелью революціи, о неподготовленности массъ, о необходимости идти объ руку съ частью „буржуазіи“, — конечно, не съ Милюковымъ, уходя котораго подчеркнул разницу новой платформы отъ прежней. Собраніе горячо привѣтствовало ораторовъ-министровъ и всѣми голосами противъ 20 приняло резолюцію, которая признавала правительственную декларацію „соотвѣтствующей волѣ демократіи, задачамъ закрѣпленія завоеваній революціи и дальнѣйшаго ея развитія“, выражала правительству „полное довѣріе“, призывала демократію „оказать этому правительству дѣятельную поддержку, обеспечивающую ему всю полноту власти“, и устанавливала принципъ отвѣтственности министровъ-соціалистовъ, „впредь до созданія все-россійскаго органа совѣтовъ“, передъ Петроградскимъ совѣтомъ.

Тѣми же бурными аплодисментами былъ принятъ, однако, только что накануне пріѣхавшій изъ Америки Троцкій, „старый

вождь первой революціи“, который рѣзко осуждалъ вступленіе социалистовъ въ министерство, утверждая, что теперь „двоевластіе“ не уничтожится, а „лишь перенесется въ министерство“, и что настоящее единовластіе, которое „спасетъ“ Россію, наступитъ только тогда, когда будетъ сдѣланъ „слѣдующій шагъ — передача власти въ руки рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ“. Тогда наступитъ „новая эпоха, — эпоха крови и желѣза, но уже въ борьбѣ не націй противъ націй, а класса страдающаго, угнетеннаго противъ классовъ господствующихъ“. „Русская революція станетъ прологомъ революціи міровой“. Для полноты картины, рядомъ съ героемъ завтрашняго дня выступилъ, при смѣхѣ аудиторіи, и претендентъ на героя послѣзавтрашняго дня, анархистъ Блейхманъ, который заявилъ, что „смѣется тотъ, кто смѣется послѣднимъ“. Онъ иронически привѣтствовалъ „социалистовъ въ ковычкахъ“, требовалъ „послѣдовательности“ отъ большевиковъ и выражалъ увѣренность, что въ концѣ концовъ и они станутъ на путь анархіи.

Цикль грядущихъ превращеній у русской революціи здѣсь намѣтился, какъ въ зеркалѣ. На этой покатої плоскости коалиціонное правительство оказалось дѣйствительно, „первымъ шагомъ“. Прежде чѣмъ совершился „второй“, — къ господству совѣтовъ, — коалиція должна была пройти черезъ тройной кризисъ, въ которомъ противорѣчіе между утопизмомъ словъ и неизбѣжнымъ реализмомъ дѣлъ министровъ-социалистовъ вскрылось вполне и до конца.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

СОЦИАЛИСТЫ ЗАЩИЩАЮТЪ БУРЖУАЗНУЮ РЕВОЛЮЦІЮ ОТЪ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ (6 МАЯ—7 ІЮЛЯ).

THEY ARE

THEY ARE
THEY ARE
THEY ARE

I. Противорѣчіе цѣлей и средствъ перваго коалиціоннаго кабинета.

Составъ кабинета. — Двойственность задачи коалиціи.

Соціалисты *численно* не преобладали въ первомъ коалиціонномъ правительствѣ. Составъ его опредѣлялся слѣдующимъ образомъ:

министръ-предсѣдатель и министръ внутр. дѣлъ — кн. Г. Е. Львовъ,

военный и морской министръ — А. Ф. Керенскій,

министръ иностранныхъ дѣлъ — М. И. Терещенко,

министръ путей сообщенія — Н. В. Некрасовъ,

министръ земледѣлія — В. М. Черновъ,

министръ почтъ и телеграфовъ — И. Г. Церетели,

министръ труда — М. И. Скобелевъ,

министръ продовольствія — А. В. Пъшехоновъ,

министръ юстиціи — П. Н. Переверзевъ,

министръ торговли и промышленности — А. И. Коноваловъ,

министръ финансовъ — А. И. Шингаревъ,

министръ народнаго просвѣщенія — А. А. Мануйловъ,

министръ государственнаго призрѣнія — кн. Д. И. Шаховской,

оберъ-прокуроръ синода — В. Н. Львовъ,

государственный контролеръ — — И. В. Годневъ.

Такимъ образомъ, въ кабинетѣ было 6 соціалистовъ и 9 не-соціалистовъ. Но изъ послѣднихъ только небольшая группа трехъ министровъ к.-д. (не считая Н. В. Некрасова) вмѣстѣ съ А. И. Коноваловымъ держалась дружно. Два „правыхъ“ министра часто поддерживали соціалистовъ, но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они примыкали къ группѣ четырехъ не-соціалистовъ и вотиновали 6 противъ шести, рѣшающее значеніе играли Терещенко и Некрасовъ, линія которыхъ клонилась влѣво и увлекала туда же министра-предсѣдателя. Это было хоть и „буржуазное“ правительство, но

такое, которое, дѣйствительно, вполне заслуживало полного „до-
вѣрія“ и „поддержки“ умѣренныхъ социалистическихъ группъ, къ
которымъ принадлежало большинство въ совѣтъ р. и с. д. Бѣда
была лишь въ томъ, что, чѣмъ эта поддержка становилась тверже
и основательнѣе, тѣмъ болѣе само большинство совѣта теряло под-
держку въ массахъ и таяло. Чтобы предупредить его превращеніе
въ меньшинство и сохранить принципъ отвѣтственности министровъ-
соціалистовъ передъ совѣтомъ, вождь этого большинства, Церетели,
принужденъ былъ пустить въ ходъ всю свою изворотливость.
Каждая его побѣда должна была сопровождаться компенсирующей
эту побѣду уступкой точкѣ зрѣнія противниковъ. Тактическая линія
поведенія превращалась, такимъ образомъ, въ рядъ зигзаговъ,
среди которыхъ все труднѣе становилось сохранить господствующее
направленіе. Постоянные компромиссы съ очередными криками
дня привели, наконецъ, если не къ потерѣ основной тактической
линіи, то къ полной потерѣ пониманія этой линіи и довѣрія къ
ней въ тѣхъ рабочихъ и солдатскихъ массахъ, на которыя опира-
лись совѣты. Демагогія крайнихъ лѣвыхъ теченій очень ловко вос-
пользовалась этой сложностью и запутанностью тактики болѣе
умѣренныхъ вождей и привлекла на свою сторону массы крайней
простотой и привлекательностью лозунговъ такъ-же, какъ и упорной
последовательностью — если не въ проведеніи, то, во всякомъ
случаѣ, въ повтореніи, въ натверживаніи этихъ лозунговъ. Реклама
и агитація среди большевистскихъ теченій всегда были поставлены
образцово.

Двойственность, которая въ концѣ концовъ погубила первую
коалицію, заключалась уже въ самомъ опредѣленіи основной за-
дачи, для осуществленія которой она образовалась. Для Церетели
этой задачей было соединеніе „буржуазіи“ съ „революціонной
демократіей“ (т. е. социалистами совѣта) на одной „демократиче-
ской платформѣ“, которую онъ хотѣлъ считать всенародной, но
которая была, въ сущности, партійно-социалистической. Это былъ
плохой и чисто формальный способъ — не разрѣшить, а симули-
ровать разрѣшеніе глубокаго и неразрѣшимаго противорѣчія, ко-
торое существовало между научнымъ тезисомъ марксизма, что при
данномъ состояніи производства возможна лишь „буржуазная“ ре-
волюція, и нетерпѣливымъ стремленіемъ большинства русскихъ со-
ціалистовъ перевести русскую („міровую“) революцію изъ полити-
ческой въ социальную (социалистическую).

Для членовъ перваго правительства, наладившихъ коалиціонную комбинацію, напротивъ, задача коалиціи была совсѣмъ другая. Недаромъ надъ осуществленіемъ коалиціи такъ же усиленно работалъ Альберъ Тома, какъ и Керенскій съ Некрасовымъ и Терещенко. Убѣжденіемъ перваго было, что нужно спасти боеспособность революціонной Россіи путемъ уступокъ руководящимъ теченіямъ социализма, а убѣжденіемъ остальныхъ было, что боеспособность арміи можно удержать, лишь поставивъ ей понятныя для нея и способныя одушевить ее цѣли войны. Такъ какъ такими цѣлями этимъ ослѣпленнымъ людямъ непременно представлялся лозунгъ совѣта „безъ аннексій и контрибуцій“ (т. е., въ сущности, отказъ отъ цѣлей войны), то намѣренія Некрасова и Тома внѣшнимъ образомъ сходились съ намѣреніями Церетели и Керенскаго, которые тогда считали себя „циммервальдцами“. Приобрѣталась видимость „единаго фронта“ внутри и во-внѣ.

„Я спрашиваю себя“ — такъ объяснялъ свою политику Н. В. Некрасовъ передъ 8-ымъ съѣздомъ партіи народной свободы (9 мая), — „что дороже для насъ и для нашихъ союзниковъ: этили договоры, для осуществленія которыхъ неизвѣстно когда придетъ время, или то боевое единство, которое одно можетъ дать намъ возможность спасти честь и достоинство Россіи. Рѣшающимъ для меня было то, что я слышалъ отъ делегатовъ изъ арміи. . . Эти люди сказали намъ: если вы хотите, чтобы армія шла въ бой, если вы хотите отъ нея прежней дисциплины и прежняго единства, то дайте ей тѣ цѣли борьбы, которыя ей понятны, которыя она видитъ предъ собой и можетъ защищать реально. И помните, что нельзя возложить на плечи арміи, борющейся уже три года на фронтѣ, ту задачу, которая этой арміей не раздѣляется“. Условную справедливость этой позиціи призналъ и П. Н. Милуковъ въ концѣ своей рѣчи о своемъ уходѣ въ частномъ засѣданіи членовъ Гос. Думы. Онъ не вѣрилъ, что указанныя средства могутъ привести къ цѣли и что можно усилить желаніе воевать, отказавшись отъ національныхъ цѣлей войны; онъ доказывалъ также, что въ основѣ этой формулировки лежитъ пассивное подчиненіе тенденціи, внесенной извнѣ и грозящей, въ послѣднемъ счетѣ, полнымъ распадомъ власти и всѣми ужасами гражданской войны. . .

Какъ бы то ни было, задача была поставлена, и опытъ ея осуществленія начался сразу по двумъ тѣмъ линіямъ, которыя были искусственно соединены, но тотчасъ же расходились въ раз-

ныя и даже противоположныя стороны: по линіи поддержанія бое-
способности арміи и по линіи „демократизаціи“ нашей внѣшней
политики. Первой задачей задался А. Ф. Керенскій, при скрытомъ
и все возраставшемъ противодѣйстви совѣта. Второй задачей за-
дался самъ совѣтъ—точнѣе его „комиссія по внѣшнимъ сношеніямъ“,
при скрытомъ и постепенно слабѣвшемъ противодѣйстви М. И. Те-
рещенко. За этими двумя тенденціями, исходившими изъ разныхъ
центровъ и другъ другу противорѣчившими, основная задача —
укрѣпленіе революціонной власти — была совершенно забыта.

II. Фразы и дѣйствительность въ военномъ вопросѣ.

Керенскій уговариваетъ армію. — Разложеніе армій. — Попытка мирныхъ переговоровъ на фронтѣ.

Внутреннее противорѣчіе было на-лицо и при осуществленіи первой тенденціи — поддержанія боеспособности армій. Такъ какъ эта цѣль считалась лучше всего достижимой путемъ объясненія арміи, за что она борется, то за исполненіе этой задачи — за убѣжденіе арміи — лично взялся А. Ф. Керенскій. Онъ исполнилъ ее путемъ объѣзда фронта. Но одновременно съ убѣжденіями военного министра армія получила „декларацію правъ солдата“, окончательно разложившую въ ней начала принудительной дисциплины. Послѣдствія были такія, какихъ не могло не быть: задача, взятая на себя А. Ф. Керенскимъ, оказалась неосуществленной.

Военный и морской министръ объѣхалъ Гельсингфорсъ, Каменецъ-Подольскъ, Одессу, Севастополь, Кіевъ, Ригу и другіе города. Въ общественныхъ зданіяхъ и передъ фронтомъ, въ засѣданіяхъ разныхъ организацій и на торжественныхъ приемахъ, сотни тысячъ солдатъ и гражданъ видѣли стройную фигуру молодого человѣка въ помятомъ френчѣ безъ украшеній и отличій, съ больной рукой, согнутой въ локтѣ и спрятанной за бортъ, съ болѣзненнымъ блѣднымъ лицомъ, носящимъ слѣды нервности и крайняго утомленія, слышали его пламенную рѣчь, составленную изъ короткихъ отрывистыхъ фразъ, говорившихъ о свободѣ, о свѣтѣ, о правдѣ, и ежеминутно прерывавшихся бурными взрывами апплодисментовъ и восторженными обътами вѣрить, слушать, пойти за министромъ-соціалистомъ впередъ, за республику, за миръ (иногда еще прибавляли и за „матушку-Русь“). „Товарищи“, говорилъ министръ, „въ нашей встрѣчѣ я вижу тотъ великій энтузіазмъ, который объялъ всю страну, и чувствую великій подъемъ, который міръ переживаетъ разъ въ столѣтія. Не часты такія чудеса, какъ русская революція, которая изъ рабовъ дѣлаетъ свободныхъ людей... Намъ

суждено повторить сказку великой французской революции. Бросимся же впередъ, за миръ всего міра, съ вѣрой въ счастье и величіе народа“. (Одесса, 16 мая). Вотъ канва, по которой мысль скачетъ и рвется, „чудеса“ и „сказка“ сплетаются съ „вѣрой“ и „энтузіазмомъ“, и все покрывается тономъ возбужденія и страсти, вызывающей отвѣтный кликъ, психологическую детонацію въ душахъ собравшейся толпы. Ораторъ, среди возбужденія, остается господиномъ своей мысли и пытается провести въ сознаніе толпы, въ формѣ, не противорѣчащей условной приподнятости, тѣ государственныя идеи, для которыхъ онъ пріѣхалъ. Свобода *обязываетъ*; отказъ отъ внѣшней дисциплины *налагаетъ долгъ* внутренней дисциплины; стремленіе къ скорому миру обязываетъ быть сильными на фронтѣ; врагъ, не уважающій идей, долженъ преклониться передъ силой. Ораторъ находитъ способы позолотить эти пилюли, преподнести ихъ въ формѣ, не охлаждающей овацій толпы. „Пусть никто не думаетъ, что русскій революціонный народъ слабѣе стараго царизма и что съ нимъ можно не считаться. Нѣтъ, вы посчитаетесь!“ (бурные аплодисменты). (Гельсингфорсъ, 10 мая). „Я бы могъ сказать вамъ: вы свободные люди, идите домой, тамъ ждутъ васъ земля и воля. Темные люди пойдутъ за такимъ призывомъ. Они не виноваты въ томъ. Никто не училъ ихъ. О нихъ никто не заботился. Но тогда погибнетъ армія, и съ ней погибнетъ свобода, погибнетъ русская революція“. (возгласы: „ни за что не выдадимъ“, рукоплесканія) (Каменецъ-Подольскъ, 15 мая). „Мы создаемъ не какой нибудь англійскій или нѣмецкій строй, а демократическую республику въ полномъ смыслѣ этого слова“ (бурные аплодисменты и крики „вѣрно“). „Вы самые свободные солдаты міра. Развѣ вы не должны доказать міру, что та система, на какой строится сейчасъ армія, — лучшая система? Развѣ вы не докажете другимъ монархамъ, что не кулакъ, а совѣты есть лучшая сила арміи? (возбужденные возгласы: „докажемъ“). . . Наша армія при монархѣ совершала подвиги: неужели при республикѣ она окажется стадомъ барановъ?“ (бура аплодисментовъ, крики: „нѣтъ, никогда“). (Каменецъ-Подольскъ). „Намъ не нужно чужого, но намъ нужно право на свое, на сохраненіе своей чести и достоинства революціоннаго народа. О нашихъ желаніяхъ мы сказали всему міру, — и нашимъ союзникамъ, и нашимъ врагамъ. Теперь мы желаемъ, чтобы демократія воюющихъ съ нами странъ нашла въ себѣ столько мужества, сколько нашлось у насъ — полуварваровъ, —

какъ насъ называютъ въ Европѣ“. (громъ аплодисментовъ). (Кіевъ, 20-е мая). Очень много „я“, — и этотъ приемъ безошибочно сближаетъ оратора съ толпой и вызываетъ энтузіастическіе отклики. „Многіе военные, изучавшіе военное дѣло десятилѣтіями, отказывались взять постъ военного министра, я, невоенный человѣкъ, я взялъ его“ (рукоплесканія). (Каменецъ-Подольскъ, 14-е мая). „Если вамъ предстоитъ почетная смерть на глазахъ всего міра, позовите меня: я пойду съ ружьемъ въ рукахъ впереди васъ“ (громъ рукоплесканій). . . „Впередъ, на борьбу за свободу, не на пиръ, а на смерть я зову васъ. Мои товарищи с.-р. умирали одинъ за другимъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ. Мы, дѣятели революціи, имѣемъ право на смерть“ (снова громъ аплодисментовъ, возгласы: „мы идемъ за тобой, товарищъ. Впередъ, за свободу“). И даже, когда одинъ офицеръ, по порученію товарищей, подошелъ къ Керенскому и высказалъ, что происходящее въ тылу внушаетъ имъ опасеніе (вполнѣ потомъ подтвердившееся), что при наступленіи ударныхъ частей армія не сможетъ получить потомъ поддержки отъ резервовъ, Керенскій отвѣчалъ той же псевдо-спартанской позой: „Когда ~~мы~~, кучка революціонеровъ, бросились на борьбу съ сложнымъ механизмомъ стараго режима, мы никогда не оглядывались назадъ, на тылъ, не ждали резервовъ, мы шли на борьбу безъ оглядки и, если надо было, умирали. Если вамъ дорога свобода и революція, и вамъ понадобится идти, и если даже вы пойдете одни, — идите и, если нужно умереть, умрите.“ (Рига, 23 мая). Быть можетъ, этотъ офицеръ принадлежалъ къ тѣмъ многимъ, которые, дѣйствительно, умерли: смущенно онъ стоялъ передъ ораторомъ-министромъ и повторялъ полушопотомъ, вѣроятно, не столько устыженный, сколько разочарованный: „я пойду, я пойду“ . . .

Нельзя, конечно, сказать, чтобы глубокій внутренній трагизмъ взятой на себя позы былъ совершенно непонятенъ А. Ф. Керенскому, и чтобы онъ не зналъ тѣхъ реальныхъ препятствій въ которыя превращались защищаемыя имъ формулы при встрѣчѣ съ печальной дѣйствительностью. „Мы открыто сказали“, говорилъ онъ въ Гельсингфорсѣ, 10 мая, „что не хотимъ захватовъ, насилія, не хотимъ чужого достоянія, мы хотимъ скорѣйшаго мира. Но тѣ, кому мы говорили это (германцы), могли понять только одно, — что мы неспособны силой отстоять свои права. И они начали братанія на нашемъ фронтѣ, а въ то же время свои лучшія войска послали на французскій фронтъ и уничтожаютъ эту первую де-

мократію Европы. Крім того, після братання на нашому фронті у них оказались фотографії наших позицій і батарей, котрися були такъ распланированы, что сверху ихъ увидѣть было нельзя". „Русская революціонная власть“, заявилъ Керенскій въ Одессѣ 17 мая, „отбросила аннексіонныя лозунги. Попробуйте это сдѣлать въ другихъ странахъ: вы увидите, что такъ легко, какъ мы отдѣлались отъ Милюкова, вамъ это тамъ не удастся, ибо за нимъ тамъ стоятъ опредѣленныя общественныя силы.... Въ Германіи имперіалисты усилились. Ослабля нашъ фронтъ, мы даемъ возможность нѣмцамъ обратиться къ союзникамъ, разжигаемъ этимъ аппетиты германскихъ имперіалистовъ.... Говорить этимъ (господствующимъ) классамъ о лозунгѣ „безъ аннексій“ смѣшно... Но быть смѣшнымъ въ глазахъ всего міра — это невыносимо для государства". Точно также Керенскій понималъ ясно и послѣдствія распространения этого лозунга на фронтѣ. „Тамъ“, замѣчалъ онъ въ Гельсингфорсѣ, „лозунгъ войны безъ аннексій былъ понять не какъ политическій лозунгъ войны, а какъ стратегическій, какъ предложеніе немедленно прекратить всякія военныя операціи, связанныя хотя бы съ однимъ шагомъ впередь". А въ Одессѣ онъ привелъ и поучительную иллюстрацію. „Я былъ только-что на фронтѣ. Тамъ одинъ полкъ заключилъ миръ, съ нѣмцами. Договоръ подписали два нашихъ унтеръ-офицера и нѣмецкій офицеръ. Въ договорѣ говорится объ отказѣ отъ аннексій, но съ нашей стороны: наши отказались отъ обратныхъ завоеваній русскихъ городовъ Вильны и Ковно". Это сообщеніе сопровождалось криками „позоръ“, и никто не думалъ тогда, что дѣло идетъ лишь о слабомъ прообразѣ того, что должно совершиться, если страна пойдетъ по избранной дорогѣ. А. Ф. Керенскому ясны были и внутреннія опасности на этомъ пути. „Намъ угрожаетъ серьезная сила“, говорилъ онъ въ Одессѣ 15-го мая. „Люди, объединившіеся въ ненависти къ новому строю, найдутъ путь, которымъ можно уничтожить русскую свободу, и они достаточно умны для того, чтобы понять, что провозглашеніемъ царя они ничего не достигнутъ... Они идутъ путемъ обманнымъ, идутъ къ голодной массѣ, развращенной старымъ режимомъ, и говорятъ: „Требуйте всего немедленно". Они шепчутъ слова недоверія къ намъ, всю жизнь положившимъ на борьбу съ царизмомъ. Среди насъ есть также и идеалисты, слишкомъ смотрящіе въ небо и увлекающіе насъ въ бездну анархіи. И мы должны сказать имъ: „остановитесь, не расшатывайте новые устои"... Если русскій на-

родъ, въ особенности русская армія, не найдутъ въ себѣ мужества, не найдутъ стальной брони дисциплины, то мы погибнемъ и насъ будетъ презирать весь міръ, будутъ презирать тѣ идеи социализма, во имя которыхъ *мы* совершили революцію“. Понимая и чувствуя эту смертельную опасность, Керенскій, однако, предлагалъ одни лишь словесные приемы борьбы съ ней. „Возьмите нашихъ непримиримыхъ товарищей, крайнихъ социалистовъ“, говорилъ онъ въ Каменецъ-Подольскѣ, „думали ли они три мѣсяца назадъ, что они сегодня получаютъ право говорить такъ свободно? Я привѣтствую тѣхъ, кто не останавливается ни передъ чѣмъ для достиженія своей идеи. Каждая честная цѣль — священна. Но къ нимъ одна *просьба* истерзанной, истекающей кровью Россіи, одна *просьба*. *Подождите хоть два мѣсяца*“. (Взрывъ аплодисментовъ).

Ровно два мѣсяца „они“ не „ждали“, — а организовались и готовились начать борьбу, „не останавливаясь ни передъ чѣмъ для достиженія своей идеи“. А. Ф. Керенскій одной рукой ставилъ имъ слабыя словесныя препятствія, исчезавшія съ послѣднимъ звукомъ его голоса, а другой рукой онъ открывалъ имъ широкую дорогу, допуская полное разложеніе дисциплины въ арміи.

Замѣститель Корнилова, поручикъ Козьминъ, тотчасъ послѣ министерскаго кризиса созвалъ командировъ войсковыхъ частей, расположенныхъ въ Петроградѣ и окрестностяхъ. Задачей совѣщанія было: выяснить причины нарушенія дисциплины нѣкоторыми войсковыми частями и выработать мѣры для возстановленія порядка и повиновенія въ войскахъ петроградскаго гарнизона. „Причины“ и „мѣры“ были очень просты и несложны, и собраніе выработало пункты: 1) возстановленіе власти начальниковъ, 2) точное исполненіе существующихъ уставовъ, 3) обязательная присяга, 4) дисциплина на службѣ и гражданское равенство внѣ ея, 5) различныя мѣры для сближенія офицеровъ и солдатъ и т. д. Это было такъ просто и ясно... но затѣмъ поручикъ Козьминъ предложилъ иную мѣру: „опору на боговъ—министръ Керенскій и совѣтъ р. и с. д. „Довѣріе солдатъ нужно приобрѣсти клятвой, что офицеры не контръ-революціонеры“. Козьминъ самъ принесъ такую „клятву о защитѣ свободы“ Керенскому и предлагалъ принести и присутствующимъ. Газетный отчетъ гласитъ далѣе: „наступаетъ величественная минута. Всѣ присутствующіе командиры „войсковыхъ частей“ въ порывѣ энтузіазма восклицаютъ: „клянемся“. Такъ дѣловое совѣщаніе кончается сценой во вкусѣ новыхъ „боговъ“....

Вотъ другая сцена, относящаяся къ тому же времени. 9-го мая, въ залѣ Таврическаго дворца, солдатская секція совѣта обсуждаетъ вопросъ о созданіи національныхъ полковъ. Во время заступанія является въ залъ помощникъ военнаго министра Якубовичъ и требуетъ слова внѣ очереди. Керенскій утвердилъ „Декларацію правъ солдата“. Теперь „русскій солдатъ имѣетъ такія права, какихъ не имѣютъ солдаты ни въ одной арміи въ мірѣ“. Личная просьба военнаго министра солдатамъ: отнестись съ полнымъ вниманіемъ къ параграфу объ отмѣнѣ отданія чести, — одному изъ тѣхъ, которые „малосознательными элементами могутъ быть истолкованы неправильно“. Способъ удовлетворить „личную просьбу министра“: выработка воззванія къ солдатамъ. „Вы окажете вашему министру сразу поддержку, безъ которой онъ работать не въ состояніи“, Прибавка для стили: „мое искреннее убѣжденіе, что на лучезарный путь мощной демократической республики выведетъ насъ *только* нашъ вождь, А. Ф. Керенскій, и поэтому всѣ должны его поддержать“. По газетному отчету и рѣчь помощника министра вызвала восторженные аплодисменты.

Увы, большевики использовали для своихъ цѣлей и эту „декларацию правъ“. Они объявили ее произведеніемъ контръ-революціоннаго офицерства, которое возстановливаетъ царское рабство и палочную дисциплину. На ихъ митингахъ декларация получила кличку „декларации безправія“. Еще бы: въ § 14 говорилось, что „въ боевой обстановкѣ начальникъ имѣетъ право принимать всѣ мѣры, вплоть до примѣненія вооруженной силы, противъ неисполняющихъ его приказанія подчиненныхъ“. § 18, оставившій право назначенія на должность и „временнаго отстраненія“ — „исключительно начальникамъ“, не заючалъ въ себѣ „права“ отвода и аттестаціи начальствующихъ лицъ, а также „права“ участія въ управленіи арміей для „органовъ солдатскаго самоуправления“. „Обязательное отданіе чести“ отмѣнялось § 12-мъ, но этого было мало: требовалось отмѣнить и замѣнившее его „добровольное взаимное привѣтствіе“. „Строгій арестъ“, — единственное сохранившееся дисциплинарное наказаніе, — также нужно отмѣнить. Наконецъ, предметомъ партійной полемики сдѣлано было и то наступленіе, которое Керенскій готовилъ своими поѣздками на фронтъ и которое, какъ указано выше, составляло главный *raison d'être* новаго правительства. Н. Сухановъ спрашивалъ въ „Новой жизни“ отъ 17-го мая: „новое правительство существуетъ и дѣйствуетъ

уже десять дней . . . что оно сдѣлало въ отношеніи войны и мира?“. И онъ съ неудовольствіемъ отвѣтилъ: „военное министерство, сверху до низу, при содѣйствіи всѣхъ буржуазныхъ и большей части демократическихъ силъ съ необычайной энергіей работаетъ надъ возстановленіемъ дисциплины и боеспособности арміи. Работа эта . . . уже дала несомнѣнно результаты. И уже ни у кого не вызываютъ сомнѣній ея цѣли: это — единство союзнаго фронта и наступленіе на врага“. Авторъ покорно соглашается, что „поскольку война продолжится и борьба за миръ еще не увѣнчалась успѣхомъ, нельзя опротестовывать функціи всей организаціи войны — работы на оборону, съ одной стороны, наступательныхъ дѣйствій, съ другой“. „Но“ . . . Н. Сухановъ находитъ, что эти задачи приобрѣли слишкомъ уже выпуклый и самодовлѣющій характеръ: „лозунгъ наступленія, затмившій все другое, съ перваго же дня образованія новой власти приобрѣлъ не невинное военно-техническое, а самое одіозное политическое значеніе. Общая политика новаго министерства придаетъ этому лозунгу угрожающій характеръ“. Настроеніе это въ немногіе дни управленія коалиціи такъ сгустилось, что послѣ нѣсколькихъ дней двусмысленнаго лавированія, съ возраженіемъ противъ наступленія, какъ *ближайшей* цѣли, выступилъ и совѣтскій офиціозъ. Рѣчь, по словамъ „Извѣстій Совѣта“ (17 мая), идетъ только о томъ, „чтобы подготовить возможность наступленія, для чего, необходимо предварительное выполненіе правительствомъ „цѣлой программы мѣропріятій, относящихся къ различнѣйшимъ областямъ политики“. И пусть ни одинъ солдатъ не думаетъ, будто Временное Правительство пошлетъ его въ наступленіе, не выполнивъ данной программы“, заявлялъ офиціозъ, анулируя этимъ всѣ плоды краснорѣчія А. Ф. Керенскаго. Большевицкая „Прѣвда“ высказывалась по этому поводу уже безъ всякихъ обиняковъ. „Дойдетъ ли дѣло *дѣйствительно* до наступленія“, говоритъ большевистскій органъ, „это рѣшатъ сами солдаты. Всюду и вездѣ солдаты дерутся теперь только изъ-подъ палки, а въ Россіи палка выпала изъ рукъ угнетателей. . .“ И газета предлагала „товарищамъ-рабочимъ и товарищамъ-солдатамъ“ поставить на очередь, вмѣсто вопроса о наступленіи, вопросъ о томъ, „кому будетъ принадлежать вся власть въ нашей странѣ“, — вопросъ, который „становится все болѣе жгучимъ“. „Добейтесь перехода всей власти въ наши руки—совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, . . . только тогда мы сможемъ предложить не на сло-

вахъ, а на дѣлѣ, демократическій миръ всѣмъ народамъ". А большевики изъ лагеря с.-р. уже выкинули въ „Землѣ и Волѣ" знамя сепаратнаго мира, какъ единственно возможнаго немедленно.

Н. Сухановъ былъ правъ въ своемъ утвержденіи, что какъ военное министерство, такъ и значительная часть русской общественности „съ необычайной энергіей работали надъ возстановленіемъ боеспособности русской арміи". Но права была и „Правда", что, въ концѣ концовъ, вопросъ о наступленіи рѣшатъ солдаты. Съѣздъ союза офицеровъ арміи и флота въ ставкѣ подвелъ въ своей резолюціи ужасающій итогъ тому развалу, до котораго дошла армія на фронтѣ. Вотъ общіе признаки этого развала „для громаднаго большинства армій, корпусовъ и дивизій", установленные резолюціей:

„1) Полный упадокъ *военнаго духа* среди значительной части солдатскихъ массъ, проявляющійся: а) въ ярко выраженномъ желаніи заключенія мира, принося для этого въ жертву даже свою національную гордость и національные интересы, б) въ упорномъ отказѣ отъ какихъ бы то ни было активныхъ дѣйствій, даже въ видѣ мелкихъ выступленій, в) въ преступной небрежности и халатности при несеніи сторожевой и развѣдочной службы въ окопахъ, г) въ систематическомъ, непрекращающемся „братаньи" съ противникомъ, носящимъ часто столь возмутительный характеръ, что братанье это привело къ столкновенію нашей пѣхоты съ своими боевыми товарищами-артиллеристами, препятствующими братанью, и даже къ выдачѣ противнику мѣста нашихъ батарей. 2) *Паденіе дисциплины* до крайнихъ предѣловъ, которое выражается: а) въ систематическихъ отказахъ цѣлыхъ войсковыхъ частей выполнять боевые приказы начальства или въ исполненіи такихъ приказаній лишь послѣ продолжительныхъ увѣщаній, б) въ стремленіяхъ явочнымъ порядкомъ на принципѣ выборнаго начала замѣнять крѣпкихъ по духу и опытныхъ въ бою начальниковъ болѣе покладистыми, в) въ случаяхъ открытаго возмущенія и и даже самосуда надъ неугодными начальниками, г) въ стремленіи къ коллективнымъ рѣшеніямъ не только бытовыхъ, но и боевыхъ вопросовъ арміи. 3) *Сведеніе авторитета начальниковъ къ нулю*: полное отсутствіе даже признака власти въ рукахъ начальниковъ и, какъ слѣдствіе этого, безсиліе заставить подчиненныхъ выполнять отдаваемые распоряженія. 4) *Недовѣріе къ офицерамъ*, всегда шедшимъ впереди на смерть за родину и теперь призыва-

ющимъ къ исполненію воинскаго долга и къ продолженію войны до заключенія почетнаго мира. Это слѣдствіе идущей съ тыла пропаганды: „миръ во что бы то ни стало“. 4) Развитие цынги и другихъ *бользней* въ связи съ недостаточнымъ подвозомъ продовольствія и фуража и съ плохимъ питаніемъ“. Къ этой резолюціи была сдѣлана оговорка, что она относится „въ равной мѣрѣ какъ къ несознательнымъ группамъ солдатъ, такъ и къ несознательной и недобросовѣстной части офицерства“. Со своей стороны съѣздъ полагалъ, для устраненія указанныхъ отрицательныхъ явленій, необходимымъ, съ одной стороны, противодѣйствовать агитаціи за прекращеніе войны и „установить трезвый взглядъ на противника“, а съ другой стороны, возстановить „твердую правительственную власть, приказывающую, а не зывающую“; возстановить „авторитетъ начальника, поддерживаемаго этой властью“; „установить, что всѣ распоряженія въ войскахъ должны исходить только отъ отвѣтственныхъ передъ Россіей лицъ и проводиться только черезъ военныхъ начальниковъ... отнюдь не допуская вмѣшательства войсковыхъ комитетовъ въ оперативныя, строевыя и учебныя дѣла“.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что развалъ въ арміи не былъ исключительно явленіемъ послѣреволюціоннаго времени. И нежеланіе воевать, и паденіе дисциплины, и подозрительное отношеніе къ офицерству, и дезертирство въ тылъ,—всѣ эти явленія замѣчались еще до революціи, какъ продуктъ общей усталости, плохой обстановки жизни и недостаточнаго питанія—на почвѣ темноты массъ и недостаточной авторитетности команднаго состава. Но, несомнѣнно, только проникновеніе въ среду арміи прямой агитаціи противъ войны и постепенной организаціи разрушающихъ вліяній въ формѣ армейскихъ выборныхъ комитетовъ, явившихся постоянными проводниками взглядовъ соціалистическаго большинства совѣтовъ, наконецъ, легализація этихъ вліяній послѣ вступленія соціалистовъ въ правительство и послѣ изданія „деклараціи правъ солдата“ съ ея явочнымъ развитіемъ въ войскахъ, довели всѣ отмѣченныя отрицательныя явленія до крайняго предѣла и до самаго широкаго распространенія. Въ первый мѣсяцъ или полтора мѣсяца революціи, когда агитаторы совѣтовъ встрѣчали формальныя затрудненія и препятствія при своемъ проникновеніи въ армію, пропаганда развивалась сравнительно медленно; потомъ она пошла ускореннымъ темпомъ.

На почвѣ усилившагося послѣ революціи развала появились, однако, и новыя явленія, до тѣхъ поръ не наблюдавшіяся и стоящія въ несомнѣнной связи съ тѣми задачами, для которыхъ хотѣли использовать русскую революцію германцы. Одно изъ этихъ явленій—это попытки превратить „братанье“, давно уже систематизированное германцами, въ рядъ переговоровъ съ мѣстными частями войскъ о перемиріи.

Открытыя приглашенія къ этому встрѣчаемъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, издававшемся въ Берлинѣ и распространявшемся въ нашихъ окопахъ. Напр., номеръ, изданный къ Пасхѣ, вмѣстѣ съ нападеніями на англичанъ и П. Н. Милюкова, которые „препятствуютъ рабочимъ забрать въ свою руки власть, провозгласить социалистическую республику и заключить миръ“, содержитъ такое обращеніе къ солдатамъ. „Наша рука все остается протянутой. Не дай Богъ, чтобы насъ заставили этой же рукой поднять оружіе противъ васъ. Это зависитъ отъ васъ, только отъ васъ. Мы хотимъ вести переговоры съ вами, съ русскими, поэтому пришлите къ намъ представителей вашего правительства съ бѣлымъ флагомъ черезъ фронтъ. Охотно мы даемъ вамъ поруку. Нашъ канцлеръ предложитъ вамъ почетный миръ, его условія будутъ на благо для обѣихъ сторонъ“. Дѣйствительно, уже 11 апрѣля отмѣченъ случай, когда къ нашимъ передовымъ окопамъ приблизились съ бѣлымъ флагомъ непріятельскіе офицеры и солдаты и, пригласивъ къ себѣ нашихъ, устроили съ ними совѣщаніе въ штабѣ германской дивизіи о заключеніи мира. За участіе въ этихъ переговорахъ преданы были впослѣдствіи второму корпусному суду поручикъ Павелъ Амалицкій, два унтеръ-офицера и ефрейторъ.

28 апрѣля, къ Пасхѣ, эта попытка была повторена въ болѣе широкомъ масштабѣ. По увѣренію германскаго главнокомандующаго восточнымъ фронтомъ починъ принадлежалъ русскимъ офицерамъ. Приказъ генерала Драгомирова утверждалъ, что германскіе офицеры пришли безъ надлежащей къ тому причины. Какъ бы то ни было, вечеромъ 28 апрѣля три германскихъ офицера, подполковникъ, капитанъ и поручикъ были приняты ген. Драгомировымъ въ присутствіи нѣкоторыхъ чиновъ штаба арміи, представителей полковъ дивизіи, на фронтъ которой вышли. Они представили удостовѣреніе за подписью командующаго арміей гр. Кирбаха, уполномочивавшее ихъ вести переговоры съ русскимъ командованіемъ и правительствомъ. Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ вы-

яснилось (по словамъ свидѣтеля, корреспондента „Русскаго Слова“ К. М. А.; см. „Р. Сл.“ отъ 4 мая), что командировка состоялась съ разрѣшенія германской главной квартиры и что подобныя же группы парламентаревъ должны были быть выпущены на всемъ протяженіи нашего фронта. На вопросъ, имѣютъ ли парламентары какія либо опредѣленныя предложенія, они отвѣтили, что ихъ миссія является подготовительной передъ тѣмъ выступленіемъ, которое на дняхъ будетъ сдѣлано германскимъ правительствомъ. Очевидно, имѣлась въ виду рѣчь Бетмана Гольвега 2 мая (см. ниже), о которой распространились самые многообѣщающіе заранѣе слухи (см. VI главу, о мирѣ), но въ которой, въ концѣ концовъ, канцлеръ предпочелъ остаться на прежней уклончивой позиціи умолчанія объ условіяхъ мира. Парламентары, со своей стороны, лишь спрашивали, согласны ли русскіе на мирныя переговоры. Гинденбургъ въ своей извѣстной радіотелеграммѣ отъ 23 мая, полемизируя съ приказомъ Драгомирова, утверждаетъ, что Драгомировъ скрылъ письмо, въ которомъ ему предлагалось, въ виду, будто-бы, изъявленной имъ готовности „принять съ германской стороны предложенія и условія“, „прислать уполномоченныхъ представителей, такъ какъ строевые офицеры, пришедшіе изъ окоповъ, не могутъ быть отвѣтственными переговорщиками“.

Сами эти офицеры, однако, думали, повидимому, иначе, такъ какъ на заявленіе ген. Драгомирова, что переговоры можно вести только между правительствами, по сообщенію корреспондента „Русскаго Слова“, замѣтили между собой по нѣмецки (бесѣда велась по русски): „а стоитъ ли съ ними разговаривать, съ Милюковыми и прочими?“ Германскій подполковникъ, правда, собирався изложить возможныя основы переговоровъ (и это соотвѣтствуетъ заявленію Гинденбурга, „что германскія и австрійскія предложенія были уже намѣчены“ и что „они были уполномочены указать, какимъ образомъ военныя дѣйствія между ними и Россіей могли бы быть окончены безъ отпаденія Россіи отъ ея союзниковъ“), но капитанъ, его коллега, служившій переводчикомъ, все время парализовалъ эти попытки и „проводилъ мысль о необходимости переговоровъ непосредственно между арміями, въ то же время совершенно уклоняясь отъ какихъ-либо конкретныхъ предложеній“. Потомъ въ частномъ разговорѣ съ представителями 5-ой арміи, Кимберлингъ, „хотя и не уполномоченный высказываться

объ условіяхъ мира по отдѣльнымъ пунктамъ“, изложилъ, однако, свой взглядъ, съ полной увѣренностью, что его „раздѣляетъ германское правительство, армія и народъ“. „Контрибуцій“ Германія не домогается. Но окончить войну „безъ аннексій“ она рѣшительно не можетъ. „Самоопредѣленіе народностей“, поскольку оно касается народностей, вошедшихъ въ составъ Германіи и Австро-Венгріи, „представляется германцамъ смѣхотворнымъ“. Надѣятыся, что социаль-демократы произведутъ революцію въ Германіи — значитъ не знать германской жизни и народнаго характера. Преобладаніе въ Германіи „средняго слоя“ — *Mittelklasse* — гарантируетъ ее отъ той „быстрой революціи“, которая въ Россіи могла произойти только „вслѣдствіе рѣзкаго противорѣчія между укладомъ жизни небольшого количества богатыхъ и многомилліоннымъ населеніемъ, влачащимъ нищенское существованіе“.

Очевидно, при такихъ взглядахъ трудно было рассчитывать сговориться, и немудрено, что, когда генераль Драгомировъ потребовалъ безъ дальнѣйшихъ переговоровъ предварительнаго формальнаго присоединенія „ко всѣмъ положеніямъ, провозглашеннымъ въ деклараціи нашего правительства“, то на этомъ переговоры и были поконечны. Ихъ ближайшей цѣлью, очевидно, была вовсе не практическая постановка переговоровъ, а просто дальнѣйшее разложеніе арміи. Ту же цѣль разложенія преслѣдовала и пояснительная радіотелеграмма Гинденбурга, предупредительно подчеркивавшая, что „Германія готова идти навстрѣчу неоднократно высказаннымъ желаніямъ русскихъ солдатскихъ депутатовъ окончить кровопролитіе“. „Со дней Пасхи войска центральныхъ державъ почти пріостановили враждебныя дѣйствія на восточномъ фронтѣ“. „Центральныя державы согласны заключить честный миръ . . . , который возстановилъ бы прежнія добрососѣдскія отношенія и далъ бы Россіи экономическую поддержку“. Гинденбургъ сообщалъ, что для этой „великой цѣли“ германцы, послѣ неудачи пасхальныхъ переговоровъ, сдѣлали еще одно „предложеніе о перемиріи“, переданное 6-го мая строевымъ частямъ 8-й и 9-й армій среднеевропейскими державами. Но кто же виноватъ? „Россія должна бороться и проливать кровь. . . для достиженія завоевательныхъ цѣлей Англіи, Франціи и Италіи“. Это были тѣ же аргументы, которыми пользовались агитаторы совѣта и социалистическая печать; въ этой же печати можно найти и постоянныя указанія на то, что Россія, подобно Франціи въ 1870 г., должна

заключить перемиріе на фронтѣ, если не хочетъ сдѣлать этого правительство.

Обсудивъ радіотелеграмму Гинденбурга въ засѣданіи 26-го мая, петроградскій совѣтъ р. и с. д. далъ на нее еще достойный отвѣтъ. Указавъ, что германскій главнокомандующій „краснорѣчиво“ молчитъ объ „аннексіяхъ“ и „контрибуціяхъ“ (мы видѣли, что скрывалось за этимъ молчаніемъ) и, въ сущности, предлагаетъ Россіи сепаратный миръ, выгодный только Германіи, совѣтъ напоминалъ Гинденбургу, что, говоря о бездѣйствіи германскихъ войскъ, онъ „забылъ о Стоходѣ, забылъ. . . куда уведены съ нашего фронта германскія дивизіи и тяжелыя батареи, . . . что до Россіи доносится шумъ кровопролитныхъ боевъ на англо-французскомъ фронтѣ, . . . что Россія знаетъ, что разгромъ союзниковъ будетъ началомъ разгрома ея арміи, а разгромъ революціонныхъ войскъ свободной Россіи — не только новыя братскія могилы, но и гибель революціи, гибель свободной Россіи“. Совѣтъ еще находилъ формулы для объединенія своей циммервальдской задачи съ задачей союзной борьбы. „Россія взяла на себя задачу объединить демократію всѣхъ воюющихъ странъ въ борьбѣ противъ имперіализма. Эта задача не будетъ ею исполнена, если германскіе имперіалисты сумѣютъ использовать ея стремленія къ миру въ цѣляхъ отторженія ея отъ союзниковъ и нанесутъ пораженіе ея арміи“. Такъ говорила резолюція совѣта и кончала призывомъ „удвоить энергію въ дружной работѣ надъ возсозданіемъ боевой мощи Россіи“.

Увы, въ томъ же засѣданіи совѣту пришлось обсуждать отказъ Кронштадта признавать Временное Правительство. Германскій микробъ уже крѣпко сидѣлъ въ русскомъ тылу, и германцы продолжали производить пробные эксперименты надъ русской арміей. Такимъ экспериментомъ они отвѣтили и на резолюцію совѣта по поводу радіотелеграммы Гинденбурга. 24-го мая въ „Русскомъ Словѣ“ появилась сенсационная телеграмма изъ Кишинева (отъ 18-го), что черезъ румынскій фронтъ прибыла и направляется къ Временному Правительству для переговоровъ о мирѣ группа австрійскихъ парламентаровъ въ составѣ двухъ генераловъ, двухъ полковниковъ, двадцати офицеровъ и пятнадцати солдатъ. Ни въ главномъ штабѣ, ни въ правительствѣ объ этомъ ничего не знали, но уже начались разговоры о возможности выслушать делегацію въ совѣтѣ р. и с. д., въ присутствіи делегатовъ арміи. Эпизодъ былъ

ликвидированъ на мѣстѣ, и генералъ Деникинъ телеграфировалъ министру, что эти парламентары, появившіеся на фронтѣ 9-й арміи, отправлены, въ качествѣ военноплѣнныхъ, въ тылъ, за исключеніемъ трехъ офицеровъ и солдатъ, допрошенныхъ въ ставкѣ 23-го мая и отправленныхъ затѣмъ въ Москву, тоже въ качествѣ военноплѣнныхъ, на распредѣлительный пунктъ.

III. Расчлененіе Россіи подъ лозунгомъ „самоопредѣленія“.

Обособленіе національностей. — Финляндія. — Агитація въ Балтійскомъ флотѣ и въ Кронштадтѣ. — Агитація въ Черноморскомъ флотѣ. — Крымъ. — Украина. — Другія національности.

Помимо разложенія фронта при помощи парламентаровъ, братанія, берлинскихъ газетъ („Русскій Вѣстникъ“) и агитаторовъ петроградскаго совѣта, уже приступлено было къ постепенному осуществленію, на той же почвѣ разложенія арміи, болѣе смѣлаго и широкаго плана вѣдренія въ самую глубь Россіи и къ подготовкѣ ея расчлененія на части. Внесеніе въ формулу „безъ аннексій и контрибуцій“, съ этой задней мыслью, формулы „самоопредѣленія народностей“ и истолкованіе ея въ смыслѣ „дезаннексій“ прослѣжено въ другомъ мѣстѣ (см. VI главу). Здѣсь мы рассмотримъ рядъ явленій, въ совокупности представляющихъ яркую картину примѣненія этой мысли къ Россіи. Конечно, вліяніемъ извнѣ нельзя всецѣло объяснить стремленія національностей къ выдѣленію. Національное движеніе есть факторъ достаточно сильный самъ по себѣ, чтобы создать всѣ необходимыя для нашихъ противниковъ послѣдствія. Но нѣтъ недостатка въ указаніяхъ на прямое вліяніе иностранной пропаганды съ цѣлью обостренія національных стремленій. И даже при отсутствіи прямыхъ доказательствъ, обихъ наличности свидѣлствуютъ какъ извѣстныя общія тенденціи непріятельской тактики, такъ и планоуѣрность и одновременность ея проявленій повсемѣстно, гдѣ пропагандистъ могъ рассчитывать найти или создать благопріятную почву.

Финляндія, съ ея давними сношеніями съ Германіей, рѣзко выраженнымъ анти-русскимъ настроеніемъ ея общественнаго мнѣнія, съ ея вліятельной соціаль-демократіей и тайными революционными организаціями, представляла наиболѣе благопріятную почву для германскаго воздѣйствія. Она давала первую опорную базу для перенесенія дѣятельности въ самую Россію. Еще до рево-

люціи, во время войны финляндскій активизмъ въ связи со шведскимъ опирался на германскую поддержку. Сотни и даже тысячи финляндской молодежи бѣжали въ Германію и тамъ обучались военному дѣлу, чтобы составить впослѣдствіи корпусъ противъ Россіи. Правда, германцы не выдерживали обѣщанія, и, въ ожиданіи десанта противъ Россіи, употребляли финляндцевъ для собственныхъ войскъ, къ большому ихъ раздраженію. Но именно русская революція открывала выходъ этимъ накопленнымъ силамъ. Въ первое время послѣ революціи шведско-финляндская граница была совершенно открыта, да и раньше въ ней существовало нѣсколько извѣстныхъ революціонерамъ пунктовъ для свободного перехода. Преимущественно финляндцы и жители балтійскаго края, знающіе русскій языкъ, и до революціи употреблялись германцами для доставки взрывчатыхъ веществъ въ Россію, для взрывовъ мостовъ, пристаней, морскихъ судовъ, фабрикъ, работающихъ на оборону, для доставки оружія отъ Финляндіи до Кавказа и т. д. Теперь, послѣ революціи, телеграммы изъ-за границы сообщили, что германцы двигаютъ на Россію трехтысячную толпу такихъ подготовленныхъ агентовъ. Но въ это время Временное Правительство опубликовало свой финляндскій манифестъ. Въ душѣ финляндцевъ произошелъ кругой переломъ по отношеніи къ Россіи. Многіе изъ агентовъ-патріотовъ заявили, что они боролись противъ царизма, а не противъ свободной Россіи. Были даже примѣры бѣгства тренированныхъ финляндскихъ агентовъ изъ Германіи въ Швецію и обращенія ихъ съ предложеніями къ революціонному русскому правительству. Такимъ образомъ, планъ нашихъ противниковъ разстроился, но далеко не совсѣмъ. Послѣ перваго взрыва общаго восторга, отношеніе разныхъ партій къ Россіи быстро дифференцировалось. Не только крайнія теченія, но даже и болѣе умѣренные теперь уже готовы были идти дальше того, что давала русская власть. Старое поколѣніе финляндскихъ конституціоналистовъ, съ которымъ русская оппозиція давно уже рука объ руку боролась противъ Бобриковщины, отчасти сошло со сцены, отчасти было отодвинуто новымъ настроеніемъ молодежи. Молодежь эта, особенно социалистическая, отличалась смѣлостью невѣжества и полной неподготовленностью въ вопросахъ государственнаго права. Все это надо имѣть въ виду при оцѣнкѣ развернувшихся въ Финляндіи событий.

Временное Правительство было убѣждено, что власть, кото-

рой пользовался въ Финляндіи низложенный монархъ, перешла къ нему самому, обладающему всей полнотою власти и не имѣющему права расточать этой власти до созыва Учредительнаго Собранія. Иностранные юристы (проф. Эрихъ), напротивъ, убѣдили финляндцевъ въ возможности стать на такую точку зрѣнія, что связывающая обѣ страны власть монарха вообще исчезла, Россія и Финляндія стали „сосѣдними“ республиками, и опредѣленіе ихъ будущихъ отношеній должно быть сдѣлано совершенно заново, путемъ новаго договора. Уже отвѣчая на рѣчь генераль-губернатора М. А. Стаховича при открытіи сейма, 29-го марта, тальманъ наметнулъ на эту точку зрѣнія въ словахъ: „Финляндія такъ же, какъ и Россіи, перестала быть монархической страной. Этотъ фактъ требуетъ, кромѣ установленія въ Финляндіи, какъ и въ Россіи, новаго, болѣе демократическаго образа правленія — также и опредѣленія государственнаго положенія нашей страны по отношенію къ Россіи на новыхъ началахъ“. Не рѣшаясь высказать этого взгляда полностью, финляндскіе политики сосредоточили свой первый бой съ русскимъ правительствомъ на вопросъ о правахъ сената, точнѣе его „хозяйственнаго департамента“, которому финляндцы хотѣли передать права отвѣтственнаго министерства и въ то же время по возможности всѣ права, принадлежавшіе монарху въ лицѣ генераль-губернатора и непосредственно. Тщетно юридическая комиссія при Временномъ Правительствѣ доказывала делегатамъ противорѣчивость, съ конституціонной точки зрѣнія, такого положенія, при которомъ отвѣтственные передъ сеймомъ министры являются держателями власти, высшей, чѣмъ самъ сеймъ. Финляндцы соглашались оставить за Россіей (генераль-губернаторомъ) лишь дѣла, касающіяся взаимныхъ правовыхъ отношеній между Финляндіей и Россіей, а также дѣла, касающіяся россійскихъ гражданъ въ Финляндіи. Временное Правительство соглашалось до Учредительнаго Собранія передать сенату лишь нѣкоторыя второстепенныя дѣла. Споръ затянулся, финляндскіе делегаты ѣздили изъ Гельсингфорса въ Петроградъ и обратно, то готовые къ уступкамъ, то опять упорствующіе, смотря по тому, какъ складывалось положеніе дѣлъ въ Россіи. Настроеніе портилось и въ Финляндіи. Сеймъ отложилъ въ долгій ящикъ очередные законопроекты о правахъ русскихъ гражданъ. 8 апрѣля социалистъ сенаторъ Такой (глава правительства) произнесъ въ сеймѣ декларацію, которая послужила своего рода сигналомъ. „Долгъ финляндцевъ“, говорилъ

онъ, — „обезпечить въ ближайшемъ будущемъ дѣйствительную независимость“. Свободная Россія является лишь „уважаемымъ сосѣдомъ“, быть можетъ, „высокочитимымъ союзникомъ“; но свободный народъ не долженъ терпѣть поработенныхъ сосѣдей и союзниковъ“; „народамъ, которые дозрѣли до способности самоопредѣленія“ долженъ быть предоставленъ „тотъ путь, по которому пойдетъ свободная Россія“, — путь не только „политической“, но и „соціальной революціи“. На другой день послѣ рѣчи Токоя, въ Гельсингфорсѣ и въ Выборгской глуши одновременно стали отказываться брать русскія деньги. За два дня, 6 апрѣля, Гельсингфорскій совѣтъ депутатовъ арміи, флота и рабочихъ заявилъ, что у него „имѣются опредѣленные свѣдѣнія, что въ Россію и въ особенности въ Финляндію проникли германскіе провокаторы, прекрасно говорящіе по русски“, которые пыгаются толкнуть русскихъ на „насиліе надъ финляндской собственностью“, чтобы тѣмъ „озлобить финскій народъ, который бы отказалъ намъ въ моральной и матеріальной поддержкѣ на случай прихода или десанта германскихъ военныхъ силъ“.

Этого прихода ждали послѣ таянья льда, и вопросъ, будутъ ли своевременно поставлены минныя загражденія, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль былъ самымъ жгучимъ вопросомъ. Вопросы о независимости Финляндіи и о германскомъ десантѣ какъ-то всегда поднимались одновременно.

Коалиціонное правительство пошло на широкія уступки финляндцамъ, передъ которыми останавливалось правительство перваго состава. Сенату рѣшено было передать *всѣ* дѣла, восходившія раньше къ монарху (кромѣ, какъ предлагали и финляндцы, дѣлъ о правовыхъ взаимоотношеніяхъ и о правахъ гражданъ). За собой временное правительство сохранило лишь право созыва и роспуска сейма, предоставивъ хозяйственному департаменту (т. е. правительству Финляндіи) право законодательной инициативы, утвержденія бюджета, изданія административныхъ распоряженій, созыва церковнаго собора, рѣшенія вопросовъ о новыхъ правительственныхъ учрежденіяхъ и обществахъ и, наконецъ, право помилованія. Сенаторъ Токой (въ рѣчи 31 мая) снисходительно соглашался, что „атмосфера прояснилась“ и что остающіяся разногласія — больше вопросъ самолюбія, чѣмъ предметъ серьезнаго спора. „Взаимное пониманіе достигнуто,“ говоритъ онъ, „мы благодарны Россіи за то, что она дала намъ“.

Но это только потому, что онъ понимаетъ данное, какъ призна-
ніе „свободной, самостоятельной Финляндіи“. „Мы не скрываемъ“,
заявляетъ онъ, „что конечная цѣль финляндцевъ — самостоятель-
ность Финляндіи. . . Съ этой цѣлью мы дѣйствуемъ не тайно, а
вполнѣ открыто.“ Дѣйствительно, уже въ серединѣ мая (13) фин-
ляндская социалистическая делегація заявила голландско-скандинав-
скому комитету въ Стокгольмѣ, что финляндскій вопросъ долженъ
разсматриваться, какъ вопросъ международный, и что „чувство
благодарности“ къ „русскимъ революціоннымъ элементамъ“ „не
можетъ избавить финляндскій народъ отъ возможно лучшаго обез-
печенія своего собственнаго будущаго“, на случай, „если бы въ
русской политикѣ возобладали націоналистическія теченія.“ На
чрезвычайномъ партійномъ съѣздѣ финляндской социаль-демократіи
въ началѣ іюня эта позиція была закрѣплена резолюціей, которая
провозглашала принципъ самостоятельной финляндской республики,
настаивала на международныхъ гарантіяхъ и признавала недопу-
стимымъ не только осуществленіе верховныхъ правъ Россіи въ
области управленія, но и пребываніе русскихъ войскъ въ Финляндіи.
Токой говорилъ въ рѣчи 31-го мая, что финляндцы „не желаютъ
воспользоваться нынѣшнимъ критическимъ положеніемъ, въ кото-
ромъ находится Временное Правительство“. Но они именно это и
дѣлали. И въ моментъ, когда выяснилось съ несомнѣнностью сла-
бость коалиціоннаго правительства, въ концѣ концовъ, финлянд-
скіе социалисты сдѣлали дальнѣйшій шагъ къ своей „конечной
цѣли“. вмѣсто проекта „расширенія правъ сената“, внесеннаго пра-
вительствомъ, какъ мы видѣли, по согласію съ финляндцами, —
проекта, дѣлавшаго имъ широкія уступки, — поступилъ 26-го іюня
изъ комиссіи основныхъ законовъ выработанный въ глубокой тайнѣ
законопроектъ о созданіи, „по постановленію сейма“, высшей го-
сударственной власти въ Финляндіи. По этому проекту „сеймъ
окончательно рѣшаетъ всѣ дѣла, рѣшавшіяся ранѣе императоромъ“,
за исключеніемъ дѣлъ внѣшней политики и военныхъ. О генераль-
губернаторѣ уже вовсе не упоминается. Тщетно представители бур-
жуазныхъ партій протестовали противъ проекта при его обсужденіи
въ сеймѣ.

Параллельно съ сепаратистскимъ движеніемъ, въ Финляндіи
развивалась планомѣрная агитація среди матросовъ Балтійскаго
флота, главнымъ образомъ въ Свеаборгѣ, и среди воинскихъ ча-
стей, стоящихъ въ Финляндіи—въ Гельсингфорсѣ, Выборгѣ, Або.

Въ безпорядкахъ, разыгравшихся здѣсь въ первые дни революціи, замѣтна была направляющая рука. Пользуясь раздраженіемъ солдатъ и матросовъ противъ офицеровъ, закулисные руководители направили ненависть противъ лучшей части команднаго состава. Офицеровъ убивали по списку, и въ результатѣ флотъ сразу лишился наиболѣе талантливыхъ и знающихъ техниковъ. Мѣсто убитаго адмирала Непенина занялъ Максимовъ, человекъ безхарактерный и въ то же время склонный удовлетворять свое честолюбіе приемами самой беззастѣнливой демагогіи. При Максимовѣ былъ возстановленъ во флотѣ нѣкоторый внѣшній порядокъ, но, по существу, флотъ потерялъ значительную часть боеспособности. Въ то же время онъ сдѣлался средоточіемъ большевистской пропаганды, и нѣкоторыя крупныя единицы флота, стали настоящими цитаделями большевизма. Правда, большевикамъ не удалось перебросить заразу на южную базу флота, Ревель, гдѣ стояла минная эскадра нашего флота. Но зато ихъ легкой добычей сдѣлался Кронштадтъ. Здѣсь, въ нашей морской базѣ и подъ самой нашей столицей, пропаганда большевиковъ пошла очень усиленно. Довольно быстро они приобрѣли въ мѣстномъ совѣтѣ р. и с. д. если не численный перевѣсъ, то преобладающее вліяніе, благодаря демагогическимъ приемамъ небольшой кучки агитаторовъ, во главѣ которой выдвинулись студентъ-психоневрологъ, товарищъ (или „докторъ“) Рошаль и студентъ-технологъ Ламановъ. Не довольствуясь полнымъ фактическимъ господствомъ, кронштадтскій совѣтъ р. и с. д., подъ вліяніемъ проповѣди Троцкаго и Луначарскаго, рѣшилъ на болѣе смѣлый экспериментъ. 17-го мая, большинствомъ 216 голосовъ противъ 40, при 18-ти воздержавшихся, кронштадтскій совѣтъ постановилъ взять въ свои руки фактическую власть, замѣнить всѣхъ представителей Временнаго Правительства въ Кронштадтѣ своими, а съ остальной Россіей и съ Петроградомъ сносятся непосредственно черезъ петроградскій совѣтъ р. и с. д. Такой прямой вызовъ не могъ остаться безъ противодѣйствія со стороны правительства. Но противодѣйствіе это, согласно общей тактикѣ правительства, выразилось въ самой легкой словесной формѣ. Въ Кронштадтѣ отправились 24-го мая министры-соціалисты, Церетели и Скобелевъ, говорили съ исполнительнымъ комитетомъ, потомъ съ совѣтомъ р. и с. д. наконецъ, съ народнымъ митингомъ на площади, — и въ результатѣ добились согласительной резолюціи совѣта. Совѣтъ заявилъ, что онъ будетъ стремиться къ осуществленію боль-

шевистскаго лозунга, „чтобы революціонная демократія создала новую организацію власти, передавъ всю власть въ руки совѣта р. и с. д.“ „Но пока это не достигнуто“ „путемъ идейнаго воздѣйствія на мнѣніе большинства демократіи“, и пока это большинство „поддерживаетъ нынѣшнее Временное Правительство“, кронштадтскій совѣтъ соглашался „признать это правительство и считать его распоряженія и законы столько же распространяющимися на Кронштадтъ, какъ и на всѣ остальные части Россіи“. Однако же, какъ только министры уѣхали изъ Кронштадта и эта резолюція была опубликована, такъ на слѣдующій же день, 25-го мая, лѣвые элементы вызвали новыя волненія. Толпа въ 3000 матросовъ и солдатъ собралась на обычномъ мѣстѣ митинговъ, на Якорной площади, и потребовала отъ совѣта. чтобы онъ взялъ обратно свое рѣшеніе и въ категорической формѣ объявилъ о своемъ неподчиненіи правительству. Уступая давленію, совѣтъ телеграфировалъ кн. Львову, что резолюція 24-го мая есть, въ сущности, лишь „отвѣты на вопросы министровъ Церетели и Скобелева. . . и ничто болѣе“, такъ какъ совѣтъ „остается на точкѣ зрѣнія резолюціи 16-го мая и разъясненія къ ней 21-го мая, что единственной мѣстной властью въ городѣ Кронштадтѣ является совѣтъ р. и с. д.“

Это было уже слишкомъ, даже и для коалиціоннаго правительства. По предложенію Церетели, петроградскій совѣтъ постановилъ, что „отказъ кронштадтскаго совѣта признать власть Временнаго Правительства означаетъ отпаденіе отъ революціонной демократіи“ и „является ударомъ дѣлу революціи“. При этомъ случаѣ совѣтъ поднималъ вопросъ о заключенныхъ въ Кронштадтѣ офицерахъ, признавая ихъ содержаніе, безъ обвиненія и суда, „въ худшемъ изъ царскихъ казематовъ — актомъ недостойной мести и расправы, позорящимъ революцію“. Совѣтъ „требовалъ отъ всѣхъ кронштадтцевъ безпрекословнаго исполненія всѣхъ предписаній Временнаго Правительства“, а правительство, получивъ это постановленіе совѣта, рѣшилось въ ночномъ засѣданіи 26-го мая повторить его дословно и „предписать командующему флотомъ Балтійскаго моря вывести безъ замедленія изъ Кронштадта всѣ учебныя суда для лѣтнихъ учебныхъ занятій“. Однако, Временное Правительство. въ видѣ компромисса, утвердило своимъ новымъ комиссаромъ избраннаго кронштадтскимъ совѣтомъ р. и с. д., Ф. Я. Парчевскаго, вмѣсто отказавшагося члена Думы Пепеляева. Съ своей стороны предсѣдатель исп. комитета Ламановъ, исполняя требованіе

Временнаго Правительства, донесъ о состояніи отправляющихся изъ Кронштадта учебныхъ судовъ. 7-го іюня начала свои дѣйствія петроградская слѣдственная комиссія о заключенныхъ въ тюрьмахъ офицерахъ, ужасное положеніе которыхъ было засвидѣтельствовано посѣтившимъ кронштадтскіе казематы англичаниномъ Р. К. Лонгомъ („Рѣчь“, 27-го мая).

Примиреніе оказалось, какъ и слѣдовало ожидать, и на этотъ разъ непрочнымъ. Пораженіе большевиковъ въ Кронштадтѣ вызвало съ ихъ стороны только новыя усилія пропаганды. Гельсингфорскій исп. комитетъ совѣта депутатовъ арміи, флота и рабочихъ резолюціей 15 го іюня одобрилъ „тактику революціоннаго Кронштадта“ и „призналъ, что, высказывая свое отношеніе къ Врем. Правительству, кронштадтскій совѣтъ осуществилъ этимъ свое право, принадлежащее всякому органу революціонной демократіи“. Осуждая на этомъ основаніи резолюцію петроградскаго комитета и требуя „немедленнаго пересмотра ея“, гельсингфорскій совѣтъ „призналъ Кронштадтъ передовымъ отрядомъ російской революціонной демократіи“ и рѣшилъ „оказать ему поддержку“.

Кронштадтъ, дѣйствительно, вполне оправдывалъ это названіе „передового отряда“. Укрѣпившись въ Кронштадтѣ, большевизмъ широко разбросалъ по Россіи сѣть большевистской пропаганды при помощи надлежащимъ образомъ обученныхъ агитаторовъ. Кронштадтскіе эмиссары посылались и на фронтъ, гдѣ подкапывали дисциплину, и въ тылъ, въ деревни, гдѣ вызывали погромы имѣній. Кронштадтскій совѣтъ выдавалъ эмиссарамъ особыя свидѣтельства: „N. N. посланъ въ *свою* губернію для присутствія съ правомъ рѣшающаго голоса въ уѣздныхъ, волостныхъ и сельскихъ комитетахъ, а также выступать на митингахъ и созывать митинги, по своему усмотрѣнію въ любомъ мѣстѣ“, съ „правомъ ношенія оружія, свободнаго и бесплатнаго проѣзда по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ“. При этомъ „неприкосновенность личности означеннаго агитатора гарантируется совѣтомъ р. и с. д. города Кронштадта“. Такой агитаторъ изъ Кронштадта выступилъ, напримѣръ, 25-го мая въ Воронежъ, требуя немедленнаго прекращенія войны и сверженія Врем. Правительства. Въ Тамбовской губ., въ Трескинской волости Кирсановскаго уѣзда, такой же агитаторъ съ „удостовереніемъ“, призывавшій къ захвату земель, былъ арестованъ крестьянами, но, выпущенный въ Кирсановъ, вернулся

вторично, послѣ чего вторично арестовать крестьяне его уже не рѣшились.

Наиболѣе яркимъ и серьезнымъ случаемъ было перенесеніе пропаганды изъ Балтійскаго флота въ Черноморскій при посредствѣ делегаціи большевиковъ, пріѣхавшихъ изъ Кронштадта, Гельсингфорса и Або. При управленіи популярнаго адмирала Колчака, Черноморскій флотъ, одушевленный желаніемъ сыграть активную роль въ войнѣ и мечтавшій о походѣ на Константинополь, въ течение всего марта и апрѣля уберегся отъ разложенія. Мало того, когда вернувшійся изъ Пскова, съ совѣщанія главнокомандующихъ, адм. Колчакъ разсказалъ 23 апрѣля офицерамъ и командѣ о небоеспособности Балтійскаго флота, объ опасности полнаго распада нашихъ вооруженныхъ силъ, то его сообщеніе вызвало большой подъемъ среди черноморскихъ моряковъ и привело 29 апрѣля къ рѣшенію — послать въ Петроградъ и на фронтъ особую черноморскую делегацію, въ составѣ не меньше 300 чело-вѣкъ, съ цѣлью противодѣйствовать агитаціи большевиковъ. Но какъ разъ отъѣздъ изъ Севастополя этихъ наиболѣе разумныхъ, добросовѣстныхъ и владѣвшихъ даромъ слова людей сыгралъ роковую роль въ дальнѣйшей судьбѣ Черноморскаго флота. Послѣ ихъ отъѣзда среди матросовъ началась агитація. Вопреки волѣ адм. Колчака, Исп. Комитетъ уже 10 мая арестовалъ помощника командующаго портомъ ген. Петрова. Адм. Колчакъ подалъ въ отставку (16 мая), но поддержанный находившимся тогда въ Одессѣ А. Ф. Керенскимъ, взялъ ее обратно. По требованію правительства, Петровъ былъ освобожденъ. Но вскорѣ послѣ этого возникъ другой поводъ для конфликта: миноносецъ „Жаркій“ отказался выйти въ море, а затѣмъ и удалилъ, въ самой грубой формѣ, своего командира. Виновные были преданы военному суду, но это создало благопріятную почву для агитаціи противъ са-мого адмирала. Достаточно было прибытія пяти упомянутыхъ выше агитаторовъ съ удостовѣреніями совѣта с. и р. д., чтобы агитація эта возымѣла полный успѣхъ. На собраніяхъ и митингахъ указывалось, что Черноморскій флотъ ничего не сдѣлалъ для революціи, что команда дружитъ съ офицерами, что мѣстный исполнительный комитетъ — простое отдѣленіе штаба адм Колчака. Тутъ же было постановлено арестовать офицеровъ; четверо изъ нихъ и были обысканы и арестованы, какъ „приверженцы стараго режима“. Комитетъ не рѣшался бороться съ митингами и плелся въ

хвостѣ. Въ результатѣ, на митингѣ съ заѣзжими агитаторами рѣшено было отобрать оружіе у всѣхъ офицеровъ, а потомъ арестовать самого Колчака и начальника его штаба Смирнова.

„Хотя Колчакъ и является авторитетомъ въ военно-морскомъ дѣлѣ“, говорилъ одинъ изъ митинговыхъ ораторовъ, „но намъ такіе не нужны“. Во главѣ флота долженъ стоять хоть прапорщикъ, который бы исполнялъ все, чего желаютъ матросы“. Получивъ донесеніе Колчака, Вр. Правительство въ ночномъ засѣданіи 6-го іюня рѣшило: 1) требовать „немедленнаго подчиненія Черноморскаго флота законной власти“, 2) „адмиралу Колчаку и Смирнову, допустившимъ явный бунтъ, приказать немедленно выѣхать въ Петроградъ для личнаго доклада“ и 3) „всѣми мѣрами водворить въ Черномъ морѣ порядокъ, подчиненіе закону и воинскому долгу, возвратить оружіе офицерамъ..., возстановить дѣятельность должностныхъ лицъ“,... „не подчиняющихся немедленно арестовать, какъ измѣнниковъ отечеству и революціи, и предать суду“, донеся объ исполненіи въ 24 часа. Телеграмма правительства была прочитана въ делегатскомъ собраніи и передъ 15-ти тысячнымъ митингомъ. Рѣшено было подчиниться требованіямъ правительства, но протестовать противъ квалификаціи движенія „военнымъ бунтомъ“ и требовать привлеченія къ отвѣтственности тѣхъ лицъ, которыя неправильно освѣтили передъ Вр. Правительствомъ событія въ Севастополѣ.

Адмиралъ Колчакъ на этотъ разъ окончательно вышелъ въ отставку. Какъ бы нагляднымъ поясненіемъ того, что значилъ этотъ уходъ для Черноморскаго флота, явился выходъ въ Черное море, черезъ 5 дней послѣ отъѣзда Колчака, крейсера „Бреслау“. Со времени 21-го іюня 1916 г., когда „Гебень“ и „Бреслау“ напали на Туапсе и Сочи, и 8-го іюля, когда „Бреслау“ пытался напасть на Новороссійскъ, но былъ загнанъ въ Босфоръ судами недавно вступившаго тогда въ управленіе адм. Колчака, въ теченіе 11 мѣсяцевъ нашъ флотъ безусловно командовалъ въ Черномъ морѣ, и ни одна подводная лодка не рѣшалась болѣе въ немъ показаться. Теперь „Бреслау“ напалъ на нашу радіостанцію на островѣ Фидониси, разрушилъ ее и забралъ плѣнныхъ; турки поставили минныя загражденія, на которыхъ нѣсколько дней спустя погибъ миноносецъ „Лейтенантъ Зацаренный“. „Колчакъ ушелъ, Бреслау пришелъ“, такъ формулировалъ послѣдовательность событий одинъ петроградскій листокъ. Нѣсколько дней спустя, 20-го

іюня, правительственное сообщеніе подтверждало, что „дѣятельность противника (на моряхъ) становится съ каждымъ днемъ все болѣе энергичной и причиняетъ все больше и больше вреда.... Непріятель, очевидно, возлагаетъ надежду на то, что революція ослабила боевую мощь флота и внесла дезорганизацію въ его строй, порядокъ и въ укладъ боевой жизни“.

Ослабленіе русской мощи на Балтійскомъ и Черномъ моряхъ не могло не отразиться на настроеніи прилегающихъ къ нимъ нерусскихъ народностей. Одновременно съ настроеніемъ финляндцевъ обострялось и выливалось въ болѣе опредѣленные формы также и настроеніе эстонцевъ, латышей, литовцевъ. Крымскіе татары — и вообще мусульмане Россіи — долѣе другихъ сохраняли полную лояльность. Мусульманскій исполнительный комитетъ еще 6-го мая опубликовалъ слѣдующее заявленіе. „Въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ и столичныхъ газетахъ было помѣщено извѣстіе о томъ, что мусульманское населеніе Крыма требуетъ автономіи Крыма. Временный Крымско-мусульманскій комитетъ, стоящій нынѣ во главѣ всѣхъ мусульманскихъ политическо-національныхъ духовныхъ организацій, самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергаетъ это извѣстіе“. Комитетъ при этомъ противопоставлялъ, однако, свою позицію обще-мусульманской. По словамъ предсѣдателя его Таврическаго Муфтія Гелебіева, обще-мусульманскій комитетъ 21-го апрѣля „опредѣлилъ свою политическую фizioномію и будетъ добиваться установленія въ Россіи демократическаго республиканскаго строя на національныхъ федеративныхъ началахъ. Идея же объ автономіи Крыма, какъ не имѣющая подъ собой никакой почвы, комитетомъ совершенно не обсуждалась“. Выступленіе „Бреслау“ дало „почву“ автономистическимъ стремленіямъ Крыма, что и сказалось прежде всего въ измѣнившемся настроеніи крымскихъ мусульманъ по отношенію къ Россіи. Впрочемъ, обнаружилась эта перемѣна, уже тогда происшедшая, значительно позднѣе.

Особенно сильно развернулось въ описываемый промежутокъ времени сепаратистское движеніе Украины. Въ намѣреніе нашихъ враговъ давно, еще до русской революціи, входило раздуть украинскій сепаратизмъ, чтобы, въ худшемъ случаѣ, создать русской арміи новыя затрудненія въ тылу, а въ лучшемъ, подготовить себѣ союзниковъ, если удастся перенести театръ военныхъ операцій на русскій югъ, и даже создать возможность отдѣленія Украины

отъ Россіи, въ случаѣ удачнаго исхода этихъ операцій. *) Для этихъ цѣлей работалъ созданный еще при царскомъ режимѣ, въ самомъ началѣ войны, „союзъ візволенія Украины“, во главѣ котораго стояли Скоропись-Іолтуховскій и Меленевскій, а членами котораго состояли Андрей Жукъ и Владиміръ Дорошенко. Въ отвѣтъ на печатныя обвиненія русскаго генеральнаго штаба, Скоропись — Іолтуховскій напечаталъ въ Стокгольмѣ брошюру: „Что же такое Совѣтъ освобожденія Украины“, въ которой заявляетъ, что идея союза „народилась въ нѣкоторыхъ эмигрантскихъ кругахъ за-границей задолго до возникновенія войны“. Скоропись-Іолтуховскій признаетъ въ этой брошюрѣ, что „союзъ занялъ враждебное отношеніе къ Россіи, возлагая свои надежды на военный разгромъ царской Россіи арміями центральныхъ государствъ“. Онъ признаетъ и то, что союзъ „провозгласилъ, кромѣ того, желательность занятія Украины войсками враждебныхъ Россіи державъ“, съ цѣлью „достиженія національной независимости путемъ первоначальной оккупации центральными государствами“. Наконецъ, авторъ брошюры вполне признаетъ и то, что „союзъ освобожденія Украины“ не только собиралъ на веденіе своей работы мозольные трудовые гроши среди разореннаго украинскаго населенія Галиціи и Буковины, а также оккупированныхъ областей, и среди нашихъ плѣнныхъ, какъ отчасти и въ Америкѣ, *но онъ принималъ также всякую матеріальную поддержку отъ друзей украинскаго народа, принадлежащихъ по національности къ врагамъ Россіи**).*

Болѣе подробныя свѣдѣнія о „союзѣ“ получаемъ изъ интереснаго показанія близко стоявшаго къ „союзу“ г. Влад. Степанковскаго, одного изъ самыхъ видныхъ дѣятелей украинской эмиграціи. Показаніе это дано русскимъ военнымъ властямъ въ августѣ 1917 г., при возвращеніи Степанковскаго въ Россію. „Идея организаціи союза, — рассказываетъ Степанковскій, — принадлежитъ Австріи; онъ былъ созданъ еще въ первыхъ числахъ августа 1914 г. Тогда онъ еще не имѣлъ своей задачей пропаганды среди нашихъ военноплѣнныхъ, а имѣлъ въ виду *слѣдовать въ оккупированныя австрійскими войсками части Украины вмѣстѣ съ галицкими организаціями и повести тамъ работу по сліянію съ русской Укра-*

*) Этотъ планъ совершенно опредѣленно развивался въ брошюрахъ Цегельскаго и Левицкаго.

**) Брошюра подписана „членами президіума союза освобожденія Украины, М. Меленевскимъ и А. Скоропись-Іолтуховскимъ“ и датирована 25 октября н. ст. 1917 г. въ Стокгольмѣ.

иной. Въ этотъ союзъ вошли названныя выше лица, Димитрій Донцовъ и Николай Залезнякъ. Въ то же время я тоже проживалъ во Львовѣ, но отказался войти въ союзъ, такъ какъ ясно видно было, что австрійское правительство желаетъ воспользоваться союзомъ въ своихъ цѣляхъ, чему имѣлись доказательства. Кромѣ того, Скоропись-Юлтуховскій, Жукъ и Меленевскій въ качественномъ отношеніи были уже извѣстны съ самой отрицательной стороны, въ особенности же послѣдній. Дорошенко попалъ въ союзъ, какъ я думаю, по наивности, но, разъ попавъ туда, не сумѣлъ выбраться. Донцовъ и Залезнякъ вскорѣ вышли изъ союза, когда была установлена связь Жука и Меленева съ австрійскимъ правительствомъ. Донцовъ дѣйствительно германофилъ, но это дѣло его убѣждений; однако, онъ человѣкъ честный. Что касается Залезняка, то онъ былъ австрофиломъ, но затѣмъ, со времени революціи, искренно измѣнилъ свои взгляды и стоитъ на русской оріентаціи. . . Надежды Австріи на оккупацию русской Украины не оправдались, русскія войска наступали въ Галицію. *Тогда весь союзъ выдохъ въ Вѣну*. . . Здѣсь произошелъ большей переломъ въ настроеніи. Всѣмъ стало очевидно, что австрійскія мечтанія о созданіи Украины подъ австрійскимъ владычествомъ остались мыльнымъ пузыремъ. Донцовъ и Залезнякъ вышли изъ союза, а другіе *порвали связь съ галицкими организаціями и еще тѣснѣе связались съ австрійскимъ правительствомъ*. Съ этого времени украинское движеніе перестало интересоваться Австрію, такъ какъ вся Галиція оказалась занята Россіей (это признаютъ и авторы стокгольмской брошюры). *Тогда союзомъ воспользовались, какъ орудіемъ для боевыхъ предпріятій, ничего общаго съ Украиной не имѣющихъ*. Юлтуховскій, Меленевскій, Жукъ и Дорошенко занялись шпионажемъ и разными порученіями австрійскаго правительства, какъ, напр., посылкой агентовъ въ Россію, Румынію, Болгарію и Турцію (брошюра, конечно, ставить въ связь всѣ эти „миссіи“ съ пропагандой украинскаго освобожденія). Тѣмъ временемъ возникла мысль о выдѣленіи изъ общей массы плѣнныхъ—украинцевъ. Я точно сказать не могу, явилось ли это мыслью галиційскихъ украинцевъ или правительства (Меленевскій и Скоропись нѣсколько уклончиво утверждаютъ, что „иниціатива культурной помощи нашимъ военно-плѣннымъ принадлежала исключительно союзу . . . , и добиться согласія властей на широкую организацію этой помощи . . . стоило многихъ усилій“). Украинцевъ стали

выдѣлять въ отдѣльный лагерь Фрейштадтъ, въ Австріи, и дѣло пропаганды было передано союзу. *Это совпало съ тѣмъ временемъ, когда Германія накладывала свою руку на всѣ австрійскія предпріятія. Нѣмцы взяли союзъ въ свои руки, и онъ продолжалъ функціонировать еще нѣкоторое время въ Австріи, уже подъ руководствомъ нѣмцевъ. Сначала австрійцы не знали, что союзъ работаетъ съ нѣмцами. Когда австрійское правительство убѣдилось въ этомъ, то еще болѣе охладѣло къ дѣятелямъ союза, и послѣдній постепенно перенесъ свою дѣятельность въ Берлинъ и вступилъ на полное иждивеніе Германіи. Германія, по примѣру Австріи, рѣшила выдѣлить украинцевъ въ особые лагеря и пустила туда союзъ для пропаганды идеи полного отдѣленія Украины отъ Россіи, какъ „самостоятельнаго государства, входящаго въ систему центральныхъ державъ“.* Посѣщеніе Берлина въ началѣ іюля 1917 г. и бесѣды съ политическими дѣятелями и публицистами убѣдили Степанковского въ томъ, что, собственно, по этому вопросу существуютъ въ Германіи три группы. Одна, во главѣ съ знатокомъ Россіи, проф. Hötsch'емъ (авторомъ еженедѣльныхъ обзоровъ въ Kreuzzeitung), считаетъ, что украинское движеніе есть „семейное дѣло Россіи“ и раздувать его вредно для Германіи. Другая, близкая къ министерству иностранныхъ дѣлъ, полагаетъ достаточнымъ для настоящаго момента достиженіе Украиной автономіи. И, наконецъ, третья группа, „представленная генеральнымъ штабомъ“, „стремится къ созданію самостоятельной Украины подъ нѣмецкимъ контролемъ“. Эта группа пользуется содѣйствіемъ „союза визволенія Украины“ для агитаціи въ печати противъ болѣе умѣреннаго разрѣшенія украинскаго зопроса.

Что касается пропаганды среди военноплѣнныхъ украинцевъ, она началась еще весной 1915 года, когда все плѣнные „малороссы“, соглашавшіеся признать себя „украинцами“, были сосредоточены въ лагерь Раштадтъ. Въ этомъ лагерѣ велись систематическія лекціи; однимъ изъ лекторовъ являлся австрійскій проф. Безпалко, рисовавшій передъ слушателями картину вольнаго казачества и призывавшій къ сверженію ненавистнаго ига Московіи. Въ началѣ 1916 г. изъ подготовленныхъ такимъ образомъ военноплѣнныхъ былъ сформированъ „1-ый съчевой Тараса Шевченко полкъ“, одѣтый въ „національные“ „жупаны“. Къ началу 1917 г. этотъ полкъ состоялъ изъ 8 сотенъ, примѣрно по 200 человекъ въ каждой. Вообще же всѣ украинцы Раштадтскаго лагеря были къ

этому времени расписаны на четыре категоріи, соотвѣтственно успѣху пропаганды: 1) „січевики“ — до 1500 человекъ, наиболѣе распропагандированные; 2) „курсисты“ — до 3000 человекъ, сочувствовавшихъ пропагандѣ, но еще недостаточно подготовленныхъ; 3) „преклонники“ — большинство плѣнныхъ, сохранявшее нейтралитетъ по отношенію къ пропагандѣ и, наконецъ, 4) „противники“, — до 6000 чел., рѣшительно боровшіеся съ пропагандой и за это назначавшіеся на самыя тяжелыя работы, подвергавшіеся суровому режиму и жестокимъ наказаніямъ.

Въ концѣ декабря 1916 г. партія изъ 24 плѣнныхъ, во главѣ съ германскимъ капитаномъ Козакъ, была отправлена на Волюнь, съ цѣлью пропаганды. Изъ обнародованнаго нашей развѣдкой дѣла прап. Ермоленко видно, что переброской агентоу занималась „украинская секція“ германской развѣдки, имѣвшая вездѣ на мѣстахъ вполнѣ организованную сеть посредниковъ и сотрудниковъ.

Съ началомъ революціи всѣ эти приготовленія получили, естественно, новое и особенно важное значеніе. Ближайшей цѣлью пропаганды стало, какъ это констатировано въ случаѣ съ Ермоленко, „скорѣйшее заключеніе мира“ съ Германіей. Но рядомъ съ этимъ новый смыслъ получила и поддержка сепаратистскаго движенія. Для того и другого Германія стала выпускать, подъ видомъ обмѣниваемыхъ инвалидовъ, совершенно здоровыхъ украинскіхъ солдатъ. Перебрались поближе къ Россіи, въ Стокгольмъ, и вожди „союза візволенія України“, Іолтуховскій и Меленевскій. Оба они обратились къ Временному Правительству съ ходатайствомъ разрѣшить имъ вернуться на Украину, извѣщая при этомъ правительство, что съ момента возникновенія революціи въ Россіи и паденія царизма союзъ освобожденія Украины рѣшилъ прекратить свою самостоятельную дѣятельность за границей, признавая, что единственно правомочна теперь говорить отъ имени украинскаго народа какъ на Украинѣ, такъ и внѣ ея, — Центральная Украинская Рада (цитированная брошюра).

Едва ли, однако, это заявленіе было вполнѣ искренно. Цѣль переселенія обоихъ дѣятелей на Украину, конечно, заключалась въ перенесеніи сюда дѣятельности „союза“. По крайней мѣрѣ, Степанковскій, въ разговорѣ съ фонъ-Бергеномъ, чиновникомъ Германскаго министерства иностр. дѣлъ, выяснилъ (начало іюля 1917 г.), что уже существуетъ какая-то „тайная организація въ

Полтавѣ“, соперничающая во вліяніи съ Центральной Радой*). „Въ Стокгольмѣ я узналъ“, продолжаетъ Степанковскій, „что существуетъ *новая организація*, имѣющая непосредственное отношеніе къ „союзу визволенія“, и что она называется „Возрожденіе“ (*Bid-rodження*)“. Свѣдѣнія ограничились тѣмъ, что эта организація проявляется въ Львовѣ, гдѣ ведетъ издательскую дѣятельность. Еще раньше, въ Швейцаріи, я получилъ свѣдѣнія объ Іолтуховскомъ, что онъ *организуеъ на Украинѣ свою группу подъ упомянутымъ названіемъ*. Основываясь на этихъ свѣдѣніяхъ“, заключаетъ Степанковскій, „я прихожу къ убѣжденію, что Іолтуховскій, съ вѣдома германскаго штаба, организуеъ въ своихъ цѣляхъ группу въ Полтавѣ или гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ . . . Еще до войны Меленевскій былъ знакомъ хорошо съ Парвусомъ, съ открытіемъ же военныхъ дѣйствій и съ отходомъ австрійскихъ войскъ изъ Галиціи работалъ съ нимъ въ Турціи по приисканію агентовъ для центральныхъ державъ, занимаясь и другими темными дѣлами. Теперь, конечно, связь Меленевского съ Парвусомъ, а затѣмъ и съ Ганецкимъ-Фюрстенбергомъ должна продолжаться; такъ какъ Ганецкій находится въ Стокгольмѣ, то нужно думать, что всѣ они работаютъ вмѣстѣ“.

Въ Россіи, правда, всѣ эти явно-германскія усилія встрѣтили вначалѣ отпоръ, и мѣстное украинское движеніе формально отъ нихъ отгородилось. Первоначальныя задачи *мѣстнаго* движенія, по формулировкѣ наскоро сложившагося петроградскаго украинскаго комитета, были весьма умѣрены и не шли дальше требованій, удовлетворяющихъ реальной потребности культурнаго самоопредѣленія. Временное Правительство перваго состава охотно пошло навстрѣчу этимъ стремленіямъ, назначивъ попечителемъ Кіевскаго округа извѣстнаго украинскаго дѣятеля, Н. П. Василенко. Но изъ Кіева шли болѣе широкія требованія, исходившія изъ готоваго плана національно-территоріальнаго обособленія Украины въ самыхъ широкихъ предѣлахъ. Вдохновителемъ этихъ стремленій являлся „батько“ М. С. Грушевскій, пріобрѣтшій опытность въ національной борьбѣ на почвѣ австро-славянской, въ Галиціи, и теперь примѣнившій къ борьбѣ съ петроградскимъ „централизмомъ“

---

*) „Мой собесѣдникъ (фонъ-Бергенъ) спросилъ меня“, рассказываетъ Степанковскій, „кто пользуется большимъ вліяніемъ, Рада или же тайная организація въ Полтавѣ . . . Я . . . отвѣтилъ, что, по моему мнѣнію, большимъ авторитетомъ пользуется Рада“.

тъ непрямые и гибкіе приемы, которые были испытаны въ борьбѣ съ Вѣной.

По сообщенію самого М. С. Грушевскаго, въ новомъ изданіи его „Исторіи Украины“ *), еще за годъ до войны образовался союзъ автономистовъ-федералистовъ, въ которомъ „руководящую роль играли украинскіе представители“. Кромѣ того, еще раньше существовала группа „товариство украинскихъ поступовцевъ“ (Т. У. П.), которая съ 1912 г. вела сношенія съ прогрессивными русскими партіями, съ думскими фракціями трудовиковъ и партіей народной свободы. Послѣ революціи, по словамъ того же Грушевскаго, „украинскіе поступовцы“, „выйдя изъ стадіи своего тайнаго существованія, взяли на себя въ первыхъ числахъ марта инициативу созданія національнаго органа въ Кіевѣ. По соглашенію съ разными кіевскими группами и кружками, такой органъ и образовался, подъ названіемъ Украинской Центральной Рады, изъ представителей партійныхъ группъ, кооперативовъ, рабочихъ, военныхъ, культурныхъ и профессиональныхъ организацій, для организаціи украинскаго гражданства независимо отъ партійныхъ и групповыхъ разногласій, съ цѣлью достиженія широкой національной и территоріальной автономіи въ російской федеративной республикѣ“.

„Первыя извѣстія объ основаніи въ Кіевѣ Центральной Рады“, говоритъ далѣ Грушевскій, „дали сильный толчекъ организаціи провинціальныхъ группъ, которыя заявляли Ц. Радѣ, что признаютъ ее своимъ высшимъ органомъ, *временнымъ украинскимъ національнымъ правительствомъ*, („тимчасовим українским національним урядомъ“), и просятъ принять ихъ представителей и дать указанія относительно мѣстной работы. Чтобы выяснить размѣры массоваго украинскаго самосознанія, Ц. Рада назначила на 19 марта манифестацію и показала открыто, что украинство вовсе не является принадлежностью какого-либо интеллигентскаго кружка, а дѣйствительно широко проникло въ массы. На митингъ во время этой манифестаціи приняты были принципиальныя постановленія: что автономный строй долженъ быть введенъ на Украинѣ немедленно и затѣмъ представленъ на утвержденіе російскаго учредительнаго собранія; Временное Російское Правительство должно незамедлительно издать декларацію съ признаніемъ необходимости широкой

---

*) См. „Ілюстрована Історія України“. Сорок восьма тисяча, Київ, 1918, стр. 536, 543 — 546.

автономіи Украины, чтобы связать интересы украинского народа съ интересами новаго строя“.

„За этой манифестаціей послѣдовали съѣзды: рядъ ихъ открылся на Благовѣщеніе (25 марта) съѣздомъ „Т. У. П.“, который принялъ названіе союза автономистовъ-федералистовъ. Потомъ, на Великденъ, открылся съѣздъ учительскій, а 6 — 8 квітня (апрѣля) — украинскій національный съѣздъ, созданный Ц. Радой для производства новыхъ выборовъ, которые дали бы ей характеръ правильного представительства всего *организованнаго* украинскаго народа и подтвердили бы его политическую платформу. Двери съѣзда были широко открыты и дана возможность принять въ немъ участіе всякимъ объединеніямъ, организаціямъ и учрежденіямъ, которые признаютъ себя за украинскія. . . Собралось около 900 представителей съ полномочными мандатами, очень много крестьянъ и солдатъ. . . Новая Ц. Рада составилаь изъ представителей отъ территорий (губерній), отъ организацій военныхъ, крестьянскихъ и рабочихъ, отъ партій и обществъ культурныхъ и профессиональных. Платформа этой организаціи сначала была чисто-политической: національно-территориальная автономія Украины въ федеративной російской республикѣ. Намѣренно были устранены другіе пункты, которые могли бы вызвать разногласіе между представителями партій и группъ. Но, мѣсяць спустя, Ц. Рада признала невозможнымъ исключить изъ своей программы вопросы экономической политики, имѣя въ виду планы экономической централизаціи, выставленные російскимъ Врем. Правительствомъ. Рѣшено было принять въ программу защиту экономическихъ интересовъ края и его трудящагося народа. Пополненіе Рады представительствомъ рабочихъ массъ, произведенное въ началѣ червня (мая), придало ей, въ концѣ концовъ, яркую соціалистическую фізіономію, сдѣлало ее органомъ трудящейся демократіи и сверхъ требованій политическихъ поставило на твердую ногу требованія экономически-соціалистическія“.

Несомнѣнно, въ этой эволюціи Рады, очерченной здѣсь однимъ изъ вліятельнѣйшихъ ея руководителей, первоначальная инициативная группа, организовавшая первыя національныя демонстраціи, была отгѣснена на второй планъ. Роль самого М. С. Грушевскаго изъ вліятельной мало-по-малу превратилась просто въ почетную. Рада сдѣлалась сама ареной борьбы за вліяніе крайнихъ теченій. Сепаратисты „союза возрожденія“ получили при этомъ возможность

оказывать все болѣе значительное воздѣйствіе на настроеніе и на-
правление работъ Рады.

Полная побѣда этого крайняго вліянія была, однако же, въ описываемое здѣсь время, еще въ будущемъ. Въ настоящемъ Рада выступила, прежде всего, съ требованіями политическими и при-
томъ выраженными въ сравнительно умѣренной и сдержанной формѣ. Въ маѣ Временное Правительство получило отъ Рады пожеланія, чтобы 1) былъ изданъ особый правительственный актъ съ принци-
піальнымъ признаніемъ автономіи Украины, 2) немедленно были вы-
дѣлены въ особую административную единицу 12 губерній съ укра-
инскимъ населеніемъ и переданы въ управленіе краевого совѣта, 3) чтобы при Врем. Правительствѣ былъ установленъ особый ко-
миссаръ по дѣламъ Украины и 4) чтобы было учреждено особое
украинское войско. Требования эти, вызывавшія серьезныя возра-
женія въ правительствѣ перваго состава, встрѣтили вначалѣ
серьезныя возраженія и въ средѣ коалиціоннаго правитель-
ства. Принципіальное признаніе автономіи Украины являлось несо-
мнѣннымъ предрѣшеніемъ воли Учредительнаго Собранія, ибо опре-
дѣляло одну изъ основныхъ чертъ будущаго строя Россіи: несо-
мнѣнно, что вслѣдъ за признаніемъ автономіи Украины потребовали
бы такого же признанія и другія народности. Затѣмъ Центральная
Рада, не вышедшая изъ всенароднаго избранія и представлявшая
только одно изъ теченій украинства, не являлась достаточно ком-
петентнымъ органомъ для выраженія воли *всего* украинскаго народа
и не представляла вовсе не-украинскихъ элементовъ. Съ этой точки
зрѣнія выдѣленіе 12-ти губерній въ составъ территоріи будущей
Украины являлось предрѣшеніемъ воли мѣстнаго населенія, укра-
инскаго и не-украинскаго. Созданіе комиссара Украины при Вр.
Правительствѣ предрѣшало типъ автономіи, который должна была
получить Украина, а, слѣдовательно, быть можетъ, и остальные
территоріи Россіи. Такимъ предрѣшеніемъ было и выдѣленіе дан-
ной территоріи по *національному*, а не по *территоріальному* при-
знаку. Наконецъ, хотя уже А. И. Гучковъ разрѣшилъ въ частномъ
случаѣ формированіе украинскихъ войскъ, но и онъ, и А. Ф. Ке-
ренскій не считали, что этотъ частный случай предрѣшаетъ со-
зданіе національныхъ армій вообще, ибо и это было бы прибли-
женіемъ формы автономіи къ формѣ государственной независимости.
По всѣмъ этимъ соображеніямъ, послѣ доклада товарища мини-
стра внутр. дѣлъ Д. М. Щепкина, предсѣдательствовавшего по

данному вопросу въ особомъ совѣщаніи, Временному Правительству, въ первыхъ числахъ іюня было постановлено признать національныя особенности и своеобразныя условія жизни Украины, вызывающія необходимость ея особаго устройства, и издать соотвѣтствующее мотивированное постановление, но не вводить въ него ничего, что могло бы предрѣшить волю Учредительнаго Собранія и мѣстнаго населенія. Соотвѣтственно этой линіи поведенія, намѣченной правительствомъ, А. Ф. Керенскій телеграфно запретилъ всеукраинскій войсковой съѣздъ, который Центральная Рада созвала на 4 іюня. Рада не только не подчинилась этимъ рѣшеніямъ правительства, но сдѣлала ихъ исходной точкой новой агитаціи. Послѣ двухдневнаго обсужденія отвѣта правительства украинской делегаціи, ѣздившей въ Петроградъ, Рада наканунѣ открытія съѣзда, вечеромъ 3 іюня, вынесла постановление, которымъ объявлялось, что Временное Правительство сознательно пошло противъ интересовъ трудового народа Украины и противъ принципа самоопредѣленія національностей. Въ силу этого Рада признавала необходимымъ: 1) обратиться ко всему украинскому народу съ призывомъ — организовать и приступить къ немедленному заложенію фундамента автономнаго строя на Украинѣ, 2) немедленно составить обращеніе къ украинскому народу съ объясненіемъ, въ чемъ заключается сущность требованій украинской демократіи и задачи автономнаго строя, и 3) заявить, что, использовавъ всѣ способы войти въ сношеніе съ правительствомъ, Рада приметъ всѣ мѣры противъ анархіи и уничтоженія завоеваній революціи, имѣя въ виду, что украинское движеніе имѣетъ стихійный характеръ. 4 іюня открылся въ Кіевѣ войсковой съѣздъ, въ составѣ болѣе 1000 делегатовъ. Слѣдуя своей обычной тактикѣ, А. Ф. Керенскій легализировалъ его *post factum*, приславъ телеграмму, что не встрѣчаетъ препятствій къ существованію и къ дальнѣйшей дѣятельности украинскаго войскового комитета. Съѣздъ встрѣтилъ смѣхомъ чтеніе эго телеграммы. Руководители съѣзда, однако, считали необходимымъ подчеркнуть, что они не стремятся къ „самостійности“. Кандидаты въ президіумъ отъ самостійниковъ были забаллотированы; выбраны лишь сторонники федеративной автономіи. Большое раздраженіе съѣзда вызвало опубликованіе приказа ген. Оберучева, что самостійники рѣшили занять государственный банкъ и губернское казначейство (слухи ходили также о заятіи почты, телеграфа и телефона). Съѣздъ еще разъ рѣзко отгородился отъ „самостій-

никовъ“ и помѣстилъ въ газетахъ печатное опроверженіе упомянутыхъ слуховъ о „секретной резолюціи“ группы „самостійниковъ“. Въ ближайшіе дни съѣздъ призналъ украинскій войсковой комитетъ высшей инстанціей въ сношеніяхъ украинскихъ войсковыхъ частей и организацій съ русской военной властью. По отношенію къ правительству съѣздъ принялъ резолюцію, что онъ вообще не будетъ больше обращаться къ центральной власти съ какими либо просьбами, Центральная Рада сама будетъ проводить въ жизнь автономію Украины; не-украинская демократія, живущая на территоріи Украины и не желающая сознательно или безсознательно понять истинныхъ требованій украинцевъ, приглашалась къ сотрудничеству съ украинской демократіей.

Постановленія съѣзда на первыхъ же порахъ создали среди мѣстныхъ противниковъ украинскаго сепаратизма энергичное противодѣйствіе, особенно сказавшееся въ тѣхъ изъ 12 губерній, гдѣ не-украинское населеніе было особенно сильно. Но эти постановленія вызвали также и энергичную поддержку со стороны сторонниковъ автономіи. Кіевскій губернский исполнительный комитетъ обратился къ кн. Львову съ заявленіемъ что въ виду возбужденія, вызваннаго отрицательной позиціей правительства, дальнѣйшее игнорированіе украинскаго вопроса недопустимо; необходимъ немедленный созывъ въ Кіевѣ особаго совѣщанія національныхъ партій и организацій съ представителями правительства. Совѣщаніе это должно разработать къ Учредительному Собранію основы автономіи Украины.

Украинская Рада не хотѣла ждать результатовъ подобныхъ совѣщаній и спѣшила создать „совершившіеся факты“. Опираясь на рѣшеніе войскаго съѣзда, она собрала 10 іюня делегатовъ съѣзда на Софійскую площадь и въ торжественной обстановкѣ, передъ памятникомъ Богдана Хмельницкаго, огласила составленный ею „Универсалъ“, долженствовавшій явиться первымъ шагомъ къ самочинному осуществленію автономіи. Содержаніе „Универсала“ чрезвычайно характерно для всей политики М. С. Грушевскаго. Съ одной стороны, онъ ничѣмъ не порываетъ формальной связи съ центральнымъ правительствомъ, съ другой стороны, фактически, онъ вступаетъ съ правительствомъ въ открытую борьбу, пытаясь на терпимости и на пассивности центральной власти построить расширенный и углубленный фундаментъ для украинскаго движенія, ограниченный и интеллигентскій характеръ котораго не-

волью обрисовывается въ самомъ „Универсалѣ“. Украинскій народъ „не отдѣляется отъ всей Россіи, не разрываетъ съ російскимъ государствомъ“. „Тѣ законы, которыми будетъ устанавливаться порядокъ на протяженіи всего російскаго государства, должны создаваться всеросійскимъ парламентомъ“. Законы для Украины также „должно будетъ утвердить своимъ закономъ всеросійское Учредительное Собрание“. Но въ то же время „Универсалъ“ заявляетъ, что, по существу, „весь строй“ этихъ законовъ будетъ „созданъ представителями всѣхъ народовъ земли украинской“, послѣ того, какъ будетъ закончена „подготовительная организаціонная работа“. Работа эта, долженствующая совершиться явочнымъ порядкомъ, состоитъ въ томъ, чтобы „каждое село, каждая волость и каждая управа, уѣздная или земская, *которая отстаиваетъ интересы украинскаго народа*“, вступила „въ самыя тѣсныя сношенія съ Центральной Радой“. А „тамъ, гдѣ, по какимъ либо причинамъ, административная власть *осталась въ рукахъ, враждебныхъ украинству*“, „Универсалъ“ „предписываетъ нашимъ гражданамъ начать широкую могучую организацію и освѣдомленіе населенія и *тогда переизбрать администрацію въ городахъ и тѣхъ мѣстахъ, гдѣ украинское населеніе живетъ вмѣстѣ съ другими національностями*“. Рядомъ съ явочной администраціей будущаго края Рада хочетъ создать и явочные финансы. „До сихъ поръ украинскій народъ всѣ свои средства отдавалъ въ російскую центральную казну, но самъ не имѣлъ, да не имѣетъ и теперь, отъ нея того, что долженъ былъ бы имѣть за это. Поэтому мы, Украинская Рада, предписываемъ *всѣмъ организованнымъ* гражданамъ сель и городовъ и *всѣмъ украинскимъ* общественнымъ управамъ установить съ 1 сего іюля *обложеніе населенія податью на народное дѣло*“. Если тонъ предписанія, названіе новаго обложенія „податью“ и противоположеніе его прежнимъ налогамъ, вносившимся въ російскую центральную казну, придавалъ распоряженію „Универсала“ характеръ настоящаго правительственнаго распоряженія, то обращеніе къ однимъ только „организованнымъ“ украинцамъ и обозначеніе цѣли новой „подати“ — „на народное дѣло“ — превращали подать въ національный сборъ съ сочленовъ частнаго общества и открывали Радѣ лазейку на случай обвиненія ея въ выступленіи на путь открытой политической борьбы противъ центральной власти въ самыхъ ея основныхъ функціяхъ управленія и обложенія. Проф. Грушевскій и

пользовался этой двусмысленностью въ своихъ объясненіяхъ съ представителями кievскихъ общественныхъ организацій, которыя рѣшительно возражали противъ сепаратизма Украины и противъ предрѣшенія воли Учредительнаго Собранія. Во время политической прогулки украинцевъ по Днѣпру съ этими представителями 20 іюня М. С. Грушевскій подчеркивалъ, что Рада никогда и не помышляла о захватѣ административныхъ правъ, что это исключительно „національная організація“. Эти заявленія вызвали реплику Балабанова, представителя с.-д. меньшевиковъ. „Когда слушаешь здѣсь ваши рѣчи“, говорилъ Балабановъ, „получается одно, а когда отъ бесѣды дѣло переходитъ къ жизни, получается другое. Проф. Грушевскій и Винниченко признаютъ за Радой лишь *моральный авторитетъ*. Но часть населенія считаетъ Раду *правительственной властью* на Украинѣ, причемъ противопоставляетъ Радѣ другой власти. То, что говорятъ намъ представители Рады, пусть они скажутъ населенію“. Послѣ этого Винниченко произнесъ рѣчь, въ которой, съ одной стороны, заявлялъ, что украинцы „добиваются не власти, а организацій народныхъ массъ“, а съ другой, при сильномъ движеніи и возгласахъ „ого“ своей аудиторіи, сообщилъ: „быть можетъ, мы издадимъ декретъ, въ которомъ укажемъ населенію, что всякое постановленіе центральнаго правительства, прежде чѣмъ оно будетъ осуществлено, должно быть рассмотрѣно Центральной Радой“. („Рус. Слово“ 23-го іюня). Эти разговоры на паролохъ лучше всего характеризуютъ шаткость первоначальной позиціи Рады и уклончивую тактику ея вождей.

Чтобы мотивировать свой шагъ, Рада, въ противорѣчивыхъ выраженіяхъ, пытавшихся извратить факты, излагала въ „Универсалѣ“ исторію своихъ переговоровъ съ правительствомъ. „Временное Россійское Правительство *отвергло* наши требованія, оттолкнуло протянутую руку украинскаго народа... оно *уклонилось отъ отвѣта*, *отославъ* насъ до будущаго Учредительнаго Собранія... Не пожелало вмѣстѣ съ нами творить новый порядокъ...“ Нѣсколько искреннѣе была Рада, когда мотивировала свое выступленіе тѣмъ, что „мы не можемъ бросить нашъ край на произволъ анархіи и разоренія“, ибо „правительство не въ силахъ создать для насъ правопорядокъ“. Другой искренній мотивъ касался судьбы аграрнаго вопроса: „никто лучше нашихъ селянъ не можетъ знать, какъ хозяйничать на своей землѣ; потому-то мы хотимъ, чтобы, послѣ того, какъ во всей Россіи отобраны будутъ

помѣщичьи, казенныя, царскія, монастырскія и инныя земли въ собственность *народовъ*, послѣ того, какъ объ этомъ будетъ изданъ законъ всероссійскимъ Учредительнымъ Собраніемъ—право и порядокъ въ нашихъ украинскихъ земляхъ, *право распоряженія ими принадлежало бы только намъ самимъ*".

Этотъ страхъ и опасеніе подвергнуться въ прогрессирувавшемъ всероссійскомъ распадѣ общей судьбѣ и пережить ужасы всероссійскихъ социалистическихъ экспериментовъ, несомнѣнно, представлялъ здоровое и живое начало самосохраненія въ искусственно раздутomъ націоналистическомъ движеніи на Украинѣ. Въ этихъ, а не въ идеалистически-сепаратистскихъ мотивахъ украинскаго движенія заключался залогъ его будущаго успѣха.

Что могло противопоставить этому успѣху центральное правительство? Только ту „тактику твердой власти“ — и, на почвѣ этой тактики, устраненіе *реальныхъ* мотивовъ украинскаго обособленія, — которую совѣтовала партія народной свободы. Правительство и тутъ, вмѣсто того, чтобы реагировать быстро и рѣшительно, пока движеніе оставалось чисто идейнымъ и наноснымъ, пошло путемъ колебаній и словесныхъ увѣщаній. 16-го іюня оно выпустило воззваніе къ „Гражданамъ Украины“, въ которомъ убѣждало украинцевъ, въ интересахъ „всей освобожденной Россіи“, въ интересахъ защиты завоеваній революціи отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, довѣрить свои національные интересы „народамъ“, которые „сумѣютъ черезъ своихъ представителей въ Учредительномъ Собраніи выковать тѣ формы государственнаго и хозяйственнаго устройства, которыя полностью отвѣтили бы ихъ національнымъ стремленіямъ“. Съ своей стороны, Временное Правительство „вмѣняло себѣ въ обязанность *прийти къ соглашенію съ общественно-демократическими организаціями Украины относительно переходныхъ мѣръ для обезпеченія „правъ украинскаго народа въ мѣстномъ управленіи, самоуправленіи и судѣ*“. Воззваніе упрашивало украинцевъ „въ нетерпѣливomъ стремленіи теперь же закрѣпить формы государственнаго устройства Украины, не наносить смертельнаго удара всему государству и самимъ себѣ“.

Конечно, воззваніе прозвучало безсильно и отклика со стороны кіевскихъ искушенныхъ политиковъ не встрѣтило. Въ своемъ „нетерпѣливomъ стремленіи закрѣпить“ свои пока еще психологическія завоеванія, они спѣшно возбуждали въ намѣченныхъ губерніяхъ вопросъ о формальномъ присоединеніи къ „Универсалу“ Рады, о

посылакъ въ Раду мѣстныхъ делегатовъ, о пополненіи Рады не-украинскими элементами, наконецъ, о созданіи украинскаго министерства, „генеральнаго секретаріата“ Рады. Въ самый день опубликованія правительственнаго воззванія этотъ секретаріатъ уже былъ намѣченъ въ составѣ предсѣдателя и генеральн. секретаря внутр. дѣлъ—писателя Винниченко, генер. секретаря финансовъ — Туганъ-Барановскаго, иностранныхъ дѣлъ (или „международныхъ“) — Ефремова, продовольственныхъ—Стасюка, земледѣлія—Мартоса, военнаго—Петлюры, юстиціи—Садовскаго. За нѣсколько дней до этого Винниченко въ политической бесѣдѣ съ представителемъ демократическихъ организацій подчеркнулъ снова, что дѣйствія вождей вынуждены необходимостью считаться съ стихійнымъ движеніемъ народныхъ массъ и направить его въ нормальное русло. „Самостійное движеніе“, выставляющее лозунгъ „открытіе фронта врагу, настолько выросло за полтора мѣсяца, что съ нимъ приходится вести серьезную борьбу, а для этого необходимо не порывать связи съ организованной массой, которая, оставшись безъ руководства, можетъ натворить много нежелательнаго“. До соглашенія съ центральнымъ правительствомъ, по заявленію Винниченко, Рада не издастъ никакого акта; но правительство должно считаться съ желаніемъ народа. Однако, уже 27 іюня тотъ же Винниченко, въ роли предсѣдателя генеральнаго секретаріата, огласилъ въ засѣданіи Центральной Рады обширную декларацию секретаріата. Въ декларации заявлялось, что, хотя власть Рады родилась и выросла изъ одного довѣрія народа, но въ настоящее время „наступилъ моментъ, когда стерлись границы двухъ властей: нравственной и публично-правовой. Размѣры силъ нашей моральной власти настолько разрослись, что они сами собой, подъ натискомъ логическаго хода событій, безъ боли и беспорядковъ, претворяются въ настоящее народоправство“. Къ Петрограду „украинская демократія не питаетъ враждебности, но проявляетъ полное безразличіе, ибо... имѣетъ собственную власть“. Для ускоренія процесса пересозданія моральной власти въ общественно-правовую и созданъ генеральный секретаріатъ, въ качествѣ исполнительнаго органа Центральной Рады (вожди движенія подчеркивали, съ обычной уклончивостью, что это не есть еще „министерство“). Такъ какъ Рада теперь „не можетъ уже ограничиться одними національно-политическими требованіями“, а, расширяя свою платформу, „должна стать національнымъ сеймомъ“, то и ея исполнительный органъ „долженъ охватывать всѣ нужды украин-

скаго народа“. Далѣ декларація подробно перечисляла задачи каждаго „секретаря“ въ особенности, по внутреннимъ, финансовымъ, юридическимъ, междунаціональнымъ, просвѣтительнымъ, земельнымъ, продовольственнымъ дѣламъ, и функции „генеральнаго секретаря“, вѣдающаго канцелярію и служащаго связью между остальными. Въ заключеніе декларація заявляла, что секретаріатъ будетъ „бороться неуклонно“ противъ всѣхъ „дезорганизирующихъ силъ“, будь то „темныя силы контръ-революціи, анархическіе элементы украинства или ошибки и враждебность Временнаго центрального Правительства“.

Какъ реагировало это правительство на новый „совершившійся фактъ“? Мы видѣли, что уже въ своемъ воззваніи Временное Правительство стало на точку зрѣнія возможныхъ переговоровъ съ украинскими организаціями. Въ 20-хъ числахъ іюня оно уже намѣчало посылку правительственной делегаціи на Украину, сперва въ цѣляхъ информаций, а потомъ и съ прямой задачей — достиженія соглашенія, котораго требовали украинцы. Мы увидимъ, что осуществленіе этой точки зрѣнія сдѣлалось поводомъ къ министерскому кризису, который совпалъ съ общимъ кризисомъ первой коалиціи.

Въ это же время, 27-го Іюня, Центральная Украинская Рада вынесла постановленіе, которое какъ бы суммируетъ всю работу по созданію національныхъ сепаратизмовъ внутри Россіи. Рада постановила созвать въ Кіевѣ не позже іюля съѣздъ всѣхъ національностей Россіи, добивающихся автономіи и федераціи. Предполагалось, что на этомъ съѣздѣ примутъ участіе финляндцы, поляки, эстонцы, латыши, литовцы, бѣлоруссы, грузины, евреи, татары, армяне, калмыки, башкиры, сарты, горные народы, турки, а также донцы, сибиряки и т. д. Каждой народности, независимо отъ размѣровъ территоріи, количества населенія, культурнаго развитія, предполагалось дать 10 мѣстъ. Въ программу съѣзда внесены были слѣдующіе вопросы: будущее устройство федеративнаго государства, государственный языкъ отдѣльныхъ федеративныхъ частей, принципы размежеванія автономныхъ единицъ, права національныхъ меньшинствъ и организація союза городовъ. Попутно отмѣтимъ, что въ засѣданіи мусульманскаго комитета 3-го іюня обсуждался вопросъ о созданіи въ Россіи „инородческаго политическаго блока“, причемъ рѣшено было образовать комиссію изъ двухъ членовъ комитета и двухъ отъ комитета бурятъ

и якутовъ „для выработки культурно-экономическихъ и политическихъ основъ созданія инородческаго политическаго блока народностей монголо-тюркскихъ племенъ Россіи“. 2-го іюня литовскій сеймъ, большинствомъ народныхъ прогрессистовъ и клериковъ противъ соціалистическихъ и прогрессивныхъ партій, высказался за немедленное рѣшеніе сеймомъ вопроса о будущемъ устройствѣ Литвы и принялъ незначительнымъ большинствомъ рѣшеніе, что Литва должна быть независимою. Въ маѣ въ Берлинѣ открыто общество нѣмецко-балтійской культуры; при открытіи герцогъ Мекленбургскій произнесъ рѣчь о выгодахъ колонизаціи Литвы и прибалтійскаго края: „22% земель Курляндіи принадлежитъ казнѣ, треть помѣщичьихъ земель будетъ намъ предоставлена добровольно для колонизаціи, треть крестьянскихъ можетъ бытъ приобрѣтена за плату“.

IV. Циммервальдъ и фіаско внѣшней политики коалиціи.

Внѣшняя политика коалиціоннаго правительства. — Отклики враговъ и союзниковъ на циммервальдскую формулу. — Фіаско внѣшней политики совѣта. — Новыя уступки М. И. Терещенко совѣту.

Элементы кризиса, собственно, существовали съ самаго начала коалиціи, ибо они вытекали изъ двойственности ея состава и ея стремленій. Мы уже знаемъ, въ чемъ видѣли *raison d'être* своего существованія министры стараго кабинета, перешедшіе въ новый. Ихъ цѣлью было пріобрѣсти поддержку „революціонной демократіи“ для политики, основной задачей которой они считали поднятіе боеспособности арміи *путемъ* ея „демократизаціи“ и доведеніе войны до „демократическаго“ мира, *но въ согласіи съ союзниками*. Внутреннее противорѣчіе первой половины этой задачи вскрылось передъ нами въ изложенномъ только что процессѣ подготовки русскаго наступленія на фронтъ и въ процессѣ фактическаго распада Россіи, тѣсно связаннаго съ такимъ же распадомъ ея вооруженной силы. Мы увидимъ теперь, какъ вскрылось то-же внутреннее противорѣчіе навязанныхъ извнѣ, по существу разрушительныхъ, „квази-демократическихъ“ задачъ нашей внѣшней политики съ сохраненіемъ прежнихъ нормальныхъ методовъ этой политики и ея нормальныхъ отношеній къ союзникамъ.

„Извѣстія Совѣта р. и с. д.“, комментируя декларацію новаго коалиціоннаго правительства по внѣшней политикѣ, усматривали главную разницу между поведеніемъ н ваго и прежняго правительства въ томъ, что „Временное Правительство перваго состава никогда не рѣшилось бы опираться въ своей внѣшней политикѣ на союзныя демократіи. Милюковъ считался лишь съ официальной демократіей, съ господствующими классами, съ правительствами союзныхъ странъ... Отнынѣ російская демократія, не порывая съ правительствами союзныхъ странъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, *черезъ головы этихъ правительствъ*, обращается къ народамъ. И силу въ своей

борьбѣ за миръ дипломатія будетъ черпать отнынѣ въ сочувствіи и поддержкѣ народныхъ массъ. Такимъ образомъ, внѣшняя политика новаго Временнаго Правительства является точнымъ выраженіемъ требованій революціонной демократіи". (№ 61, отъ 9-го мая).

Въ своихъ воззваніяхъ „къ социалистамъ всѣхъ странъ“ и „къ арміи“ („Извѣстія“ № 55, отъ 2-го мая), изданныхъ во время министерскаго кризиса, совѣтъ гораздо опредѣленнѣе формулировалъ свою циммервальдскую позицію. Возражая лишь противъ „сепаратнаго мира“ и признавая, что „иной разъ“ бываетъ нужно и наступленіе, совѣтъ во всемъ остальномъ совершенно уравнивалъ въ своей оцѣнкѣ имперіалистовъ всѣхъ странъ, признавая русскую революцію лишь „первымъ крикомъ возмущенія одного изъ отрядовъ международной арміи труда противъ преступленій международного имперіализма“. Такъ говорить, „черезъ головы правительствъ“, русская дипломатія, конечно, не могла, почему и не имѣла возможности служить „точнымъ выраженіемъ“ воли „революціонной демократіи“. Иначе понадобилось бы разрушить весь техническій аппаратъ дипломатіи, какъ разрушался уже въ процессѣ „демократизации“ техническій аппаратъ арміи. Надо отдать справедливость М. И. Терещенко: такъ далеко онъ не пошелъ, сохранивъ не только дипломатическій аппаратъ, но и его болѣе или менѣе правильное функціонированіе по существу. При его управленіи союзные дипломаты знали, что „демократическая“ терминологія его депешъ является невольной уступкой требованіямъ момента — и относились къ ней снисходительно, пока рассчитывали, что уступками по формѣ они выиграютъ по существу. Но наступали, наконецъ, такіе моменты, когда это молчаливое согласіе правительства съ совѣтомъ р. и с. д., съ одной стороны, а съ другой стороны, съ союзной дипломатіей упиралось въ границы, перейти которыя было нельзя. И тогда должно было вскрыться для совѣтовъ, что политика М. И. Терещенко было, въ сущности, лишь „продолженіемъ политики П. Н. Милюкова“, а для союзниковъ, что всѣ принесенныя ими жертвы не увеличили способности русской революціи къ реальной поддержкѣ союзнаго дѣла. Нужно прибавить, что разочарованіе совѣта и союзниковъ наступило одновременно, ибо именно напоръ циммервальдцевъ въ совѣтѣ сдѣлалъ невозможнымъ дальнѣйшее молчаніе союзниковъ.

Собственно, отвѣты союзниковъ на декларацію правительства внѣшней политикѣ 28 марта и на ноту П. Н. Милюкова 18 ап-

рѣля, препровождавшую эту декларацію, были получены уже въ послѣдніе дни министерства Милюкова. Какъ и можно было ожидать, эти отвѣты держались въ предѣлахъ послѣдней ноты, а по отношенію къ принципиальнымъ заявленіямъ 28 марта были вѣжливо-уклончивы. Въ ожиданіи своего ухода и по спеціальной просьбѣ Некрасова и Терещенко П. Н. Милюковъ задержалъ опубликованіе этихъ отвѣтовъ. А для новаго правительства опубликованіе ихъ явилось бы тяжелымъ ударомъ съ самаго начала. Поэтому М. И. Терещенко попытался войти въ переговоры съ союзниками, чтобы получить другіе, болѣе для него удовлетворительные отвѣты. Правительственная декларація 6 мая сдѣлала необходимымъ, во всякомъ случаѣ, болѣе точный и опредѣленный отвѣтъ на основную формулу „безъ аннексій и контрибуцій и т. д.“, теперь уже *официально* принятую вторымъ правительствомъ, а также и отвѣтъ на предложеніе, хотя и выраженное въ осторожной формѣ, о пересмотрѣ договоровъ и о созывѣ для этого особой союзной конференціи.

Министры-соціалисты, добившись отъ новаго министра иностр. дѣлъ немедленнаго *официальнаго* увѣдомленія союзниковъ о новыхъ цѣляхъ войны, пожелали немедленно же переговорить лично съ англійскимъ и итальянскимъ послами (съ Тома они говорили и до вступленія въ министерство). По докладу Церетели на общемъ собраніи совѣта 13 мая, англійскій посолъ отвѣтилъ на заданные ему вопросы, какъ онъ относится къ новымъ принципамъ внѣшней политики и считаетъ ли возможнымъ приступить къ пересмотру договоровъ, довольно уклончиво: „общіе принципы разногласій не встрѣтять, а вопросъ о конкретныхъ рѣшеніяхъ рѣшить жизнь“. Въ сущности, и изъ числа „конкретныхъ рѣшеній“, — того типа, который у насъ считался „имперіалистическимъ“, — Англій приходилось измѣнять, по преимуществу, лишь то, что *прямо* ея не касалось. Уже 4 мая корреспондентъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ сообщилъ изъ Англій, что „имперіалистическія цѣли“ извѣстнаго отвѣта Вильсону въ концѣ 1915 г., собственно, были, въ части, касавшейся Турціи и Австро-Венгріи, „лишь уступкой военной программѣ Россіи“. „Ни расчлененіе Турціи, ни, тѣмъ паче, раздѣлъ Австро-Венгріи отнюдь не является краеугольнымъ камнемъ англійской военной политики“, — и она охотно выброситъ ихъ за бортъ, если на нихъ не настаиваетъ болѣе Россія. Точно также и „вопросы о судьбѣ Эльзасъ-Лотарингіи и Триента,

объ автономіи Чехіи и Польши интересуютъ Англію лишь съ точки зрѣнія интересовъ ея союзниковъ“. Если союзники отказываются отъ своихъ „интересовъ“, то Англія противъ этого рѣшительно ничего имѣть не можетъ. Франція, въ лицѣ Альбера Тома, также не имѣла ничего противъ того, чтобы отказаться отъ „имперіалистическихъ“ стремлений. . . Россіи, разумѣя подъ ними проливы и Константинополь. Теперь уже не секретъ, что въ числѣ нашихъ соглашеній было одно, въ которомъ весьма ярко проявлялись и и французскія „имперіалистическія“ цѣли: это — соглашеніе, подписанное въ февралѣ 1917 г. Н. П. Покровскимъ о созданіи автономнаго государства-буфера на лѣвомъ берегу Рейна (обмѣнъ нотами 30 января и 1 февраля 1917 г., опубликованный большевиками). На несоотвѣтствующій демократическимъ принципамъ характеръ этого соглашенія указалъ Альберу Тома еще П. Н. Милюковъ. А. Тома поставилъ отмѣну этого соглашенія условіемъ своего дальнѣйшаго пребыванія въ министерствѣ. По возвращеніи социалистовъ Кашена и Муте изъ Россіи, въ закрытомъ засѣданіи французской палаты это соглашеніе было оглашено и вызвало къ себѣ рѣзко отрицательное отношеніе. Рибо согласился, повидимому, считать его недѣйствительнымъ; еще ранѣе онъ сдѣлалъ въ палатѣ заявленіе, что не имѣетъ вообще ничего противъ опубликованія секретныхъ договоровъ, состоявшихся *до войны*. Такъ какъ *до войны* единственнымъ секретнымъ договоромъ былъ франко-русскій союзъ, то заявленіе Рибо имѣло, конечно, исключительно демонстративное значеніе. Ни союзные договоры съ Италіей и Румыніей, заключенные передъ выступленіемъ, ни наши соглашенія съ союзниками относительно Турціи и Малой Азіи сюда не входили. Между тѣмъ, Рибо поставилъ свой отказъ отъ соглашенія относительно лѣваго берега Рейна въ связь съ (предполагаемымъ) русскимъ отказомъ отъ проливовъ и Константинополя. Все это очень походило на желаніе союзниковъ воспользоваться труднымъ положеніемъ Россіи, чтобы освободиться отъ той доли обязательствъ, которая возлагалась на нихъ ихъ соглашеніемъ съ Россіей. П. Н. Милюковъ въ своей отвѣтной рѣчи Альберу Тома по поводу его прощальной рѣчи въ засѣданіи академическаго союза прямо указалъ на опасность такого исхода при предполагаемомъ пересмотрѣ договора для всѣхъ будущихъ отношеній Россіи къ ея союзникамъ. И надо опять таки отдать справедливость М. И. Терещенко: онъ не допустилъ нашихъ союзниковъ воспользоваться неблагоприятнымъ по-

ложеніемъ Россіи для отказа отъ обязательствъ. Въ напечатанныхъ большевиками секретныхъ документахъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ имѣется одинъ, который снимаетъ съ М. И. Терещенко всякое обвиненіе въ этомъ. 11 сентября онъ категорически заявилъ нашему повѣренному въ Парижѣ, что „ни въ обмѣнъ нотъ съ Палеологомъ (т. е. за время управленія П. Н. Милюкова), ни въ словесныхъ объясненіяхъ моихъ съ Нуленсомъ не возбуждался вопросъ о связи между февральскимъ соглашеніемъ по поводу восточныхъ границъ Франціи и соглашеніемъ о Константинополѣ и проливахъ. Нуленсъ предложилъ мнѣ опубликовать одновременно съ соглашеніемъ о французскихъ границахъ договоры, заключенные до войны, т. е., собственно, русско французскую военную конвенцію. На это я замѣтилъ, что подобное опубликованіе общезвѣстнаго договора вызоветъ въ общественномъ мнѣніи полное недоумѣніе и новыя настоянія на приданіи гласности соглашеній, заключенныхъ уже во время войны. Между тѣмъ, оглашеніе оныхъ, и въ частности итальянскаго и румынскаго, признается, повидимому, нашими союзниками недопустимымъ.“ Еще опредѣленнѣе выражается телеграмма отъ 12 сентября. „Съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ малоазіатское соглашеніе не можетъ считаться стоящимъ особо. *Выполненіе его зависитъ отъ выполненія соглашенія о проливахъ...* Малоазіатское соглашеніе не можетъ быть разсматриваемо отдѣльно отъ соглашенія о проливахъ и Константинополѣ... Такой точки зрѣнія благоволите держаться въ случаѣ *дальнѣйшаго обмѣна мнѣній съ французскимъ правительствомъ*“.

Такимъ образомъ, по существу, М. И. Терещенко продолжалъ политику П. Н. Милюкова, совершенно отказавшись отъ той точки зрѣнія на „аннексіи“, которой онъ держался при вступленіи въ министерство. Но это ему не мѣшало въ своихъ нотахъ къ союзникамъ дѣлать широкія словесныя уступки требованіямъ совѣта, когда эти требованія становились особенно настоятельными.

Въ первыя недѣли управленія коалиціоннаго правительства въ такихъ выступленіяхъ еще не было надобности, такъ какъ политика М. И. Терещенко считалась тождественной съ политикой совѣта, а союзники дали новому министру нѣкоторый кредитъ и выжидали, какъ выяснится положеніе. Изъ главы VI, посвященной вопросу о мирѣ, читатель узнаетъ, что къ концу мая положеніе выяснилось въ смыслѣ открытаго занятія совѣтомъ циммервальдской позиціи. Тогда дальнѣйшее молчаніе стало для союзниковъ

невозможнымъ: заговорили ихъ министры въ палатахъ, и опубликованы были давно заготовленные отвѣты. Это побудило и наше министерство сдѣлать новые авансы совѣту.

Первымъ официальнымъ откликомъ на формулу мира „безъ аннексій и контрибуцій“ была рѣчь Бетмана-Гольвега 2-го мая. Вопреки распространявшимся слухамъ, что германскій канцлеръ, наконецъ, объявить на Пасху условія мира, Бетманъ-Гольвегъ остался на своей прежней точкѣ зрѣнія: говорить объ условіяхъ мира преждевременно, впредь до исхода военной борьбы, и онъ, канцлеръ, не зависить въ своей программѣ мира ни отъ правыхъ, ни отъ лѣвыхъ. Но на этотъ разъ нѣсколько рѣзче канцлеръ отгородился именно отъ лѣвыхъ, отъ Шейдемана. „Я не дамъ сбить себя съ пути“, говорилъ канцлеръ, „тѣми словами, которыя Шейдеманъ счелъ себя въ правѣ бросить въ народъ. . . о возможности революціи. Германскій народъ, вмѣстѣ со мной, не послушаетъ этого слова“. Что касается формулы, Бетманъ-Гольвегъ заявилъ: „неужели мнѣ слѣдуетъ односторонне втиснуть всѣ многообразныя потребности германской имперіи въ одну формулу, которая охватываетъ лишь часть всей совокупности условій мира, жертвуетъ успѣхами, достигнутыми кровью нашихъ сыновъ и братьевъ и оставляетъ невыясненными всѣ прочіе счеты? Отъ такой политики я отказываюсь. . . Она привела бы къ длительному ущербу для всѣхъ жизненныхъ интересовъ нашего народа, вплоть до послѣдняго рабочаго; она означала бы отказъ отъ всей будущности нашего отечества“. Отказался Бетманъ-Гольвегъ выставить и программу „завоевательную“. „Завоевательная программа, такъ же, какъ и программа отказа отъ военныхъ приобрѣтеній, не поможетъ намъ достигнуть побѣды и окончить войну“. Что касается отказа Россіи отъ завоевательныхъ намѣреній, канцлеръ высказывалъ сомнѣніе, удастся ли ей повліять въ этомъ отношеніи на своихъ союзниковъ. Заявляя, что Англія постарается „заставить Россію и впредь везти англійскую колесницу“, Бетманъ-Гольвегъ предлагалъ Россіи, въ сущности, сепаратный миръ: „мы не уничтожимъ возможности въ будущемъ прочныхъ добрососѣдскихъ отношеній и не выставимъ требованій, могущихъ препятствовать ихъ развитію и несовмѣстимыхъ съ стремленіями народовъ къ свободѣ“.

Разумѣется, и союзники не захотѣли стать на отвлеченную позицію совѣта и постарались истолковать совѣтскую формулу, ставшую официальной, въ смыслъ полного соотвѣтствія ихъ стре-

млежамъ. 9-го мая Рибо произнесъ во французской палатѣ рѣчь, въ которой воспользовался собственными заявленіями Терещенко, чтобы спасти отъ совѣтской формулы Эльзась-Лотарингію и „возмѣщеніе причиненнаго ущерба“. Ссылаясь на свою декларацію при вступленіи въ министерство вмѣсто Бріана, Рибо заявилъ, что можетъ дать удовлетворительный отвѣтъ Терещенкѣ, „ни отъ чего не отказываясь“. „Я сказалъ тогда, что мы будемъ продолжать борьбу не въ цѣляхъ завоеванія и порабоженія народовъ, а одушевленные твердой рѣшимостью вернуть то, что намъ принадлежитъ“. И онъ ссылаясь на Вильсона въ подтвержденіе мысли, что достигнуть мира „можно лишь при условіи сокращенія агрессивнаго военнаго деспотизма, таящаго въ себѣ вѣчную угрозу“. А это можно сдѣлать только продолженіемъ войны, — „и пусть реорганизованная русская армія докажетъ мощнымъ наступленіемъ, что она понимаетъ обращенный къ ней призывъ“.

Еще ранѣе, чѣмъ Рибо, Асквитъ попытался истолковать русскую формулу въ смыслѣ, пріемлемомъ для союзниковъ (нужно прибавить: и для самой Россіи). Онъ указалъ, что терминъ „аннексія“ двусмысленъ и что, по крайней мѣрѣ, въ трехъ смыслахъ „аннексія“ вполне допустима и не должна быть подводима подъ это одіозное понятіе. Это, во первыхъ, когда рѣчь идетъ объ освобожденіи угнетенныхъ народностей, во вторыхъ, когда имѣется въ виду ихъ объединеніе изъ разрозненныхъ частей, принадлежащихъ разнымъ государствамъ, и, въ третьихъ, „аннексія“ можетъ быть желательна для передачи суверенныхъ правъ на территорию, необходимую для обладанія стратегическими позиціями, которыя нужны не для нападенія, а для самообороны и для защиты отъ нападеній въ будущемъ. „Такая аннексія“, прибавлялъ Асквитъ, „вполнѣ оправдывается, если вы можете доказать на основаніи опыта этой войны, что до тѣхъ поръ, пока вы не будете обладать этими позиціями, вы будете подвергаться постоянной опасности нападенія“. Толкованіе это, несомнѣнно, вполне подходило не только къ задачамъ Англіи, Франціи и Италіи, но и къ нашему требованію проливовъ. Официальныя заявленія британскаго правительства не могли быть такъ опредѣленны, но они клонились въ ту же сторону. Когда въ засѣданіи палаты общинъ 4 мая, извѣстный *enfant terrible* англійскаго пацифизма, Филиппъ Сноуденъ, потребовалъ, чтобы британское правительство присоединилось къ точкѣ зрѣнія русскаго совѣта, то Робертъ Сесиль отвѣтилъ обстоятельной рѣчью,

въ которой воспользовался нѣкоторыми возраженіями Рамсея Макдональда, чтобы доказать, что формула „миръ безъ аннексій и контрибуцій“ неясна и неправильна. Какъ быть съ Аравіей, съ Арменіей, съ Эльзасъ-Лотарингіей, съ итальянской ирредентой, спрашивалъ министръ блокады, если принять „миръ безъ аннексій“? „Мнѣ хотѣлось бы указать тѣмъ, кому подобныя формулы кажутся привлекательными, что, хотя и вѣрно, что совершеніе такихъ актовъ справедливости — недостаточная причина для начала войны, но разъ война открываетъ возможность ихъ осуществленія, то требованіе отказаться отъ нихъ и пожертвовать достигнутыми, весьма желательными результатами принимаетъ другой характеръ“. Точно также и требованіе „безъ контрибуцій“ несовмѣстимо съ возмѣщеніемъ убытковъ Бельгіи, Сербіи, сѣверныхъ провинцій Франціи. Однако же, сдѣлавъ эти оговорки, лордъ Сесиль присоединился къ формулѣ русскаго правительства и категорически заявилъ: „мы начали эту войну, не имѣя въ виду никакихъ имперіалистическихъ завоеваній или увеличеній территоріи. Ни одному англичанину не приходило это въ голову, когда мы вступили въ эту войну. Никто изъ насъ не желаетъ ничего подобнаго завоеванію или увеличенію территоріи“. Онъ повторилъ это заявленіе 10 мая, когда пацифисты возобновили атаку въ лицѣ Оутвейта и Тревеліана, утверждавшихъ, что пренія 3 и 4 мая въ палатѣ произвели въ Россіи „неблагопріятное впечатлѣніе“. „Я охотно вновь подтверждаю“, заявилъ онъ, „что послѣднее заявленіе обновленнаго русскаго правительства соотвѣтствуетъ этой политикѣ“ („прочнаго мира, основаннаго на національной свободѣ и международной дружбѣ“, съ устраненіемъ „всякихъ имперіалистическихъ цѣлей, основанныхъ на завоеваніи.“)

Истолкованіемъ русскаго формулы въ пріемлемомъ для союзниковъ смыслѣ дѣло и ограничилось бы, если бы не было дальнѣйшаго требованія совѣта о пересмотрѣ договоровъ и о созывѣ, кромѣ конференцій союзниковъ, еще и общей международной социалистической конференціи, съ участіемъ представителей всѣхъ интернаціональных партій. Переговоры объ этомъ между совѣтомъ и социалистами изложены въ другомъ мѣстѣ (см. VI главу). Для правительства дѣло усложнялось тѣмъ, что, съ одной стороны, въ составѣ союзныхъ правительствъ были министры-социалисты, упорно игнорировавшіе полную невозможность свести совѣтъ съ циммервальдской позиціи и пытавшіеся найти „общій языкъ“ съ

нимъ; съ другой стороны, крайнія лѣвыя меньшинства въ союзныхъ странахъ также поддерживали предполагаемыхъ единомышленниковъ въ русскомъ совѣтѣ. Союзныя правительства старались пойти навстрѣчу радикальнымъ требованіямъ этихъ группъ такъ далеко, какъ было только возможно. Но, въ концѣ концовъ, пренія въ палатахъ союзныхъ странъ вполнѣ установили, что примирить требованія совѣта съ союзническими интересами, вопреки утвержденіямъ Тома и Гендерсона, было совершенно невозможно.

Наиболѣе склоннымъ къ уступкамъ и болѣе терпимымъ оказалось британское правительство. Предметомъ пререканій были здѣсь обвиненія въ нежеланіи пропустить въ Россію русскихъ эмигрантовъ интернаціоналистскаго оттѣнка и дать паспорта британскимъ социалистамъ, раздѣлявшимъ тѣ же крайнія мнѣнія. Въ засѣданіи палаты общинъ 30 мая Бонаръ Лоу подробно объяснилъ, почему британское правительство въ этомъ послѣднемъ вопросѣ измѣнило свое первоначальное мнѣніе, клонившееся къ тому, чтобы не допускать пріѣзда въ Россію лицъ, не представлявшихъ мнѣнія британскаго народа. Бонаръ Лоу привелъ телеграммы Бьюкенена отъ 8 и 14 мая, въ которыхъ британскій посолъ въ Петроградѣ передавалъ желаніе М. И. Терещенко, чтобы, помимо уже отправившагося въ Россію Гендерсона, была допущена и поѣздка социалистовъ группы Макдональда. Вандервельде и О'Греди убѣдили Бьюкенена, что поѣздка Макдональда будетъ не вредна, а полезна, и самъ Макдональдъ заявлялъ что въ Петроградѣ будетъ бороться противъ стремленій къ сепаратному миру и будетъ доказывать русскимъ социалистамъ, что ихъ свобода зависить отъ успѣшнаго исхода войны. На новый запросъ британскаго военнаго кабинета („такъ какъ здѣсь возникло сильное теченіе противъ выдачи разрѣшенія, ибо взгляды Макдональда не соотвѣтствуютъ мнѣніямъ британскаго рабочаго класса“), Бьюкененъ и Гендерсонъ еще разъ отвѣтили, что отказъ былъ бы большою ошибкой. „Не слѣдуетъ опасаться слишкомъ большого вреда отъ этой поѣздки,“ доказывали они; „серьезнѣе была бы опасность раздражить Совѣтъ р. и с. д. въ тотъ моментъ, когда проявляются признаки улучшенія въ его отношеніяхъ къ правительству. Эта опасность больше, чѣмъ опасность распространенія, при настоящихъ условіяхъ, пацифистскихъ мнѣній.“ И Бонаръ Лоу выбралъ „меньшее зло“, имѣя въ виду „облегчить русскому правительству задачу“ создать такое настроеніе въ Россіи, при

которомъ „новая Россія можетъ оказать намъ помощь въ ведущейся нами борьбѣ за свободу“.

„Сильное движеніе противъ выдачи паспортовъ“ не было, однако, остановлено этимъ рѣшеніемъ правительства. Британскіе рабочіе считали, что послѣ отказа британской рабочей партіи послать делегатовъ въ Петроградъ и въ Стокгольмъ, сравнительно малочисленная „независимая“ рабочая партія не имѣетъ права фальсифицировать мнѣніе британскихъ рабочихъ. Это настроеніе особенно усилилось послѣ того, какъ рабочій конгрессъ въ Лидсѣ сталъ на точку зрѣнія русскаго совѣта и постановилъ организовать совѣты рабочихъ депутатовъ въ Англіи. Лига британскихъ рабочихъ требовала отъ правительства отобранія паспортовъ у Макдональда и Джоэтта, делегатовъ „независимой рабочей партіи.“ 23-го мая конференція союза матросовъ и кочегаровъ предложила своимъ членамъ „отказаться отъ плаванія на судахъ, перевозящихъ пацифистовъ“, если они не дадутъ подписки добиваться отъ германцевъ и въ Петроградѣ, и въ Стокгольмѣ, самыхъ широкихъ компенсацій родственникамъ моряковъ, погибшихъ отъ подводныхъ лодокъ. Дѣйствительно, 28-го мая мистрисъ Панкхэрстъ, давшая такое обѣщаніе, была допущена сѣсть на пароходъ, но шедшій вслѣдъ за ней Рамсей Макдональдъ былъ задержанъ и принужденъ былъ вернуться въ Лондонъ. 29-го мая на Трафальгарскомъ скверѣ состоялась грандіозная манифестація, протестовавшая противъ выдачи паспортовъ и выражавшая сочувствіе рѣшенію матросовъ. Хэвлокъ Вильсонъ, представитель матросовъ, сдѣлалъ Макдональду на этомъ митингѣ „честное предложеніе“: пусть онъ соберетъ за себя изъ трехъ съ половиной милліоновъ организованныхъ рабочихъ хотя бы полмилліона, и пусть тогда ѣдетъ. Если же онъ не сможетъ собрать даже такого меньшинства, то пусть откажется отъ поѣздки. Нечего и говорить, что пятьсотъ тысячъ голосовъ для „независимой“ рабочей партіи были недостижимой цифрой. На собравшейся 15-го іюня конференціи союза матросовъ поведеніе союза было одобрено 474,700 голосами, и только 52,994 голосовали противъ.

Во Франціи правительство дѣйствовало рѣшительнѣе. Въ своихъ выступленіяхъ передъ палатами 19-го и 24 мая по вопросу объ отношеніи правительства къ Стокгольмской конференціи Рибо рѣшительно заявилъ, что вопросъ о мирѣ не можетъ быть дѣломъ партійнымъ, а долженъ быть дѣломъ правительства, олицетворяющаго волю народа; что вредно и опасно „внушать странѣ мысль,

что миръ уже близокъ, — мысль, которая можетъ быть вызвана этого рода совѣщаніями“, и что „миръ можетъ быть достигнутъ только путемъ побѣды“. „Правительство выдастъ паспорта для поѣздки въ Петроградъ только въ томъ случаѣ, если, при проѣздѣ черезъ Стокгольмъ, французскіе представители не подвергнутся, помимо своей воли, опасности встрѣтиться съ агентами непріятельскихъ странъ.“ Какъ Бонаръ Лоу, такъ и Рибо опредѣленно намекали на то, что „соблазнительныя формулы“, „всеобъемлющія и двусмысленныя“, являющіяся „ловушкой“ и отвергнутыя палатой, „возникли не въ Петроградѣ, а ввезены извнѣ, и происхожденіе ихъ слишкомъ ясно.“

При такомъ настроеніи, выяснившемся къ концу мая, союзныя правительства рѣшили настоять на опубликованіи своихъ официальныхъ отвѣтовъ на ноту Терещенко отъ 3-го мая, возвѣщавшую новый курсъ русской виѣшной политики. Отвѣты эти лежали въ министерствѣ уже давно — англійскій съ 11 мая, американскій съ 12-го мая и французскій съ 13-го мая. Попытки М. И. Терещенко внести въ нихъ измѣненія, которыя бы сдѣлали ихъ пріемлемыми для совѣта р. и с. д. увѣнчались лишь очень слабымъ успѣхомъ для англійской и французской ноты и не имѣли никакого успѣха съ американской нотой, отсрочивъ лишь на день ея опубликованіе. 27-го мая были опубликованы первыя двѣ, 28-го мая — послѣдняя. Англійская нота заявляла, что британское правительство „сердечно раздѣляетъ чувство“ русской ноты: „оно вступило въ эту войну, не какъ въ завоевательную“, а для того, чтобы „побудить къ уваженію международныхъ обязательствъ“, къ чему „прибавлено нынѣ освобожденіе народностей, угнетенныхъ чужой тираніей“. Но нота осторожно напоминала, что вѣдь „свободная Россія объявила намѣреніе освободить Польшу“, не только русскую, но и германскую. Она напоминала и то, что „мы должны искать установленія такого порядка, который... откинетъ всякіе законные поводы къ будущей войнѣ.“ „Объединяясь съ русскимъ союзникомъ въ принятіи и одобреніи“ принциповъ посланія Вильсона къ конгрессу, британское правительство заявляло, что въ „общихъ чертахъ соглашенія, заключавшіяся отъ временъ до времени союзниками, сообразуются съ указанными рамками“. Однако же, „если русское правительство того желаетъ, британское правительство совершенно готово изслѣдовать со своими союзниками и, если нужно, пересмотрѣть эти соглашенія“. Французская нота была

еще опредѣленнѣе. Сославшись на декларацію 27-го марта, которую правительство республики „приняло съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія“, и умолчавъ о новой нотѣ 3-го мая, французская нота и въ дальнѣйшемъ отвѣчала, собственно, на ноту П. Н. Миллюкова отъ 19-го апрѣля. „Правительство республики раздѣляетъ вѣру Временнаго Правительства въ возстановленіе политической, экономической и военной мощи страны. Оно не сомнѣвается, что провозглашенныя мѣры, имѣющія цѣлью *улучшить условія, при которыхъ русскій народъ намѣренъ продолжать войну до побѣды надъ врагомъ*, болѣе чѣмъ когда-либо угрожающимъ его національному достоянію, позволяютъ ему *прогнать врага изъ своей земли... и тѣмъ принять дѣятельное участіе въ совмѣстной борьбѣ союзниковъ. Такимъ образомъ, будутъ сведены на нѣтъ усилія, постоянно возобновляемыя нашими противниками, съ цѣлью посягать раздоръ между союзниками и укрѣпить ложные слухи объ ихъ взаимныхъ рѣшеніяхъ*“. Далѣе дѣлался рядъ оговорокъ по поводу русской формулы. „Франція не помышляетъ притѣснять ни одного народа, ни одной національности — даже находящейся нынѣ въ числѣ ея враговъ. Но она желаетъ, чтобы гнетъ, тяготѣвшій надъ міромъ, былъ, наконецъ, уничтоженъ и чтобы были наказаны тѣ, кто содѣялъ поступки, покрывшіе позоромъ нашихъ враговъ въ этой войнѣ“. Франція „предоставляетъ своимъ врагамъ захватные и корыстные помыслы,“ сама она „вступила въ войну только для защиты своей свободы и національнаго достоянія и для обезпеченія въ будущемъ всему міру уваженія къ независимости народовъ“. Къ упоминанію о „независимости Польши, провозглашенной Россіей“, нота присоединяла восторженное привѣтствіе „усиліямъ народовъ, дѣлаемымъ въ разныхъ частяхъ міра, — народовъ, еще находящихся въ оковахъ зависимости, осужденной исторіей“. Прямо и опредѣленно нота заявляла, что ко всѣмъ этимъ задачамъ, преслѣдующимъ „побѣду права и справедливости“, Франція „сама“ присоединяетъ одну: „она желаетъ возвращенія вѣрныхъ и преданныхъ ей областей — Эльзаса и Лотарингіи“ и „возмѣщенія убытковъ за столь безчеловѣчныя опустошенія, а также необходимыхъ гарантій для предупрежденія въ будущемъ несчастій, причиняемыхъ непростительной провокаціей нашего врага“. Высказавъ увѣренность, что „только проникнутая этимъ принципомъ русская внѣшняя политика достигнетъ цѣли“ и что „только послѣ побѣдной борьбы союзники могутъ создать прочный и дли-

тельный миръ на основѣ права“, нота кончала очень осторожнымъ „увѣреніемъ“, что французское правительство „преисполнено желанія придти къ соглашенію не только по вопросу о способѣ продолженія войны (это составляло обычную задачу союзныхъ конференцій). . . , но также и объ ея окончаніи“ путемъ изученія и установленія *съ общаго согласія условій*, при которыхъ союзники могутъ рассчитывать на достиженіе окончательнаго рѣшенія, *согласно съ тѣми идеями*, которыми они руководились при веденіи настоящей войны.

Всего непріятнѣе для М. И. Терещенко оказался текстъ американской ноты, въ которой Френсисъ не согласился измѣнить ни одного слова. Имя Вильсона у нашихъ радикаловъ внѣшней политики пользовалось особымъ почетомъ. Развѣ не заявилъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ, что онъ желаетъ „мира безъ побѣды“ и что перевѣсъ одной изъ сторонъ неизбежно сдѣлаетъ миръ несправедливымъ и непрочнымъ. Поклонники Вильсона закрывали глаза на тотъ несомнѣнный фактъ, что своимъ вступленіемъ въ войну Америка окончательно признала справедливымъ дѣло *одной* изъ борющихся сторонъ и тѣмъ самымъ покинула позицію „мира безъ побѣды“. Американскій отвѣтъ на русскія отвлеченныя формулы долженъ былъ выяснитъ это до конца и, разрушивъ послѣднія иллюзіи, окончательно отнять почву у новаго курса внѣшней русской политики. Вильсонъ былъ въ этомъ отношеніи безжалостенъ и сразу, въ самомъ началѣ своей ноты, ударилъ въ самое больное мѣсто этого новаго курса. „Приближается къ Россіи американская делегация, чтобы. . . обсудить наилучшіе способы сотрудничества“, — такъ начиналась эта нота; а между тѣмъ „въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ недѣль“ самыя задачи этого сотрудничества „значительно затуманивались ошибочными и неправильными утвержденіями“. Вильсонъ тутъ же указалъ съ обычной своей прямою источникомъ этихъ „неправильныхъ утвержденій“. Война стала складываться противъ Германіи. Германскіе правящіе круги проявляютъ отчаянное желаніе спастись отъ неизбежнаго пораженія. Для этого они примѣняютъ всѣ рѣшительно средства, какія находятся въ ихъ распоряженіи“. Въ частности, „они прибѣгаютъ даже къ пользованію вліяніемъ тѣхъ группъ и партій нѣмецкихъ подданныхъ, къ которымъ сами они никогда не относились справедливо, прилично или хотя бы терпимо. Черезъ ихъ посредство они налаживаютъ пропаганду по обѣимъ сторонамъ океана, съ цѣлью сохранить за со-

бой вліяніе дома и власть за границей, на пагубу тѣхъ самыхъ людей, которыми они пользуются“.

Чего добивается Германія? Американская нота отвѣчаетъ точно и правильно: она „ищетъ залога, чтобы война кончилась возстановленіемъ status quo ante“. „Можемъ ли мы допустить возстановленіе status quo ante bellum?“ Нѣтъ. Вѣдь „именно изъ status quo ante возникла настоящая несправедливая война, — именно изъ мощи германскаго правительства внутри имперіи и изъ широко распространеннаго господства и вліянія его внѣ этой имперіи“. „Правящіе классы въ Германіи. . . несправедливо приобрѣли для своихъ частныхъ властолюбивыхъ плановъ своекорыстные преимущества по всему пути отъ Берлина до Багдада и далѣе. Иностранныя правительства, одно за другимъ, оказались, благодаря этому вліянію, хотя и безъ открытаго завоеванія ихъ территорій, запутанными въ сѣть интригъ, направленныхъ не противъ чего-либо меньшаго, какъ миръ и свобода міра. Вотъ тотъ status quo, который „долженъ быть измѣненъ такимъ способомъ, который помѣшалъ бы когда-либо снова произойти такой чудовищной вещи“ ; и для этого „петли интриги должны быть разорваны. . . путемъ исправленія уже причиненныхъ золъ, и мѣры должны быть приняты для предотвращенія возможности когда-либо снова сплести или починить эту сѣть“.

Чего хочетъ Америка? „Ея положеніе въ настоящей войнѣ“, говоритъ нота, „такъ ясно и гласно, что никто не можетъ отговариваться непониманіемъ“. Эта ясность положенія Америки и была рѣшительнымъ камнемъ преткновенія для идеологіи русскаго совѣта. „Америка не ищетъ ни матеріальной пользы, ни какого бы то ни было приращенія. Она сражается не за выгоду или своекорыстную задачу“. И, однако, она сражается: мало того, она *начала* сражаться со всѣмъ свѣжимъ пыломъ неистраченныхъ силъ и нетронутаго энтузіазма, когда въ Россіи заговорили о „разбойнической“ войнѣ „имперіалистическихъ правительствъ“. Въ приведенныхъ цитатахъ уже указана отрицательная задача участія Америки въ войнѣ: мы знаемъ, чего больше *не хочетъ* Америка. Чего же она добивается въ положительномъ смыслѣ? Вильсонъ отвѣчаетъ однимъ изъ своихъ удивительныхъ опредѣленій, въ которыхъ сложность и глубина мысли борются съ ясностью и точностью выраженія. „Братство человѣчества не должно быть долѣе красивою, но пустою фразой. Ему надо дать строеніе силы и реальности. Націи

должны осуществить общую свою жизнь и учредить дѣйственное сотрудничество для обезпеченія этой жизни противъ нападеній самодержавной и себялюбивой власти. Для этихъ цѣлей мы *можемъ* расточать свою кровь и достояніе, ибо мы всегда этихъ цѣлей желали. Если мы теперь не будемъ расточать на нихъ крови и благосостоянія и не получимъ успѣха, то, быть можетъ, мы никогда не будемъ способны снова объединиться и составить силу для великаго дѣла человѣческой свободы. Насталъ день одержать верхъ или покориться. Если силы автократіи смогутъ насъ подавить, то онѣ подавятъ. Если мы останемся объединены, то побѣда обезпечена, и она дастъ намъ свободу. *Тогда* мы сможемъ быть великодушны: но ни тогда, ни теперь, мы не должны упустить ни одного средства обезпечить справедливость и безопасность“.

Новый курсъ внѣшней политики потерпѣлъ, такимъ образомъ, очевидное для всѣхъ фіаско. „Можно по этому поводу негодовать, можно наговорить множество жалкихъ словъ“, писала газета „День“, „можно попытаться замолчать или заговорить правду — это дѣло вкуса, но шила въ мѣшкѣ не утаишь. . . Съ демократической Россіей заговорили такъ, какъ не осмѣливались говорить съ царской Россіей. . . Первоначально насъ испугались. . ., но дни шли за днями, трезвые политики за границей присмотрѣлись къ тому, что у насъ происходитъ, и сдѣлали свои выводы“.

Все негодование теперь, послѣ всѣхъ прежнихъ выходокъ противъ Англіи и Франціи, обрушивалось на Вудро Вильсона. „Слово за народами“, писали теперь „Извѣстія совѣта р. и с. д.“. „Президентъ Вильсонъ ошибается, если думаетъ, что такія мысли могутъ найти доступъ къ сердцу революціоннаго народа. Россійская революціонная демократія слишкомъ хорошо и твердо знаетъ, что путь къ страстно ожидаемому всеобщему миру лежитъ только черезъ объединенную борьбу трудящихся всего міра съ мировымъ имперіализмомъ. Ее не могутъ, поэтому, сбить никакія туманныя высокопарныя фразы. И само собой понятно, какія чувства вызоветъ въ ней странная претензія избразить все болѣе и болѣе возрождающійся въ международномъ социализмѣ духъ братства и мира, какъ. . . результатъ нѣмецкой интриги“. Однако же, оффиціозъ коалиціоннаго правительства счелъ за лучшее подавить въ себѣ эти „чувства“ и признать въ отвѣтахъ союзниковъ два шага впередъ по пути, намѣченномъ „рево-

люційной демократіей": во-первыхъ, „признаніе принципа“ и, во-вторыхъ, „согласіе на пересмотръ договоровъ“. „Наше правительство“, заявляли „Извѣстія“ отъ 13-го мая, „сумѣетъ сдѣлать изъ этого согласія надлежащіе выводы, а именно, превратить пересмотръ договоровъ въ коренное измѣненіе ихъ въ томъ направленіи, котораго требуетъ революційная Россія“, вытравивши изъ договоровъ, при помощи „народовъ Англіи и Франціи“, „все, въ чемъ могъ найти прибѣжище имперіализмъ“. Къ этому требованію присоединился и органъ меньшевиковъ с.-д. („Рабочая Газета“). „Англійская и французская буржуазія“, говорила газета 28 мая, „готова перемѣнить флагъ, но подъ новымъ флагомъ они желаютъ провезти старый грузъ... На такой почвѣ никакого соглашенія между нами и ими быть не можетъ... Но, въ такомъ случаѣ, послать ультимативную ноту и, въ случаѣ неудовлетворительнаго отвѣта, рвать съ союзниками? Нѣтъ, конечно нѣтъ... Должна быть сдѣлана попытка пересмотра (прежняго соглашенія между союзниками) путемъ специально созванной конференціи представителей союзныхъ правительствъ“.

Ближайшій шагъ М. И. Терещенко, въ отвѣтъ на полученныя ноты союзниковъ, былъ, такимъ образомъ, предуказанъ. 31 мая М. И. Терещенко передалъ Альберу Тома, при его прощальномъ визитѣ, слѣдующую ноту, опубликованную затѣмъ 3 го іюня. „Русская революція является не только переворотомъ во внутреннемъ строѣ Россіи, но и могучимъ идейнымъ движеніемъ, выявившимъ волю русскаго народа въ стремленіи къ равенству, свободѣ и справедливости какъ во внутренней жизни государства, такъ и въ области международныхъ отношеній. Въ волѣ этой члены русскаго революційнаго правительства почерпаютъ свои силы; въ служеніи ей — ихъ долгъ и задача“. Послѣ этого введенія нота повторяла сакраментальныя фразы совѣтскаго пацифизма о „стремленіи къ достиженію всеобщаго мира на основаніяхъ, исключающихъ всякое насиліе, *откуда бы* оно ни исходило, равно какъ и всякіе имперіалистическіе замыслы, въ *какой бы формѣ* они ни проявлялись“, и о томъ, что „вѣрный этимъ принципамъ русскій народъ твердо рѣшилъ бороться съ явными *или скрытыми* имперіалистическими замыслами нашихъ противниковъ какъ въ политической, такъ и въ финансовой или *экономической* области“. Подчеркнувъ этимъ свое разногласіе съ формулами союзниковъ, М. И. Терещенко указывалъ далѣе на тотъ спо-

собъ устраненія этого разногласія, который былъ уже предрѣшенъ. „Если въ отношеніи цѣлей, преслѣдуемыхъ на войнѣ, и могутъ проявляться различія во взглядахъ между нашимъ и союзными правительствами, мы не сомнѣваемся, однако, что такое единеніе между Россіей и ея союзниками обезпечить *въ полной мѣрѣ* общее соглашеніе по всѣмъ вопросамъ *на основаніи выставленныхъ русской революціей принциповъ*“. Привѣтствуя рѣшенія тѣхъ союзныхъ державъ, которыя изъявили готовность идти навстрѣчу желанію русскаго правительства подвергнуть пересмотру соглашенія, касающіяся конечныхъ задачъ войны“, нота предлагала „созвать для этой цѣли конференцію представителей союзныхъ державъ, которая могла бы состояться *въ ближайшее время, когда создадутся для этого благоприятныя условія*.“ Въ пересмотра объ- являлось лишь одно соглашеніе (5 сент. 1914 г. въ Лондонѣ) о не- заключеніи однимъ изъ союзниковъ сепаратнаго мира.

Заранѣ условленная съ вождями совѣта, русская нота была, конечно, встрѣчена совѣтской печатью съ полнымъ сочувствіемъ: это уже не „лживый дипломатическій языкъ Милюкова“ („Раб. Газета“ 4 іюня). Подчеркнутыя слова о „насиліи“ и „имперіалистическихъ задачахъ“ были истолкованы, какъ относящіяся также и къ союзникамъ: Россія этимъ „разрывала заколдованный кругъ всемірнаго имперіализма“ и давала „борьбѣ русской революціи съ системой всемірнаго имперіализма“ „широкую международную постановку“. Уклончивую фразу о „благопріятныхъ условіяхъ“ офиціозъ совѣта также толковалъ въ *своемъ* смыслѣ: такія усло- вія создадутся, когда „международная борьба демократіи“ „побу- дитъ правительства Англіи и Франціи пойти навстрѣчу требова- ніямъ россійской революціи“. Рѣшающую роль въ развитіи этой борьбы должна сыграть международная конференція, созываемая въ Стокгольмѣ по инициативѣ исполнительнаго комитета совѣта р. и с. д.. *Къ концу работъ этой конференціи Вр. Правительство и приурочиваетъ постановку на практическую почву вопроса о пересмотрѣ договоровъ* („Извѣстія Совѣта р. и с. д.“ 4-го іюня). А такъ какъ къ этому времени уже начала выясняться проблема- тичность созыва Стокгольмской конференціи, то непримиримая идеологія совѣта и оппортунизмъ М. И. Терещенко легко нашли примиреніе въ уклончивой фразѣ, отлагавшей пересмотръ догово- ровъ *ad calendas graecas*. Совѣтскій офиціозъ могъ заявлять, что нота Терещенко „знаменуетъ собой рѣшительный поворотъ въ

методахъ международной политики Европы“ (тамъ же), а европейская дипломатія могла безъ особаго труда примириться съ новой русской фразеологіей, тѣмъ болѣе, что тутъ же М. И. Терещенко давалъ союзникамъ и дружественной къ нимъ части русскаго общественнаго мнѣнія яркій реваншъ. Въ одинъ день со своей нотой министръ иностранныхъ дѣлъ опубликовалъ перехваченную переписку Роберта Гримма съ федеральнымъ совѣтникомъ Гофманомъ объ условіяхъ Германскаго мира (см. VI главу); къ этому документу были приложены спутанныя объясненія Гримма, данныя Церетели и Скобелеву, двумъ министрамъ, гарантировавшимъ Терещенко благонадежность Гримма при его вѣздѣ въ Россію. Объясненія Гримма, по сообщенію правительства, были признаны Скобелевымъ и Церетели „неудовлетворительными“, и заявленіе кончалось сообщеніемъ: „Временное Правительство постановило предложить Роберту Гримму покинуть предѣлы Россіи. Р. Гриммъ выѣхалъ изъ предѣловъ Россіи.“ Нужно прибавить, что М. И. Терещенко сдѣлалъ этотъ шагъ въ тотъ моментъ, когда въ частномъ совѣщаніи членовъ Г. Думы было намѣчено обсужденіе вопроса внѣшней политики и долженъ былъ подвергнуться публичной критикѣ первый мѣсяцъ новаго курса. Давъ знать частнымъ образомъ, что, „для поддержанія равновѣсія,“ онъ не явится съ объясненіемъ къ членамъ Г. Думы, чтобы не быть вынужденнымъ явиться также и передъ совѣтомъ, М. И. Терещенко старался установить нѣкоторое равновѣсіе и въ своемъ активѣ и пассивѣ передъ болѣе широкимъ фронтомъ русской общественности.

По отношенію къ общей задачѣ коалиціоннаго кабинета эти частные шаги и мѣры, разумѣется, имѣли лишь второстепенное значеніе. Оправдаетъ или нѣтъ коалиціонный кабинетъ ту поддержку, которую онъ получилъ отъ союзниковъ и отъ извѣстной части общественнаго мнѣнія, поддерживавшей правительство перваго состава, — это зависѣло теперь исключительно отъ того, удастся или не удастся русское наступленіе. Оно готовилось, какъ мы видѣли, въ полномъ противорѣчій со всей остальной обстановкой, созданной условіями „демократической“ поддержки правительства. За поддержку эту приходилось платить, — и цѣна уплаты далеко превышала стоимость получившейся „поддержки“. Чтобы отдать себѣ отчетъ, чѣмъ именно приходилось жертвовать, еще недостаточно ознакомиться съ жертвами, принесенными „революціонной де-

мократіи" въ области военнаго дѣла и виѣшней политики. Нужно остановиться еще на тѣхъ положительныхъ требованіяхъ, которыя ставили *своимъ* министрамъ-соціалистамъ „демократическія“ организации въ области, ближе всего ихъ касавшейся: въ области соціаль-ныхъ реформъ, въ рабочемъ и земельномъ вопросахъ.

V. Уступки демагогамъ „пролетаріата“.

Уступки рабочему классу. — Разрушеніе народнаго хозяйства. — Отставка А. И. Коновалова. — Роль Гендерсона. — Торжество большевистской тенденціи („рабочій контроль“).

„Пролетарій“, вмѣстѣ съ солдатомъ, одинъ изъ главныхъ героевъ революціи, долженъ былъ и по господствующей теоріи социализма, и по практическимъ соображеніямъ извлечь изъ классовой побѣды преимущественную и осязательную выгоду. Но, по условіямъ существованія русской промышленности, въ особенности въ военное время, и при полной неподготовленности и неорганизованности рабочаго класса эта выгода вводилась жизнью въ очень тѣсныя рамки. Мѣры охраны труда уже были поставлены на очередь и отчасти проведены еще законодательствомъ царскаго правительства и двухъ Государственныхъ Думъ. Можно было, конечно, говорить о дальнѣйшемъ развитіи и усовершенствованіи этихъ мѣръ, но это уже были детали, не соотвѣтствовавшія широкому размаху момента. Выйти изъ этихъ рамокъ охраны труда, намѣченныхъ міровымъ законодательствомъ, можно было только въ область утопіи, — въ область немедленнаго осуществленія социалистическаго производства, при которомъ уже ни въ какой охранѣ труда не было надобности. Русская жизнь здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ, сразу пошла обоими путями, реальности и утопіи, постоянно сбиваясь съ одного на другой — и не подвигаясь впередъ ни по тому, ни по другому.

О созданіи министерства труда думало уже первое Временное Правительство, предполагавшее отдать этотъ портфель социалисту. Получивъ отказъ, это правительство рѣшило пойти путемъ европейскихъ прецедентовъ и, въ видѣ подготовительной мѣры, создать „отдѣлъ труда“ при министерствѣ торговли и промышленности. Глава этого министерства, А. И. Коноваловъ, являясь однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей промышленнаго класса, въ то же время пользовался симпатіями социалистическихъ круговъ.

„Отдѣлъ труда“ былъ организованъ и за полтора мѣсяца своего существованія развернулъ широкую дѣятельность. Вотъ характеристика его дѣятельности, сдѣланная компетентнымъ лицомъ, проф. М. Бернацкимъ („Русское Слово“, 9-го мая 1917 г.).

„Центръ тяжести работы отдѣла лежалъ въ созданіи новыхъ законодательныхъ нормъ, обеспечивающихъ свободу рабочихъ организаций. Вслѣдствіе того, что каждому законопроекту приходилось подвергаться длительнымъ обсужденіямъ въ коллегіальномъ органѣ, — комитетѣ, состоявшемъ изъ представителей промышленниковъ и рабочихъ,—за истекшее время удалось издать только одинъ законъ — о рабочихъ комитетахъ въ промышленныхъ заведеніяхъ, объ этой основной ячейкѣ рабочаго представительства. Были подготовлены законодательныя предположенія о профессиональныхъ рабочихъ союзахъ, о примирительныхъ камерахъ, о биржахъ труда. Начато было выясненіе труднаго вопроса о восьми-часовомъ рабочемъ днѣ, для чего отдѣлъ представилъ рядъ матеріаловъ. Законопроектъ, обеспечивающій т. наз. „забастовочное право“, находился въ стадіи обсуждения. Рѣшено было также предпринять посильное статистическое обслѣдованіе рабочаго рынка, и особая комиссія установила принципы первой „трудовой переписи“. Намѣчена была программа первоначальныхъ измѣненій нашихъ страховыхъ законовъ, и часть работы исполнена. Кромѣ того, впредь до учрежденія особой комиссіи по установленію здоровыхъ началъ трудового договора, въ отдѣлѣ велась энергичная дѣятельность по предварительному пересмотру устава о промышленномъ трудѣ и по вопросу объ учрежденіи особой трудовой инспекціи“.

Въ коалиціонномъ кабинетѣ министерство труда, во главѣ котораго сталъ М. И. Скобелевъ, получило, однако, не одно только это наслѣдство болѣе или менѣе подготовленнаго матеріала. Оно стояло лицомъ къ лицу съ недовольнымъ и волнуемымъ рабочимъ классомъ, еще болѣе требовательнымъ къ своему министру-соціалисту, чѣмъ къ министрамъ „буржуямъ“... Не желая ждать плодовъ правительственнаго законодательства, рабочій классъ требовалъ немедленныхъ выгодъ для себя и немедленныхъ же мѣръ воздѣйствія на предпринимателей, получившихъ, по его убѣжденію, „ска-зочные барыши“ отъ войны. Съ первыхъ же дней революціи „пролетаріатъ“ пошелъ явочнымъ путемъ. Онъ требовалъ немедленнаго введенія 8-ми-часоваго рабочаго дня, немедленнаго же

увеличенія рабочей платы, не признавалъ надъ собой власти представителей заводской администраціи, отрицалъ пользу и значеніе технического надзора, смотря на него, какъ на лишнее и несправедливое стѣсненіе, отъ котораго необходимо какъ можно скорѣе избавиться хотя-бы приѣмами непосредственного насилія. Нужно прибавить, что вся эта требовательность рабочаго класса совпала съ періодомъ крайняго стѣсненія промышленности, все болѣе вынуждавшейся продолжать свое существованіе за счетъ казны и уже стоявшей подъ знакомъ приближавшагося кризиса, вслѣдствіе быстро прогрессирувавшаго разстройства транспорта, крайне затруднявшаго доставку фабрикамъ топлива и сырого матеріала. Безконечные споры о томъ, кто виноватъ въ пониженіи производительности фабрикъ, вызвалъ ли его упадокъ производительности труда, при его дорогой оплатѣ, или невозможность работать вслѣдствіе недостатка сырья и топлива, новыя ли претензіи рабочихъ или унаслѣдованная отъ стараго режима хозяйственная разруха, явились типичнымъ выраженіемъ нарастающаго конфликта между трудомъ и капиталомъ.

Въ началѣ представители промышленности пытались наладить соглашеніе съ рабочими, идя при этомъ на самыя широкія уступки, лишь бы сохранить предпріятія на ходу. Вотъ, въ видѣ примѣра, одно изъ такихъ соглашеній, состоявшееся 11-го марта между петроградскимъ совѣтомъ р. и с. д. и петроградскимъ обществомъ фабрикантовъ и заводчиковъ о введеніи 8-ми-ч. рабочаго дня, учрежденіи фабрично-заводскихъ комитетовъ и примирительныхъ камеръ. „1) Впредь до изданія закона о нормировкѣ рабочаго дня вводится на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ восьми-часовой рабочій день (8 часовъ дѣйствительнаго труда) во всѣхъ смѣнахъ, причемъ наканунѣ воскресенья работы производятся 7 часовъ; сокращеніе часовъ работы не измѣняетъ размѣра заработка, и сверхурочныя работы допускаются лишь съ согласія фабрично-заводскихъ комитетовъ. 2) Фабрично-заводскіе комитеты (совѣты старостъ) избираются на основѣ всеобщаго и т. д. избирательнаго права изъ числа рабочихъ даннаго предпріятія и служатъ для сношеній рабочихъ съ правительственными и общественными учрежденіями, для формулировки мнѣній рабочихъ по вопросамъ общественно-экономической жизни, для разрѣшенія внутреннихъ взаимоотношеній между рабочими и для представительства рабочихъ передъ администраціей предпріятій. 3) Для разрѣшенія недоразумѣній между адми-

нистраціей підприємцій и рабочими учреждаются примирительныя камеры изъ равнаго числа представителей обѣихъ сторонъ; въ случаѣ, если соглашеніе не достигнуто, споръ переносится въ центральную камеру, составленную въ равномъ числѣ изъ представителей совѣта р. и с. д. и общества фабрикантовъ и заводчиковъ. Удаленіе мастеровъ или лицъ администраціи, и тѣмъ болѣе насильственный самосудъ, недопустимы безъ разбора дѣла примирительной камерой". Идеаломъ при составленіи такихъ соглашеній являлась формула, принятая всероссійскимъ торгово-промышленнымъ съѣздомъ, 21-го марта: „Великія соціальныя проблемы, стоящія передъ Россіей, въ частности, аграрная и рабочая, должны быть разрѣшаемы путемъ постепеннаго и планомѣрнаго законодательства, основаннаго на согласованіи справедливыхъ интересовъ различныхъ классовъ и подчиненіи этихъ интересовъ государственному и общественному благу“.

Дѣйствительность оставила далеко въ сторонѣ и этотъ идеалъ, и эти соглашения. Уже 22 марта извѣстный экономистъ, соціально-демократъ П. П. Масловъ, въ „открытомъ письмѣ совѣтамъ рабочихъ депутатовъ“ „хотѣлъ крикнуть на всю Россію“, что „отечество въ опасности... не отъ внѣшняго врага, ... не отъ реакціонеровъ"... Она „тамъ, гдѣ ее всего менѣе ожидаютъ“ и о чемъ „слишкомъ мало думаютъ“: она „въ возможности разстройства народнаго хозяйства“, какъ результатъ несогласованности „классовыхъ интересовъ рабочаго класса съ общегосударственными интересами“. „Чего стоитъ „завоеванный восьмичасовой день“, спрашивалъ Масловъ, если совсѣмъ нѣтъ работы? Чего стоитъ повышеніе заработной платы, если нѣтъ насущнаго хлѣба?... Нужна усиленная добыча каменнаго угля, чтобы не остановить фабрикъ, работающихъ въ промышленныхъ центрахъ. Нужна усиленная добыча рудъ и выработка металла для металлургическихъ заводовъ, нуженъ хлопокъ для текстильныхъ фабрикъ и т. д. И прежде всего нужно усиленіе провозоспособности желѣзныхъ дорогъ для доставки этихъ матеріаловъ, усиленный ремонтъ паровозовъ и вагоновъ. Эту огромную работу не могутъ рѣшить самостоятельно ни Временное Правительство, *изъ кого бы оно ни состояло*, ни промышленники, безъ активнаго участія совѣта рабочихъ депутатовъ“.

Этотъ горячій призывъ, какъ и слѣдовало ожидать, остался гласомъ вопіющаго въ пустынь. 10 мая въ засѣданіе коалиціон-

наго правительства явились представители металлургической и металлообрабатывающей промышленности, во главѣ съ Н. Н. Кутлеромъ, предсѣдателемъ совѣта сѣздовъ торговли и промышленности, и нарисовали яркую картину той хозяйственной разрухи, отъ которой предостерегалъ рабочихъ П. П. Масловъ. При сложившихся условіяхъ, заявляли промышленники, заводы дальше работать не могутъ. Промышленникамъ приходится оплачивать трудъ не за счетъ доходовъ, а за счетъ основныхъ капиталовъ, которые будутъ израсходованы въ короткій срокъ, и тогда предпріятія придется ликвидировать. Такъ напр., въ Донецкомъ районѣ 18 металлургическихъ предпріятій владѣютъ основнымъ капиталомъ въ 195 милліоновъ рублей, имѣютъ валовую прибыль за послѣдній годъ 75 милліоновъ и дивидентъ 18 милліоновъ. А рабочіе требуютъ увеличенія заработной платы на 240 мил. р. въ годъ болѣе существовавшей до сихъ поръ расцѣнки. Промышленники соглашались увеличить плату на 64 милліона. Но рабочіе не хотятъ и слышать объ этомъ. Они не соглашались и на предлагаемую владѣльцами уступку всей прибыли. Они говорятъ: пусть предпріятіе перейдетъ къ государству. Но вѣдь и государство не можетъ оплачивать рабочихъ въ ущербъ дальнѣйшему существованію предпріятія. Промышленники заявили коалиціонному правительству, что, сознавая серьезность положенія, они готовы на всякія жертвы. Они готовы на пересмотръ всѣхъ налоговыхъ тяготъ, вопроса о военной прибыли, имущественнаго, наслѣдственнаго и др. налоговъ; они готовы даже на полный отказъ отъ военной прибыли, лишь бы сохранить предпріятія до урегулированія общаго положенія.

Любопытны пренія въ правительствѣ, вызванныя докладомъ Н. Н. Кутлера. Министръ труда М. И. Скобелевъ находилъ, что стремленіе рабочихъ увеличить свой заработокъ — вполне естественно и законно, ибо ихъ заработная плата была до сихъ поръ чрезмѣрно низка, а за годы войны они были свидѣтелями необычайнаго обогащенія предпринимателей, принимавшаго иногда совершенно невѣроятные размѣры. Имущіе классы должны отказаться отъ претензій классоваго эгоизма въ пользу государства; промышленники должны отказаться отъ прибылей и дивидендовъ не только текущаго, но и прошлыхъ годовъ. Къ этому присоединились и развили тѣ же мысли В. М. Черновъ и И. Г. Церетели. Заявленіе Кутлера, что всѣ эти мѣры пріемлемы, но онѣ осущес-

ствимы лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, тогда какъ рѣчь идетъ о немедленномъ крахѣ промышленности, который неизбѣжно поведетъ къ ухудшенію положенія рабочихъ и дастъ имъ „предметный урокъ“, вызвало протесты не только министровъ-соціалистовъ, но и А. И. Коновалова. Сами они противопоставили пессимистическому прогнозу Кутлера, принятому ими за предложеніе произвести надъ рабочими недостойные „эксперименты“, только два предложенія: во-первыхъ, прекратить войну, а для этого побудить промышленниковъ стать на точку зрѣнія „демократическаго мира“, и во-вторыхъ, немедленно ввести органы правительственнаго контроля въ особенно угрожаемыя предпріятія. Кн. Львовъ сдѣлалъ послѣ этого обычное для него оптимистическое резюме о „возможности надѣяться на успѣхъ рѣшительныхъ мѣропріятій“, намѣчаемыхъ правительствомъ въ области обложенія; а для детальной разработки плана мѣропріятій для урегулированія отношеній между трудомъ и капиталомъ рѣшено было устроить совѣщаніе трехъ министровъ: труда, торговли и промышленности и финансовъ. На слѣдующій же день, 11 мая, три министра: Скобелевъ, Коноваловъ и Терещенко собрались и пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ. Во-первыхъ, необходимо, для устраненія подозрѣній „революціонной демократіи“ относительно необычайныхъ прибылей „имущихъ классовъ“, въ ускоренномъ порядкѣ провести новыя нормы для всѣхъ видовъ прямого обложенія: военной прибыли, подоходнаго и поимущественнаго налога. Военную прибыль („сверхъ-прибыль“) рѣшено обложить такъ, чтобы, по возможности, вся она перешла въ казну. Вернуть этимъ путемъ доходы предыдущихъ двухъ лѣтъ войны, уже разошедшіеся по рукамъ акціонеровъ и получившіе то или другое, производительное или непроизводительное, употребленіе, было, очевидно, невозможно. Но, по крайней мѣрѣ, часть ея рѣшено вернуть усиленіемъ ставокъ подоходнаго и поимущественнаго обложенія. По мнѣнію трехъ министровъ, такія рѣшительныя мѣры должны были увеличить авторигетность правительства при его вмѣшательствѣ въ конфликтъ между трудомъ и капиталомъ. Самое это вмѣшательство предположено было министрами въ формѣ посланки особыхъ правительственныхъ комиссаровъ въ административныя органы предпріятій, гдѣ возникаютъ недоразумѣнія. Въ основныя отрасли промышленности, какъ горную, металлическую, текстильную и т. д., предположено еще болѣе рѣшительное вмѣша-

тельство государства, а въ остальныхъ случаяхъ даже и „государствленіе“ предпріятій. Относительно урегулированія рабочей платы министръ труда высказалъ пожеланіе, чтобы рабочіе обращались со своими требованіями не прямо въ отдѣльнымъ предпринимателямъ, своимъ хозяевамъ, а къ посредничеству государственной власти, которая, соотвѣтственно выработаннымъ нормамъ оплаты труда въ цѣлой данной отрасли его или профессіи, уже опредѣляла бы конкретные размѣры, сообразуясь съ условіями труда въ томъ или другомъ отдѣльномъ предпріятіи. Эта было громоздко и мало опредѣленно, но, все же, было принято. Каждое изъ трехъ министерствъ должно было затѣмъ выработать проекты отдѣльных мѣропріятій, намѣченныхъ въ совѣщаніи 11 мая.

При разработкѣ въ вѣдомствахъ въ ближайшіе дни, намѣченная программа обогатилась новыми чертами, — въ направленіи чего-то средняго между государственнымъ и военнымъ социализмомъ. Для урегулированія рабочаго вопроса намѣчалось распределеніе труда по отдѣльнымъ мѣстностямъ и отдѣльнымъ отраслямъ промышленности; затѣмъ, организація широкой сѣти примирительныхъ камеръ, обращеніе къ которымъ должно было быть обязательно для обѣихъ сторонъ, окончательное же рѣшеніе по вопросамъ о заработной платѣ должно было выполняться особыми органами, учрежденными правительствомъ во всѣхъ крупныхъ промышленныхъ центрахъ. Упорядоченіе производства и распределенія продуктовъ также предполагалось достигнуть мѣрами широкаго правительственнаго вмѣшательства. Для правильнаго распределенія угля и нефти проектировалось введеніе товарной монополіи на минеральное топливо. Производство другихъ нужныхъ для народнаго хозяйства и для обороны предметовъ должно было обезпечиваться синдицированіемъ частныхъ предпріятій въ важнѣйшихъ отрасляхъ промышленности подъ контролемъ государства, по примѣру Германіи. Въ качествѣ регулирующихъ органовъ предполагалось созданіе въ центрѣ и на мѣстахъ различныхъ профессиональных комитетовъ, по типу существующихъ (кожевеннаго и др.), подлежащихъ демократическому переустройству. Въ перспективѣ рисовалось учрежденіе центральнаго комитета по урегулированію народнаго хозяйства и введеніе всеобщей трудовой повинности. Намѣченный планъ долженъ былъ быть официально объявленъ правительствомъ въ особой деклараціи, два проекта которой (Скобелева и Степанова) были пред-

ставлены министерствомъ труда и министерствомъ торговли и промышленности. Оба проекта исходили изъ подтвержденія твердой рѣшимости правительства „теперь же властно вмѣшаться въ хозяйственную жизнь страны и подчинить ее государственному контролю и регулированію“. Но въ средствахъ достигнуть этой цѣли они существенно расходились.

Раньше, чѣмъ работа по составленію деклараціи была доведена до конца, она послужила поводомъ къ частичному министерскому кризису. Вечеромъ 18 мая А. И. Коноваловъ, одинъ изъ трехъ совѣщавшихся министровъ, отправилъ министру предсѣдателю заявленіе, что „при создавшихся условіяхъ онъ пришелъ къ мысли о полной невозможности лично для себя продолжать руководить министерствомъ торговли“. Несмотря на всѣ убѣжденія товарищей, что уходъ его будетъ истолкованъ, „какъ несогласіе либеральной буржуазіи съ взглядами Временнаго Правительства“, А. И. Коноваловъ не взялъ назадъ своей отставки. Но, — очевидно, для убѣжденія только что указанной опасности, — онъ изложилъ мотивы своего ухода очень уклончиво. „Принципіально“ онъ не расходился съ министромъ труда, хотя „не отрицалъ, что положеніе его, какъ министра торговли, не могло упрочиться послѣ недавнихъ выступленій М. И. Скобелева“ (разумѣется, повидимому, заявленіе министра труда передъ совѣтомъ р. и с. д. 13 мая о необходимости „забрать прибыль изъ кассъ предпріятій и банковъ“ „безпощаднымъ обложеніемъ (до 100 %) имущаго класса“, „заставить акціонеровъ подчиниться государству“ въ формѣ „трудовой повинности“ и т. д.). М. И. Скобелевъ объявлялъ выдумкой акціонеровъ заявленіе, что „рабочіе предъявляютъ чрезмѣрныя экономическія требованія“). А. И. Коноваловъ „стоялъ всецѣло за повсемѣстныя организаціи примирительныхъ камеръ, за выработку коллективныхъ тарифовъ, за созданіе въ большихъ промышленныхъ центрахъ арбитражныхъ комиссій“, но онъ скептически относился къ той формѣ общественнаго контроля и къ тому способу регулированія промышленнаго производства, которое намѣчало въ своей деклараціи правительство“. По мнѣнію А. И. Коновалова, „насажденіе демократическихъ органовъ, при нынѣшнихъ условіяхъ русской дѣятельности, сведется къ тому, что въ большинствѣ промышленныхъ предпріятій окажутся люди экономически неопытные, и вмѣсто улучшенія получится дезорганизація“. Эту частную причину, побудившую А. И. Коновалова сложить съ себя отвѣтственность

за катастрофу, которой онъ не могъ предупредить, онъ сводилъ къ болѣе общей причинѣ—той же самой, которая побудила уйти А. И. Гучкова, когда разрушалось военное дѣло, и П. Н. Милюкова, когда разрушалась наша внѣшняя политика. „Надежда на предупрежденіе кризиса“, говорилъ А. И. Коноваловъ, „могла бы быть лишь тогда, если бы правительство, наконецъ, проявило дѣйствительную полноту власти; если бы, послѣ трехмѣсячнаго опыта, оно стало на путь нарушенной и поправленной дисциплины“. Но онъ „не видѣлъ даже и признаковъ проявленія правительствомъ этой полноты власти“. Гораздо откровеннѣе высказался А. И. Коноваловъ о связи между предстоящей экономической катастрофой и кризисами въ другихъ областяхъ государственной жизни въ своей рѣчи на сѣздѣ военно-промышленныхъ комитетовъ въ Москвѣ, накануне своей отставки, 17-го мая. „Россію ведетъ къ катастрофѣ антигосударственная тенденція, прикрывающая свою истинную сущность демагогическими лозунгами“, говорилъ онъ здѣсь: тенденція къ „безцеремонному поправію правъ однихъ и созданію привилегій для другихъ“. Указавъ на катастрофическое положеніе на фронтѣ, на торжество враговъ, на тревогу союзниковъ, А. И. Коноваловъ останавливался затѣмъ подробнѣе на причинахъ „этой катастрофы, которая готова потрясти до основанія и разрушить весь строй нашей экономической жизни“. „Бросаемые въ рабочую среду лозунги, возбуждая темные инстинкты толпы, несутъ за собой разрушеніе, анархію и разгромъ общественной и государственной жизни. Подъ вліяніемъ этой агитаціи безответственныхъ лицъ, рабочая масса выдвигаетъ требованія, осуществленіе которыхъ связано съ полнымъ крушеніемъ предпріятій. Сознательное разжиганіе страстей ведется планомѣрно и настойчиво; одни требованія непрерывно смѣняются другими. Формы предъявленія этихъ требованій принимаютъ все болѣе нетерпимый и недопустимый характеръ. И, если въ ближайшее время не произойдетъ отрезвленія отуманенныхъ головъ, если люди не поймутъ, что они рубятъ тотъ сукъ, на которомъ сидятъ, если руководящимъ элементамъ совѣта р. и с. д. не удастся овладѣть движеніемъ и направлять его въ русло закономѣрной классовой борьбы, то мы будемъ свидѣтелями приостановки десятковъ и сотенъ предпріятій. Государство не можетъ взять на себя обязательства предоставить рабочему классу исключительно-привилегированное положеніе за счетъ всего населенія“. Вотъ для чего, слѣдовательно, была нужна, по мнѣнію А. И. Ко-

новалова, та полнота правительственной власти, на проявление которой онъ не рассчитывалъ, и вотъ почему онъ скептически относился къ „насажденію“ односторонняго „демократизма“ въ русской промышленности. Надо думать, что невозможность того и другого, правильнаго правительственнаго метода и правильнаго содержанія правительственной программы, стала ему понятна давно. Но именно его личныя связи съ демократіей и опасеніе перетолкованія его мотивовъ классовыми и „буржуазными“ побужденіями заставили его терпѣть до тѣхъ поръ, пока не наступилъ моментъ дать свою подпись подъ завѣдомо для него неосуществимой и опасной правительственной деклараціей.

Въ самый моментъ отставки А. И. Коновалова, ночью 18-го мая, пріѣхалъ въ Петроградъ великобританскій министръ труда Артуръ Гендерсонъ. Повліять на отставку русскаго министра торговли и промышленности онъ уже не могъ. Но по отношенію къ программѣ новаго курса въ рабочемъ вопросѣ онъ сыгралъ у насъ роль, отчасти напоминающую роль Альбера Тома въ утвержденіи новаго курса нашей внѣшней политики. „Я пріѣхалъ“, заявилъ Гендерсонъ, „чтобы помочь правительству своимъ опытомъ въ разрѣшеніи очередныхъ промышленныхъ и экономическихъ вопросовъ“. И, принимая очередной лозунгъ „государственнаго контроля“ за то, что понималось подъ этимъ лозунгомъ въ Англіи, оно всецѣло положилъ вѣсь своего мнѣнія на сторону „бросаемыхъ въ рабочую среду лозунговъ, возбуждающихъ темныя инстинкты толпы“. Онъ объяснялъ правительству, объяснялъ совѣту р. и с. д., объяснялъ въ Петроградѣ, объяснялъ въ Москвѣ всѣ огромныя преимущества „вмѣшательства государства въ дѣло регулированія промышленности, во взаимоотношенія труда и капитала“. „Вы должны знать“, говорилъ Гендерсонъ московскому биржевому комитету (14-го іюня) „что вся промышленность, вся работа по снабженію арміи взята англійскимъ правительствомъ подъ строгій контроль. И у насъ въ Англіи, при контролѣ надъ промышленниками, нѣтъ почти конфликтовъ съ рабочими. Всѣ требованія рабочихъ у насъ разсматриваются государствомъ, и оно, если находитъ возможнымъ удовлетворить ихъ, — удовлетворяетъ... Когда началась война, мы предложили рабочимъ временно отказаться отъ борьбы за свои права, и они во имя интересовъ государства отказались. Было время, когда рабочіе работали семь дней въ недѣлю, не зная ни праздниковъ, ни отдыха... Интересы государства должны быть на

первомъ мѣстѣ. Не думайте, что это — социализмъ. Я понимаю социализмъ, какъ альтруистическое примѣненіе коллективнаго труда въ жизни государства. Это есть временная необходимость, ибо государство ведетъ сейчасъ войну за собственную цѣлость*. И русскій министръ труда, уже опираясь на англійскаго, говорилъ московскимъ журналистамъ (16-го іюня): „Когда мы говоримъ о рѣшительномъ вмѣшательствѣ государства въ промышленность, въ цѣляхъ урегулированія ея и введенія контроля, то рѣчь идетъ здѣсь, конечно, не о социалистическомъ производствѣ и не о государственномъ социализмѣ, а о томъ минимумѣ предпріятій, въ которомъ нуждается народно-хозяйственная жизнь страны и которыя проведены уже въ Англіи“. Онъ прибавлялъ къ этому: „французскій, бельгійскій и англійскій капиталъ, занятый въ русскихъ предпріятіяхъ, уже учелъ неизбежность подчиненія себя контролю, и официальные представители этого союзнаго капитала заявляли Временному Правительству, что они идутъ навстрѣчу желаніямъ правительства ввести регулированіе и контроль въ ихъ предпріятіяхъ и установить минимумъ доходности“.

Увы, въ этихъ шагахъ союзнаго капитала — „навстрѣчу желаніямъ правительства“ — была такая же двусмысленность, какъ и въ готовности Альбера Тома признать лозунгъ „безъ аннексій и контрибуцій.“ Дѣйствительно, опасаясь за окончательное разрушеніе своихъ предпріятій при сложившейся въ Россіи обстановкѣ промышленнаго производства, иностранцы весьма охотно прибѣгали къ правительственному „контролю“, видя въ немъ гарантію противъ чрезмѣрныхъ требованій рабочихъ. Заявленіе объ этомъ было официально передано черезъ Гендерсона русскому правительству, въ поученіе русскимъ промышленникамъ*).

*) Директоръ общества франко-русскаго завода въ началѣ іюня просилъ правительство не позже 15-го іюня принять весь заводъ въ свое распоряженіе, слагая съ себя всякую отвѣтственность за дальнѣйшую оплату труда, въ виду экономическихъ требованій рабочихъ, превышающихъ доходность предпріятія, производительность котораго, къ тому же, упала на 50%. Онъ сообщилъ объ этомъ французскому послу и совѣту р. и с. л. 12-го іюня Гендерсонъ получилъ и передалъ Терещенко обращеніе фирмъ съ „преобладающимъ англійскимъ капиталомъ“ (Невская прядильная мануфактура, Невская стеариновая, Невская хлопчатобумажная, фабрики Воронина, Лютшъ и Чешеръ, Спасская хлопчатобумажная, Калининскій пивоваренный заводъ, русская нефтяная фабрика, акц. о-во Уильямъ Хартлей) о „принятіи контроля надъ предпріятіями, на основаніи существующаго въ Англіи правительственнаго контроля“, русскимъ правительствомъ, съ тѣмъ, чтобы послѣднее приняло на себя отвѣтственность за опредѣленіе правъ рабочихъ, „разрѣшеніе вопроса о заработной платѣ“, „обезпечило защиту отъ насилія надъ личностью и имуществомъ“. Мотивы просьбы: „серьезное положеніе промышленности“, „возможность,

Но русскіе рабочіе и ихъ руководители хотѣли совсѣмъ другого. Подъ „контролемъ“ они понимали, дѣйствительно, переходъ къ „соціализаціи“ фабрики, а потому вовсе не удовлетворились тѣмъ „минимумомъ“, о которомъ говорилъ Скобелевъ, и не думали о тѣхъ жертвахъ, о которыхъ упоминалъ Гендерсонъ. По ихъ мнѣнію, контроль долженъ былъ быть не „государственнымъ“, а „общественнымъ“, подъ чѣмъ они подразумѣвали контроль рабочій. Эта позиція всего ярче обрисована на конференціи фабрично-заводскихъ комитетовъ и совѣтовъ старостъ Петрограда, открывшейся 30 мая. Въ отвѣтъ на убѣжденія М. И. Скобелева, что „мы находимся въ буржуазной стадіи революціи“, что „самое безпощадное обложеніе не можетъ разрѣшить финансовой проблемы“, что „русскій капитализмъ слишкомъ молодъ“ для того, чтобы даже конфискація всѣхъ капиталовъ устранила финансовую разруху, что „захватъ фабрикъ и заводовъ не измѣнитъ условій труда рабочаго класса“ и не подвинетъ впередъ революцію, — въ отвѣтъ на все это организаціонный комитетъ конференціи (въ которой преобладали большевики) предложилъ такую резолюцію. „Путь къ спасенію отъ катастрофы всей хозяйственной жизни лежитъ только въ установленіи дѣйствительнаго рабочаго контроля за производствомъ и распределеніемъ продуктовъ. Для такого контроля необходимо, чтобы во всѣхъ рѣшающихъ учрежденіяхъ было обезпечено за рабочими большинство (не менѣе двухъ третей голосовъ) и чтобы фабрично-заводскіе комитеты, а равно профессиональные союзы получили право участвовать въ контролѣ, съ открытіемъ для нихъ всѣхъ торговыхъ и банковыхъ книгъ и съ обязательствомъ сообщать имъ всѣ данныя. *Рабочій контроль долженъ быть немедленно развитъ въ полное урегулированіе производства и распределенія продуктовъ рабочими.* Рабочій контроль долженъ быть про-

что много предприятий закроеся“, „остановка угрожающаго разоренія“, „обезопасеніе личности и имущества“. Срокъ контроля: „пока не наладится общее положеніе и, во всякомъ случаѣ, до окончанія войны“. Вотъ тотъ документъ, который въ соціалистической печати („Дѣло Народа“) былъ объявленъ урокомъ отечественнымъ промышленникамъ. Впрочемъ, „Дѣло Народа“ тутъ же дало урокъ и англійскимъ предпринимателямъ. „Если они думаютъ“, заявила газета, „что правительственный контроль въ революціонной Россіи означаетъ то же самое, что... въ Англіи, то они жестоко ошибаются. Государственный контроль за британскими фабриками и заводами, ограничивъ прибыли и хозяйскія права капиталистовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ крайне сильно урѣзалъ права рабочихъ, запретивъ имъ стачки, подвергая ихъ перспективѣ административной ссылки за агитацію, сведя на нѣтъ дѣйствія фабричнаго законодательства... Этого Врем. Правительство, считающееся съ нашей трудовой демократіей, допустить не можетъ“. А въ „этомъ“ и была вся сущность англійской регламентаціи производительности фабрикъ, работающихъ на оборону.

долженъ (распространенъ) на всѣ финансовыя и банковыя предприятия. Спасеніе страны отъ катастрофы требуетъ, чтобы рабочему и крестьянскому населенію было внушено самое полное и безусловное довѣріе (увѣренность), что руководящія и полновластныя учрежденія какъ на мѣстахъ, такъ и въ центрѣ государства, не останавливаются передъ *переходомъ въ руки народа большей части прибылей, доходовъ и имуществъ крупнейших банковыхъ, финансовыхъ, торговыхъ и промышленныхъ магнатовъ капиталистическаго хозяйства*". Далѣе развертывался планъ, — „пока длится война“, — введенія „въ общемъ государственномъ масштабѣ обмѣна сельскохозяйственныхъ орудій, одежды и обуви на хлѣбъ и другіе сельскохозяйственные продукты“, а, „послѣ осуществленія указанныхъ мѣръ“, — „осуществленіе всеобщей трудовой повинности“, для чего необходимо „введеніе рабочей милиціи (красной гвардіи), съ постепеннымъ переходомъ къ обще-народной поголовной милиціи, съ оплатой труда рабочихъ и служащихъ капиталистами“ и, наконецъ, — не послѣ всего, а прежде всего, какъ основное условіе „успѣшнаго проведенія. . . перевода рабочихъ силъ на производство угля, сырья и транспорта, а также перевода рабочихъ изъ производства военныхъ снарядовъ на производство необходимыхъ продуктовъ“ — „переходъ всей государственной власти въ руки совѣтовъ р. и с. д.“ Конечно, здѣсь видна рука Ленина, который, вмѣстѣ съ Зиновьевымъ, защищалъ приведенную резолюцію не только противъ меньшевика Далина, но даже и противъ большевика Авилова. Однако, если не весь Ленинскій планъ перехода къ полусоціализму, то требованія резолюціи объ установленіи рабочаго контроля надъ предприятиями были распространены широко за предѣлы чистаго большевизма. Объ этомъ свидѣлствуетъ лучше всего изданный въ тѣ же дни министромъ путей сообщенія Н. В. Некрасовымъ знаменитый циркуляръ 27 мая, прозванный „приказомъ № 1“ путейскаго вѣдомства. Желѣзнодорожные рабочіе петроградскаго узла, недовольные прибавками „комиссіи Плеханова“, предъявили требованія, за неисполненіе которыхъ грозили общей желѣзнодорожной забастовкой. Правительство, въ согласіи съ исполкомитетомъ совѣта р. и с. д., рѣшило „самыми рѣшительными мѣрами противодѣйствовать надвигающейся разрухѣ“; но подъ „самыми рѣшительными мѣрами“, кромѣ противодѣйствія „отдѣльнымъ выступлениямъ“, Н. В. Некрасовъ разумѣлъ. . . полную передачу контроля и наблюденія за всѣми отраслями желѣзнодорожнаго хо-

зайства, съ правомъ отвода въ двухмѣсячный срокъ любого начальствующаго лица, желѣзнодорожному союзу служащихъ. Въ совѣщаніи по перевозкамъ министру сказали, что въ лучшемъ случаѣ только недоразумѣніемъ можно объяснить пониманіе подобной мѣры, какъ мѣры „твердой власти“, и что иного названія, какъ „демагогической“, она не заслуживаетъ. Трудно было повѣрить, дѣйствительно, въ серьезность эвфемистическихъ объясненій министра, что „привлеченіе организацій къ общегосударственной работѣ... заставитъ ихъ отрѣшиться отъ узко-профессіональных рѣшеній и сдѣлаетъ ихъ органами государственности“. Всякій понималъ, что насаждаемое такимъ образомъ начало ничего общаго не имѣетъ съ военнымъ социализмомъ Гендерсона. Министерство просто плыло по теченію, а теченіе вело въ большевистское русло. Циркуляръ 27 мая дезорганизовалъ желѣзнодорожное хозяйство; а въ то же время министерство торговли изъ всѣхъ городовъ Россіи получало извѣстія, что исполнительные комитеты мѣстныхъ революціонныхъ организацій налагаютъ таксы на товары, запрещаютъ вывозъ и производство издѣлій, закрываютъ торговые предпріятія, опечатаваютъ товары, устраняютъ законныхъ владѣльцевъ отъ распоряженія предпріятіями и т. д.... Вотъ чего боялся и не могъ остановить А. И. Коноваловъ, вотъ чего не понималъ Гендерсонъ, вотъ что... прекрасно понималъ и чему отнюдь не по „государственнымъ“ соображеніямъ подчинялся Некрасовъ. Этимъ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла объясняется и то, почему никто изъ сколько-нибудь компетентныхъ знатоковъ промышленности не согласился занять мѣсто А. И. Коновалова и почему та декларация, которая его испугала, совсѣмъ не была опубликована правительствомъ. Въмѣсто нея, 28-го іюня появилось „обращеніе министра труда ко всѣмъ рабочимъ Россіи“. М. И. Скобелевъ былъ вынужденъ, наконецъ, сказать „товарищамъ рабочимъ“, чтобы они „помнили не только о своихъ правахъ, но и о своихъ обязанностяхъ, не только о своихъ желаніяхъ, но и о возможности ихъ удовлетворенія, не только о своемъ благѣ, но и о жертвахъ, необходимыхъ во имя закрѣпленія революціи и торжества нашихъ конечныхъ идеаловъ“. Картина злоупотребленій, нарисованная воззваніемъ, совершенно подтвердила тотъ докладъ Н. Н. Кутлера правительству полтора мѣсяца тому назадъ, противъ котораго тогда спорили министры-соціалисты. „Въ настоящее время“, говорило воззваніе, „часто стихійныя выступленія берутъ верхъ надъ организованностью, и вопреки всѣмъ го-

сударственнымъ возможностямъ, не считаясь съ состояніемъ предпріятія, въ которомъ вы работаете, и во вредъ классовому движению пролетаріата, вы иногда добиваетесь такого увеличенія заработной платы, которое дезорганизуетъ промышленность и истощаетъ казну, ибо изъ казенныхъ средствъ сейчасъ оплачивается большая часть производимыхъ предметовъ. Нерѣдко рабочіе, вопреки указаніямъ профессиональных союзовъ, отказываются отъ всякихъ переговоровъ съ владѣльцами предпріятій и настаиваютъ, подъ угрозой насилій, на удовлетвореніи выставленныхъ требованій. При полной свободѣ организацій, такой пріемъ отстаиванія своихъ интересовъ является недопустимымъ для сознательныхъ рабочихъ. Когда же онъ примѣняется въ предпріятіяхъ, изготовляющихъ предметы первѣйшей государственной необходимости, — и въ особенности на желѣзныхъ дорогахъ, — онъ превращается въ прямую угрозу завоеваніямъ революціи. . . Но еще болѣе недостойными революціонной демократіи являются поступки тѣхъ рабочихъ, которые, не сознавая всей сложности и отвѣтственности технического и хозяйственного управленія предпріятіями и бѣдности Россіи опытнымъ техническимъ и административнымъ персоналомъ, чинятъ насилія надъ служащими и директорами, удаляютъ ихъ по своему усмотрѣнію, виѣшиваются самочинно въ техническое управленіе предпріятіями и даже пытаются захватить всецѣло въ свои руки промышленныя заведенія. . . Враги революціи втихомолку злорадствуютъ, видя, какъ, вслѣдствіе изгнанія вами технического персонала, разрушается вашимъ трудомъ налаженное производство и какъ затрудняется сношеніе съ другими странами, когда рабочими преслѣдуются служащіе на нашихъ заводахъ иностранные граждане. . . Захватъ же фабрикъ и заводовъ дѣлаетъ рабочихъ, не имѣющихъ ни опыта управленія, ни необходимыхъ оборотныхъ средствъ, на короткій срокъ хозяевами, но вскорѣ приводитъ ихъ къ закрытію захваченнаго предпріятія или къ подчиненію рабочихъ еще худшему предпринимательскому произволу. Далѣе, министръ труда обѣщалъ рабочимъ, что министерство приметъ мѣры противъ безработицы, неразрывно связанной съ возвращеніемъ предпріятій, оборудованныхъ для военнаго производства, къ производству мирнаго времени. Министерство обѣщало не примѣнять труда военноплѣнныхъ и солдатъ, дѣтскаго труда, соглашалось облегчить переѣздъ изъ одной мѣстности въ другую. Но, все же, министръ труда считалъ долгомъ напомнить, что „эко-

номическія потрясенія, связанныя съ переходомъ отъ военнаго времени къ условіямъ мирнаго развитія, не могутъ пройти безболѣзненно“ и что „необходимы жертвы во имя закрѣпленія революціи“.

Мы скоро увидимъ, что эти призывы уже запоздали. Въ устахъ министра, который началъ съ той же демагогіи, которую теперь рѣзко осуждалъ, они были особенно неубѣдительны. Перемена взглядовъ была на-лицо, и этой переменной воспользовались тѣ же демагоги слѣва. Было такъ легко объяснить этотъ переходъ отъ зажигательныхъ призывовъ къ совѣтамъ благоразумія просто тѣмъ, что социалисты, ставшіе министрами, „продались буржуазіи“. На этомъ понятномъ мотивѣ и сыграли лѣвые противники умѣреннаго социализма.

VI. Умѣренный социализмъ подъ ударами слѣва.

„Пріятіе“ войны и власти. — Выступленія министровъ — социалистовъ на сѣздѣ Совѣтовъ. — Двойственные рѣшенія сѣзда. — Уличныя выступленія противъ совѣта. — Сѣздъ идетъ на уступки. — Національные вопросы и кризисъ министерства. — Іюльское возстаніе.

Г. Станкевичъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ характеризуетъ періодъ, прошедшій послѣ событій 20 — 21 апрѣля, какъ періодъ „пріятія войны“ и „пріятія власти“. Несомнѣнно, эти событія произвели на добросовѣстную и искреннюю часть социалистовъ отрезвляющее впечатлѣніе. Юные энтузіасты, къ которымъ принадлежало большинство дѣятелей „Комитета“, зачастую тутъ впервые поняли, что дѣйствительность не поддается передъ ихъ волевыми усиліями, что препятствія для осуществленія ихъ безплотныхъ идеаловъ во все не истекаютъ изъ недобросовѣстности и изъ злой воли „буржуазной“ власти, а изъ реальныхъ условій этой самой дѣйствительности; что ни война не будетъ окончена „къ сентябрю“, ни европейскій социализмъ не проникнется сразу циммервальдскими идеалами, ни завоеванія революціи вообще не смогутъ быть сохранены, если будетъ сдѣлана попытка насиліемъ превратить „буржуазную революцію“ въ социалистическую. Первый урокъ, данный европейскимъ социализмомъ русской революціи, въ лицѣ пріѣзжихъ делегацій, заключался въ томъ, что самое значеніе русской революціи и ея идей поднимается и падаетъ вмѣстѣ съ военными успѣхами или военными неудачами (см. подробнѣе въ главѣ о „мирѣ“). Болѣе зрѣлая часть социалистовъ вдругъ почувствовала себя отвѣтственной за русскую революцію, за ея исходъ и успѣхъ. Они, дѣйствительно, „пріяли“ власть и „пріяли“ войну.

Но тутъ и началась трагедія умѣренныхъ теченій русскаго социализма. Ставъ на мѣсто свергнутаго ими „буржуазнаго“ правительства, они очутились въ необходимости сами защищать буржуазный характеръ русской революціи. Положеніе, какъ и пред-

видѣлъ Церетели, оказалось чрезвычайно двусмысленнымъ и труднымъ. Привыкшіе относиться критически ко *всякой* власти, безотвѣтственные элементы интеллигенціи обратили теперь свои удары на коалиціонную власть, и толпа, послѣ недолгихъ колебаній, пошла за ними. На первыхъ же порахъ, вмѣсто объединеннаго социалистическаго фронта, обращеннаго противъ правительства, началась внутренняя борьба крайнихъ теченій социализма противъ умѣренныхъ. Умѣренное течение, вначалѣ господствующее, постепенно изолируется отъ массъ — прежде всего, столичнаго населенія. Столичные социалистическіе органы, — какъ Петроградскій Совѣтъ депутатовъ, — попадаютъ подъ растущее вліяніе большевиковъ, и рабочіе кварталы Петрограда начинаютъ играть роль Сентъ-Антуанскаго предмѣстія. Одна за другой поднимается народная волна изъ этихъ кварталовъ и идетъ на буржуазный центръ столицы: сегодня разбитая и отброшенная, она завтра поднимается опять, — обыкновенно съ новыми, усиленными шансами на побѣду.

Надо при этомъ помнить, что умѣренный социализмъ, хотя и отрезвленный, далеко не увѣренно стоитъ на своихъ новыхъ позиціяхъ. Чувствуя, что чѣмъ болѣе онъ на нихъ укрѣпляется, тѣмъ больше теряетъ массы, онъ послѣ каждой народно-большевистской демонстраціи спѣшитъ идти на уступки, полукскреннія, полутактическія. Какъ мы уже замѣтили, онъ при этомъ безнадежно теряетъ собственную линію поведенія и становится непонятенъ для массъ.

Картину этого распада, внутренней борьбы и вызванныхъ ею зигзаговъ тактики господствующей группы, мы теперь должны будемъ прослѣдить въ событіяхъ іюня и начала іюля 1917 г. Центръ тяжести въ борьбѣ, которая при первомъ правительствѣ велась между правительствомъ и Совѣтомъ, теперь переходитъ къ борьбѣ между Совѣтомъ и петроградскими рабочими организаціями. Временное Правительство въ этой борьбѣ постепенно оттѣсняется на второй планъ. Подъ давленіемъ слѣва, вожди Совѣта совершенно перестаютъ считаться съ нимъ. Постановленія Съѣзда Совѣтовъ становятся равносильными или, лучше сказать, становятся выше не только административныхъ органовъ, но даже и судебной власти. Въ борьбѣ съ самочинными вооруженными выступленіями исполнительный комитетъ Совѣта закрѣпляетъ за собой право, заявленное въ дни волненій 20 — 21 апрѣля: распоряжаться по своему усмотрѣнію вооруженными силами петроградскаго гарнизона. Въ рѣшительныя

минуты борьбы Временное Правительство ставится передъ ультимативными требованіями совѣтскаго съѣзда и начинаетъ просто контрассигнировать намѣченныя имъ мѣры. При этомъ грань между министрами—соціалистами и министрами не-соціалистами, теоретически продолжающая существовать, на практикѣ начинаетъ все болѣе затушевываться. Это побуждаетъ министровъ партіи народной свободы, вступившихъ въ министерство на опредѣленныхъ условіяхъ (см. стр. 113—115), возражать все съ большей рѣшительностью противъ нарушенія основного правила коалиціи. Когда, наконецъ, осуществляются въ полной мѣрѣ предсказанія Чернова и Раковского, что и министры будутъ только „исполнять“ рѣшенія совѣта и превратятся въ „хвостъ революціи“, то создается почва для новаго министерскаго кризиса. Поводъ, по которому этотъ кризисъ наконецъ разрѣшается въ началѣ іюля, является уже въ сущности второстепеннымъ обстоятельствомъ, сравнительно съ основной причиной: фактическимъ переходомъ власти отъ министерства къ Совѣту, причемъ въ тоже время Совѣтъ оказывается безсильнымъ примѣнить свою власть къ единственной грозящей ему серьезной опасности слѣва.

Всероссійскій съѣздъ совѣтовъ раб. и солд. депутатовъ открылъ свои засѣданія 3 іюня. По составу своему и по общему настроенію съѣздъ соотвѣтствовалъ составу и настроенію соціалистической части коалиціоннаго министерства. На 1090 собравшихся депутатовъ, которые представляли 305 Совѣтовъ р. и с. д., 53 районныя и областныя совѣта, армію, фронтъ и тыловыя учрежденія (34 делегата), нѣкоторыя крестьянскія организаціи и т. д., имѣлось только 105 большевиковъ и 32 интернаціоналиста. Большинство довольно равномерно распредѣлялось между соціалистами-революціонерами (285) и с. д. меньшевиками (248). Въ ихъ стояли „внѣфракціонные“ соціалисты (73), „объединенные“ соціаль-демократы (10) и бундовцы (10). Плехановская группа „Единство“ имѣла только 3-хъ представителей, народныя соціалисты тоже только 3, трудовики 5 и анархисты-коммунисты—одного. Этотъ составъ обезпечивалъ министрамъ-соціалистамъ большинство, но онъ же вызвалъ со стороны большевиковъ съ самаго начала рѣзкую оппозицію съѣзду, которая, помимо рѣчей въ засѣданіяхъ, выразилась въ тайной подготовкѣ, съ самаго начала засѣданій съѣзда, уличныхъ выступленій изъ рабочихъ кварталовъ.

Съѣздъ совѣтовъ засѣдалъ втеченіе всего іюня и его засѣданія отразили очень живо и полно борьбу между умѣреннымъ и крайнимъ теченіемъ русскаго социализма. Къ большой досадѣ съѣхавшихся изъ провинціи депутатовъ, которые желали „дѣлать дѣло“, съ улицы постоянно врывались струи раскаленной стихіи, и съѣздъ принужденъ былъ разбираться въ томъ, что нѣкоторые депутаты называли „домашними спорами меньшевиковъ съ большевиками“. На болѣе внимательный взглядъ, тутъ происходилъ отливъ сочувствія столичныхъ рабочихъ и солдатскихъ массъ отъ теченій, готовыхъ поддержать коалиціонное правительство, къ теченіямъ, стремившимся „углубить“ національную революцію и превратить ее въ социалистическую.

Первая недѣля съѣзда, впрочемъ, прошла сравнительно спокойно. Она была посвящена выступленіямъ министровъ-соціалистовъ съ отчетами передъ „революціонной демократіей“. Временами раздавались одиночныя требованія, чтобы *все* министры признали себя отвѣтственными передъ съѣздомъ. Но принципъ коалиціи, на которомъ было основано министерство, еще помнился очень отчетливо, и какъ министры, такъ и поддерживавшее ихъ большинство выдерживало линію, разграничивавшую отвѣтственность министровъ-соціалистовъ отъ отвѣтственности министровъ-не-соціалистовъ. Церетели въ началѣ засѣданій (4 іюня) обращался къ съѣзду, какъ къ „полномочному парламенту революціонной демократіи“, которому должно подчиняться Временное Правительство. . . Но, видимо, на эту фразеологію господствующее теченіе не смотрѣло серьезно, и принятая 8 Іюня резолюція рѣшительно признала отвѣтственными передъ представительнымъ органомъ „революціонной демократіи“ однихъ только „министровъ-соціалистовъ“, отвергнувъ поправку с.-р.-интернаціоналиста Мазурина — распространить эту отвѣтственность на все коалиціонное министерство. Резолюція признавала, что „переходъ *всей* власти къ совѣтамъ въ переживаемый періодъ русской революціи значительно ослабилъ бы ея силу, преждевременно оттолкнувъ отъ нея элементы, способные еще ей служить“.

Въ этой формулѣ сказалась основная мысль Церетели, которую онъ развивалъ на юбилейномъ засѣданіи четырехъ Думъ 27 апрѣля и повторилъ въ своей рѣчи передъ съѣздомъ совѣтовъ 8 іюня. Это была — своеобразная теорія постепеннаго „откола“ или „отхода“ буржуазныхъ элементовъ по мѣрѣ „поступательнаго

хода" революціи. Эта теорія, согласная съ самымъ строгимъ марксизмомъ, въ то же время давала Церетели возможность лавировать между крайностями и мирить признаніе революціонной роли Г. Думы и защиту коалиціи соціалистовъ съ буржуазіей — съ самыми радикальными, хотя и туманными перспективами, когда, послѣ ряда „отколовъ“, на лицо останется одинъ рабочій классъ съ своими классовыми задачами. Можно было представить эту точку зрѣнія такъ, что между Церетели и Ленинымъ споръ оставался только о *темплѣ* движенія. Можно было развивать ее и такъ, что „буржуазный фазисъ“ революціи оказывался настолько длительнымъ, что давалъ полную возможность самаго полного и продолжительнаго сотрудничества съ „буржуазіей“.

Выводъ, который былъ практически сдѣланъ изъ сложившагося положенія, былъ гораздо ближе ко второй возможности, чѣмъ къ первой. Мѣсяцъ участія въ власти и близкаго знакомства съ ходомъ государственныхъ дѣлъ прошелъ для министровъ-соціалистовъ не даромъ. Одинъ за другимъ выступали передъ тысячной толпой делегатовъ Церетели, Скобелевъ, Керенскій, Черновъ, Пѣшихоновъ. Въмѣсто демагогическихъ призывовъ, къ которымъ массы привыкли, министры старались цѣлымъ рядомъ фактическихъ данныхъ охладить пылъ неосвѣдомленной „революціонной демократіи“ и свести ее съ заоблачныхъ высотъ соціалистической теоріи въ міръ трезвой дѣйствительности. Идя этимъ путемъ, министры повторили все то, что они оспаривали, когда это утверждали ихъ политическіе противники. Но рядомъ съ этимъ, они не рѣшились открыто отказаться и отъ прежнихъ заблужденій. Въ результатѣ, у массъ получилось впечатлѣніе „кадетствующаго“ съѣзда и испорченныхъ близостью къ буржуазіи соціалистическихъ министровъ, а на дѣйствительный ходъ революціи ихъ политическое прозрѣніе не оказало никакого практическаго вліянія. Они узнали правду, не боялись сказать о ней; но встрѣтивъ непониманіе и недовѣріе, они продолжали дѣйствовать такъ, какъ угодно было массѣ. Отставъ отъ одного берега, они не пристали къ другому, и, въ результатѣ, очутились въ пустомъ пространствѣ.

Это особенно сказалось на основномъ и наиболѣе спорномъ вопросѣ момента: вопросѣ о войнѣ и мирѣ. Станкевичъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ рассказываетъ, какъ при Альберѣ Тома и другихъ иностранныхъ соціалистахъ Церетели „какъ то разъ упомянулъ, что русская интеллигенція настроена циммервальдистски; но

встрѣтилъ такіе удивленные взгляды со стороны собесѣдниковъ — иностранцевъ, что слова завязли на устахъ“. Это—довольно точное изображеніе того положенія, въ которомъ очутились, неожиданно для самихъ себя, умѣренные социалисты, занявшіе, по незнакомству съ теченіями западнаго социализма, крайнюю позицію. Церетели — и въ особенности Черновъ — настойчиво повторяли теперь сами то, въ чемъ тщетно убѣждалъ ихъ раньше П. Н. Милуковъ: а именно, что нельзя „ультиматумами“ заставить союзныя правительства принять тезисы Циммервальда и Кинтала. Чернову пришлось даже защищать отсрочку созыва международной конференціи для пересмотра цѣлей войны и сослаться на неподготовленность западной демократіи. Точно также и въ вопросѣ о войнѣ Церетели долженъ былъ заговорить о необходимости имѣть боеспособную армію и о томъ, что, по военнымъ соображеніямъ, этой арміи, быть можетъ, придется въ моментъ, ему неизвѣстный и составляющій военную тайну, перейти въ наступленіе. Керемскій выступилъ съ обличеніями противъ братанія на фронтѣ и указалъ на связь этого явленія съ германскими вліяніями. Связь между успѣхомъ военнымъ и успѣхомъ дипломатическимъ, даже съ точки зрѣнія идеаловъ „революціонной демократіи“, была неоднократно подчеркнута на сѣздѣ. Скобелевъ и Черновъ указывали на невозможность для государства взять на свои плечи организацію производства. Онъ доказывалъ также нелѣпость большевистскаго пріема рѣшенія національныхъ вопросовъ путемъ возбужденія сепаратизмовъ. И даже — онъ признавалъ невозможнымъ рѣшить аграрный вопросъ путемъ организованнаго захвата земель. Онъ рѣшительно отказывался стать на путь созданія классовой власти — „путь постепеннаго сѣуживанія того базиса, на которомъ зиждутся революціонныя силы.“ Въ сущности, это и былъ путь постепеннаго „откалыванія“ отъ революціи непролетарскихъ слоевъ. Черновъ находилъ, что это— „путь дробленія силъ, путь преступный, такъ какъ идти по нему — значитъ расчистить дорогу генералу на бѣлой лошади.“ Еще болѣе рѣшительнымъ тономъ говорили министры труда и продовольствія. М. И. Скобелевъ призналъ, что единственный способъ нѣсколько наладить финансы есть экономія и призналъ, что „революціонный“ способъ принудительнаго займа — практически неосуществимъ. Онъ подчеркнул также, что „чистый, безупречный источникъ“ государственнаго дохода, заемъ свободы „пополняется преимущественно изъ

избытковъ имущихъ классовъ“, тогда какъ „демократическіе классы“ въ немъ не участвуютъ. А. В. Пѣшехоновъ въ строго-дѣловой рѣчи показалъ, что увеличеніе заработной платы не достигаетъ цѣли, ибо вмѣстѣ съ нимъ увеличиваются и цѣны продуктовъ. Огобраіе доходовъ капиталистовъ имѣетъ предѣлы, за которыми начинается разрушеніе самого капитала, что равносильно разрушенію производства. Массы не понимаютъ, что защита юной свободы „сопряжена съ лишеніями“ и что добиваться въ первую очередь улучшенія собственнаго положенія — значитъ подкапывать основы этой свободы. „У насъ нѣтъ рѣшимости призвать народъ къ жертвамъ. Необходимо призвать массу къ усиленному напряженному труду, чтобы поднять производительность. Эта задача—нелегкая, но она стоитъ передъ нами. Преодолѣть самихъ себя — это главная наша трудность.“

Такія рѣчи имѣли на сѣздѣ succès d'estime, но значительная часть слушателей уходила отъ нихъ въ кулуары, гдѣ велись ожесточенные споры объ очередной злобѣ дня: объ отношеніи сѣзда, гдѣ преобладали люди, „пріавшіе войну и власть“, къ такимъ органамъ, какъ петроградскій совѣтъ, гдѣ это пріятіе рѣзко отрицалось и гдѣ звали къ дальнѣйшей борьбѣ. „Главная трудность заключалась въ томъ, что не только „массы“, но и самъ сѣздъ совѣтовъ не могъ „преодолѣть самъ себя“. Ясной и твердой позиціи крайнихъ онъ противопоставлялъ только слабые компромиссы и безсильныя колебанія. Это очень ярко сказалось на основныхъ резолюціяхъ сѣзда, принятыхъ въ эту же первую недѣлю его засѣданій. Министры говорили одно, сѣздъ рѣшалъ другое.

„Пріемля власть“ коалиціоннаго правительства, сѣздъ отвергъ проекты резолюцій, предложенные большевиками и меньшевиками-интернаціоналистами. Первый проектъ исходилъ изъ мысли, что „соціалистическіе министры прикрываютъ, посредствомъ ни къ чему не обязывающихъ обѣщаній, ту же самую имперіалистическую и буржуазную политику“ и тормозятъ развертываніе революціонныхъ конфликтовъ. Большевики „констатировали полный крахъ политики соглашенія съ капиталистами“ и требовали перехода всей государственной власти въ руки всероссійскаго совѣта р. с. и кр. депутатовъ“. Резолюція меньшевиковъ-интернаціоналистовъ заявляла, что новый составъ Временнаго Правительства не является „дѣйствительнымъ органомъ революціи“, „скло-

няеть передъ имперіалистскими правительствами союзниковъ ея зиамя“, укрѣпляя этимъ „во всѣхъ воюющихъ странахъ позицію“ соціаль-патріотовъ и ослабляя позицію „интернаціоналистскаго авангарда демократіи“ въ борьбѣ за миръ; во внутренней политикѣ оставляетъ власть за „ненадежными элементами“ въ провинціи и „проявляетъ склонность вступить на путь полицейскихъ репрессій“. Резолюція затѣмъ выставляла цѣлый рядъ требованій отъ коалиціоннаго правительства: созвать Учредительное Собраніе не позже 1 сентября и немедленно упразднить Г. Думу и Совѣтъ, „предложить союзникамъ незамедлительный созывъ въ Петроградѣ конференціи для пересмотра цѣлей войны и для соглашенія о заключеніи общаго перемирія на всѣхъ фронтахъ, произвести радикальную чистку „контръ-революціонныхъ элементовъ“ въ странѣ, наконецъ, „добиться отъ союзныхъ правительствъ безпрепятственнаго пропуска“ заграничныхъ социалистовъ-циммервальдцевъ. Эти предложенія были отвергнуты. Большинствомъ 543 противъ 126, при 52 воздержавшихся, была принята 6 іюня объединенная резолюція меньшевиковъ и социалистовъ-революціонеровъ, одобрявшая рѣшеніе Исп. Комитета „пріять власть“ въ коалиціи съ буржуазіей. Но и въ этой резолюціи правительство приглашалось дѣйствовать „рѣшительнѣе и послѣдовательнѣе“ въ тѣхъ же направленіяхъ, крайнее выраженіе которыхъ было отвергнуто. Уже докладъ Либера, защищавшій точку зрѣнія большинства, исходилъ, въ сущности, изъ циммервальдской точки зрѣнія: тамъ напоминалось, что „русская революція на конференціи совѣтовъ опредѣленно сказала: она *не вѣрится въ такой исходъ войны*, который опредѣляетъ побѣду одной коалиціи надъ другой — не по этому пути лежитъ окончаніе этой войны; — въ интересахъ демократіи эта война должна быть окончена только побѣдой трудовой демократіи всѣхъ странъ противъ коалиціи имперіалистовъ всѣхъ странъ“. Согласно этому, принятая резолюція подтвердила „демократическую“ формулу мира и рядомъ ставила двѣ непримиримо-противоположныя задачи: „проводить дальнѣйшую демократизацію арміи и укрѣплять ея боеспособность“. Другія требованія крайнихъ были тоже приняты въ смягченной и болѣе неопредѣленной формѣ: „систематическая и рѣшительная борьба съ контръ-революціонными элементами“ — и ни слова о борьбѣ съ анархіей слѣва; „скорѣйшій“ созывъ Учредительнаго Собранія, безъ указанія срока; очень уклончивыя выраженія о согласованіи „требованій

организованныхъ трудящихся массъ" съ жизненными интересами подорваннаго войной (и „обостренной политикой имущихъ классовъ“) „народнаго хозяйства“. Мало того, поддерживая правительство, большинство съѣзда тутъ же рѣшило создать, „для болѣе успѣшнаго и рѣшительнаго проведенія въ жизнь указанной платформы, для полнаго объединенія силъ демократіи и выявленія ея воли во всѣхъ областяхъ государственной жизни“, „единный полномочный представительный органъ всей организованной революціонной демократіи Россіи“ изъ представителей съѣздовъ рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ. Передъ этимъ органомъ министры-соціалисты должны были быть отвѣтственны „за всю внѣшнюю и внутреннюю политику Врем. Правительства“, а „энергичная поддержка“ этого правительства мыслилась *черезъ* Совѣтъ, около котораго (а не около правительства) должна была „еще тѣснѣе сплотиться вся революціонная демократія Россіи“. Этой формулировкѣ П. Н. Милюковъ, въ своей рѣчи 9 іюня на казачьемъ съѣздѣ, противопоставилъ формулу сохраненія „всей полноты власти“ Временнымъ Правительствомъ до Учредительнаго Собранія и указалъ на необходимость, „чтобы правительство было сильно“ для выполненія стоящихъ передъ нимъ громаднхъ задачъ: „превратить страну, еще недавно самодержавную, въ страну народоправства, и кончить войну съ честью“. Въ обширной рѣчи передъ совѣщаніемъ членовъ Госуд. Думы 3 іюня П. Н. Милюковъ указалъ на циммервальдскій и германскій источникъ совѣтской доктрины, констатировалъ фіаско совѣтской внѣшней политики и настойчиво предостерегалъ противъ идеи превращенія „національной революціи“ въ „соціалистическую“. Онъ указалъ на лицемѣріе революціонной фразеологіи, которая ищетъ опасности для революціи въ несуществующей еще *пока* контръ-революціи и отказывается видѣть ихъ тамъ, откуда онѣ дѣйствительно угрожаютъ. На казачьемъ съѣздѣ онъ рѣшительно подчеркнул необходимость борьбы съ ленинцами, „главными врагами русской революціи“.

„Пріемля войну“, съѣздъ и по этому вопросу принялъ двусмысленную и внутренне-противорѣчивую резолюцію, не давшую ему никакой твердой позиціи и не удовлетворившую никого. Резолюція большевиковъ, требовавшихъ открытаго признанія неудачи совѣтской внѣшней политики и настаивавшихъ на расширеніи понятія „аннексій“ на Ирландію, Египетъ, Индію и т. д., была отклонена. Но вся первая половина резолюціи меньшевиковъ и эс-

эровъ, принятая съѣздомъ, также исходила изъ циммервальдской точки зрѣнія на способы „скорѣйшаго окончанія войны“. Съѣздъ категорически высказался противъ окончанія войны побѣдой „одной изъ двухъ воюющихъ сторонъ“. Они рекомендовали для „скорѣйшаго“ окончанія войны въ ничью новое обращеніе къ „демократіямъ всѣхъ странъ“ съ русскимъ лозунгомъ „безъ аннексій и контрибуцій“, содѣйствія „всѣми мѣрами скорѣйшему возсозданію интернаціонала; созыва международной социалистической конференціи. Они укоряли „демократію всѣхъ странъ“ за то, что ея „недостаточно энергичное противодѣйствіе послѣднимъ заявленіямъ ихъ правительствъ о захватническихъ цѣляхъ войны ставить въ крайне трудное положеніе русскую революцію“; рекомендовали „немедленную посылку делегацій циммервальдскаго типа изъ Россіи за-границу и изъ за-границы въ Россію. Отъ правительства требовалось „въ кратчайшій срокъ принять мѣры для присоединенія союзныхъ державъ къ программѣ мира, принятой русской демократіей“. И только послѣ перечисленія всѣхъ этихъ, уже отвергнутыхъ жизнью, пріемовъ, резолюція рѣшалась заговорить о „со-дѣйствіи усиленію боевой мощи нашей арміи и способности ея къ оборонительнымъ и наступательнымъ дѣйствіямъ“, тотчасъ оговариваясь, однако, что „вопросъ о наступленіи“ есть исключительно дѣло военной техники (противники обличали ихъ въ томъ, что наступленіе будетъ имѣть *политическій* характеръ).

Всѣмъ этимъ половинчатымъ и неопредѣленнымъ рѣшеніямъ выступавшіе на съѣздѣ большевики, Ленинъ, Каменевъ, Зиновьевъ, — даже Луначарскій — противопоставили весьма опредѣленную программу, понятную для массъ. Въ первомъ же своемъ выступленіи (4 іюня) Ленинъ выставилъ альтернативу: одно изъ двухъ, или буржуазія, или Совѣты — „типъ государства, который выдвинуть революціей“. Или „реформистская демократія при капиталистическомъ министерствѣ“, или „захватъ власти цѣликомъ“, на который „наша партія готова“. „Наша программа?“. „Опубликуйте прибыли господъ капиталистовъ, арестуйте 50 или 100 крупнѣйшихъ миллионеровъ“. „Безъ этого всѣ фразы о мирѣ безъ аннексій и контрибуцій — пустѣйшія слова“. „Второй шагъ — объявить, что мы считаемъ всѣхъ капиталистовъ — разбойниками“. При этомъ „не надо откладывать примѣненіе азбуки демократіи до Учредительнаго Собранія.“ „Тогда трудящіеся вамъ повѣрили бы“, и если *тогда* капиталистическія государства отказались бы мириться,

ну, что же, „мы не пацифисты, мы отъ войны не отказываемся“.

Керенскій на томъ же сѣздѣ называлъ это — политикой „держимордъ“. Министры — экономисты и финансисты — высмѣивали идею Ленина, что арестомъ капиталистовъ можно разрушить капитализмъ. Но Ленинъ обращался не къ этой интеллигентской аудиторіи. „Черезъ ихъ головы“ онъ уже заигрывалъ съ улицей, а для улицы его „программа“ говорила очень много.

До созыва сѣзда совѣтовъ, быть можетъ, большевики и думали серьезно опереться на него—и на имѣющій создаться „полномочный органъ“ сѣзда—въ борьбѣ съ Временнымъ Правительствомъ. Соотвѣтствующій лозунгъ „вся власть Совѣтамъ“ былъ и въ послѣдствіи сохраненъ, какъ знамя специфической большевистской государственности. Но, точно также, какъ, проповѣдуя миръ, Ленинъ уже заранѣе заявлялъ, что большевики „не пацифисты“, — такъ и возвеличивая идею совѣтской власти, онъ тотчасъ же вступилъ въ борьбу съ Совѣтомъ, какъ только увидалъ, что данный составъ Совѣта поддерживаетъ не его, а правительство. Не миромъ, такъ войной, не черезъ Совѣтъ, такъ путемъ борьбы съ Совѣтомъ — какъ бы то ни было, „программа Ленина должна была осуществиться. Въ поискахъ опоры противъ интеллигенціи Совѣта большевики, естественно, прежде всего обратились къ рабочимъ массамъ петроградскихъ предмѣстievъ. На Выборгской сторонѣ и за Нарвской заставой, на Путиловскомъ заводѣ и т. д. началась энергичная агитація противъ „кадетствующаго“ сѣзда совѣтовъ. Пущенъ былъ слухъ, что Церетели получилъ десять милліоновъ отъ Терещенко. Какъ увидимъ, эти сѣмена пали на благодарную почву. Но еще раньше, чѣмъ начались организованныя выступленія предмѣстievъ, застрѣльщиками уличныхъ наѣздовъ явились анархисты, въ союзѣ съ подонками общества и, какъ это ни странно, съ бандами черной сотни.

Первымъ изъ іюньскихъ уличныхъ выступленій, прервавшихъ мирное теченіе работъ Сѣзда совѣтовъ, былъ захватъ анархистами типографіи газеты „Русская Воля“ на Ивановской улицѣ. Около 80 людей, вооруженныхъ винтовками, револьверами, ручными гранатами и бомбами, среди бѣлаго дня 5 іюня ворвались въ домъ, принадлежавшій „Русской Волѣ“, и объявили наборщикамъ и служащимъ, что явились „избавить ихъ отъ гнета капиталистической эксплуатаціи“. Когда рабочіе не согласились на такой спо-

собѣ „избавленія“, захватчики выпустили ихъ изъ дома, заняли помѣщеніе и немедленно отпечатали воззваніе, въ которомъ заявляли, что они „рѣшили вернуть народу его достоиніе и поэтому конфискують типографію „Русской Воли“ для нуждъ социализма“. Это не значить, что они „бьются съ печатнымъ словомъ“; они „только ликвидируютъ наслѣдіе стараго насильственнаго режима“. На вопросы, кто они такіе, захватчики отвѣчали, что они „социалисты съ дачи Дурново“ и хотятъ „на кооперативныхъ началахъ издавать социалистическую газету“. Когда служащіе предложили захватчикамъ спросить „инструкціи отъ Совѣта“, послѣдніе заявили, что они „никакой власти не признають и плюють на Совѣтъ“.

Характеренъ тотъ способъ, которымъ было ликвидировано это анархистское выступленіе. Исполнительный комитетъ послалъ своего члена Анисимова — для переговоровъ. Президіумъ съѣзда прибавилъ ему на помощь Каменева и Гоца. Вечернее засѣданіе съѣзда обсуждало вопросъ и постановило резолюцію: „категорически осуждая захватъ. . ., съѣздъ предлагаетъ. . . немедленно очистить домъ“. Правда, въ то же время дѣйствовали и законныя власти. Главнокомандующій округомъ послалъ двѣ роты солдатъ. Два товарища прокурора явились на мѣсто дѣйствій. Захватчики всему этому противопоставили требованіе: передать вопросъ на обсужденіе особой согласительной комиссіи, въ которую вошли бы, какъ равноправныя стороны, по два представителя отъ Совѣта р. и с. д., отъ анархистовъ, отъ Совѣта крест. депутатовъ, отъ „автономнаго комитета анархистовъ“ и отъ партій с.-р. и с.-д. Вечеромъ, дѣйствительно, комиссія съ участіемъ анархистовъ отправилась для переговоровъ въ Совѣтъ. Только увидѣвъ, что они окружены войсками, захватчики согласились добровольно уйти изъ занятаго помѣщенія, но поставили условія, которыя были приняты: гарантировать имъ безопасность отъ самосуда раздраженной толпы. Арестованные при выходѣ участники захвата были отвезены — не въ распоряженіе судебной власти, а на Съѣздъ совѣтовъ. Когда явились туда судебныя власти, представитель совѣта не допустилъ ихъ до слѣдствія, на томъ основаніи, что по соглашенію о сдачѣ анархистамъ была „обѣщана неприкосновенность“. Справка, наведенная прокуроромъ судебной палаты Каринскимъ у министра-предсѣдателя кн. Львова только подтвердила, что „соглашеніе“, дѣйствительно, состоялось. Анархистовъ освободили, даже не переписавши, по постановленію Исполнительнаго Комитета. На

другой день „Рабочая Газета“ — не большевистская — приветствовала „вмѣшательство организованной демократіи“.

Въ самомъ дѣлѣ, что преступнаго сдѣлали анархисты? Они только использовали прецеденты, созданные большевиками и не вызвавшіе въ свое время ни немедленныхъ протестовъ со стороны остальныхъ социалистическихъ группъ, ни немедленныхъ репрессій со стороны правительства. Еще 13 апрѣля рабочіе завода „Старый Парвййненъ“ постановили „реквизировать типографіи всѣхъ буржуазныхъ газетъ“, и ихъ резолюція была напечатана въ официальныхъ „Извѣстіяхъ“ (№ 41). Правда, въ слѣдующемъ № 42 редакціи (г. Стеклову) пришлось помѣстить заявленіе, что эта резолюція, „выражающая мнѣніе одной группы рабочихъ, не отвѣчаетъ взглядамъ петроградскаго совѣта“. Взгляды петроградскаго совѣта не помѣшали большевистской „Правдѣ“ печататься въ типографіи „Правит. Вѣстника“, и первую свободную трибуну въ Россіи Ленинъ нашелъ на балконѣ реквизированнаго большевиками дома балерины Кшесинской. Когда послѣ долгихъ хлопотъ повѣренному Кшесинской удалось получить приговоръ мирового судьи о выселеніи непрошенныхъ жильцовъ, кронштадскіе рабочіе постановили: отмѣнить приговоръ мирового судьи, признать домъ Кшесинской собственностью народа и отдать его въ распоряженіе большевиковъ. Это рѣшеніе, санкціонированное кронштадтскимъ совѣтомъ, проводилось въ теченіе двухъ недѣль послѣ наступленія срока исполненія приговора (28 мая), и только послѣ двухъ отсрочекъ, 12 іюня партійныя организаціи покинули, наконецъ, облюбованное ими помѣщеніе, немедленно захваченное поселившимися въ другой части дома „военными организаціями“.

Болѣе серьезное затрудненіе представила для правительства эвакуація дачи Дурново, гдѣ свили свое гнѣздо анархисты и максималисты. Мы видѣли, что оттуда былъ произведенъ набѣгъ на типографію „Русской Воли“. Тамъ же готовилось болѣе широкое движеніе, слухи о которомъ дошли до Съѣзда совѣтовъ тотчасъ послѣ этого набѣга.

Дача Дурново, окруженная большимъ паркомъ, находилась по сосѣдству съ заводами Выборгскаго раіона, рабочіе которыхъ уже проявили опредѣленно-большевистскія настроенія. Съ самаго начала революціи группа анархистовъ-коммунистовъ захватила „явочнымъ порядкомъ“ эту дачу, а затѣмъ въ ней поселился рядъ организацій агитаціонно-просвѣтительнаго характера. Паркомъ около дачи

привыкло пользоваться рабочеє население. Когда для правительства выяснилось, что на дачѣ Дурново ютятся криминальные элементы, оно приняло рѣшеніе — выселить „анархистовъ-коммунистовъ“ изъ дачи Дурново. Немедленно рабочіе рѣшили, что требованіе правительства „контръ-революціонно“, и заявили, что они будутъ отстаивать дачу Дурново съ оружіемъ въ рукахъ. На помощь этимъ защитникамъ изъ Кронштадта было послано подкрѣпленіе въ 50 кронштадтскихъ матросовъ. На заводахъ Выборгской стороны начались забастовки. Утромъ 8 іюня забастовавшіе рабочіе 28 заводовъ пошли къ дачѣ Дурново и послали делегацію къ исполнительному комитету сообщить, что анархисты не подчиняются требованію прокурора. Бюро исполнительнаго комитета заявило, что неорганизованныя выступленія отдѣльныхъ кучекъ людей недопустимы. Тогда явилась новая делегація съ ультимативнымъ требованіемъ, чтобы исп. комитетъ отказался отъ поддержки требованія о выселеніи анархистовъ и не выпускалъ предположеннаго имъ воззванія, осуждающаго подобныя дѣйствія. Въ противномъ случаѣ делегація грозила вооруженнымъ сопротивленіемъ.

Снова гг. Гоцъ и Анисимовъ отправились для переговоровъ. Они выяснили, что анархисты, засѣвшіе на дачѣ, не только не хотятъ подчиниться, но требуютъ освобожденія всѣхъ социалистовъ и анархистовъ, арестованныхъ во время революціи, въ чемъ бы они ни обвинялись, а также конфискаціи типографій „Русской Воли“, „Рѣчи“ и „Нашего Времени“ для передачи ихъ социалистическимъ и коммунистическимъ организаціямъ. Въ вечернемъ засѣданіи 7-го іюня это было доложено Съѣзду, который, послѣ горячихъ преній, принялъ предложеніе Гегечкори осудить „устройство вооруженныхъ демонстрацій *безъ прямого постановленія* о томъ петроградскаго совѣта“ и предложить рабочимъ вернуться къ занятіямъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было сообщить рабочимъ, что распоряженіе касается только дачной постройки и только поселившихся тамъ анархистовъ, среди которыхъ есть уголовные преступники. Паркъ же формальнымъ постановленіемъ съѣзда „переходилъ въ общее пользование рабочихъ Выборгской стороны“. Уже до вечерняго засѣданія „комитетъ съѣзда“ сообщилъ мѣстному комиссару, что „постановленіе судебного прокурора временно отмињается“ и „вопросъ о помѣщеніи остается открытымъ“ до рѣшенія Съѣзда. „Постановленіе“ это было вручено судебному слѣдователю и выселеніе анархистовъ не состоялось.

Дѣло о дачѣ Дурново было, такимъ образомъ, временно ликвидировано. Но передъ сѣздомъ стоялъ уже болѣе сложный вопросъ: о вооруженной демонстраціи, втайнѣ подготовлявшейся анархистами и большевиками на 10 іюня.

9 іюня всѣ социалистическія газеты, даже склонявшіяся къ большевикамъ, какъ „Новая Жизнь“ и „Дѣло Народа“, вышли съ тревожными статьями, въ которыхъ осуждалась „анархія“, расшатывающая завоеванія революціи. Тотъ самый Викторъ Черновъ, который въ апрѣлѣ (16) говорилъ: „пусть не пугаются чрезмѣрно политическихъ чрезмѣрностей Ленина. . ; локализовать опасность можемъ мы, социалисты, и исполнимъ это тѣмъ скорѣе, чѣмъ меньше намъ будетъ мѣшать нелѣпный гвалтъ перепуганныхъ на смерть заячьихъ душъ“, — теперь (11 іюня) озаглавлялъ свою статью „Игра съ огнемъ“, одобрялъ „твердыя, но тактичныя“ дѣйствія власти и рѣзко осуждалъ „необдуманную и легкомысленную готовность распустить паруса и нестись по вѣтру стихій“. 9 іюня на засѣданіи сѣзда председатель Чхендзе выступилъ съ тревожнымъ заявленіемъ, что на завтра предполагаются большія демонстраціи и что, „если сѣздомъ не будутъ приняты соотвѣтствующія мѣры, то завтрашній день будетъ роковымъ“. Былъ демонстрированъ текстъ прокламаціи, напечатанный газетой „Правда“.

Сѣздъ принялъ безъ преній воззваніе къ солдатамъ и рабочимъ, освѣдомляя ихъ, что „безъ вѣдома всеросс. сѣзда, безъ вѣдома крестьянскихъ депутатовъ и всѣхъ социалистическихъ организаций партія большевиковъ звала ихъ на улицу“, „для представленія требованія низверженія Временнаго Правительства, поддержку котораго сѣздъ только что призналъ необходимой“. Сѣздъ предупреждалъ, что „изъ мирной демонстраціи могутъ возникнуть кровавые беспорядки“ и что „выступленіемъ хотятъ воспользоваться контръ-революціонеры“. Последнее заявленіе курьезнымъ образомъ подкрѣпляло нелѣпый слухъ, пущенный самими большевиками, будто Керенскій сосредоточилъ подъ Петроградомъ 40.000 казаковъ, — слухъ, только-что опровергнутый самимъ Керенскимъ на сѣздѣ. „Мы знаемъ“, развивало воззваніе ходячій шаблонъ, „что контръ-революціонеры жадно ждутъ минуты, когда междоусобица въ рядахъ революціонной демократіи дастъ имъ возможность раздавить революцію“. Сѣздъ шелъ даже дальше и обѣщалъ, въ случаѣ дѣйствительно контръ-революціонной опасности, „позвать“ рабочихъ и солдатъ. Теперь же его приказъ былъ:

„ни одной роты, ни одного полка, ни одной группы рабочих не должно быть на улицѣ“. Всякія собранія и шествія запрещались втеченіе 11, 12 и 13 іюня, и нарушители объявлялись „врагами революціи“. Принявъ эти рѣшенія, члены съѣзда разъѣхались по рабочимъ кварталамъ для наблюденія и уговариванія; на раннее утро 10 іюня было назначено экстренное засѣданіе въ Таврическомъ дворцѣ.

Что же происходило на улицѣ? Въ извѣстныхъ уже намъ центрахъ работа кипѣла. До 9 часовъ вечера на дачѣ Дурново происходило засѣданіе делегатовъ отъ фабрикъ и заводовъ. Участвовало 123 делегата, въ томъ числѣ делегаты изъ Кронштадта, считавшаго, очевидно, дачу Дурново большевистскимъ плацдармомъ въ Петроградѣ. Совѣщаніе выбрало особый комитетъ, которому вручило „полноту власти“ и предоставило все руководство рабочимъ движеніемъ. Въ саду дачи передавали, что совѣщаніе рѣшило произвести 10 іюня выступленіе съ протестомъ противъ „буржуазнаго Временнаго Правительства“ и противъ Всероссійскаго Совѣта. Другая цѣль демонстраціи была—требовать освобожденія арестованныхъ. На митингахъ въ саду ораторы объясняли собравшимся, что демонстрація будетъ вооруженная, въ виду возможныхъ мѣръ, которыя приметъ „буржуазное правительство“.

Другой исходной точкой демонстраціи былъ Измайловскій полкъ, въ которомъ, въ связи съ конфликтомъ изъ-за дачи Дурново, былъ устроенъ 9 іюня митингъ, съ участіемъ до 2000 солдатъ — большевиковъ петроградскаго гарнизона. Здѣсь также руководители движенія направили пренія на предстоящее выступленіе. Принято было рѣшеніе—выступить 10 іюня съ вооруженной манифестаціей противъ Временнаго Правительства. Въ тотъ же день резолюція, принятая въ Измайловскомъ полку, подверглась обсужденію въ солдатской секціи Совѣта и встрѣтила рѣшительныя возраженія. Принятая резолюція объявила демонстрацію 10 іюня „деморализаторскимъ актомъ“, могущимъ „привести къ уличнымъ столкновеніямъ и вызвать гражданскую войну“. Поэтому солдатская секція постановила, что „солдаты должны быть насторожѣ и безъ призыва петроградскаго совѣта и всероссійскаго съѣзда совѣтовъ не принимать участія ни въ какихъ манифестаціяхъ. Запасный батальонъ Измайловскаго полка тоже высказался противъ вооруженнаго характера манифестаціи.

Все зависѣло теперь отъ того, какъ отнесутся рабочіе къ вы-

зову большевиковъ. Съѣздъ членами съѣзда рабочихъ кварталовъ столицы далъ ничтожный матеріалъ для сужденія объ этомъ. Въ общемъ, послѣ рѣшенія съѣзда отдать садъ дачи Дурново въ распоряженіе рабочихъ, острота ихъ настроенія нѣсколько прошла. Но, все же, члены съѣзда могли составить себѣ изъ отзывовъ рабочихъ яркую картину отрицательнаго отношенія къ нимъ петроградскаго пролетаріата.

Депутатъ съѣзда, посѣтившій ночью дачу Дурново, встрѣтилъ около дачи вооруженныхъ людей, которые дальше его не пустили и категорически заявили, что для анархистовъ постановленія съѣзда никакого значенія не имѣютъ и что они отъ выступления не откажутся. Вообще же о настроеніи рабочихъ на Выборгской сторонѣ въ эту ночь депутаты Квасманъ и Зероховичъ получили такія впечатлѣнія. Среди рабочихъ преобладало настроеніе даже не большевистское, а анархистское. Рабочіе заявляли, что теперь лозунгъ с.р. надо измѣнить: вмѣсто „въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“ надо говорить: „въ грабежѣ обрѣтешь ты право свое“. Съ депутатами говорили языкомъ „Правды“. Большинство съѣзда состоитъ изъ буржуевъ и имперіалистовъ; съѣздъ проданъ буржуазіи и т. д. На электрической станціи на Васильевскомъ островѣ делегату Кореневу рабочіе также говорили, что большинство съѣзда состоитъ изъ помѣщиковъ и что настоящими представителями народа являются одни большевики. Делегатъ, посѣтившій заводъ „Прометъ“, встрѣтилъ у воротъ рабочихъ, долго не пускавшихъ его дальше. Рабочіе утверждали, что съѣздъ представляетъ сборище лицъ, подкупленныхъ помѣщиками и буржуазіей. Когда делегаты возразили, что вѣдь тамъ участвуетъ и Ленинъ, они получили готовый отвѣтъ: Ленинъ тамъ для того, чтобы всѣхъ разоблачать. Членъ съѣзда—офицеръ, членъ исполн. комитета 11-ой арміи, побывавъ на Выборгской сторонѣ, вернулся съ особенно тягостными впечатлѣніями. „Насъ прислали для созидательной, творческой работы, а намъ приходится улаживать искусственно создаваемые конфликты. Въ моихъ ушахъ еще звучатъ эпитеты, которыми насъ угощали. Всероссійскій Съѣздъ проданъ буржуазіи, держитъ равненіе на министровъ, а министры на князя Львова, а князь Львовъ на сэра Джорджа Бьюкенена... Церетели получилъ 10 милліоновъ отъ Терещенко, а Терещенко отъ банкировъ. Откуда это все извѣстно? Да объ этомъ говорятъ всѣ. Молодой человѣкъ воинственнаго вида, съ револьверомъ за поясомъ, спросилъ меня:

а скоро ли вы, господа имперіалисты, съ вашимъ кадетствующимъ съѣздомъ перестанете воевать? Мое убѣжденіе*, закончилъ этотъ делегатъ, „что если даже удастся ликвидировать конфликтъ сегодня, то онъ вновь возгорится черезъ 5—6 дней“.

За Нарвской заставой было не лучше. Заводскій комитетъ Путиловскаго завода, *не большевистскій*, отказался устроить митингъ, боясь выпустить его изъ рукъ. Двумя днями раньше долженъ былъ состояться митингъ съ участіемъ Ленина и Зиновьева. Въмѣсто нихъ пришли анархисты, и довольно значительное количество рабочихъ завода рѣшили ихъ поддерживать. Рабочіе ждали отъ этого переворота улучшенія своего положенія, а оказалось, что съ каждымъ днемъ оно ухудшается. Противъ съѣзда ведется систематическая агитація: постановленія съѣзда заводъ считаетъ для себя необязательными и будетъ подчиняться только своимъ собственнымъ организаціямъ.

Делегатъ Ермолаевъ, посѣтившій рабочихъ московскаго района, заявилъ, что съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ Ленинъ, единодушное настроеніе рабочихъ въ пользу февральской революціи измѣнилось, началась смута и дикія, неорганизованныя выступленія. Цитаделью большевизма явилась фабрика „Скороходъ“. Делегатовъ здѣсь совершенно не хотѣли слушать.

Впечатлѣніе, вынесенное делегатами, посѣтившими воинскія части петроградскаго гарнизона, было не менѣе тревожно. Въ первомъ пулеметномъ полку толпа солдатъ встрѣтила делегатовъ у воротъ, не давала имъ говорить и не пускала въ казармы. Проникнувъ, наконецъ, внутрь помѣщенія, они встрѣтили прапорщика Семашко, намѣченнаго солдатами-большевиками въ командиры полка, и онъ заявилъ имъ, что солдаты не знаютъ Съѣзда, а знаютъ только центральный комитетъ партіи с.-д. (большевистскій). Министры-соціалисты стали такими же буржуями, какъ другіе, и идутъ противъ народа. Солдаты заявляли, что если даже большевики отмѣняютъ демонстрацію, то все равно, черезъ нѣсколько дней они выйдутъ на улицу и разгромятъ буржуазію. Настроеніе полка, пополненнаго дезертирами изъ другихъ частей, было таково, что делегатовъ хотѣли даже арестовать и заявляли, что всѣхъ ихъ надо перевѣшать.

Въ 180 Финляндскомъ полку делегатамъ тоже грозили кулачной расправой. Солдаты заявляли, что они выступаютъ съ оружіемъ

въ рукахъ и еще въ 5 часовъ утра на 10-е іюня утверждали, что демонстрація вовсе не отмѣнена.

Въ 3-мъ пѣхотномъ полку члену Исп. Комитета Войтинскому солдаты заявили, что они „идутъ рѣзать буржуазію“. Съѣздъ со- вѣтовъ они называли „съѣздомъ земскихъ начальниковъ“, а про исполнительный комитетъ говорили, что онъ „захваченъ жидами“ : оригинальное сочетаніе крайней правой пропаганды съ крайней лѣвой. Не было недостатка и въ германофильскихъ симптомахъ : изъ рядовъ солдатъ раздавались крики : „намъ все равно, кто бу- деть править Россіей, хотя бы Вильгельмъ“.

Однако же, большевики, подсчитавъ свои силы, которыя, ко- нечно, имъ были лучше извѣстны, чѣмъ ихъ противникамъ, рѣшили въ послѣднюю минуту подчиниться рѣшенію съѣзда и отложить демонстрацію. Въ 3¼ часа ночи центральный комитетъ с.-д. партіи рѣшилъ выпустить воззваніе объ отмѣнѣ. Однако же, до 4 часовъ утра газета „Правда“ успѣла напечатать и разослать значительное количество воззваній съ первоначальнымъ призывомъ, который также остался нетронутымъ и въ „Солдатской Правдѣ“. Затѣмъ, однако, призывъ къ демонстраціи былъ вынутъ изъ набора, и „Правда“ появилась утромъ 10-го іюня съ бѣлыми листами и съ воз- званіемъ ц. к. объ отмѣнѣ демонстраціи. Воззванія съѣзда „Правда“, однако, не помѣстила.

На что надѣялись большевики, видно изъ ихъ призыва, по- мѣщенного въ первомъ изданіи „Правды“. Въ выступленіи должны были принять участіе до 17 воинскихъ частей петроградскаго гар- низона: въ томъ числѣ первый пулеметный полкъ, Павловскій, Гренадерскій, Саперный, Измайловскій, Семеновскій, Егерскій и другіе. Лозунгами выступленія были намѣчены: „долой царскую Думу“, „долой Государственный Совѣтъ“, „долой *десять* мини- стровъ-капиталистовъ“, „вся власть всероссійскому совѣту р. с. и к. депутатовъ“, „пересмотрѣть декларацію правъ солдата“, „от- мѣнить приказы противъ солдатъ и матросовъ“, „долой анархію въ промышленности и локаутчиковъ-капиталистовъ“, „пора кончить войну“, „пусть совѣтъ депутатовъ объявляетъ справедливыя условія мира“, „ни сепаратнаго мира съ Вильгельмомъ, ни тайныхъ дого- воровъ съ французскими и англійскими капиталистами“, „хлѣба, мира, свободы“.

Только послѣ формальной отмѣны большевиками демонстраціи, предполагавшейся въ 2 часа пополудни, въ настроеніи рабочихъ

квартилъ произошелъ нѣкоторый переломъ. Значительная часть воинскихъ частей уже раньше рѣшила не выступать. Сторонники выступленія, болѣе или менѣе нехотя, подчинились рѣшенію центрального комитета с.-д. партіи. Наступило временное успокоеніе.

Сѣздъ совѣтовъ и исполнит. комитетъ, послѣ собранныхъ ихъ членами личныхъ впечатлѣній, однако, вполне отдавали себѣ отчетъ, съ какимъ трудомъ достигнута эта побѣда. Сѣздъ чувствовалъ, что почва ускользаетъ у него изъ-подъ ногъ и что, если такъ пойдетъ дальше, реальная сила въ столицѣ скоро будетъ не на его сторонѣ. И подъ вліяніемъ создавагоса такимъ образомъ настроенія сѣздъ рѣзко качнулся влѣво.

Уже наканунѣ предполагавшейся демонстраціи Сѣздъ пошелъ навстрѣчу одному изъ лозунговъ, выставленныхъ большевиками. Частныя совѣщанія членовъ Государственной Думы, въ которыхъ обсуждалось политическое положеніе, обратили на себя вниманіе лекинцевъ. Они потребовали формальнаго упраздненія Гос. Совѣта и Гос. Думы. Въ виду роли, сыгранной комитетомъ членовъ Г. Думы въ первые дни революціи, умѣреннымъ теченіемъ социализма было неловко пойти навстрѣчу этому требованію. Назначенные временнымъ комитетомъ министры, за исключеніемъ Гучкова, Миллюкова и Коновалова, еще сидѣли въ составѣ кабинета. Связь съ „буржуазіей“ считалась необходимой, чтобы не „сзузить“ социальнаго базиса революціи“. Даже по теоріи Церетели, „отходъ“ буржуазіи отъ „революціонной демократіи“ еще не совершился вполне. Враги у этой части „буржуазіи“ и у умѣреннаго социалистическаго большинства сѣзда оказались общіе: и это была не мнимая (для того времени) „контръ-революція“, а революціонные эксцессы слѣва. Въ борьбѣ противъ нихъ, умѣренный социализмъ, какъ мы видѣли, уже сталъ на точку зрѣнія радикальной „буржуазіи“. Однако, именно это обстоятельство, какъ выяснили теперь члены сѣзда въ рабочихъ кварталахъ, и оттолкнуло отъ нихъ рабочія массы. Надо было отгородиться отъ „буржуевъ“, чтобы рабочіе не считали ихъ „продавшимися капиталистамъ“. Госуд. Дума была самой удобной очистительной жертвой. Правда, В. Черновъ находилъ, что формально уничтожить Думу — значитъ убить покойника“. Но Луначарскій возражалъ, что въ такомъ случаѣ „сражаться за трупъ покойницы“ можно только для отвода глазъ. Сама Дума — за исключеніемъ, можетъ быть, своего предсѣдателя и немногихъ членовъ — не вела своихъ полномочій отъ из-

бранія 1912 года, а только отъ своей роли во время революціи, — и не думала собираться, какъ учрежденіе. Въ этомъ и найденъ былъ исходъ, когда съѣздъ рѣшилъ пожертвовать Думой. Резолюція большинства не упраздняла Думу, а просто констатировала фактъ, что старыя законодательныя учрежденія, какъ органы государственной власти, уже упразднены революціей, вмѣстѣ со всѣмъ уничтоженнымъ революціей старымъ режимомъ. Изъ этого Съѣздъ дѣлалъ выводъ, что званіе „членовъ Думы“ теперь утрачено личнымъ составомъ, что содержаніе имъ должно быть прекращено и что выступленія „бывшихъ“ членовъ Думы являются просто „выступленіями частной группы гражданъ свободной Россіи, никакими полномочіями не облеченныхъ“. Въ дни, когда присваивали себѣ власть всевозможныя самочинныя учрежденія, эти выводы не казались вполнѣ вѣрными и справедливыми. И Керенскій, и даже Церетели признавали въ эти дни, что временный комитетъ Думы является источникомъ власти „буржуазныхъ“ министровъ. Но они знали, что съ этой тѣнью правъ имъ не придется вести такой реальной борьбы, какъ съ всевозможными самочинными комитетами новаго происхожденія. И жертва, требуемая обстоятельствами, была принесена.

На другой день послѣ предполагавшейся демонстраціи Съѣздъ сдѣлалъ и другую уступку, практически болѣе важную. Запретивъ одну демонстрацію, онъ самъ рѣшилъ устроить другую.

Мысль объ этой уступкѣ, очевидно, зародилась въ тѣ тревожные часы ночи на 10-е іюня, когда Чхеидзе предупреждалъ членовъ съѣзда, что надо быть готовымъ ко всякимъ „внезапностямъ“ и совѣтовалъ не покидать помѣщенія Таврическаго дворца. Въ утреннемъ засѣданіи 11-го іюня это настроеніе вылилось въ форму опредѣленнаго предложенія, внесеннаго президіумомъ съѣзда: устроить въ одно изъ ближайшихъ воскресеній *мирную* „манifestацію революціонной Россіи“ въ Петроградѣ и другихъ городахъ. Цѣлью манифестаціи должно было быть объединеніе всего рабочаго населенія, демократіи и арміи вокругъ совѣтовъ, борьба за всеобщій миръ безъ аннексій и контрибуцій на основахъ самоопредѣленія народовъ и скорѣйшій созывъ Учредительнаго Собранія.

Когда 11 іюня „Рабочая Газета“ сообщила, что петроградскіе меньшевики рѣшили устроить въ „ближайшемъ будущемъ“ массовое политическое выступленіе пролетаріата для организованнаго про-

теста противъ поднимавшей голову контръ-революціи и политики авантюристическаго затягиванія войны“, то сама „Рабочая Газета“ выразила недоумѣніе по поводу такого козыря, выброшеннаго ленинцамъ. Въ засѣданіи 14 іюня это предположеніе превратилось въ дѣйствительность, причемъ большевики, ушедшіе демонстративно изъ засѣданія при обсужденіи и принятіи Съѣздомъ резолюціи, ожидающей демонстрацію 10 іюня, вновь вернулись, приняли участіе въ обсужденіи демонстраціи 18 іюня и заявили, что они будутъ въ ней участвовать подъ своими лозунгами, которые они тутъ же перечислили. *) „Правда“ повторила это заявленіе въ еще болѣе опредѣленной формѣ: „мы пойдемъ на демонстрацію 18 числа для того, чтобы бороться за тѣ цѣли, за которыя мы хотѣли демонстрировать 10 числа.“ Для еще большей наглядности „Правда“ напечатала тотъ самый призывъ къ низверженію „десяти министровъ-капиталистовъ“ и т. д., который она должна была выбросить изъ нумера 10 іюня. Газета констатировала, что впечатлѣнія делегатовъ въ рабочихъ кварталахъ и въ полкахъ „подѣйствовали на нихъ освѣжающе послѣ потока кадетскихъ рѣчей, услышанныхъ ими на съѣздѣ“, и Церетели въ 24 часа перемѣнилъ свою тактику. „Извѣстія“ подтверждали догадку „Правды“, найдя теперь, что общій врагъ — не ленинцы, а „контръ-революціонеры“. „Дѣло Народа“, „Новая Жизнь“ тянули ту же пѣсню о необходимости „суроваго предостереженія“ по адресу „контръ-революціи“.

Одновременно съ этимъ, на дачѣ Дурново уже начата была — или, точнѣе, продолжалась — подпольная работа для подготовки новаго выступленія. 12 іюня въ рабочихъ кварталахъ была распространена повѣстка „революціоннаго комитета“, организовавшагося въ этомъ гнѣздѣ анархистовъ; рабочіе делегаты приглашались на „экстренное засѣданіе чрезвычайной важности“. „Правда“ напечатала 14 іюня заявленіе Петербургскаго комитета с.-д. партіи, призывъ центральнаго совѣта фабрично-заводскихъ организацій и статью г. Сталина, въ которыхъ большевики отмежевывались отъ работы „революціоннаго комитета“, требовали выхода изъ него членовъ — большевиковъ и непризнанія его рабочими организаціями. Но, перепечатывая призывъ 10 іюня, „Правда“ въ то же

*) Депутатъ I-го пулеметнаго полка Жилинъ прибавилъ къ этимъ лозунгамъ, намъ извѣстнымъ, одинъ новый: „реквизиція золота въ монастыряхъ, церквахъ и особиякахъ“. Анархистъ Глейхманъ также заявилъ, что анархисты прибавятъ „кое что и свое“.

время опредѣленно становилась на сторону тактики, усвоенной обитателями дачи Дурново.

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Либеромъ въ засѣданіи Съѣзда 14 іюня, во главѣ организациі, совѣщавшейся, въ количествѣ 94, на дачѣ Дурново, стоялъ „никому невѣдомый вождь большевиковъ и анархистовъ, подполковникъ Гавриловъ“. Либеръ намекалъ, что подъ флагомъ крайнихъ лѣвыхъ теченій здѣсь ведется ультра-правая „контръ-революціонная работа“.

14-го же іюня состоялось собранное исп. комитетомъ совѣщаніе членовъ полковыхъ и батальонныхъ комитетовъ петроградскаго гарнизона въ составѣ 800 человекъ. Послѣ преній, была принята резолюція о подчиненіи рѣшенію Совѣта: „только за Совѣтомъ“ признавалось право „выводить на улицу цѣлыя воинскія части“. Но при этомъ дѣлалась оговорка: „за каждымъ солдатомъ, какъ гражданиномъ, сохраняется право участія въ любой демонстраціи и манифестаціи, организуемой съ вѣдома исполнительнаго комитета совѣта р. и с. д. какой бы то ни было партіей или группой“.

Въ ожиданіи демонстраціи 18 іюня руководители большинства съѣзда рѣшили сдѣлать лѣвымъ настроеніямъ еще одну уступку, кромѣ упраздненія Г. Думы. 15 іюля явилось въ газетахъ постановленіе Временнаго Правительства о назначеніи срокомъ созыва Учредительнаго Собранія 30-го сентября, а срокомъ выборовъ — 17 сентября 1917 года. Какъ разъ въ тотъ же день явилось сообщеніе „особаго совѣщанія по созыву Учредительнаго Собранія“, изъ котораго было видно, что это совѣщаніе, составленное изъ лучшихъ знатоковъ и убѣжденных демократовъ, признало большинствомъ 26 противъ 12, что, при самой напряженной работѣ, выборы въ Учредительное Собраніе не могутъ быть произведены раньше двухъ мѣсяцевъ со времени образованія волостныхъ и городскихъ органовъ самоуправленія на демократическихъ началахъ, которые должны были подготовить эти громоздкіе выборы и создать для нихъ нормальныя условія. Было извѣстно, что органы самоуправления будутъ введены повсемѣстно только къ 1 октября, но, слѣдовательно, ближайшимъ срокомъ выборовъ могло быть только 1 декабря. Иначе, пришлось бы поручить составленіе списковъ и проведеніе другихъ подготовительныхъ мѣръ тѣмъ или другимъ партійнымъ организаціямъ, созданнымъ „явочнымъ порядкомъ“, по шутили-вому выраженію революціоннаго жаргона. Понятно, что такіе выборы не могли представить никакихъ гарантій свободы и безпристрастія.

Сознавая прекрасно все это, тѣмъ не менѣ Церетели долженъ былъ во что бы то ни стало провести въ министерствѣ ультимативное требованіе съѣзда, и онъ это сдѣлалъ. Болѣе совѣстливыхъ министровъ утѣшали тѣмъ соображеніемъ, что, все равно, невозможное не станетъ возможнымъ, и придется вновь перемѣнить рѣшеніе, которое принимается исключительно, чтобы смягчить напряженность текущаго момента. Такъ, подчиняясь вліянію съѣзда, Временное Правительство вступило на почву безотвѣтственной демагогіи и сознательнаго лицемерія.

Наступилъ день 18 іюня, — день „мирнаго шествія организованныхъ невооруженныхъ группъ къ Марсову полю, къ могиламъ жертвъ революціи“, по точно опредѣленному церемонаіалу, выработанному особой „комиссіей по устройству манифестаціи“. Партіяныя организаціи приглашались помимо своихъ собственныхъ лозунговъ „выставлять также лозунги, общіе всѣмъ партіямъ, съ цѣлью подчеркнуть политическое значеніе манифестаціи 18 іюня, какъ манифестаціи единства революціонной демократіи“.

Каковы же были эти „общіе всѣмъ“ лозунги? Организационная комиссія снова вытаскивала лозунгъ: „сплотимся противъ контрреволюціи вокругъ Совѣтовъ“, „миръ безъ аннексій“ и т. д., „революціонный интернаціоналъ“, „черезъ Учредительное Собраніе къ демократической республикѣ“. Органы печати, одни съ недоумѣніемъ, другіе съ злорадной ироніей, отмѣчали, что между этими лозунгами не было одного, основнаго: „поддержка коалиціоннаго правительства“. „День“ говорилъ наканунѣ демонстраціи: „если большевики, полагающіе, что надо свергнуть Временное Правительство, имѣютъ смѣлость выдти съ этимъ на улицу, то вы, полагающіе, что Временное Правительство надо поддержать и укрѣпить, также обязаны имѣть мужество выдти съ этимъ лозунгомъ на улицу. Иначе Россія въ день 18 іюня по вопросу о Временномъ Правительствѣ узнаетъ только это „долой“! И не узнаетъ оно, что главари, инициаторы манифестаціи, думаютъ совсѣмъ другое: да здравствуетъ Временное Правительство“.

Съ другаго фланга, „Правда“ напечатала въ тотъ же день издѣвательскую статью: „Долой десять министровъ-капиталистовъ. Вся власть совѣтамъ. Это говоримъ мы. Это скажетъ вмѣстѣ съ нами, мы увѣрены, громадное большинство петроградскихъ рабочихъ и петроградскаго гарнизона. Ну, а вы, господа? Что скажете вы по важнѣйшему изъ всѣхъ вопросовъ? Вы выдвигаете ло-

зунгъ: „полное довѣріе“, но. . . но только Совѣтамъ, а не Временному Правительству. А куда же дѣвалось полное довѣріе Временному Правительству, господа? Этого лозунга не найти ни въ „Рабочей Газетѣ“, ни въ „Извѣстіяхъ“, ни въ „Дѣлѣ Народа“. . . Почему прилипаетъ у васъ языкъ къ гортани? . . Дѣло сводится къ слѣдующему. Въ широчайшихъ кругахъ петербургскихъ рабочихъ и солдатъ коалиціонное министерство за мѣсяцъ — полтора скомпрометтировало себя безнадежно. Несостоявшаяся демонстрація 10 іюня продемонстрировала это вамъ съ полной очевидностью. Наиболѣе чуткіе изъ васъ не могутъ не замѣтить того, что идти теперь къ петроградскимъ рабочимъ и солдатамъ съ лозунгомъ „довѣріе Временному Правительству“ — значитъ вызвать недовѣріе къ себѣ самимъ“.

Это было мѣтко и вѣрно. Воззваніе организаціоннаго комитета партій социаль-демократовъ только подтверждало эти обвиненія, находя лишь смягчающія обстоятельства въ томъ, что совѣты „подчиняли своей волѣ Временное Правительство“, подъ ихъ давленіемъ оно дѣйствовало и будетъ и впредь „творить ихъ волю — или исчезнетъ, будетъ замѣнено другимъ — волей и рѣшеніемъ „Совѣтовъ“. Эс-эровская „Воля Народа“ употребляла официальную формулу съѣзда: „объединеніе массъ вокругъ Совѣтовъ, *поддерживающихъ* правительство“ и осторожно объясняла, что „съѣздъ совѣтовъ *не желаетъ забѣгать впередъ развитія событий*“, „что народныя массы необъятной Россіи еще слабо организованы, еще не проникнуты глубоко социалистическими идеями. При такихъ условіяхъ переходъ всей власти къ совѣтамъ грозилъ бы вызвать въ странѣ междуусобицу, оттолкнуть отъ революціи умѣренные и малосознательные элементы“. И тутъ, слѣдовательно, правительство терпѣлось какъ временное зло. Только Плехановская организація „Единства“ призывала своихъ единомышленниковъ участвовать въ демонстраціи подъ лозунгами: „да здравствуетъ твердая демократическая власть“, „да здравствуетъ объединенное правительство и Учредительное Собраніе“. Партія народной свободы приглашала своихъ сторонниковъ воздержаться отъ всякаго участія въ демонстраціи и не выходить на улицу.

Не вышли на улицы не только „буржуи“. Значительная часть петроградскихъ рабочихъ и солдатъ также уклонилась отъ участія въ демонстраціи. Преобладающимъ элементомъ въ процессіи были женщины и подростки. Въ толпѣ не было никакого энтузіазма.

Бросалось въ глаза непропорціонально большое количество знаменъ и плакатовъ, очевидно, рассчитанное на гораздо большіе размѣры манифестаціи. Среди лозунговъ, конечно, преобладали большевистскіе. На немногія знамена съ надписями о поддержкѣ Временнаго Правительства производили систематическія нападенія.

Кліенты дачи Дурново рѣшили использовать день демонстраціи для набѣга на тюрьму, въ которой содержался редакторъ „Окопной Правды“ Хаустовъ. Они увлекли часть демонстрантовъ съ Выборгской стороны къ зданію тюрьмы и предъявили начальнику тюрьмы требованіе объ освобожденіи нѣсколькихъ арестованныхъ. Семь названныхъ анархистами лицъ были выпущены изъ тюрьмы и отведены на дачу Дурново. Тогда правительство предписало черезъ министра юстиціи произвести обыскъ на дачѣ и арестовать виновныхъ. Въ 4 часа утра дача Дурново была окружена нѣсколькими ротами Преображенскаго и Семеновскаго полковъ и полусотней казаковъ. Министръ юстиціи Переверзевъ лично началъ переговоры съ анархистами, требуя выдачи освобожденныхъ ими арестантовъ. Анархисты отказались. Тогда солдаты вошли въ дачу, разбивъ прикладами двери и окна. На встрѣчу первымъ ворвавшимся была брошена бомба, которая къ счастью не разорвалась. Это раздражило солдатъ. Со штыками на перевѣсъ они бросились осматривать отдѣльныя комнаты. 60 человекъ было арестовано, а одинъ анархистъ-уголовный, Аснинъ, при взломѣ одной изъ дверей былъ убитъ случайнымъ выстрѣломъ. Въ числѣ арестованныхъ оказался кронштадтскій матросъ Желѣзняковъ и нѣсколько матросовъ судна „Пересвѣтъ“, что привело кронштадтскую „республику“ къ рѣшенію поставить министру юстиціи ультимативное требованіе о выдачѣ арестованныхъ, а въ случаѣ отказа — двинуться на Петроградъ съ оружіемъ въ рукахъ.

На слѣдующій день послѣ неудавшейся демонстраціи большевиковъ полупустыя наканунѣ улицы Петрограда наполнились густыми толпами народа. Впрочемъ, по ироническому замѣчанію лѣвой печати, это былъ не „народъ“, а „публика“. Они вышли на улицу не для исполненія партійнаго приказа, не для „подсчета силъ“, а для выраженія охватившаго ихъ порыва. Дѣло въ томъ, что въ столицѣ съ утра распространились извѣстія о начавшемся наступленіи на фронтѣ, а среди дня появился въ печати приказъ Керенскаго по арміи и флоту 16 іюня, телеграмма Керенскаго къ Львову съ предложеніемъ наименовать начавшіе наступленіе полки

„полками 18 іюня“ и вручить имъ „красныя знамена революціи“. Въ документахъ этихъ было много реторическаго преувеличенія и напѣреннаго расчета на впечатлѣніе. Но послѣ длиннаго ряда свѣдѣній о неисполняющихъ приказы частяхъ, о дезертирахъ, о митингующихъ солдатахъ, послѣ тяжелыхъ впечатлѣній безсилія власти и прогрессирующихъ захватовъ всевозможныхъ самочинныхъ организацій, среди всей этой картины распада и безпомощности, наступленіе 18 іюня было первымъ свѣтлымъ лучемъ, который давалъ какую то надежду на будущее. На минуту казалось, что здѣсь, наконецъ, достигнута цѣль созданія коалиціонной власти и оправдано ея существованіе. Всѣ, кто чувствовалъ себя подавленнымъ событіями послѣднихъ дней, почувствовалъ возможность и потребность выпрямиться и громко торжествовать начавшееся оздоровленіе русскаго національнаго организма и русской революціи. Вотъ почему безъ всякаго предварительнаго сговора высыпала на улицу совсѣмъ другая публика, чѣмъ та, которая демонстрировала наканунѣ.

Въ импровизированныхъ шествіяхъ, на многолюдныхъ митингахъ, въ рѣчахъ извѣстныхъ ораторовъ чувствовалась живая радость, предъ которой отступили на второй планъ всѣ партійные счета. Плакаты въ честь Керенскаго и Временнаго Правительства, одушевленные демонстраціи передъ посольствами союзныхъ державъ,—все это такъ было непохоже на все то, что происходило на тѣхъ же улицахъ наканунѣ, что къ чувству торжества невольно примѣшивалось чувство недовѣрія. Неужели все это прочно? Неужели это не эпизодъ, который пройдетъ безъ слѣда, а начало новаго перелома, обещающее прекрасное продолженіе?.. Подъ впечатлѣніемъ удачнаго наступленія даже въ рѣчахъ Либера и Церетели передъ петроградскимъ совѣтомъ зазвучали новыя ноты, и большинствомъ 472 голосовъ противъ 271 и 39 воздержавшихся это, уже склонявшееся къ большевизму, собраніе приняло патріотическую резолюцію „горячаго привѣта“ солдатамъ на фронтѣ, внесенную Войтинскимъ. Рѣчь Чернова уже встрѣчена была въ этомъ собраніи негодующимъ возгласомъ: „давно-ли вы прибыли изъ Циммервальда“. Увы, этому порыву суждено было прoderжаться недолго.

Въ своихъ послѣднихъ засѣданіяхъ передъ закрытіемъ (27 іюня) Съѣздъ совѣтовъ спѣшно заслушалъ рядъ докладовъ по спеціальнымъ вопросамъ. Въ этомъ числѣ былъ и докладъ Либера

о національномъ вопросѣ, сдѣланный 20 іюня. Въ третьемъ пунктѣ принятой сѣздомъ резолюціи содержалось знаменитое требованіе, чтобы Временное Правительство издало декларацію „о признаніи за всѣми народами права самоопредѣленія *вплоть до отдѣленія*, осуществляемого путемъ соглашенія во всенародномъ учредительномъ собраніи“. Уже изъ этого конца фразы видно, что намѣренія сѣзда въ національныхъ вопросахъ не шли такъ далеко, какъ его формула. Въ 5-мъ пунктѣ сѣздъ „рѣшительно высказался *противъ* попытокъ разрѣшенія національныхъ вопросовъ до Учредительнаго Собранія *явочнымъ* порядкомъ, путемъ обособленія отъ Россіи отдѣльныхъ ея частей. Они мыслили, по выраженію 1-го пункта, „разрѣшеніе національнаго вопроса Россіи въ неразрывной связи съ закрѣпленіемъ революціи въ *общегосударственномъ* масштабѣ“. Соотвѣтственно этому, они заблаговременно оговаривали, въ той же резолюціи, права государственнаго языка и „образованіе при Временномъ Правительствѣ совѣтовъ по національнымъ дѣламъ“. Въ своемъ докладѣ Либеръ подчеркивалъ, что было бы „жестокой ошибкой“, еслибы „отдѣльныя области и народности, отдѣлившись отъ общаго демократическаго движенія, постарались закрѣпить свою побѣду только для себя“. Даже и „тѣ народы, которые по отношенію къ себѣ пожелаютъ разрѣшить вопросъ путемъ отдѣленія отъ страны“, заинтересованы въ упроченіи результатовъ революціи и должны подождать рѣшенія Учредительнаго Собранія. Любопытно, что возраженія большевистскихъ ораторовъ, Коллонтай и Преображенскаго, не только не стояли за болѣе радикальное рѣшеніе вопроса, но даже заявили, что, во имя „общности пролетарской культуры“, они—противъ „культурно-національной автономіи“. А Зиновьевъ отъ имени украинской соціалистической фракціи категорически заявилъ, что шаги Украины „направлены не къ тому, чтобы, пользуясь случаемъ, урвать возможно больше для себя“ и рѣшить свой вопросъ „явочнымъ порядкомъ, путемъ обособленія отъ Россіи отдѣльныхъ частей“. Напротивъ, они „направлены къ организаціи страны, къ борьбѣ съ шовинистическими теченіями среди украинской буржуазіи“.

Въ дѣйствительности, шаги Финляндіи и Украины были направлены именно къ тому, что отрицалъ Зиновьевъ, и это тотчасъ обнаруживалось, какъ только отъ общихъ декларацій сѣзда переходилъ къ конкретнымъ рѣшеніямъ, которыя онъ долженъ былъ принимать по соглашенію съ делегатами отдѣльныхъ національно-

стей. Немедленно послѣ принятія общей резолюціи по національному вопросу былъ поставленъ на обсужденіе съѣзда финляндскій вопросъ. Докладчикъ Абрамовичъ, исходя изъ положенія, что Финляндія есть „особое государство“, находящееся въ „опредѣленныхъ договорныхъ отношеніяхъ“, предлагалъ признать за Финляндіей „право на самоопредѣленіе вплоть до полной государственной самостоятельности“. Но, въ согласіи съ общей резолюціей, онъ все-таки заявлялъ, что въ обстановкѣ міровой войны и революціонной разрухи „эта самостоятельность не можетъ быть немедленно осуществлена“. Онъ увѣрялъ съѣздъ, что „финляндская социаль-демократія сама это сознаетъ и не настаиваетъ на немедленномъ проведеніи всѣхъ логическихъ послѣдствій принципа государственной самостоятельности“; однако же, послѣ принятія резолюціи о Финляндіи выступилъ финляндскій социаль-демократъ Хитуненъ и въ длинной рѣчи мотивировалъ рѣшеніе съѣзда финляндской с.-д. партіи, только что одоббившаго резолюцію, „въ которой содержится требованіе полного права самоопредѣленія для Финляндіи, т. е. признанія независимости“. Хитуненъ „не отрицалъ“, что „законное положеніе“ въ Финляндіи уже восстановлено Временнымъ Правительствомъ; но онъ категорически заявлялъ: „это насъ не удовлетворяетъ“; финляндцы считаютъ это лишь „временнымъ урегулированіемъ вопроса“ и въ настоящее время предъявляютъ „окончательныя основы“ рѣшенія финляндскаго вопроса. Хитуненъ прибавилъ при этомъ, что они вовсе „не желаютъ разговаривать о правѣ самоопредѣленія Финляндіи“ съ представителями буржуазныхъ, даже „лѣвыхъ“ круговъ: они „прямо обращаются къ работающему народу Россіи“. При этомъ тѣхъ оговорокъ, о которыхъ упоминалъ Абрамовичъ, Хитуненъ вовсе не дѣлалъ, за исключеніемъ вскользь брошеннаго замѣчанія, что „немедленнаго вывода русскихъ войскъ изъ Финляндіи не требуется въ резолюціи финляндской с.-д. партіи“ и что „этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ при заключеніи мира“.

Очевидно, концы съ концами не сходились. Только что принятая резолюція признавала за финляндскимъ сеймомъ право изданія, „для окончательнаго одобренія“, всѣхъ законовъ, „за исключеніемъ областей внѣшней политики и вопросовъ военнаго законодательства и управленія“, право рѣшать вопросъ о созывѣ и роспускѣ сейма, права финляндскаго народа „самостоятельно опредѣлить свою исполнительную власть“. Но резолюція вмѣстѣ съ тѣмъ

оговаривала, что „окончательное рѣшеніе финляндскаго вопроса во всемъ его объемѣ можетъ быть принято только на Всероссійскомъ Учредительномъ Собраніи“ и въ *этомъ* смыслѣ толковала „позицію с.-д. партіи Финляндіи“. Помимо этого разногласія въ финляндскомъ сеймѣ обострился вопросъ о проведеніи займа для Россіи въ 350 милліоновъ марокъ.

Сенаторъ Таннеръ защищалъ передъ сеймомъ этотъ заемъ, указывая на возможность обостренія съ русской стороны въ случаѣ отказа, на возможность пріостановки всѣхъ русскихъ работъ въ Финляндіи, что лишитъ заработка финляндскихъ рабочихъ; наконецъ, на раздраженіе русскихъ войскъ, принужденныхъ расплачиваться русскимъ рублемъ, курсъ котораго упалъ съ 265 до 138 финляндскихъ марокъ. Русскій заемъ для возстановленія валюты, несомнѣнно, нуженъ былъ для самой Финляндіи. Но, по политическимъ мотивамъ, настроеніе было противъ займа и въ *этомъ* смыслѣ высказалось большинство сейма въ засѣданіи 17 іюня.

Для уговариванія соціалъ-демократовъ — стать на общерусскую точку зрѣнія — были посланы съѣздомъ Авксентьевъ и Гегечкори. Они напоминали финляндцамъ о заслугахъ русской демократіи во времена Столыпина, взывали къ „усиліямъ демократіи всѣхъ народовъ, населяющихъ Россію“, чтобы спасти русскую революцію отъ хозяйственно-экономическаго краха, настаивали на разрѣшеніи займа въ 350 милліоновъ, — сравнительно небольшого, сравнительно съ тяготами, которыя Россія одна несла за все время войны. Они не „грозили“, но серьезно предупреждали, что русская армія, стоящая въ Финляндіи, не помирится съ необходимостью платить обезцѣненными рублями, что занятыя деньги останутся въ самой же Финляндіи и т. д. Финляндцы не хотѣли убѣдиться никакими доводами. За прошлое они благодарили, но въ настоящемъ, по заявленію вернувшихся делегатовъ, „оказались плохими политиками“, не желая понять собственнаго интереса. Къ негодованію русскихъ, они потребовали отъ Россіи того, что можно было бы требовать отъ Турціи или Персіи: гарантіи займа — передачей почты, телеграфа и казенныхъ имуществъ въ Финляндіи — или контроля надъ употребленіемъ займа. Конечно, подкладка этого требованія была тоже совершенно политическая.

Временное Правительство, наконецъ, принуждено было прибѣгнуть къ мѣрѣ понужденія. Министръ земледѣлія еще 15 апрѣля заявилъ финляндскому сенату, что все вывозимое въ Финляндію

продовольствіе должно быть оплачено въ финляндской валютѣ. Возвращаясь къ этому требованію, правительство 26 іюня подтвердило, что за всѣ выпускаемые послѣ 15 апрѣля въ Финляндію продовольственные грузы должна быть внесена финляндская валюта; точно также и всѣ остальные продукты и товары при ввозѣ должны быть оплачены финляндскими марками; причемъ вырученная за стоимость ихъ сумма должна поступить въ распоряженіе правительства. Представителямъ финляндскаго сената пришлось согласиться на уплату стоимости муки, — необходимаго для Финляндіи продукта, финляндскими марками по курсу 180-200 марокъ за 100 рублей. Валютный заемъ въ 350 мил. былъ окончательно отклоненъ сеймомъ 1 іюля.

Другой вопросъ, украинскій, какъ мы видѣли, принялъ острую форму послѣ принятія 10 іюня „универсала“ Рады, и особенно послѣ деклараціи секретаріата 27 іюня, въ которой двусмысленная позиція Рады расшифровывалась уже въ открыто революціонномъ смыслѣ (см. стр. 163—164). На „универсалъ“ Временное Правительство отвѣтило 16 іюня очень чувствительнымъ воззваніемъ за подписью кн. Львова. „Братья-украинцы“ приглашались „не отрывать отъ общей родины, не идти гибельнымъ путемъ раздробленія освобожденной Россіи, не раскалывать общей арміи въ минуты грозной опасности“. Правительство заявляло, что „по отношенію ко всѣмъ народамъ Россіи оно уже начало проводить въ жизнь начала культурнаго самоопредѣленія“: оно „вмѣняетъ себѣ въ обязанность придти къ соглашенію съ общественными демократическими организаціями Украины относительно переходныхъ мѣръ, чтобы обезпечить права украинскаго народа въ мѣстномъ управленіи и самоуправленіи, въ школѣ, въ судѣ“, но въ то же время оно убѣждало украинцевъ „предоставить окончательное рѣшеніе всѣхъ основныхъ вопросовъ недалекому уже Учредительному Собранію“.

Очевидно было, что одного такого обращенія недостаточно. Въ правительствѣ возникла мысль послать въ Украину комиссію изъ видныхъ представителей разныхъ партій (В. И. Вернадскій и С. Ф. Ольденбургъ отъ к. д., кн. П. А. Крапоткинъ, Н. Д. Авксентьевъ и В. А. Мякотинъ, В. И. Короленко). Но было настолько очевидно, что это — полумѣра, ничего не рѣшающая и лишь представляющая новую оттяжку, что всѣ названные члены, по разнымъ мотивамъ, отказались участвовать въ комиссіи.

Тогда, въ засѣданіи 26 іюня, было рѣшено послать въ Украину

министровъ М. И. Терещенко и И. Г. Церетели (будущіе представители грузинской республики, очевидно, считались самыми подходящими для рѣшенія общерусскихъ вопросовъ); къ нимъ въ ставкѣ долженъ былъ присоединиться Керенскій; наконецъ, „частнымъ образомъ“ поѣхалъ и Н. В. Некрасовъ. Весь „тріумвиратъ“, съ присоединеніемъ лидера совѣтскаго большинства, былъ тутъ на лицо. Однако, остававшіеся на мѣстѣ министры к.-д. настаивали на томъ, чтобы никакихъ окончательныхъ рѣшеній въ Кіевѣ предпринято не было.

28 іюня Терещенко и Церетели пріѣхали въ Кіевъ. Въ теченіе дня они имѣли частное совѣщаніе съ президіумами исполнительныхъ комитетовъ раб. и военныхъ депутатовъ, общественныхъ организацій и коалиціоннаго студенчества. 29 іюня пріѣхалъ Керенскій. Съ утра министры обсуждали возможности соглашенія въ помѣщеніи Центральной Рады. Съ 5 часовъ вечера шло засѣданіе министровъ съ „генеральнымъ секретариатомъ“.

Одновременно съ этимъ сторонники деклараціи секретариата устроили министрамъ уличную демонстрацію украинской независимости. Не освѣдомивъ командующаго войсками округа Оберучева, украинскій войсковой комитетъ издалъ наканунѣ приказъ, которымъ на 5 часовъ дня былъ назначенъ парадъ всѣхъ украинскихъ частей передъ зданіемъ Педагогическаго Музея, гдѣ помѣщалась Рада. Оберучевъ ночью отмѣнилъ приказъ. Тѣмъ не менѣе, украинскій полкъ Богдана Хмѣльницкаго и образовавшійся самочиннымъ порядкомъ полкъ имени Полуботка (см. вып. II-й) явились на демонстрацію, вмѣстѣ съ малочисленными украинскими группами отъ остальныхъ воинскихъ частей, кучкой артиллеристовъ и юнкеровъ и оркестромъ музыки. Парадъ состоялся, хотя и жидкій; члены Рады Грушевскій, Петлюра и другіе встрѣчали украинскія войска. Министры, въ томъ числѣ и военный, остались сидѣть въ помѣщеніи рады. Когда, по окончаніи парада, Керенскій вышелъ, солдаты встрѣтили его оваціей.

Вечеромъ, въ объединенномъ засѣданіи всѣхъ Кіевскихъ исполнительныхъ комитетовъ, Керенскій, Церетели и Терещенко произнесли обширныя рѣчи и, между прочимъ, сообщили о достигнутомъ соглашеніи съ Радой. Были изложены и основанія этого соглашенія.

Такое, нѣсколько преждевременное выступленіе, вызвало недоумѣніе среди части министровъ. Рѣшающій моментъ былъ еще

впереді, и рѣшеніе должно было состояться лишь съ согласія всего состава Временнаго Правительства. Послѣ 2-хъ часовъ дня 30 іюня, получивъ изъ Кіева телеграммы, что переговоры проходятъ черезъ окончательный фазисъ, Временное Правительство перенесло свое засѣданіе на главный телеграфъ, чтобы непрерывно сноситься съ Кіевомъ по прямому проводу. Въ то же время министры, находившіеся въ Кіевѣ, вели переговоры съ руководителями Рады и сообщили, что достигнуты, по ихъ мнѣнію, благоприятные результаты. Послѣднее поступившее сообщеніе гласило, что Рада только-что вынесла постановленіе, которое, по мнѣнію переговаривавшихся министровъ, можетъ считаться удовлетворительнымъ.

Постановленіе, о которомъ шла рѣчь, принято было Радой большинствомъ 100 противъ 70. Сильная оппозиція соглашенію составила изъ украинскихъ с.-р. и членовъ украинскаго войскового комитета, не желавшаго идти на компромиссъ въ вопросѣ объ арміи. Соглашеніе должно было быть опубликовано въ видѣ двухъ актовъ: одного — отъ имени Врем. Правительства, другого — отъ имени генеральной Рады. Это, очевидно, должно было придать соглашенію характеръ договора между всероссійской властью и непризнаннымъ, пока самочиннымъ органомъ частныхъ, мѣстныхъ организацій.

Уже во время переговоровъ по прямому проводу нѣкоторые изъ министровъ к.-д. нашли какъ форму, такъ и детали содержанія соглашенія непріемлемыми. Во всякомъ случаѣ, они требовали, чтобы, какъ и было условлено при посылкѣ министровъ, окончательнаго рѣшенія не принималось въ Кіевѣ. Министры были приглашены немедленно вернуться въ Петроградъ.

Когда въ Кіевѣ узнали, что Временное Правительство не считаетъ соглашенія окончательнымъ, противники соглашенія ободрились и стали утверждать, — какъ это и было въ дѣйствительности —, что Терещенко и Церетели не имѣли достаточныхъ полномочій для заключенія соглашенія, что дѣло пошло въ затяжку и т. д.. Боязнь, что соглашеніе будетъ сорвано, видимо побудила министровъ дать завѣренія, что какъ текстъ русскаго, такъ и текстъ украинскаго акта должны считаться окончательными. Въ ночь на 1-е іюля въ совѣщаніи органовъ революціонной власти и политическихъ партій были рассмотрѣны подробности относи-

тельно формы и состава краевого органа. Утромъ 1 іюля министры выѣхали въ Петроградъ.

Заключенное тремя министрами соглашеніе вызвало въ Петроградѣ сильнѣйшій протестъ со стороны министровъ к.-д. „Русскіе юристы“, писалъ знатокъ государственнаго права, проф. Б. Э. Нольде („Рѣчь“, 7 іюня), „привыкли послѣ переворота читать множество правовыхъ актовъ, которые, въ первую минуту, ихъ поражаютъ своей новизной и смѣлостью. Но такого акта, какъ „декларація“ съ „универсаломъ“, имъ читать еще не приходилось. Дѣйствительно, министры—дилетанты, руководившіеся единственнымъ желаніемъ—какъ-нибудь смягчить остроту борьбы, проявили чрезвычайную беззаботность въ юридическихъ вопросахъ. Не говоря уже о томъ, что ихъ постановленіе узаконивало несуществовавшія до сего въ правѣ понятія „Украины“ и „Рады“, юридическое содержаніе этихъ терминовъ оставалось совершенно неопредѣленнымъ. „Неопредѣленному множеству русскихъ гражданъ, живущихъ на неопредѣленной территоріи“, говоритъ Нольде, „предписывалось подчиниться государственной организаціи, которую они не выбирали и во власть которой ихъ отдали безъ всякихъ серьезныхъ оговорокъ. Русское Правительство не знаетъ даже, *кого* оно передало въ подданство новому политическому образованію... Надъ этими милліонами русскихъ гражданъ поставлена власть, внутреннее устройство и компетенція которой внушаютъ полное недоумѣніе...“ Рада „изъ своей среды“ выбираетъ „отвѣтственный передъ нею“ генеральный секретаріатъ, который будетъ утверждаться Временнымъ Правительствомъ и будетъ считаться „носителемъ высшей краевой власти Врем. Правительства“. Такъ говорилъ „универсалъ“. „Декларація“ правительства дѣлаетъ попытку „нѣсколько расширить смыслъ“ и выражается иначе: „назначить въ качествѣ высшаго органа управленія краевыми дѣлами на Украинѣ особый органъ—секретаріатъ, составъ котораго будетъ опредѣленъ правительствомъ по соглашенію съ центральной укр. Радой“. „При опредѣленіи *объема* власти нѣтъ даже фикцій...; въ приведенныхъ пожеланіяхъ заключается безусловная передача Радѣ всей совокупности государственно-правовыхъ полномочій, по крайней мѣрѣ, въ дѣлахъ внутреннихъ“. „Какое правовое возраженіе противопоставить Врем. Правительство украинской власти, если, ссылаясь на договоръ, послѣдняя потребуетъ передачи ей почты, или телеграфа, или

поступленій отъ налоговъ, если она устроить земство по своему, если она на своей „морской границѣ“—ибо все возможно при неопредѣленности договора и слабости Временнаго Правительства—заведетъ свои таможи. Впрочемъ, даже войско стоитъ подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, ибо Радѣ обѣщано „безъ нарушенія боеспособности арміи“ комплектованіе отдѣльных частей исключительно украинцами“. (Нольде). Надо прибавить, что даже и аппеляція къ Учредительному Собранію теряла смыслъ, такъ какъ, по двусмысленнымъ выраженіямъ правительственного постановленія, „правительство авансомъ обѣщало“ отнестись сочувственно къ разработкѣ проекта украинской автономіи „въ томъ смыслѣ, въ которомъ сама Рада найдетъ это соответствующимъ интересамъ края“, „для внесенія въ Учредительное Собраніе“. Единственными уступками, полученными взаменъ всего этого, было обязательство пополнить Раду „на справедливыхъ началахъ“, предоставленныхъ ея усмотрѣнію, „представителями другихъ народностей, живущихъ на Украинѣ“, и „рѣшительное отверженіе попытокъ самочиннаго осуществленія автономіи Украины (уже осуществлявшейся по соглашенію) до Учредительнаго Собранія“.

2-го іюля министры пріѣхали въ Петроградъ и сдѣлали подробный докладъ о переговорахъ въ засѣданіи Временнаго Правительства. Тутъ же былъ прочтенъ заготовленный въ Кіевѣ проектъ правительственного постановленія и указано, что текстъ этотъ *долженъ быть принятъ безъ всякихъ измѣненій*. Единственная возможная уступка — замѣна „постановленія“ — „деклараціей“.

Не въ первый уже разъ рѣшенія, подготовленные келейно въ руководящей группѣ членовъ кабинета, проводились въ засѣданіяхъ Временнаго Правительства большинствомъ министровъ-соціалистовъ, при поддержкѣ В. Н. Львова, Годнева или кн. Львова. Министры партіи народной свободы неизбежно въ такихъ случаяхъ оставались въ меньшинствѣ. Такимъ образомъ, нарушался въ корнѣ самый принципъ коалиціи, на основѣ котораго они вошли въ правительство. Такъ прошли постановленія объ упраздненіи Думы, о назначеніи невозможнаго срока созыва Учредит. Собранія. Послѣ того, какъ манифестація 17 іюня выяснила, что Совѣтское большинство вообще конфузится поддерживать Временное Правительство, положеніе т. наз. „министровъ-капиталистовъ“ въ немъ стало совершенно невозможнымъ. Газета „Рѣчь“ тогда же

(18 іюня) поставила вопросъ, насколько цѣлесообразно ихъ дальнѣйшее пребываніе въ кабинетѣ. Начавшееся на фронтѣ наступленіе, для котораго, собственно, и было составлено коалиціонное правительство, нѣсколько задержало его распадъ. Но именно къ наступленію, несмотря на „пріятіе войны“ умѣренными соціалистами, органы революціонной демократіи относились болѣе, чѣмъ прохладно. Затѣмъ, началась въ средѣ этихъ органовъ форменная кампанія противъ каждого изъ министровъ к.-д. по одиночкѣ. На очереди былъ теперь министръ народнаго просвѣщенія А. А. Мануиловъ. Въ его министерствѣ, какъ и въ большинствѣ другихъ, тоже образовался полуявочнымъ порядкомъ коллективный органъ „революціонной демократіи“, съ обычной цѣлью „толкать“ министра въ направленіи „углубленія“ революціи. Это былъ т. наз. „государственный комитетъ“, созданный изъ молодыхъ педагоговъ. Не ограничиваясь разработкой законопроектовъ по министерству народнаго просвѣщенія, которые министръ долженъ былъ принимать для проведенія въ кабинетѣ, „государственный комитетъ“ предъявлялъ претензіи прямо замѣнить министерство и министра. Правительство, среди массы неотложныхъ дѣлъ, дѣйствительно, не спѣшило съ коренными школьными реформами. Въ этихъ затяжкахъ обвиняли министра, заподозривали его добрую волю и, наконецъ, въ государственномъ комитетѣ и въ исполнительныхъ комитетахъ совѣтовъ провели резолюцію, въ которой объявили дальнѣйшее совмѣстное сотрудничество съ нимъ невозможнымъ. Это случилось какъ разъ передъ самымъ министерскимъ кризисомъ, и противники к.-д. даже обвиняли ихъ, что они самый кризисъ затѣяли для того, чтобы прикрыть „неудачнаго“ министра.

Конечно, кризисъ разыгрался не изъ-за одного украинскаго вопроса. Но рѣшеніе украинскаго вопроса „тріумвиратомъ“ въ Кіевѣ, съ нарушеніемъ основныхъ положеній коалиціи, представляло особенно яркое и типичное доказательство невозможности дальнѣйшаго существованія коалиціи. Министры партіи народной свободы, чтобы показать, что они вовсе не противъ областной автономіи Украины, принесли съ собой въ засѣданіе 2 іюля только что состоявшееся рѣшеніе центрального комитета партіи — внести областную автономію въ программу и создать комиссію для выработки законопроекта. Но признать безъ всякихъ измѣненій, безформенную и юридически-неграмотную декларацію Терещенко и Церетели они не могли. Послѣ голосованія, въ которомъ на сто-

рону министровъ-соціалистовъ стали кн. Львовъ и оберъ-прокуроръ Синода В. Н. Львовъ, четыре министра к.-д., оставшіеся въ меньшинствѣ,—А. И. Шингаревъ, Д. И. Шаховской, А. А. Мануиловъ и В. А. Степановъ—вышли изъ состава Врем. Правительства, мотивируя это тѣмъ, что постановленіе по украинскому вопросу внести хаосъ въ отношенія между правительствомъ и краевымъ органомъ и открываетъ радъ почти законные способы осуществленія явочнымъ порядкомъ украинской автономіи. Центральный комитетъ партіи въ тотъ же день принялъ декларацію, главнымъ мотивомъ которой была мысль, что идея общенациональнаго соглашенія оказалась безсильной обезпечить странѣ авторитетную власть. „Единое и сильное правительство можетъ быть создано либо усиленіемъ однородности его состава, либо такою его организаціей, которая обязывала бы элементы, входящіе въ составъ его, дѣйствовать въ основныхъ вопросахъ государственной жизни не путемъ перевѣса большинства надъ меньшинствомъ, а путемъ взаимныхъ соглашеній, направленныхъ къ осуществленію общенациональныхъ задачъ“. Заявленіе кончалось обѣщаніемъ поддерживать и впредь правительство въ наступленіи на фронтъ и въ поддержаніи порядка внутри государства.

Въ то время, какъ принимались эти рѣшенія (2 іюля), крайніе элементы уже готовили новое уличное выступленіе. Выходъ министровъ к.-д. былъ связанъ ихъ политическими противниками съ іюльскимъ бунтомъ, хотя между тѣмъ и другимъ не было ничего общаго.

Какъ извѣстно, большевики старались сложить съ себя отвѣтственность за движеніе 3 — 5 іюля. Въ годовщину этихъ дней, въ 1918 г., Зиновьевъ на засѣданіи Петроградскаго Совѣта сказалъ слѣдующее: „Нашу партію обвиняли въ томъ, будто она устроила заговоръ 3 іюля. . . Прошелъ годъ, мы живемъ въ иной обстановкѣ, теперь нѣтъ никакихъ основаній скрывать то, что было. И мы заявляемъ такъ же, какъ заявляли годъ тому назадъ: наша партія ни въ какой мѣрѣ не подготовляла этого „заговора“. Она дѣлала все возможное, чтобы сдержать выступленіе въ тотъ моментъ. . . Веченіе двухъ недѣль, начиная съ демонстраціи 17 іюня, наша партія, вліяніе которой росло не по днямъ, а по часамъ, дѣлала все возможное, чтобы сдержать преждевременное выступленіе петроградскихъ рабочихъ. . . Всѣ дѣятели нашей партіи втеченіе двухъ недѣль занимались тѣмъ, что локализовали пожаръ. Мы, бывало,

шутили тогда промежъ себя, что мы превратились въ пожарныхъ... Мы чувствовали, что петроградскій авангардъ еще недостаточно сросся со всей арміей рабочихъ, что онъ забѣжалъ слишкомъ впередъ, что онъ слишкомъ нетерпѣливъ, что основныя колонны не подоспѣли, особенно солдатскія и крестьянскія. Нѣкто И. Петра-ботскій въ брошюрѣ: „Правда объ іюльскихъ дняхъ“, изданной вскорѣ послѣ событій („къ предстоящему процессу интернационалистовъ“), также утверждалъ, что движеніе началось стихійно, что „большевистскимъ ораторамъ, пытавшимся удержать массы отъ выхода на улицу, кричали: „мы выйдемъ безъ васъ“, и что цѣль большевиковъ была взять въ руки манифестацію и направить ее въ мирное русло.

Доля правды, заключающаяся въ этихъ утвержденіяхъ, состоитъ въ томъ, что въ іюлѣ лидеры большевиковъ еще не считали положеніе достаточно созрѣвшимъ для того, чтобы произвести окончательный ударъ (см. октябрьское заявленіе Ленина въ III выпускѣ). Но они не прочь были произвести пробу, и, во всякомъ случаѣ, даже и мирная агитація за захватъ власти не могла обойтись безъ демонстративныхъ уличныхъ выступленій. Къ началу іюля дѣло осложнилось двумя обстоятельствами. Во первыхъ, солдаты петроградскаго гарнизона были раздражены тѣмъ, что „сорокалѣтнихъ“ не хотятъ отпускать съ фронта на полевые работы, —они были взволнованы также слухами о расформированіи нѣкоторыхъ полковъ на фронтѣ и въ тылу за неисполненіе приказовъ. Центромъ агитаціи былъ первый пулеметный полкъ, который и организовалъ военную часть выступленія 3 іюля. Отъ пулеметнаго полка разсылались эмиссары къ другимъ воинскимъ частямъ, съ приглашеніемъ принять участіе въ выступленіи. У солдата, явившагося для захвата типографіи „Новаго Времени“, былъ отобранъ документъ, свидѣтельствующій объ этой сторонѣ подготовительной работы. Документъ гласилъ. . . „мандатъ. Симъ уполномачиваются товарищи Гурѣвъ, Пахомовъ и Никоновъ отправиться въ Ораніенбаумъ для объявленія *постановленія о вооруженномъ выступленіи* трехъ батальоновъ I-го пулеметнаго полка *завтра, 3 іюля, для сверженія Временнаго Правительства и возстановленія власти Советъ* р. и с. депутатовъ, и чтобы просить товарищей поддерживать наши выступленія“. Съ тѣми же просьбами обращались эмиссары пулеметнаго полка и во время самаго выступленія. Эта сторона подготовки, несомнѣнно большевистской по существу, видимо

велась внѣ тѣснаго круга большевистскихъ вождей, и результаты ея, сказавшіеся вечеромъ 3 іюля, были для нихъ большой неожиданностью. Но уже несомнѣнно, въ кругѣ ихъ ближайшаго вѣдѣнія лежала другая сторона подготовки — созданіе центрального штаба революціоннаго выступленія. „Правда“ уже задолго объявила печатно свое рѣшеніе „завоевать“ петроградскій совѣтъ р. и с. депутатовъ, — „въ первую очередь“ его рабочую секцію, такъ какъ въ солдатской секціи вліяніе большевиковъ было гораздо слабѣе. 28 іюня въ „Правдѣ“ былъ напечатанъ приказъ борьбы съ „контр-революціей“ и при этомъ указано, что онъ будетъ проводиться большевиками на предстоящемъ экстренномъ засѣданіи рабочей секціи. 30 іюня это засѣданіе было назначено на 1 іюля: „Правда“ обязывала всѣхъ большевиковъ и „объединенцевъ“ явиться на это засѣданіе, подѣ угрозой замѣны ихъ другими лицами. Наконецъ, 2 іюля „Правда“ оповѣстила, что засѣданіе переносится на 3 іюля, причемъ угроза въ случаѣ неявки была повторена. Когда въ 7-мъ часу вечера началось это засѣданіе, его явной цѣлью было „завоевать рабочую секцію“. О вооруженной поддержкѣ не было рѣчи; и даже когда было сообщено передъ засѣданіемъ, что къ Таврическому дворцу идутъ пулеметчики съ тремя пулеметами, то ораторы напомнили, что вооруженныя выступленія запрещены всѣмъ, включая и большевиковъ. Во время самого засѣданія настроеніе перемѣнялось, по мѣрѣ полученія дальнѣйшихъ свѣдѣній о томъ, что происходило на улицахъ.

Происходило слѣдующее. Около 6 часовъ вечера 3 іюля на улицахъ появились автомобили съ неизвѣстными лицами, которые останавливались у казармъ войсковыхъ частей и приглашали солдатъ примкнуть къ предстоящему вооруженному выступленію. Къ 7 часамъ забастовали рабочіе Выборгской стороны (Лесснеръ, Нобель, Парвйайненъ) и Путиловскаго завода; толпы рабочихъ отправились въ центральныя части города. Около 7 часовъ появилось воззваніе соединенныхъ бюро комитетовъ совѣтовъ р., с. и кр. депутатовъ къ солдатамъ и рабочимъ. Руководящій органъ „революціонной демократіи“ объявлялъ, что расформированіе полковъ произведено по требованію армейскихъ и фронтовыхъ организацій и напоминалъ, что ни одна воинская часть не имѣетъ права выходить съ оружіемъ безъ призыва главнокомандующаго въ согласіи съ комитетами Совѣтовъ. Ослушниковъ воззваніе грозило объявить „измѣнниками и врагами революціи“.

Несмотря на это, около 8 съ половиной часовъ выступили Гренадерскій и пулеметный полки: появились вооруженные пулеметами автомобили; начался захватъ встрѣчныхъ автомобилей и грузовиковъ. У Финляндскаго вокзала, у Литейнаго моста, на Невскомъ начались митинги; усердно агитировали анархисты и большевики съ дачи Дурново. Мальчишки раздавали вооруженнымъ лицамъ патроны. Появились обычные плакаты извѣстнаго намъ содержанія; сорокалѣтнимъ солдатамъ объявили, что они свободны и могутъ ѣхать домой: Совѣты уже взяли власть.

Въ засѣданіи рабочей секціи всѣ лидеры были на лицо: Зиновьевъ, Каменевъ, Троцкій, Рязановъ. Тонъ и содержаніе ихъ рѣчей теперь перемѣнились: видимо они рѣшили не отклоняться отъ начавшагося движенія. Съ трибуны Таврическаго дворца они уже рисовали картины поголовнаго возстанія. Тщетно, Либержъ, Вайнштейнъ, Капланъ, Войтинскій пытались опровергнуть ихъ фактами, указывая, что изъ Гренадерскаго полка вышло только 800 человекъ, другіе полки колеблются, Путиловскіе рабочіе съ 3-хъ часовъ ждутъ и не знаютъ, куда идти, и т. д. Къ 9 часамъ вечера подошелъ къ Таврическому Дворцу первый пулеметный полкъ съ плакатами: „долой министровъ-капиталистовъ“, за нимъ слѣдовали автомобили съ пулеметами и „красная гвардія“. Къ пулеметчикамъ вышелъ Чхеидзе, но рѣчь его не имѣла никакого успѣха. Недружелюбно встрѣченъ и Войтинскій. Зато Троцкій, заявившій, что теперь насталъ моментъ, когда власть должна перейти къ совѣтамъ, былъ встрѣченъ шумными аплодисментами, такъ же, какъ Зиновьевъ, Стекловъ и др. большевики.

Въ трудовой секціи внесено Каменевымъ предложеніе—образовать комиссію въ 25 человекъ, которые бы руководили движеніемъ, съ цѣлью придать ему мирный и организованный характеръ. Проектъ резолюціи мотивировалъ это „необходимостью, въ виду кризиса власти, настаивать на томъ, чтобы всеросс. Совѣтъ с., р. и крест. д. взялъ въ свои руки всю власть“. Тщетно Чхеидзе возражалъ, что существуетъ центральный комитетъ Совѣтовъ, который какъ разъ и обсуждаетъ вопросъ о правительственномъ кризисѣ. Большевики и с.-р., видя, что они въ меньшинствѣ, покинули залу засѣданія. Резолюція была принята одними большевиками и тутъ же выбраны 15 человекъ двадцатипятичленной комиссіи.

Главнымъ штабомъ начавшагося такимъ образомъ серьезнаго

движенія оказался, однако, не Таврическій дворецъ, а цитадель Ленина, домъ Кшесинской, съ классическимъ балкономъ, съ котораго привѣтствовалъ возставшихъ солдатъ и рабочихъ самъ Ленинъ, неполнѣ оправившійся отъ болѣзни. Сюда къ 10 часамъ пришла пятитысячная толпа солдатъ и рабочихъ; отсюда разсылались автомобили съ распоряженіями къ Таврическому дворцу, къ Михайловскому манежу и т. д. По воспоминаніямъ Н. Арскаго*), „всей операціей по возстанію 3 іюля и слѣдующихъ дней завѣдывала военная организація при Центр. Комитетѣ с.-д. партіи, помѣщавшаяся въ домѣ Кшесинской. Въ нее, кромѣ членовъ ц. к., входили представители различныхъ воинскихъ частей. Военная организація имѣла записи о распредѣленіи воинскихъ частей и вооруженныхъ рабочихъ по районамъ, въ ней же были сосредоточены свѣдѣнія по развѣдкѣ, внѣшнему караулу, по сношенію съ частями, по Петропавловской крѣпости, свѣдѣнія о воинскихъ частяхъ, входящихъ въ группу Выборгской и Петроградской сторонъ, Марсова поля и т. д. На своихъ бланкахъ военная организація разсылала боевые приказы о вооруженномъ выступленіи, о присылкѣ машинъ, о присылкѣ изъ Кронштадта крейсеровъ. Здѣсь же на картѣ были обозначены пункты, которые надлежало захватить.“**)

Пока здѣсь дѣйствовали, въ Таврическомъ дворцѣ говорили. Въ 12 ч. ночи началось соединенное засѣданіе комитетовъ Совѣтовъ. Телеграммой Чхеидзе въ засѣданіе были вызваны представители всѣхъ петроградскихъ заводовъ и воинскихъ частей. Чхеидзе открылъ засѣданіе предложеніемъ — постановить, что всѣ участники засѣданія должны считать себя связанными его рѣшеніями и проводить ихъ въ жизнь: несогласные съ этимъ должны тотчасъ же удалиться. Большевики остались въ меньшинствѣ (21) и вышли изъ залы, но тотчасъ вернулись и заявили, что постановленіе незаконно и что они будутъ апеллировать къ интернаціоналу. Въ дальнѣйшихъ преніяхъ выступилъ, между прочимъ, молодой чело-вѣкъ въ солдатской формѣ, назвавшійся Складовымъ, и предъявилъ требованіе отъ перваго пулеметнаго полка о передачѣ всей власти петроградскому Совѣту. Присутствовавшіе въ засѣданіи представители пулеметнаго полка его не признали; Складовъ заявилъ, что

*) Сборникъ „Пережитое“, книга I-ая, статья: „На переломѣ“.

**) Въ печати того времени были слухи, что во дворцѣ Кшесинской съ участіемъ Ленина уже 2 іюля былъ разработанъ самый планъ возстанія и, между прочимъ, принято приведенное выше рѣшеніе пулеметчиковъ.

онъ только 3 іюля поступилъ въ полкъ; изъ дальнѣйшаго разспроса объяснилось, что онъ только-что избѣжалъ ареста въ пулеметномъ полку, гдѣ были арестованы его спутники, пріѣхавшіе туда для агитаціи, въ томъ числѣ членъ агитаціонной комиссіи Совѣта Вайнштейнъ, портфель котораго оказался у Скларова. Этотъ маленькій эпизодъ снова вводитъ насъ въ тайную лабораторію іюльскаго возстанія.

Въ концѣ преній собраніе приняло новое обращеніе къ рабочимъ и солдатамъ, внесенное и мотивированное Церетели. Комитетъ Совѣтовъ обращалъ вниманіе на то, что, требуя передачи власти Совѣтамъ, возставшіе сами же посягаютъ на эту власть и, косвенно, „подкапываются подъ всякую народную власть, не исключая будущаго Учредительнаго Собранія“. Они „требовали, раз навсегда, прекращенія подобныхъ позорящихъ весь революціонный Петроградъ выступленій“ и „призывали ждать рѣшенія полномочнаго органа демократіи по поводу кризиса власти.“

Во время этихъ преній Таврическій дворецъ все время былъ окруженъ толпами рабочихъ и солдатъ. Часть ихъ разошлась къ часу ночи, но на смѣну имъ явились новыя толпы, еще болѣе враждебно настроенныя. Ночь прошла тревожно. Только къ утру прекратились одиночныя выстрѣлы.

Утро 4 іюля, съ внѣшней стороны, началось нормально. Но уже въ 10 ч. опять было прекращено трамвайное движеніе. Толпы рабочихъ опять двинулись изъ рабочихъ кварталовъ на Невскій. Къ полудню, къ возставшимъ частямъ петроградскаго гарнизона пришли на поддержку пулеметчики изъ Ораніенбаума и подвезены были матросы и солдаты изъ Кронштадта подъ предводительствомъ Раскольниковъ и „доктора“ Рошаля. Главный штабъ большевиковъ въ домѣ Кшесинской продолжалъ свою энергичную дѣятельность. Ленинъ, Луначарскій и другіе опять говорили рѣчи съ балкона, призывая къ сверженію остальныхъ „шести министровъ-капиталистовъ“ и къ дальнѣйшей организованной борьбѣ за большевистскіе лозунги. Получивъ это напутствіе, десятки тысячъ вооруженныхъ манифестантовъ двигались отъ особняка Кшесинской къ Таврическому дворцу, въ сопровожденіи членовъ ц. к. и броневыхъ автомобилей.

О Временномъ Правительствѣ какъ-то забыли. Въ 11 часовъ утра оно выработывало декларацію въ квартирѣ министра-предсѣдателя кн. Г. Е. Львова. Керенскій, накануне пріѣхавшій въ Пе-

троградъ, тотчасъ же уѣхалъ на западный фронтъ: двадцать минутъ спустя послѣ отхода поѣзда возставшіе пришли ловить его на вокзалъ, но уже не застали. За нимъ была послана телеграмма, извѣщавшая его о событіяхъ, начало которыхъ онъ видѣлъ.

Засѣданіе правительства еще не кончилось, когда изъ штаба сообщили, что на Невскомъ происходитъ стрѣльба. Рѣшено было перенести засѣданіе въ штабъ. Тамъ были кн. Львовъ, Церетели, министръ юстиціи Переверзевъ, два помощника военного министра. Былъ моментъ, когда положеніе правительства казалось безнадежнымъ. Преображенцы, Семеновцы, Измайловцы, не примкнувшіе къ большевикамъ, заявили и правительству, что они сохраняютъ „нейтралитетъ“. На Дворцовой площади, для защиты штаба, были только инвалиды и нѣсколько сотенъ казаковъ. Войска изъ окрестностей Петрограда, вызванные главнокомандующимъ округомъ, ген. Половцевымъ, могли явиться только къ вечеру. Въ ожиданіи ихъ, приказъ Половцева воинскимъ частямъ „прислунить немедленно къ восстановленію порядка“ оставался мертвой буквой. Два „министра-капиталиста“, Н. В. Некрасовъ и М. И. Терещенко, при этихъ условіяхъ исчезли изъ штаба, не предупредивъ товарищей. На слѣдующее утро появился приказъ Н. В. Некрасова отъ 4 Іюля о томъ, что правительство „удовлетворяетъ“ его ходатайство объ отставкѣ и онъ передаетъ управленіе министерствомъ своему товарищу А. В. Ливеровскому.

Таврическій дворецъ сдѣлался настоящимъ центромъ борьбы. Втеченіе цѣлаго дня къ нему подходили вооруженныя части, раздраженно требовавшія, чтобы совѣтъ взялъ, наконецъ, власть. Въ 2 часа началось засѣданіе солдатской секціи, но оказалось, что изъ 700 членовъ собралось только 250 человекъ. Засѣданіе не успѣло закончиться, когда (въ 4 часа дня) залъ потребовался для соединеннаго засѣданія совѣтовъ. Какъ разъ къ этому времени подошли къ Таврическому дворцу кронштадтцы и пытались ворваться во дворецъ. Они требовали министра юстиціи Переверзева для объясненій, почему арестованъ на дачѣ Дурново кронштадтскій матросъ Желѣзняковъ и анархисты (см. выше). Вышелъ Церетели и объявилъ враждебно настроенной толпѣ, что Переверзева нѣтъ здѣсь и что онъ уже подалъ въ отставку и больше не министръ. Первое было вѣрно, второе не вѣрно. Лишившись непосредственнаго предлога, толпа немного смутилась, но затѣмъ начались крики, что министры всѣ отвѣтственны другъ за друга, и сдѣлана была

попытка арестовать Церетели. Онъ успѣлъ скрыться въ дверяхъ дворца. Изъ дворца вышелъ для успокоенія толпы Черновъ. Толпа тотчасъ бросилась къ нему, требуя обыскать, нѣтъ ли у него оружія. Черновъ заявилъ, что въ такомъ случаѣ онъ не будетъ разговаривать съ ними. Толпа замолкла. Черновъ началъ длинную рѣчь о дѣятельности министровъ-соціалистовъ вообще и своей, какъ министра земледѣлія, въ частности. Что касается министровъ — к.-д., то „скатертью имъ дорога“. Чернову кричали въ отвѣтъ: „что же вы раньше этого не говорили? Объявите немедленно, что земля переходитъ къ трудящемуся народу, а власть — къ совѣтамъ“. Рослый рабочій, поднося кулакъ къ лицу министра, изстуженно кричалъ: „принимай, с. с., власть, коли дають“. Среди поднявшагося шума, нѣсколько человѣкъ схватили Чернова и потащили къ автомобилю. Другіе тащили къ дворцу. Порвавъ на министръ пиджакъ, кронштадтцы втащили его въ автомобиль и объявили, что не выпустятъ, пока совѣтъ не возьметъ всю власть. Въ залъ за сѣданія ворвались возбужденные рабочіе съ крикомъ: товарищи, Чернова избиваютъ. Среди суматохи Чхеидзе объявилъ, что товарищамъ Каменеву, Стеклову, Мартову поручается освободить Чернова. Но освободилъ его подѣхавшій Троцкій: кронштадтцы его послушались. Въ сопровожденіи Троцкаго Черновъ вернулся въ залу*).

Возобновившееся въ 4 съ половиной засѣданіе Комитетовъ и далѣе прерывалось бурными вторженіями съ улицы. Явилось 90 представителей 64-хъ фабрикъ и заводовъ и требовали, чтобы ихъ пустили въ залъ засѣданія. Когда это было сдѣлано, ораторы рабочихъ заявили протестъ противъ воззваній, смѣшивавшихъ ихъ съ „контръ-революціонерами“, потребовали передачи власти совѣтамъ, контроля надъ промышленностью и борьбы съ надвигающимся голодомъ. Послѣ ихъ удаленія выступилъ Церетели и заявилъ, что передача власти совѣтамъ, которую онъ въ принципѣ уже не отрицалъ, не можетъ быть дѣломъ Исполнительныхъ комитетовъ. Для этого нуженъ „полномочный органъ“ — сѣздъ совѣтовъ, который онъ предлагаетъ созвать втеченіе двухъ недѣль. Чтобы безотвѣтственные элементы не мѣшали работать, этотъ сѣздъ долженъ

---

*) Въ своемъ историческомъ очеркѣ революціи до Брестъ-Литовска Троцкій рассказалъ, что ему пришлось встрѣтиться въ Крестахъ съ матросомъ, участвовавшимъ въ попыткѣ арестовать Чернова. Это былъ обыкновенный уголовный преступникъ, которой уже раньше сидѣлъ въ Крестахъ за кражу.

быть созванъ въ Москвѣ. Власть же до сѣзда должна оставаться въ рукахъ министровъ-соціалистовъ, чтобы показать, что ухоть к.-д. не испугалъ демократію. Данъ возражалъ, что власть должны взять виновники 3 іюля. . .

На улицахъ все время происходила стрѣльба и отдѣльныя схватки. Видную роль въ борьбѣ съ возставшими сыиграли въ этотъ день казаки. Но они и поплатились за это. У Литейнаго моста отрядъ казаковъ попалъ въ засаду, былъ обстрѣлянь изъ пулеметовъ и потерялъ нѣсколько человекъ ранеными и убитыми. Наконецъ, около 7 часовъ вечера начали обнаруживаться первыя послѣдствія правительственныхъ обращеній къ войскамъ, остававшимся вѣрными. Въ это время пришли на Дворцовую площадь и подкрѣпили инвалидовъ 9 кавалерійскій полкъ, Владимірское военное училище, первый казачій полкъ. Правительство ободрилось. На выручку Таврическаго дворца шли Литовскій и 176-й полки.

Это было какъ разъ во время, такъ какъ Таврическій дворецъ переживалъ самыя тревожныя минуты. Толпа, окружающая дворецъ, стала вести себя особенно вызывающе, требуя уничтоженія буржуазіи и заявляя, что надо убить министровъ-соціалистовъ. Въ залъ засѣданія ворвался солдатъ съ винтовкой и заявилъ, что если къ „революціонной арміи“ не выйдетъ Церетели, то они войдутъ и выведутъ его силой. Съ трудомъ удалось разоружить солдата.

Вдругъ раздались выстрѣлы. Это окружавшая толпа стрѣляла въ приближавшуюся къ дворцу артиллерію. Одинъ залпъ и слухи о приближеніи названныхъ полковъ привели толпы въ состояніе паники. Солдаты и рабочіе бросились бѣжать отъ дворца, куда попало. Засѣдавшіе совѣты, по ироническому замѣчанію Зиновьева, „дождались наконецъ радостнаго момента, когда на трибунѣ показался поручикъ Кучинъ, и предсѣдатель Данъ бросился въ его объятія и они облобызались... Раздались звуки марсельезы“. Это былъ оркестръ музыки Измайловскаго полка, прибывшій въ первомъ часу ночи въ полномъ вооруженіи и построившійся въ залѣ Таврическаго дворца. Въ это время министры Некрасовъ и Терещенко вернулись въ засѣданіе Временнаго Правительства. Авантюра большевиковъ приходила къ концу.

Однимъ изъ обстоятельствъ, переломившихъ настроеніе „нейтральныхъ“ воинскихъ частей было опубликованіе нѣкоторыхъ документовъ развѣдки. Мысль принадлежала министру Переверзеву.

Правительство не рѣшалось публиковать эти документы отъ себя, а передало ихъ журналистамъ Г. А. Алексинскому (Члену I-ой Думы) и В. С. Панкратьеву, бывшему шлиссельбуржцу. Опубликованныя свѣдѣнія состояли изъ показанія прапорщика Ермоленко, переброшеннаго черезъ германскій фронтъ „для агитаціи въ пользу скорѣйшаго заключенія мира съ Германіей“. Ермоленко указывалъ на связь Ленина съ германскимъ генеральнымъ штабомъ и называлъ имена довѣренныхъ лицъ въ Стокгольмѣ, черезъ которыхъ шли денежные сношенія германцевъ съ большевиками. Правда, тутъ еще не было такихъ подробныхъ указаній, которыя были опубликованы уже послѣ октябрьской побѣды большевиковъ (конецъ 1917 г.; см. IV-й выпускъ). Но все же впервые были названы имена посредниковъ: Якова Фюрстенберга (Ганецкаго), Парвуса-Гельфанта въ Стокгольмѣ, прис. пов. М. Ю. Козловскаго и родственницы Ганецкаго, Суненсонъ, занимавшейся вмѣстѣ съ нимъ спекулятивными сдѣлками. Указаны были и способы пересылки денегъ изъ Берлина черезъ Discontogesellschaft на Стокгольмскій Nya-Banken. О впечатлѣніи, произведенномъ этими документами, можно судить по тому, что, когда они были прочтены делегатамъ Преображенскаго полка, то преображенцы заявили, что теперь они немедленно выйдутъ на подавленіе мятежа. Дѣйствительно, они пришли первыми изъ гвардейскихъ частей на Дворцовую площадь; за ними подошли Семеновцы и Измайловцы.

Узнавъ о мѣрѣ, принятой по предложенію Переверзева, вернувшіеся въ штабъ Некрасовъ и Терещенко подняли цѣлую бурю. Они возражали, не безъ основаній, что преждевременное опубликованіе части документовъ спугнетъ преступниковъ, помѣшаетъ ожидавшемуся пріѣзду въ Петроградъ Ганецкаго и повредитъ слѣдствію. Правительство рѣшило остановить печатаніе, но уже не могло. Документы появились въ маленькой газетѣ „Живое Слово“, а на слѣдующій день были перепечатаны и большими газетами.

Засѣданіе въ Таврическомъ дворцѣ продолжалось теперь при болѣе спокойномъ настроеніи. Въ четыре часа ночи на 5 іюля большинствомъ 100 противъ 40 была принята слѣдующая резолюція. „Обсудивъ кризисъ, созданный выходомъ изъ состава правительства трехъ министровъ к.-д. (Степановъ былъ товарищемъ министра) объединенное собраніе признаетъ, что уходъ к.-д. ни въ коемъ случаѣ не можетъ считаться поводомъ для лишенія правительства поддержки революціонной демократіи, но что, вмѣстѣ съ

тѣмъ, уходя этотъ даетъ демократіи основаніе для пересмотра своего отношенія къ организаціи правительственной власти въ переживаемый историческій моментъ... Собраніе постановляетъ: собрать черезъ двѣ недѣли полное собраніе исполнительныхъ комитетовъ р., крест. и с. депутатовъ съ представительствомъ отъ мѣстъ для рѣшенія вопроса объ организаціи новой власти, озаботиться временнымъ замѣщеніемъ вакантныхъ должностей по управленію министерствами лицами по соглашенію съ ц. к. совѣтовъ р. и с. депутатовъ и исп. ком. всеросс. совѣта крест. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ, охраняя волю всероссійской демократіи, собраніе подтверждаетъ, что до новаго рѣшенія полнымъ составомъ исполнительныхъ комитетовъ вся власть должна оставаться въ рукахъ теперешняго правительства, которое должно дѣйствовать послѣдовательно, руководясь рѣшеніями всер. съѣзда совѣтовъ р. и с. д. и Исп. Ком. Совѣта крест. д.. Если бы революціонная демократія признала необходимымъ переходъ всей власти въ руки совѣтовъ, то только полному собранію исполнительныхъ комитетовъ можетъ принадлежать рѣшеніе этого вопроса“.

Для окончательнаго возстановленія порядка Временное Правительство по соглашенію съ исп. ком. 5 іюля рѣшило составить особую комиссію въ контактѣ съ главнокомандующимъ войсками округа. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено создать слѣдственную комиссію для выясненія виновныхъ. По городу втеченіе дня еще ѣздили отъ времени до времени автомобили съ вооруженными людьми, но они немедленно захватывались патрулями правительственныхъ войскъ. Настроеніе и составъ публики на улицахъ совершенно переѣмнились. Къ вечеру Петроградъ былъ совершенно спокоенъ.

Подводя итоги большевистской попытки 3—5 іюля, Троцкій въ своемъ историческомъ очеркѣ революціи говорить: движеніе 3—5 іюля показало съ полной очевидностью, что руководящія партіи совѣтовъ жили въ Петроградѣ въ совершенной политической пустотѣ. Правда, гарнизонъ вовсе еще не былъ въ то время на нашей сторонѣ. Были среди него колеблющіяся части, были нерѣшительныя и пассивныя... Рабочіе и солдаты требовали отъ нашей партіи большей активности, Но мы считали, что, въ виду отсталаго настроенія провинціи, часъ для рѣшительнаго наступленія не наступилъ. Наша партія, съ одной стороны, боялась, что Петроградъ (въ случаѣ ихъ побѣды) окажется изолированнымъ отъ провинціи. Съ другой стороны, мы надѣялись, что актив-

ное и энергичное вмѣшательство Петрограда можетъ спасти положеніе“.

Тутъ, какъ видимъ, не было ясной позиціи. Большевики 3—5 іюля выступили безъ программы. Если бы они побѣдили, они не знали бы, какъ воспользоваться побѣдой. Но въ качествѣ технической пробы, опытъ былъ для нихъ, несомнѣнно, чрезвычайно полезенъ. Онъ показалъ имъ, съ какими элементами надо имѣть дѣло; какъ надо организовать эти элементы; наконецъ, какое сопротивление могутъ оказать правительство, совѣтъ и воинскія части. Итоги опыта были чрезвычайно поощрительны. Большевики увидели, какъ, въ сущности, легко овладѣть властью. Было очевидно, что, когда наступитъ время для повторенія опыта, они произведутъ его болѣе систематически и сознательно.

Что извлекла изъ урока другая, побѣдившая сторона? Мы это увидимъ въ слѣдующихъ главахъ. Предваряя изложеніе, можно лишь сказать, что побѣдители слишкомъ легко отнеслись къ своей быстрой побѣдѣ и далеко не дооцѣнили значенія тѣхъ факторовъ, дѣйствіе которыхъ причинило имъ нѣсколько непріятныхъ часовъ. Прошелъ минутный страхъ—и все, какъ будто, пошло по старому. Текущая жизнь, съ ея очередными вопросами, снова заслонила отъ нихъ тѣ глубины, которыя на нѣсколько моментовъ разверзлись передъ ними. Коренныя проблемы революціи остались нерѣшенными, хотя и были теперь поставлены во весь ростъ. Фатально государственнй корабль несло теченіемъ къ крутому обрыву.

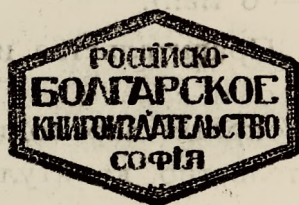

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
ПРЕДИСЛОВІЕ	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Четвертая Гос. Дума низлагаетъ монархію (27 февраля — 2 марта).	
I. Корни второй революціи.	11
II. Война и вторая революція.	22
III. Пять дней революціи (27 февраля — 3 марта).	40
ГЛАВА ВТОРАЯ. Буржуазная власть подчиняется цѣлямъ со- ціализма (2 марта — 6 мая).	
I. Мѣропріятія Врем. Правительства и намѣренія совѣта р. и с. д.	61
II. Революціонная демократія переходитъ въ наступленіе.	77
III. Буржуазное правительство капитулируетъ передъ со- ціалистами	100
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Соціалисты защищаютъ буржуазную рево- люцію отъ соціалистической (6 мая — 7 іюля).	
I. Противорѣчіе цѣлей и средствъ перваго коалиціоннаго кабинета.	121
II. Фразы и дѣйствительность въ военномъ вопросѣ	125
III. Расчлененіе Россіи подъ лозунгомъ „самоопредѣленія“.	139
IV. Циммервальдъ и фіаско внѣшней политики коалиціи.	166
V. Уступки демагогамъ „пролетаріата“.	185
VI. Умѣренный соціализмъ подъ ударами слѣва.	204

1-0